
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1902

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Рис. 1 (см. черт. 1). *Жилое кочне на горѣ Черна Пырстъ.*

Рис. 2 (см. черт. 2). *Байта на горѣ Столъ,* выстроенная въ 1830 г.

Рис. 3 (см. черт. 3). *Сирарница на горѣ Черна Пырсть.*

Рис. 4 (см. черт. 4). *Таморъ на горѣ Столъ,* выстроенный въ 1859 г.

Рис. 5 (см. черт. 5). *Домъ въ дер. Верхняя Горья*, выстроенный лѣтъ 60—70 тому назадъ.

Рис. 6 (см. черт. 6) *Домъ въ горахъ у дер. Ратече-Бѣлопечь*, выстроенный въ 1794 г.

Рис. 7 (см. черт. 7). *Домъ въ дер. Верхняя Горья.*

Рис. 8—А (см. черт. 8). *Домъ въ дер. Блѣдъ*; видъ съ главнаго фронтона (см. рис. 8—Б).

Рис. 9 (см. черт. 9). *Домъ въ дер. Блъдъ*, перестраивавшійся въ 1831 г.

Рис. 8—Б (см. черт 8). *Домъ въ дер. Блъдъ*; видъ со стороны задняго фронтона (см. рис. 8—А).

Рис. 10 (см. черт. 10). *Домъ въ дер. Ратече-Бѣлопечь.*

Рис. 11 (см. черт. 11). *Домъ около дер. Блѣдъ.*

Рис. 12 -А. (см. черт. 12). *Домъ въ дер. Рѣчица,* выстроенный въ 1721 г.; видъ съ главнаго фронтона (см. рис. 12—Б.).

Рис. 12—Б. (см. черт 12). *Домъ въ дер. Рѣчица,* выстроенный въ 1721 г.; видъ съ боковой стороны (см. рис. 12—А).

Рис. 13 (см. черт. 13). *Домъ въ дер. Нижняя Горья,* выстроенный въ 1748 г. и перестраивавшійся въ 1858 г.

Рис. 14 (см. черт. 14). *Домъ въ дер. Блѣдъ.*

Рис. 15—А. (см. черт. 15). *Домъ на берегу Блѣдскаго озера,* выстроенный въ 1783 г.; видъ со стороны главнаго фронтона (см. рис. 15—Б и В).

Рис. 15—Б (см. черт. 15). *Домъ на берегу Блѣдскаго озера,* выстроенный въ 1783 г.; видъ со стороны скеденя (см. рис. 15—А и В).

Рис. 15.—В (см. черт. 15). *Домъ на берегу Блъдскаго озера,* выстроенный въ 1783 г.: видъ съ боковой стороны (см. рис. 15—А и Б).

Рис. 16. Домъ изъ дер. Кропа.

Рис. 17 (см. черт. 17). *Домъ у дер. Рѣчица.*

Рис. 18 (см. черт. 18). *Домъ въ дер. Ратече-Бѣлопечь,* выстроенный въ 1748 г.

Рис. 19 (см. черт. 19). *Домъ въ дер. Верхняя Горья,* выстроенный въ 1760 г.

Рис. 20 (см. черт. 20). *Домъ въ дер. Млино.*

Рис. 21. Домъ изъ дер. Блњдъ.

Рис. 22. Свинушникъ изъ дер. Блњдъ.

Рис. 23. Сѣнная коча съ хлѣвомъ съ горъ у дер. Ратече-Бѣлопечь.

Рис. 24 (см. черт. 24). *Домъ въ дер. Битне.*

Рис. 25 (см. черт. 25). *Домъ въ дер. Сламникъ,* выстроенный лѣтъ 120 тому назадъ.

Рис. 26 (см. черт. 26). *Домъ съ Нижней Долины Св. Екатерины за Тержичемъ.*

Рис. 27 (см. черт. 27). *Домъ въ дер. Блѣдъ,* выстроенный лѣтъ 400 тому назадъ.

Рис. 28 (см. черт. 28). *Домъ въ дер. Верхняя Горья,* выстроенный въ 1778 г.

Рис. 29—А (см. черт. 29). *Домъ въ дер. Верхняя Горья,* выстроенный въ 1786 г.; жилая часть (см. рис. 29—Б).

Рис. 29—Б (см. черт. 29). *Домъ въ дер. Верхняя Горья.* выстроенный въ 1786 г.: хозяйственная часть (см. рис. 29—А).

Рис. 30—А (см. черт. 30). *Домъ въ дер. Бльдъ*, выстроенный лѣтъ 400 тому назадъ; наружный видъ (см. рис. 30—Б).

Рис. 30—Б (см. черт. 30). *Домъ въ дер. Бльдъ*, выстроенный лѣтъ 400 тому назадъ; внутреннiй видъ вѣжи и ея очага (см. рис. 30—А).

Рис. 31. (см. черт. 31). *Домъ близъ дер. Зазеро.*

Рис. 32. Въѣздъ въ скедень изъ дер. Рѣчица.

Рис. 33. Домъ изъ дер. Верхняя Горья.

Рис. 34. Ульнякъ изъ дер. Рѣчица.

Рис. 35. Домъ изъ дер. Нижняя Горья.

Рис. 36. Паштба для сушки конопли изъ дер. Село.

Рис. 37. Домъ изъ дер. Засыпъ.

Рис. 38. Общій видъ горной деревни Средняя Вась.

Рис. 39. Сѣнное кочне съ горъ близъ гор. Яворника.

Рис. 40. Сѣнное кочне съ хлѣвомъ въ горахъ у Винтгара.

Рис. 41. Всходъ въ скедень (дер. Блѣдъ).

Рис. 42. Дырвеница (дырварница, ута, шупа, лопа) *изъ дер. Купленикъ.*

Рис. 43. Домъ изъ дер. Блѣдъ.

Рис. 44. Паштба для сушки плодовъ изъ дер. Бохиньска Бѣла.

Рис. 45. Домъ изъ дер. Верхняя Горья.

Рис. 46. Плетеная коча изъ Босніи.

Рис. 47. Двураздѣльная коча изъ Босніи.

Рис. 48. Домъ васоевича изъ Черногоріи.

Рис. 49. Домъ изъ дер. Дольній Вакуфъ въ Босніи.

Рис. 50. Домъ изъ дер. Дрежсница въ Герцеговинѣ.

Рис. 51. Домъ съ наружною печью для печенія хлѣба изъ дер. Шварцхаузенъ въ герцог. Кобургъ-Гота.

Рис. 52. Отдѣльно стоящій скедень изъ дер. Рѣчица.

Рис. 53. Жилое кочне съ хлѣвомъ съ боковой стороны (съ горы Черна Пырстъ).

Рис 54. Сѣнное кочне съ горы у дер. Засыпъ.

Рис. 55. Навѣсы—хлѣвы съ горы Столь.

Рис. 56. Домъ изъ дер. Примско.

Рис. 57. Дома въ мѣстечкѣ Тержичъ.

ОТДѢЛЪ I.

Матеріалы по исторіи развитія славянскихъ жилищъ.

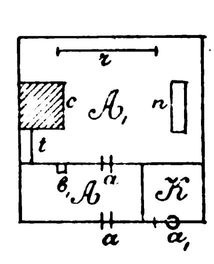
Жилище словинца Верхней Крайны.

I. *Введеніе.*

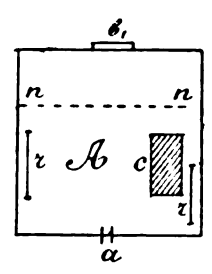
При первомъ взглядѣ на деревенскія постройки верхне-крайнскаго словинца можно вынести впечатлѣніе, что эти постройки настолько ушли въ процессѣ своего развитія впередъ, что о сохраненіи цѣнной для народовѣдѣнія старины и рѣчи быть не можетъ. Дѣйствительно, каменные, выбѣленные, нерѣдко двухэтажные дома деревень Верхней Крайны, которые, по внѣшнему своему облику, не испортили бы иного провинціальнаго городка, не позволяютъ сомнѣваться, что, благодаря ряду мѣстныхъ условій, эволюція построекъ быстро двигалась уже съ отдаленныхъ временъ. Въ эволюціонномъ процессѣ заброшенъ былъ первоначально употреблявшійся для построекъ матеріалъ—дерево. Оно было замѣнено камнемъ. Этотъ матеріалъ въ значительной степени упростилъ внѣшность построекъ и придалъ имъ въ нерѣдкихъ случаяхъ „казарменный" характеръ. Однако, этотъ модернизированный типъ построекъ не уничтожилъ старинныхъ формъ устройства жилья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не вытѣснилъ и того разряда построекъ, которыя, сооружаясь изъ дерева, сохранили для глаза наблюдателя произведенія народнаго вкуса, народныхъ творческихъ началъ въ строительномъ искусствѣ. Подобнаго рода постройки находятся преимущественно въ горныхъ деревняхъ, тамъ, гдѣ цивилизующія начала жизни проникали съ большимъ трудомъ, чѣмъ въ мѣстности, тѣсно соприкасавшіяся съ центрами, шедшими въ жизни народа впереди. Обитатель отдаленной горной деревни, часто почти отрѣзанный въ теченіе значительной части года отъ остального міра, сохранялъ свои устои

съ большею твердостью и переходилъ къ новымъ формамъ жизни съ трудомъ [1]). Поэтому архаизмы въ постройкахъ сохранились въ большей мѣрѣ именно въ тѣхъ альпійскихъ мѣстностяхъ Верхней Крайны [2]), которыя, благодаря естественнымъ условіямъ рельефа страны, отдаляли крестьянина отъ культурныхъ воздѣйствій.

Общій характеръ горной деревни Верхней Крайны передается рисункомъ 38, изображающимъ видъ деревни Средняя Васъ въ Бохиньѣ (Srednja Vas). Подобная деревня, пріютившаяся на склонахъ горъ, вдоль рѣчки или истока, частью въ ущельѣ, представляетъ, со своими то сѣрыми, то бѣлыми домами съ приподнятыми крышами и нерѣдко прячущимися въ зелени деревьевъ, характерную живописность. Деревень въ нашемъ значеніи слова, строго говоря, почти не имѣется въ Верхней Крайнѣ. Онѣ въ громадномъ большинствѣ

ЧЕРТ. 1 (см. рис. 1). **Жилое кочне на горѣ Черна Пырстъ.** А и А1—внутреннія помѣщенія, разграниченныя стѣной изъ деревянныхъ брусьевъ; К—помѣщеніе для свиней; а, а—входныя двери; а1—входное отверстіе для свиней; b1—оконце; с — очагъ; n — нара-кровать; r—полка; t—скамья.

ЧЕРТ. 2 (см. рис. 2). **Байта на горѣ Столъ,** *выстроенная въ 1830 году.* А—внутреннее помѣщеніе; а — входная дверь; b1—оконце (просвѣтецъ); с—очагъ; n, n—нары для постелей; r, r—полки.

---

[1]) Мы имѣли уже случай описать главнѣйшія черты экономическаго и сельско-хозяйственнаго быта словинца Крайны въ статьѣ, помѣщенной въ «Живой Старинѣ» 1902 г. вып. I—«Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки». Въ статьѣ этой мы отмѣтили ту связь, которая существуетъ между крайнскими постройками и условіями быта мѣстнаго крестьянина. Въ частности мы указали на тотъ интересъ, который представляютъ въ своей исторіи развитія хозяйственныя постройки словинца. Дабы не повторять уже сказаннаго, мы въ подлежащихъ мѣстахъ ссылаемся на помянутую статью. Въ основу нижеизложеннаго текста легли наблюденія 1901 и 1902 г.г. въ Верхней Крайнѣ, а именно преимущественно въ слѣдующихъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ и ихъ окрестностяхъ: Битне (Bitnje), Бистрица (Bistrica), Блѣдъ или Градъ (Bled, Grad), Бохиньска Бѣла (Bohinjska Bela), Бѣгунье (Begunje), Вырба (Vrba), Верхнее Горье (Zgornje Gorje), Езерско-Бѣло (Iezersko Belo), Железе (Železe), Загорица (Zagorica), Зазеро (Zazero), Засыпъ или Заспъ (Zasip, Zasp), Златна (Zlatna), Жировница (Žirovnica), Кранъ (Kranj), Кропа (Kropa), Купленикъ (Kupljenik), Лесце (Lesce), Любляна (Ljubljana), Млино (Mlino), Нижнее Горье (Spodnje Gorje), Нижняя Долина Св. Екатерины (Spodnja dolina sv. Katerine), Примско (Primsko), Радовлица (Radovljica). Ратече-Бѣлапечь (Ratece-Belapeč), Рибно (Ribno), Рѣчица (Rečica), Село (Selo), Сламникъ (Slamnik), Средняя Васъ (Srednja Vas), Торжичъ (Tržič), Яворникъ (Iavornik) и на высотахъ горъ Черна Пырстъ (Črna Prst) и Столъ (Stol).

[2]) Крайна называется словинцами Kranjsko. Верхняя, Нижняя и Внутренняя Крайна именуются просто: Gorenjsko, Dolenjsko, Notranjsko.

случаевъ съ церковью (cerkev) и поэтому подходятъ къ нашему понятію селъ. Этимъ словомъ (selo) словинецъ выражаетъ понятіе о деревнѣ большихъ размѣровъ, поселеніи, или понятіе о населенной мѣстности [1]). Собственно деревня по словински называется **васъ** (весь) [2]).

Верхне-крайнское село-деревня въ громадномъ большинствѣ случаевъ незначительный поселокъ. Селъ съ тысячнымъ населеніемъ, какъ то бываетъ часто у насъ, Крайна совсѣмъ не знаетъ. Деревни ничто иное, какъ поселенія въ нѣсколько десятковъ домовъ, поселенія, лежащія другъ отъ друга въ большинствѣ случаевъ на незначительномъ разстояніи. Въ долинахъ деревень больше, и онѣ расположены гуще, въ горахъ рѣже. Деревни вообще не подымаются высоко въ горы, держась долинъ и ближайшихъ къ нимъ склоновъ. Скучиваясь на небольшомъ пространствѣ, дома деревень образуютъ рядъ улицъ и переулковъ, въ отношеніи которыхъ они расположены разно: то фронтономъ, то длинной стороной, то угломъ. Усадебная земля обыкновенно самыхъ незначительныхъ размѣровъ, часто ничѣмъ не огороженная, или отграниченная отъ сосѣдняго владѣнія низкой каменной оградой, или деревянной изгородью. Если усадьба сравнительно большихъ размѣровъ, то часть ея занята плодовыми деревьями; тутъ же по сосѣдству расположенъ жилой домъ, сарай, иногда и иныя хозяйственныя постройки, колодезь. Иногда, впрочемъ, сравнительно рѣдко, деревня тянется вдоль дороги, образующей какъ бы главную улицу; при такой дорогѣ дома обыкновенно стоятъ фронтонами къ ней; остальные дома разбросаны въ безпорядкѣ. Для церкви выбираютъ обыкновенно возвышенное мѣсто, такъ что она, выдѣляясь изъ общей массы строеній, видна еще издали. Церкви нерѣдко окружены оградой, образующей, такъ называемый, **таборъ** [3]), въ который ведутъ ворота. Послѣднихъ почти не

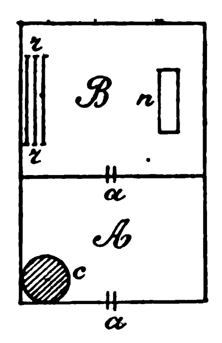
---

[1]) Селски (selski)—сельскій, деревенскій; seljak—поселенецъ, колонистъ; seljan—обитатель деревни, селянинъ; seljanstvo—сельское населеніе; seljenje—переселенье. По-сербски слово село означаетъ деревню, поселица—село.

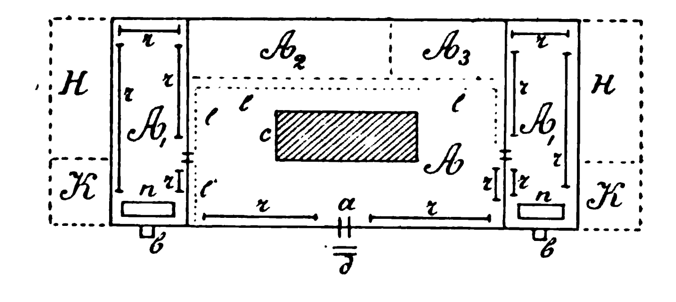
[2]) Словинскому слову васъ (vas) соотвѣтствуетъ сербское слово вас, что означаетъ село. Кромѣ того, для понятія о деревнѣ, въ сербскомъ языкѣ существуетъ слово—прньавор. Въ русскомъ языкѣ слово весь, какъ извѣстно, почти не употребляется; оно означаетъ маленькую деревеньку. Слово весь (вьсь) рѣдко и въ лѣтописныхъ нашихъ памятникахъ; въ лѣтописяхъ XI—XIII вѣковъ оно упоминается лишь нѣсколько разъ. Нашей градаціи: деревня (или небольшое село), большое село (или поселокъ), посадъ и городъ въ Крайнѣ болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ градація: васъ, село, тыргъ (trg), мѣсто (mesto). Слово, соотвѣтствующее нашему слову городъ—градъ (grad), по словински означаетъ, какъ и сербское слово град, замокъ, укрѣпленное мѣсто, крѣпость. Въ частности въ Черногоріи град означаетъ дворъ, обнесенный стѣной, напр. въ монастырѣ. Градити (по сербски) строить, сооружать; graditi (по словински)—сооружать, окружать заборомъ (ср. русс. городить).

[3]) Таборъ (tabor) означаетъ и лагерь и замокъ, а также народное собраніе. Въ старину, во времена турецкихъ набѣговъ, въ церковные таборы сбѣгались поселяне, находя здѣсь защиту.

знають дома деревни. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ каменная изгородь домовъ имѣетъ ворота, причемъ они скорѣе служатъ для красоты: въ домъ можно проникнуть и помимо нихъ, такъ какъ изгородь не окружаетъ всего дома. Кромѣ церкви въ деревнѣ обыкновенно находится одна, а то и нѣсколько часовенъ (cerkvica), въ большинствѣ случаевъ съ рельефнымъ изображеніемъ Богоматери. Въ бойкихъ мѣстностяхъ дома деревни всѣ, или почти всѣ каменные, въ болѣе глухихъ—полукаменные и деревянные. Деревня обыкновенно не лишена гостинницы, такъ называемой гостильны (gostilna) или даже двухъ, трехъ. Въ нихъ имѣется нѣсколько комнатъ для ночлега и общая комната—харчевня. Послѣднихъ можетъ быть двѣ: для простого народа и

ЧЕРТ. 3 (см. рис. 3). **Сирарница на горѣ Черна Пырсть.** А—вѣжа; В—камра; a, a—двери; c — очагъ; n— нара-кровать; r, r—рядъ полокъ по стѣнѣ одна надъ другой.

ЧЕРТ. 4 (см. рис. 4). **Таморъ на горѣ Столъ,** *выстроенный въ 1859 году.* А—коча; A_1, A_1—камерцы (млекарни); A_2 и A_3—пограды: A_2—съ дровами, A_3—съ постелью; H, H—навѣсы (хлѣвы) для коровъ; K, K—свинушники; a—входная дверь; b, b—окна; c—очагъ; d—двѣ ступени; l, l—прикрѣпленныя скамьи; n, n—нары—кровати; r, r, r—полки съ молокомъ.

для „чистой“ публики. Гостинницы посѣщаются охотно и крестьянами и проѣзжими туристами. Пиво, мѣстное крайнское вино (cviček), курица, простокваша, колбаса и т. п. обыкновенно никогда не отсутствуютъ въ деревенскихъ гостинницахъ. Въ тѣхъ изъ нихъ, которыя устроены комфортабельнѣе, часто устраиваются на лѣто дачники, пользуясь чистымъ помѣщеніемъ и положительными сторонами дачной жизни за весьма скромную плату. Лавочка „краснаго“ и иного товара, кузница, водяная мельница (вѣтренныхъ не существуетъ), иногда лѣсопильня, составляютъ вмѣстѣ съ гостильней весьма обычную принадлежность верхне-крайнской деревни. Вблизи ея на поляхъ разставлены, такъ называемые стоги [1]). Большее или меньшее число ихъ опредѣляетъ большую или меньшую численность дворовъ (dvor) деревни, ихъ сравнительная длина—размѣры отдѣльныхъ хозяйствъ и степень благосостоянія тѣхъ или другихъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ деревни расположены густо, онѣ

[1]) См. подробности и рисунки въ статьѣ «Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки». «Живая Старина», 1902, выпускъ I.

чередуются съ полями, иногда съ небольшими прилѣсками. Собственно лѣса занимаютъ горы, и именно тѣ части ихъ, которыя не заселены деревнями. Среди лѣсовъ и около нихъ въ изобиліи разбросаны горные луга; выше лѣсовъ—пастбища.

II. Простѣйшія постройки.

Оставляя поселки и внѣдряясь собственно въ горы, подымаясь на ихъ высоты, въ Верхней Крайнѣ встрѣчаешься съ тѣмъ разрядомъ людей, которые ведутъ образъ жизни, нынѣ уже совершенно чуждый массѣ словинцевъ-крестьянъ. Это горные пастухи, молочники и сыровары. Проводя большую часть года вдали отъ селеній и ихъ обитателей, подвергаясь невзгодамъ альпійскаго климата, эти лица весьма опредѣленно отличаются, по своему умственному и душевному складу, отъ общей массы своихъ сородичей. Сохранивъ міросозерцаніе, чуждое поселянину, пастухи и молочники сохранили и тѣ типы построекъ, которые совершенно неизвѣстны въ качествѣ жилья обитателю деревень. Эти первобытныя постройки, расположенныя обыкновенно не ниже, какъ на высотѣ 1.000 м., представляютъ выдающійся интересъ въ дѣлѣ изученія развитія жилищъ вообще и въ частности таковыхъ у словинцевъ.

Понятія: пастухъ и молочникъ въ Верхней Крайнѣ существенно различны. Первый (pastir) имѣетъ надзирать за ввѣреннымъ ему стадомъ и ведетъ какъ бы кочевой образъ жизни, то находясь выше въ горахъ, то спускаясь ближе къ селеніямъ, въ зависимости отъ времени года. Какихъ либо особыхъ обязанностей, отличающихъ пастуха-„пастиря“ отъ пастуха вообще, въ обычномъ значеніи этого слова, не имѣется. Жильемъ и приставницемъ для него служатъ кочне, либо станъ, либо байта, (kočne, stan, bajta),—постройки почти одинаковаго вида и носящія разное наименованіе, повидимому, преимущественно въ связи съ данной мѣстностью.

Что касается молочника, называющагося чедникомъ (čednik [1]), то обязанности его довольно сложны. Ему ввѣряется нѣкоторое количество коровъ, которыхъ онъ доитъ. Кромѣ того онъ обязанъ перерабатывать молоко въ масло, простоквашу, сыръ. За этими продуктами, какъ и за сливками, владѣльцы данныхъ коровъ приходятъ сами, подымаясь въ горы. Жилищемъ чеднику служитъ либо кочне, либо таморъ (tamor), либо, если въ зданіи вырабатывается спеціально сыръ,—сирарница (sirarnica). Все учрежденіе, гдѣ находится и работаетъ чедникъ, т. е. его домъ, помѣщеніе для скота и т. п. называется приставница, пристава, майерія (pristavnica, pristava, majerija).

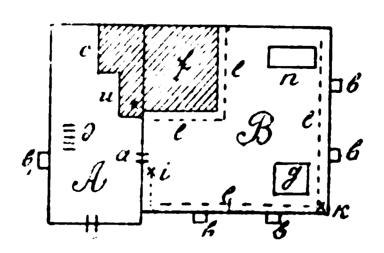
[1]) Слово это означаетъ и пастуха вообще; čeda—стадо. (Чаще čreda, древнесл. чрѣда, р. череда (въ томъ же смыслѣ).

1. Кочне. Остановимся прежде всего на кочне [1]). Этого рода постройка изображена на рис. I. На низкомъ, грубо сложенномъ фундаментѣ покоится бревенчатый срубъ, не превышающій роста человѣка. Срубъ этотъ покрытъ деревянной двускатной крышей, сложенной изъ короткихъ досокъ. Крыша, выступая вмѣстѣ съ держащими ее бревнами къ фронтону, образуетъ довольно значительный относъ и „отливается" къ боковымъ сторонамъ постройки, образуя здѣсь, какъ и съ фронтона, навѣсъ. Подобнаго рода кочне

[1]) Слово коча, отъ котораго происходитъ кочне, а также подобныя кочѣ слова очень распространены въ славянскихъ языкахъ, въ частности въ языкахъ южныхъ славянъ. Словинецъ различаетъ слова koča и kuča. Первое означаетъ хижину, баракъ, домишко (komu kočo dati—пріютить). Второе же слово означаетъ домъ. Поэтому kočica—хатка, kočar—обитатель хижины, kočevati—кочевать, kočovnik—обитатель хижины и кочевникъ-номадъ. Слово же kučan, происходящее отъ kuča, означаетъ сожитель; kučnik—содержатель дома, kučarica—хижина, баракъ. Въ Хорватіи и Славоніи слово кутја означаетъ деревенскій домъ, избу. На сербскомъ языкѣ куча означаетъ кухню и домъ вообще. Подъ этимъ словомъ подразумѣвается и столовая и комната въ домѣ для супруговъ; кучич или кучевич—происходящій изъ хорошаго дома, хорошей семьи; кучити—хозяйничать, вести хозяйство въ домѣ; кучица—домикъ; к у ч е р—домъ пастуха на колесахъ; кут—уголъ, сѣни; закутак—уголъ, кучерица—хижина. Въ Черногоріи слово куча означаетъ и домъ вообще и въ частности домъ со всѣмъ имуществомъ (со скотомъ и землею); кутя—основная комната съ очагомъ въ двураздѣльномъ жильѣ. Въ Босніи слово куча означаетъ помѣщеніе съ очагомъ, а выраженіе «велика куча» есть синонимъ задруги. Въ Болгаріи слово кышта (къща, кѫща) означаетъ домъ вообще; кыштица—домикъ; кыштенъ—домашній; кыштникъ—домоводъ; кыштнина—домашняя движимость; кыштурка—хижина, домикъ. Слово, соотвѣтствующее словинскому коча, не чуждо и русскому языку. Оно извѣстно въ церковно-славянской формѣ куща и означаетъ шатеръ, палатку, навѣсъ, сѣни, скинію, (слово куща переводится на сербскій языкъ словами: кушта, колебица, шатор., а на словинскомъ—словомъ šotor). Кущникъ—житель кущи; кущевать—жить въ кущѣ; кочевать—имѣетъ очевидно свое происхожденіе отъ слова коча, такъ же какъ и кочевникъ, т. е. обитатель кочи. Далѣе русскому языку извѣстны слова, также ближайшимъ образомъ связанныя со словами коча: кутъ, куть, кутникъ. Слова эти означаютъ уголъ, въ частности одинъ изъ угловъ избы, напр. придверный уголъ, конникъ въ Тверской, Псковской, Рязанской, Тульской, Пензенской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Вятской губерніяхъ. Въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ Воронежской, Курской, Калужской, Вологодской, Пермской, Архангельской и Саратовской, кутъ означаетъ бабій уголъ въ избѣ или стряпню за перегородкой, а въ Новгородской и Псковской—красный уголъ; въ Малороссіи покутъ—красный уголъ; у словинцевъ kot—уголъ, въ частности красный уголъ. У старожильческаго населенія Сибири подъ словомъ кутъ подразумѣвается кухня. Быть можетъ именно въ значеніи чего-то непрочнаго, передвижного, какой очевидно была первоначальная коча слѣдуетъ понимать старинное теперь почти неупотребляемое слово коча (кочъ, кача), какъ названіе паруснаго судна на сѣверѣ. На такихъ кочахъ плыли въ 1674 году стрѣльцы изъ Архангельска къ осажденному Соловецкому монастырю. Все выше сказанное не позволяетъ сомнѣваться, что слово коча и ему подобныя выражаютъ понятіе о древнѣйшемъ жилищѣ словинцевъ и многихъ другихъ, а быть можетъ и всѣхъ славянъ. Это жилище, какъ въ томъ, повидимому, сомнѣваться невозможно, свойственно было словинцамъ (быть можетъ и остальнымъ славянамъ) въ эпоху кочевого, бродячаго образа жизни. Изъ этого само собою разумѣется, что первоначальная коча (или какъ-бы она ранѣе не называлась: куча, кутъ, куть и т. п.) представляла шалашъ, палатку. Позже на своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что на такое предположеніе даютъ основанія и современныя жилища нѣкоторыхъ славянскихъ мѣстностей. Интересно отмѣтить, что коча (и подобныя слова) означаютъ домъ, помѣщеніе для очага, задругу, т. е. все то, что легло въ основу человѣческаго и въ частности славянскаго существованія. Коча не имѣетъ ничего общаго съ кочевьемъ и качевати. Сходство чисто случайное. *Ред.*

можетъ либо представлять почти квадратное основаніе, либо имѣть болѣе удлиненную форму, какъ то видно на рисункѣ 53, представляющемъ жилое кочне съ боковой стороны. Это зданіе, стоящее на откосѣ, имѣетъ внизу его характерную пристройку, а именно—навѣсъ для скота, называющійся хлѣвомъ (hlev). Все зданіе обнесено заборчикомъ изъ жердей и представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ обособленный дворъ.

На 53-мъ рисункѣ ясно видно, что все зданіе раздѣляется на двѣ неравныя части поперечной стѣной, бревна которой торчатъ наружу. Это, повидимому, типичная особенность описываемыхъ кочне. Внутреннее ихъ устройство слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 1, изображающій кочне, воспроизведенное на рис. 1). Наружная дверь, находящаяся на фронтонной сторонѣ, прорѣзана въ срубѣ такъ, что при входѣ въ нее надо перешагнуть черезъ два нижнихъ бревна. Эта дверь ведетъ въ помѣщеніе (А) около двухъ аршинъ длины и менѣе аршина глубины. Помѣщеніе не занимаетъ всей фронтонной части кочне, такъ какъ рядомъ съ нимъ удѣлено мѣсто свинушнику (К, съ входомъ a_1). Входъ въ послѣдній виденъ справа, на рис. 1 (см. квадратное отверстіе). Описанное переднее помѣщеніе, по объясненію пастуховъ, предотвращаетъ забѣганіе внутрь свиней. Изъ него ведетъ прорѣзанная въ срубѣ почти квадратной формы дверь во внутреннее помѣщеніе (A_1). Съ лѣваго бока двери маленькое оконце (b_1). Внутри помѣщенія находится сбоку очагъ (c), передъ нимъ сбоку же скамья (t), далѣе съ правой стороны нара (n) для спанья. На задней стѣнкѣ имѣется полка (r), на которой расположены чашки съ молокомъ, а надъ очагомъ приспособлены жерди, на которыхъ размѣщаются дрова для сушки. Очагъ сложенъ изъ кирпичей и камня и обдѣланъ съ боковъ, внизу и вверху досками. Высота его $^3/_4$ аршина, а форма—опрокинутая усѣченная пирамида. Внутреннее помѣщеніе кочне потолка не имѣетъ и свободно открывается подъ крышу, которая пропускаетъ сквозь свои доски дымъ съ очага. Въ переднемъ помѣщеніи положены горизонтальныя жерди, отдѣляющія какъ-бы чердачное помѣщеніе. На жердяхъ, какъ это видно на рис. 1, сложены доски. Описанное кочне, расположенное на высотѣ приблизительно 1.600 м. на горѣ Черна Пырстъ (Črna Prst-Черная Земля, 1.860 м. высотою), служитъ жильемъ для чедника.

ЧЕРТ. 5 (см. рис. 5). **Домъ въ деревнѣ Верхнее Горье,** *выстроенный лѣтъ 60—70 тому назадъ.* А—вѣжа; В—хиша; a, a—двери; b, b—окна; b_1—маленькое окно; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; n—кровать; u (крестикъ)—топка печи.

Не переходя пока къ другого рода жилищамъ пастуховъ и молочниковъ, слѣдуетъ отмѣтить, что описанное кочне, несмотря на свою первобытность, носитъ тѣ характерныя черты во внѣшнемъ своемъ устройствѣ, которыя повторяются какъ типичныя черты въ развитыхъ жилыхъ домахъ верхне-крайнскаго словинца. Эти черты главнымъ образомъ слѣдующія: крыша, сложенная изъ короткихъ досокъ, двускатная, съ значительнымъ отливомъ и относомъ; каменный фундаментъ, бревенчатый срубъ съ перекрещивающимися концами и тѣсно примыкающее къ жилью помѣщеніе для скота. Но въ кочне есть одна черта, рѣзко отличающая его отъ жилыхъ построекъ, находящихся въ деревняхъ и представляющихъ болѣе развитые типы, а именно въ послѣднихъ входная дверь не помѣщается, какъ у кочне, съ фронтона, а находится съ длинной стороны зданія.

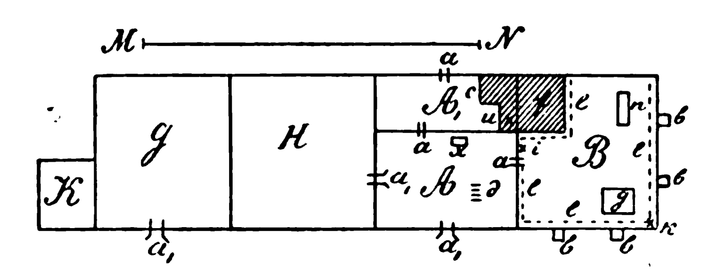
Умѣстнымъ представляется здѣсь же отмѣтить, что кочне, служащее жильемъ на горныхъ высотахъ нѣкоторыхъ мѣстностей Верхней Крайны, утратило это свое значеніе въ другихъ мѣстностяхъ. А именно: вблизи деревень именемъ кочне называются тѣ сарайчики для сохраненія сѣна, которые въ изобиліи разбросаны неподалеку отъ деревень на горныхъ сѣнокосныхъ лугахъ. Подобное кочне, имѣющее, какъ и жилое кочне, входъ съ фронтона, изображено на рисункѣ 54. Тамъ, гдѣ кочне служитъ для жилья, сѣнные сарайчики называются свисле (svisle[1]). Если сѣнное кочне въ нижней своей части приспособливается для загона овецъ, то оно имѣетъ форму, изображенную на рис. 40 (въ горахъ у Винтгара), при чемъ входъ продолжаетъ оставаться съ фронтона и кочне своихъ основныхъ внѣшнихъ чертъ не утрачиваетъ. Нижняя часть такого кочне называется хлѣвъ (hlev), а верхняя надъ-хлѣвъ (nadhlev). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣнное кочне называется и коча. Такая постройка, въ существѣ тождественная съ кочне, изображена на рис. 23 (съ горъ у дер. Ратече-Бѣлопечь). Совершенно подобнаго кочне вида имѣется въ Верхней Крайнѣ рядъ хозяйственныхъ построекъ, какъ, напримѣръ, отдѣльно стоящій кевдеръ (kevder), т. е. погребъ для сохраненія картофеля или, напримѣръ, паштба (paštba, изображенная на рис. 44, изъ деревни Бохиньска Бѣла), служащая для сушки плодовъ[2]). Для этой сушки въ паштбѣ помѣщается печь, съ топкою снаружи, и деревянныя рамы, на которыя раскладываютъ подлежащія сушенію яблоки и груши. Изображенное на рис. 44 зданіе сооружено для безопасности изъ камня, какъ, впрочемъ, и всѣ жилые дома въ названной деревнѣ. Кочне не утрачиваетъ своихъ формъ и въ томъ случаѣ, когда оно является совершенно современной постройкой, сооруженной

---

[1]) Правильнѣе, повидимому, свиселъ (svisel). Слово это означаетъ и сѣноваль.

[2]) Быть можетъ, правильнѣе: паштва или паства (paštva, pastva). Послѣднее слово означаетъ выгонъ, то же что паша (paša); пашевати (pašcvati)—пасти.

не изъ бревенъ или камня, а изъ досокъ, приколоченныхъ къ легкому остову (см. рис. 39, въ горахъ у Яворника). Въ основу этого рода кочне легъ, повидимому, остовъ, встрѣчающійся часто при домахъ въ деревняхъ Верхней Крайны, исполняющій разное назначеніе и изображенный на рис. 42 (изъ дер. Купленикъ). Это сооруженіе, называющееся то у т а (uta), то л о п а (lopa), то ш у п а (šupa), т о с т о г ъ з ъ л о п о (stog z lopo), то д ы р в н и ц а или д ы р в а р н и ц а (drvnica, drvarnica [1]), представляетъ отдѣльно стоящій навѣсъ, въ верхней части которагo сохраняется или сѣно или сельско-хозяйственныя орудія, а въ нижней—телѣги или дрова или то и другое вмѣстѣ [2]).

ЧЕРТ. 6 (см. рис. 6). Домъ въ горахъ у деревни Ратече-Бѣлопечь, *выстроенный въ 1794 году.* A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; H—хлѣвъ; G—сѣноваль; K—свинушникъ; M—N—дорога; a, a—двери; a_1, a_1—ворота; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; n—кровать; u (крестикъ)—топка печи; x—омара.

На границѣ съ Каринтіею (Koroško) въ Верхней Крайнѣ встрѣчаются кочне, отличающіяся отъ описанныхъ тѣмъ, что двускатная ихъ крыша образуетъ вальмы съ характерно выступающимъ гребнемъ, а равно навѣсъ. Подобное зданіе, называющееся у мѣстныхъ жителей к о ч а (koča), изображено на рис. 23 (въ горахъ у дер. Ратече-Бѣлопечь). Оно имѣетъ два входа, оба съ фронтона: одинъ подъ навѣсомъ ведетъ въ хлѣвъ, а другой съ противоположной стороны по особому, сложенному изъ камней и земли, всходу въ верхнюю часть—въ сѣникъ.

---

[1]) Подъ словомъ у т а понимаютъ и хижину и бесѣдку въ саду. Л о п а тоже означаетъ хижину, а также сѣни и церковный притворъ. Д ы р в н и ц е й называютъ и колунъ, топоръ. Подъ с т о г о м ъ подразумѣвается и сарай и рамы для сушки сѣна и сноповъ и т. п. Стог на сербскомъ языкѣ означаетъ сѣнной сарай; у насъ, какъ извѣстно, собранное въ кучу сѣно. Слово šupa очевидно стоитъ въ связи со словами: šupelj—пустой, šuplina—пещера. Быть можетъ существуетъ связь между šupa и нѣмецкимъ словомъ Schuppen, т. е. сарайчикъ, ящикъ. Слово ш у п а, въ смыслѣ нѣмецкаго Schuppen, извѣстно и сербскому языку; ш у п а л ь—пустой.

[2]) Помянутаго рода сооруженія стоятъ въ основѣ своей близко къ чисто сельско-хозяйственнымъ постройкамъ, какъ с т о г ъ, к о з о л е ц ъ и др. (см. «Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки»).

2. Байта. Вышеупомянутая байта[1]) имѣетъ равнымъ образомъ совершенно схожее съ кочне внѣшнее строеніе. Рисунокъ 2 изображаетъ байту съ горы Столъ на высотѣ 1.120 м. Выдающійся интересъ представляетъ внутреннее помѣщеніе этой байты, близкое, впрочемъ, къ внутреннему устройству жилого кочне. Изображенная на рисункѣ 2 байта выстроена въ 1830 году[2]). Прежде она служила убѣжищемъ для чедника и лишь впослѣдствіи была занята пастухомъ. Постройка почти квадратной формы (см. планъ на черт. 2) и состоитъ лишь изъ одной камеры. Входъ съ фронтона черезъ дверь (a), противъ которой на противоположной стѣнѣ прорѣзано узкое, ничѣмъ не закрытое, оконце въ видѣ просвѣтца; подобный же прорѣзъ находится непосредственно надъ дверью. Справа помѣщается сложенный изъ камней, покрытый сверху кирпичемъ и обдѣланный досками очагъ (c), въ видѣ низкой четырехгранной призмы. Задняя часть помѣщенія, имѣющаго въ длину 4, а въ ширину 3 аршина, занята сплошь нарою (n—n), служащей для устройства постелей. Высота нары отъ пола 1 аршинъ. На правой и лѣвой стѣнахъ (r, r) придѣланы полки. Помѣщеніе имѣетъ бревенчатый потолокъ на высотѣ $2^3/_4$ аршина отъ пола; послѣдній ничѣмъ не покрытый, земляной. Надъ очагомъ въ потолкѣ прорѣзано подобное упомянутымъ просвѣтцамъ отверстіе для выхода дыма.

3. Станъ. Что касается того зданія для пастуховъ, которое называется становъ[3]), то оно по внѣшнему своему виду почти ничѣмъ не

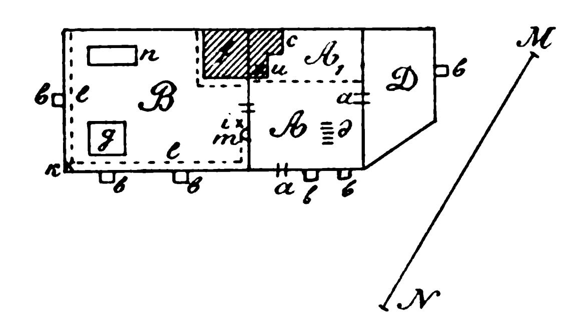
[1]) Байта означаетъ хижину, хату вообще; bajtar или bajtovnik—обитатель хижины; bajtarija—хижина, маленькая земельная собственность; bajtica—хижинка, хатка; bajtišce—мѣстность, занятая хижинами. Въ смыслѣ хижины, бѣднаго дома, на словинскомъ языкѣ употребляется и слово kajža, стоящее вѣроятно въ связи съ нѣмецкимъ словомъ Keusche; kajžar—обитатель, владѣлецъ бѣднаго дома; kajžarija—небольшой дворъ (въ смыслѣ земельной собственности).

[2]) Цифра года вырѣзана на косякѣ двери. Обозначеніе года постройки именно на входной двери есть обычное явленіе въ Верхней Крайнѣ.

[3]) Станъ у словинцевъ означаетъ: пріютъ, домъ, жилище, ночлегъ, палатка; станица (stanica)—камера, комната, жилая комната. Умѣстнымъ представляется отмѣтить, что слово станъ встрѣчается въ языкѣ и другихъ славянскихъ народовъ. Такъ, въ Черногоріи становъ называется временное помѣщеніе вообще; далѣе крытое помѣщеніе для скота и наконецъ плетеное помѣщеніе съ досчатымъ поломъ и соломенной крышей, прикрѣпленное къ полозьямъ и служащее для перевозки молочныхъ скоповъ. Въ Герцеговинѣ слово стан употребляется въ смыслѣ нашего становища; въ Сербіи—въ смыслѣ дома вообще. Въ Босніи подъ становъ понимаютъ жилище вообще, а также хижину пастуха. Въ сербскомъ языкѣ вообще стан, настанак означаетъ домъ, жилище, временное жилище, наконецъ становище въ нашемъ значеніи слова; станар—пастухъ. Подобное значеніе сохранило слово станъ и въ русскомъ языкѣ. Такъ, становъ называются на Волгѣ мѣста, занимаемыя ловцами рыбы и рыботорговцами на берегу рѣки, для приготовленія рыбныхъ продуктовъ весною и осенью. Для этого раскидываются шалаши и камышевые «лобазики» для просола рыбы; Становъ же именуютъ у насъ и мѣста остановокъ кочующихъ цыганъ; ставкой—стоянку кочевника (ср. Ханская Ставка). Слово станица очевидно имѣло первоначально то же значеніе временнаго жилища у казаковъ, жилища, которое мы въ настоящее время назвали бы ла-

отличается отъ изображенной на рис. 2 байты въ томъ случаѣ, если станъ выстроенъ изъ дерева. Въ томъ же случаѣ, когда станъ построенъ изъ камня, внѣшній его видъ совершенно совпадаетъ съ изображенной на рис. 44 паштбой. Станъ служитъ убѣжищемъ для пастуховъ въ осеннее время, когда на горныхъ высотахъ выпали уже снѣга, и стада въ поискахъ за кормомъ спускаются ниже. Около стана, сбоку его обыкновенно помѣщается выдолбленный стволъ дерева (корито, korito [1]) для собиранія дождевой воды. Внутреннее устройство стана совершенно соотвѣтствуетъ устройству помянутой байты.

Описанныя постройки, служащія жильемъ для тѣхъ лицъ, которыя посвятили себя горному скотоводству, представляютъ, какъ въ томъ сомнѣ-

ЧЕРТ. 7 (см. рис. 7). **Домъ въ деревнѣ Верхняя Горья.** A— вѣжа; A1—помѣщеніе для очага ступенью ниже вѣжи, отдѣленное отъ нея по потолку; B—хиша; D—схрамба; M—N—дорога; a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; g—столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; m—омарце; n—кровать; u (крестикъ)—топка печи.

ваться нельзя, низшіе типы жилья, сохранившіеся въ Верхней Крайнѣ. Каждое изъ помянутыхъ зданій несетъ ту или иную характерную черту примитивнаго быта. Такъ, жилое кочне лишено потолка; байта и станъ представляютъ однокамерныя постройки съ очагомъ; всѣ названныя постройки лишены пола и такъ или иначе настоящихъ оконъ и т. д.

По внѣшней своей формѣ всѣ эти сооруженія представляютъ покрытый двускатной (съ отливомъ и относомъ) крышей срубъ, съ входной дверью съ

геремъ. Наконецъ подъ становищемъ, какъ извѣстно, между прочимъ подразумѣваютъ лагерь разбойниковъ и т. п. Въ Черногоріи слово стан въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣшивается со словами, тѣсно связанными со словомъ коча и тому подобными. Такъ, въ Черногоріи стан, смотря по своей формѣ, можетъ называться и котара, кутјера, кутјара. Все это едва-ли не указываетъ, что станъ слѣдуетъ понимать какъ синонимъ кочи. т. е. въ смыслѣ шалаша, палатки или тому подобнаго легкаго, передвижного, первобытнаго жилища.

[1]) Слово это (ср. наше корыто) означаетъ и ясли, а также ложе рѣки; въ томъ же смыслѣ употребляется и слово корито на сербскомъ языкѣ.

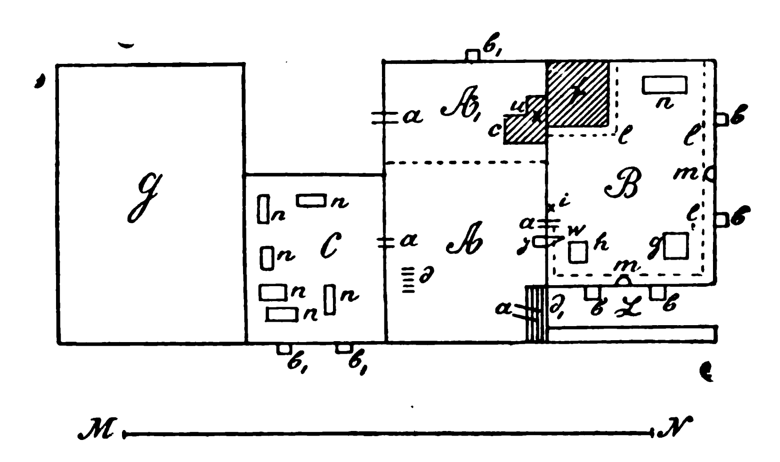
фронтона. Можно думать, что именно кочне служило когда то обычным жильемъ для предковъ современныхъ словинцевъ. Съ теченіемъ времени это первобытное жилье было ими оставлено. Оно сохранилось въ качествѣ жилого помѣщенія лишь у того разряда людей, которые, какъ пастухи и чедники, ведутъ тотъ образъ жизни, который нѣкогда, быть можетъ, былъ свойственъ всѣмъ предкамъ словинскаго племени. Остальная масса словинцевъ, забросивъ первоначальное свое жилье и перейдя въ дома, болѣе соотвѣтствующіе усовершенствованному въ культурномъ отношеніи быту, продолжаетъ пользоваться кочне какъ сооруженіемъ, исполняющимъ хозяйственныя задачи — сохраненіе сѣна на горныхъ лугахъ. Правильность высказываемой мысли какъ бы подтверждается тѣми обстоятельствами, что бѣдныя, однокамерныя хаты въ деревняхъ Крайны, встрѣчающіяся, впрочемъ, очень рѣдко, и по настоящее время называются коча, т. е. тѣмъ именемъ, какимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Крайны называются горные сѣнные сарайчики. Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что какъ въ Крайнѣ, такъ и въ Босніи и Черногоріи слово куча обозначаетъ домъ вообще, въ Черногоріи въ частности—дома со всѣми имуществами, т. е. дворъ, а въ Босніи словомъ куча обозначаютъ и кухню (тоже кухинья) и ту комнату въ двукамерныхъ постройкахъ, которая содержитъ очагъ, т. е. основную часть жилья. Подобную комнату черногорцы и въ частности васоевичи называютъ кутя. Наконецъ, коча, какъ основная часть жилья, сохранилась и въ Верхней Крайнѣ. Этимъ словомъ называется существенная часть того жилья чедниковъ, которая именуется таморъ.

4. Таморъ. Таморъ [1]) представляетъ во многихъ отношеніяхъ очень интересное сооруженіе. Внѣшній его видъ изображенъ на рис. 4 (на горѣ Столъ, на высотѣ 1.120 м.). Это каменное покрытое двускатной крышей зданіе, щитъ котораго закрытъ вертикально расположенными досками. Входная дверь находится съ длинной стороны постройки, гдѣ помѣщаются два небольшой величины и почти квадратной формы окна, по одному съ каждой стороны двери. Крыша крыта обычнымъ для Верхней Крайны способомъ: короткими досками. Со стороны фронтоновъ помѣщаются спереди по свинушнику, а сзади по навѣсу для коровъ, называемому хлѣвомъ. Что касается внутренняго устройства, то оно слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 4): по двумъ ступенямъ входишь черезъ дверь (на косякѣ вырѣзана цифра 1859 г.) въ довольно обширное помѣщеніе, лишенное потолка, открывающееся непо-

[1]) Слово таморъ, какъ кажется, не извѣстно другимъ славянскимъ языкамъ; на словинскомъ слово это тоже рѣдко и имѣетъ лишь одно значеніе—жилья чедника; производныхъ отъ слова таморъ нѣтъ и въ словинскомъ языкѣ. Слово это не славянскаго происхожденія, быть можетъ иллирійскаго или кельтскаго.—Слово támor, òra. (Слов. Плетершнака)—tamar, хлѣвъ при горныхъ кочахъ,—а сл. tàmar—die Viehhürde, die Pferche—сопоставлено съ нѣм. tummer, tunger a tamaifi—pferchen, durch Pferchen oder Hürden düngen.

Ред.

средственно подъ крышу и называющееся коча (A). Въ серединѣ этого помѣщенія находится продолговатый, высотою въ $^3/_4$ аршина, очагъ, занимающій значительную часть кочи. Послѣдняя не имѣетъ оконъ. Задняя часть кочи занята устроенной черезъ все помѣщеніе нарой (pograd[1]). Правая треть ея служитъ мѣстомъ для постели (A_3), на остальныхъ двухъ третяхъ сложены дрова (A_2). Вдоль нары и по боковымъ стѣнамъ расположены прикрѣпленныя скамьи (l, l). Къ передней стѣнѣ, а также отчасти къ правой боковой прислонены низкія полки, въ видѣ скамеекъ, служащія для поставки посуды (r, r). Справа и слѣва отъ кочи находятся за деревянной, высотою въ сажень, перегородкой комнатки, называемыя камерцы или млекарни (mlekarnja; см. букву: A_1). Помянутыя перегородки служатъ опорою для двухъ покоющихся на нихъ длинныхъ жердей (gliste[2]). Эти жерди, расположенныя

ЧЕРТ. 8 (см. рис. 8—А и Б). **Домъ въ деревнѣ Блѣдъ**, *выстроенный въ 1766 году.* A—вѣжа; A_1—помѣщеніе для очага ступенью ниже и ничѣмъ отъ нея не отдѣленное; B—хиша; C—чумната; G—скедень; L—крыльцо; M—N—улица; a, a—двери; b, b—окна; b_1, b_1—маленькія окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; d_1—лѣстница съ крыльца; f—печь; g—обѣденный столъ; h—столъ для раскатыванія тѣста; i (крестикъ)—кропильница; l, l,—скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати (въ чумнатѣ дѣтскія); u (крестикъ)—топка печи; w—лева; y—дымникъ левы.

другъ къ другу паралельно, пересѣкаютъ такимъ образомъ всю кочу по ея серединѣ какъ разъ надъ очагомъ. Жерди эти служатъ помѣщеніемъ для дровъ, сушащихся отъ тепла, исходящаго съ очага. Указанныя млекарни имѣютъ каждая по одному окну (b, b) и служатъ частью для сохраненія молока, размѣщаемаго въ чашкахъ на полкахъ (r, r), частью въ качествѣ

[1]) Пoff Поградъ на словинскомъ языкѣ означаетъ складъ дровъ; поградити (pograditi)—строить, окружать изгородью, заборомъ.

[2]) Слово это, вѣроятно, стоитъ въ связи со словомъ глиста (glista), что означаетъ дождевого и ленточнаго червя; глистастъ (glistast)—червеподобный.

спаленъ, а именно, въ нихъ помѣщается по одной нарѣ съ постелью у оконъ (n, n).

Если откинуть въ описанномъ зданіи млекарни, какъ образованія второго порядка, приспособленныя для спеціальныхъ функцій, то въ таморѣ нельзя не признать простѣйшей постройки, совершенно схожей съ описанными выше жилымъ кочне, байтою и станомъ. Какъ эти, такъ и таморъ представляютъ жилье въ одну камеру, безъ потолка и оконъ, содержащее лишь самое необходимое для обитанія: очагъ и нару для постели. Въ частности въ изображаемомъ на рис. 4 и чертежѣ 4 таморѣ очагъ сохранилъ свое первобытное, какъ можно думать, мѣстоположеніе: въ серединѣ жилья. Это явленіе не представляется однако для тамора обязательнымъ, и вовсе не рѣдкостью является очагъ, сдвинутый въ правую или лѣвую сторону помѣщенія. Въ помянутомъ таморѣ входная дверь, въ отличіе отъ байты, кочне и стана, помѣщается не на фронтовной, а съ длинной стороны постройки, и въ этомъ отношеніи данный таморъ представляетъ отклоненіе въ сторону болѣе развитыхъ современныхъ верхне-крайнскихъ построекъ. Это отклоненіе стоитъ, очевидно, въ прямой связи съ пристройкою со стороны фронтовъ какъ помянутыхъ камерцъ, такъ и хлѣвовъ съ свинушниками (*H*, *H* и *K*, *K*).

На основаніи приведенныхъ данныхъ о простѣйшихъ зданіяхъ Верхней Крайны слѣдуетъ придти къ заключенію, что современный верхне-крайнскій домъ уже въ раннюю эпоху своего развитія имѣлъ двускатную крышу, которая неизмѣнно сохраняется во всѣхъ мѣстныхъ постройкахъ, не исключая и самыхъ развитыхъ. Вальмы, эти рудименты четырехскатной крыши, встрѣчающіеся какъ довольно обычное явленіе въ развитыхъ постройкахъ Верхней Крайны, возможно, повидимому, разсматривать какъ результатъ вліянія посторроннихъ архитектурныхъ мотивовъ [1]).

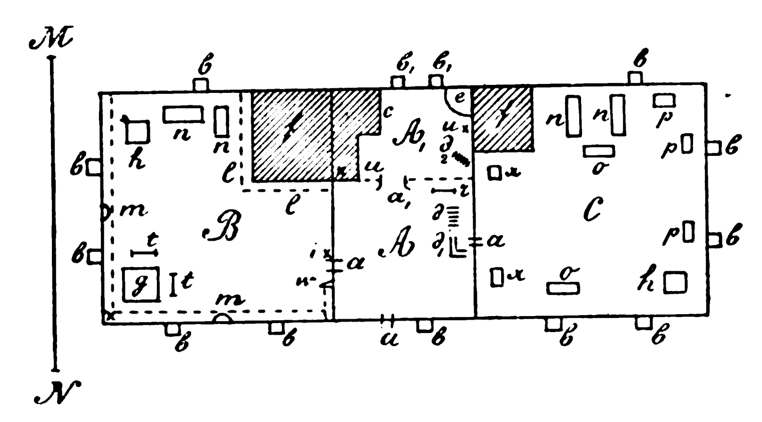
Двускатность крыши въ простѣйшихъ постройкахъ Верхней Крайны позволяетъ, какъ кажется, предполагать, что въ основу ихъ легли тѣ естественныя углубленія въ горной почвѣ (пещеры, ямы, ниши), которыя служили первобытному человѣку жильемъ. Устраивая для защиты отъ дождя и другихъ неблагопріятныхъ явленій навѣсы надъ мѣстомъ своего убѣжища, первобытный человѣкъ тѣмъ самымъ получалъ простѣйшій элементъ будущаго искусственнаго жилья. Къ этой мысли приводятъ сооружаемые и нынѣ чедниками навѣсы для убѣжища скоту, навѣсы, то стоящіе особняками, то тѣсно примыкающіе къ жилью (какъ на рис. 4 и 53). Отдѣльно стоящіе навѣсы, способъ ихъ устройства и характеръ внѣшняго вида ясно усматриваются изъ рисунка 55 (на горѣ Столъ, на высотѣ 1.120 м.). Строитель воспользовался

---

[1]) См. «Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки».

рельефомъ почвы—склономъ горы, чтобы соорудить изображенное на рисункѣ пристанище для скота. Оно носитъ названіе хлѣвъ (hlev) и состоитъ изъ нижней каменной части, верхней деревянной, съ деревянною же крышею и открывающейся загородкой изъ жердей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ горныхъ мѣстностяхъ (у чедниковъ) встрѣчаются двускатные хлѣвы: ни что иное какъ два другъ противъ друга поставленные изображенной формы навѣса.

Высказанная выше мысль о двускатности крыши первобытныхъ построекъ Верхней Крайны и о происхожденіи послѣднихъ изъ естественныхъ углубленій почвы и искусственнаго навѣса, мысль, вытекающая изъ данныхъ изложенныхъ наблюденій, встрѣчаетъ какъ бы рѣзкое противорѣчіе въ одномъ

ЧЕРТ. 9 (см. рис. 9). **Домъ въ деревнѣ Блѣдъ**, *перестраивавшійся въ 1831 году.* A—вѣжа; A_1—кухинья съ широкими дверьми; B—хиша; C—чумната; M—N—улица; a, a—двери; a_1—широкая дверь въ кухню; b, b—окна; b_1, b_1—маленькія окна; d—лѣстница на чердакъ; d_1—двѣ ступени къ помосту передъ входомъ въ чумнату; d_2—шесть ступеней въ кевдеръ; e—котелъ для варки корма скоту; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h, h—малые столы; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; o, o—скрины; p, p—комоды; r—полка для тарелокъ; t, t—скамьи; u, u (крестики)—топки печей; w—лева; x, x—омары.

обстоятельствѣ. А именно: по сообщеннымъ намъ свѣдѣніямъ опытнаго горнаго охотника Л. Л. Іенко обычное жилье чедниковъ является тождественно устроеннымъ съ кочею описаннаго тамора, но совершенно иного, чѣмъ послѣдній, внѣшняго вида. По описанію названнаго лица „типичная" постройка чедника представляетъ призматическое съ квадратнымъ основаніемъ сооруженіе въ два этажа. Въ нижнемъ изъ нихъ находится хлѣвъ, въ верхнемъ жилье. Въ послѣднее проникаютъ по наружной лѣстницѣ. Зданіе покрыто четырехскатной, пирамидальной крышей. Подобной постройки, не смотря на наши поиски, намъ встрѣтить не удалось, что объясняется, конечно, случайностью. Помянутое зданіе представляетъ въ дѣлѣ исторіи развитія построекъ выдающійся интересъ, такъ какъ въ основѣ развитія его легъ, повидимому, несомнѣнно шалашъ, быть можетъ приспособленный надъ естественнымъ углубленіемъ

почвы, предоставленнымъ для скота. Надо замѣтить, что помѣщеніе хлѣвовъ подъ домомъ, такъ сказать, въ нижнемъ этажѣ его представляетъ и во всей Крайнѣ и въ Далмаціи, Босніи, Герцоговинѣ и Черногоріи совершенно обычное явленіе. Въ частности въ последненазванныхъ странахъ, гдѣ простѣйшія жилыя зданія не представляютъ никакой рѣдкости, устройство дома часто слѣдующее. На склонѣ горы, пользуясь пещеркой или схожимъ съ ней углубленіемъ, строитель ставитъ помѣщеніе для скота, или кладовую, или погребъ („йзба"); сверху сооружается жилье въ одну или двѣ камеры. Какъ жилье, такъ и „йзба" доступны обыкновенно безъ лѣстницы въ силу естественныхъ условій почвы: съ одной стороны, входишь въ йзбу, а обойдя зданіе съ другой стороны, достигаешь жилья. Однако эти зданія по внѣшнему виду, по крайней мѣрѣ въ Далмаціи, Герцеговинѣ и Черногоріи, не несутъ явныхъ слѣдовъ шатроваго происхожденія [1]), хотя они и четырехскатны (см. рис. 50, изъ дер. Дрежница въ Герцеговинѣ). Въ Босніи же, гдѣ домъ всегда съ высоко поднятой четырехскатной крышей, шатровое происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію [2]) (см. рис. 49—изъ дер. Дольній Вакуфъ). Еще въ большей степени шатровое свое происхожденіе выдаютъ дома племени васоевичей въ Черногоріи. Типъ ихъ дома изображенъ на рис. 48 [3]). Домъ этотъ (двукамерный) изображенъ на рисункѣ со стороны входной двери въ жилье; съ противоположной стороны, падающей по откосу горы, находится входъ въ „йзбу"—помѣщеніе для скота (въ нѣкоторыхъ случаяхъ кладовая или погребъ). Послѣднее состоитъ частью изъ естественной скалы, частью изъ выведенныхъ искусственно каменныхъ стѣнъ. Такъ какъ домъ васоевичей представляетъ, какъ въ томъ сомнѣваться невозможно, одинъ типъ съ боснійскимъ домомъ, а этотъ послѣдній стоитъ по своему стилю—насколько то пока выяснило дѣло изученія построекъ въ Австріи и на сѣверо-западѣ Балканскаго полуострова—совершенно одиноко, то представляется важнымъ отмѣтить существованіе по внѣшнему виду схожихъ съ боснійскими домами и генетически съ ними, повидимому, связанныхъ построекъ чедниковъ въ Верхней Крайнѣ. Однако эти послѣднія постройки ничего общаго не имѣютъ съ остальными сооруженіями Верхней Крайны, если не считать помѣщеннаго подъ жильемъ хлѣва (и конечно внутренняго устройства). Поэтому можно думать, что въ основу современнаго верхне-крайнскаго дома легло не помянутое жилье чедниковъ съ пирамидальной крышей, а зда-

[1]) Рисунокъ 50 заимствованъ изъ статьи Мерингера. (R. Meringer—Das volksthümliche Haus in Bosnien u. d. Hercegovina. Wis. Mit. aus Bos. u. d. Herc., B. VII. Wien 1900).

[2]) Рисунокъ 49 заимствованъ изъ статьи Трухелки (Č. Truhelka—Volksleben въ изданіи: Die österreichisch—ungarische Monarchie in Wort u. Bild. B. XXII. Bosnien u. Hercegovina. Wien 1901).

[3]) Рисунокъ 48 заимствованъ изъ сочиненія П. Ровинскаго—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II, ч. I. Спб. 1897 г.

ніе, бывшее уже на первыхъ ступеняхъ своего развитія съ двускатной крышей и представлявшее нѣчто въ видѣ современныхъ кочне, байты и стана, въ основу которыхъ легли, быть можетъ, естественныя углубленія почвы и навѣсъ.

Основной типъ этихъ построекъ проходитъ красной чертой рѣшительно черезъ всѣ крестьянскія зданія Верхней Крайны независимо отъ того, изъ какого матеріала они сооружены. Признавая отмѣченное происхожденіе современнаго словинскаго дома, мы, конечно, не исключаемъ мысли, что жильемъ первообитаемымъ пра-словинцамн могъ быть шалашъ. Напротивъ того, мы думаемъ—объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже—что первичнымъ жильемъ словинцевъ былъ именно шалашъ, именовавшійся кочей или кучей, но не сохранившійся въ своихъ первичныхъ формахъ и не передавшій своихъ архитектурныхъ мотивовъ позднѣйшимъ зданіямъ.

III. Общій характеръ сложныхъ построекъ.

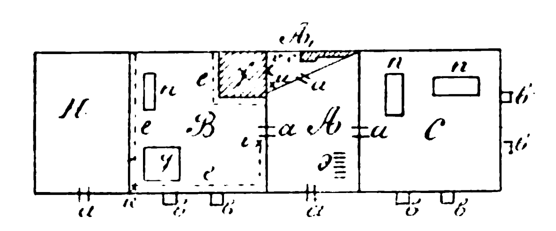
1. Матеріалъ. Можно думать, что предки современныхъ словинцевъ Верхней Крайны на зарѣ своей жизни въ этой мѣстности пользовались для своихъ домовъ [1]) деревомъ. Обильные лѣса, покрывающіе горы даже въ настоящее время, представляли всегда хорошій и поддающійся съ легкостью обработкѣ строительный матеріалъ. Конечно, житель уже издавна не пренебрегалъ вѣроятно и камнемъ, употребляя его и для сложенія своего очага и для сооруженія первобытнаго фундамента, тѣмъ не менѣе собственно зданіе воздвигалось, вѣроятно, изъ дерева. Впрочемъ, рельефъ почвы долженъ былъ вынуждать строителя пользоваться для своихъ построекъ и камнями. Склонъ горы затрудняетъ возможность дать зданію горизонтальное положеніе, если оно цѣликомъ изъ дерева, между тѣмъ при помощи камня горизонтальнаго положенія достигнуть не трудно. Навѣсы—хлѣвы, изображенные на рисункѣ 55, а также кочне, изображенное на рис. 54, служатъ нагляднымъ тому подтвержденіемъ. При употребленіи камня сначала какъ вспомогательнаго матеріала жителю Верхней Крайны не трудно было въ теченіе своей многовѣковой жизни замѣнить имъ первоначальный строительный матеріалъ — дерево. Очевидно именно этимъ, т. е. постояннымъ упражненіемъ въ употребленія попутно каменнаго матеріала

---

[1]) Слово домъ употребляется у словинцевъ въ смыслѣ жилища въ болѣе отвлеченномъ смыслѣ; означенное слово выражаетъ понятіе родительскаго дома, а также родины. У сербовъ названное слово употребляется и въ смыслѣ дома вообще и въ смыслѣ семьи (фимилін). Понятіе дома, которое мы нынѣ подразумѣваемъ на литературномъ языкѣ, великорусскій крестьянинъ выражаетъ обыкновенно словомъ изба, малоросъ—хата, бѣлорусъ—хата, изба, словинецъ—хиша, словакъ—хижа или изба, полякъ—хата, халюпа, домъ, болгаринъ—кыштa, сербъ—куча, стан, дом, хорватъ—кутья.

слѣдуетъ объяснить, что теперь уже бо̀льшая часть крестьянскихъ домовъ Верхней Крайны каменные. Что камень, какъ обычный строительный матеріалъ, внѣдрился въ словинскую среду уже издавна, доказывается между прочимъ повидимому тѣмъ, что въ Верхней Крайнѣ встрѣчаются крестьянскіе каменные дома большихъ размѣровъ, въ строительномъ отношеніи развитые, приспособленные къ потребностямъ сложной семьи и выстроенные уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Камень вводился въ постройку не сразу, а постепенно, т. е. прежде, чѣмъ перейти къ постройкѣ изъ сплошного каменнаго матеріала, словинцы сооружали изъ него первоначально лишь отдѣльныя части своего дома. Первое, что сооружалось изъ камня, былъ, вѣроятно, фундаментъ. Это вытекаетъ, какъ

ЧЕРТ. 10 (см. рис. 10). **Домъ въ деревнѣ Рατече-Бѣлопечь.** A — вѣжа; A_1—кухинья: B—хиша; C—чумната; H—хлѣвъ; M—N—улица внизу горы, на которой стоитъ домъ; a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; n, n—кровати; u (крестикъ)—топка печи; v—ниша.

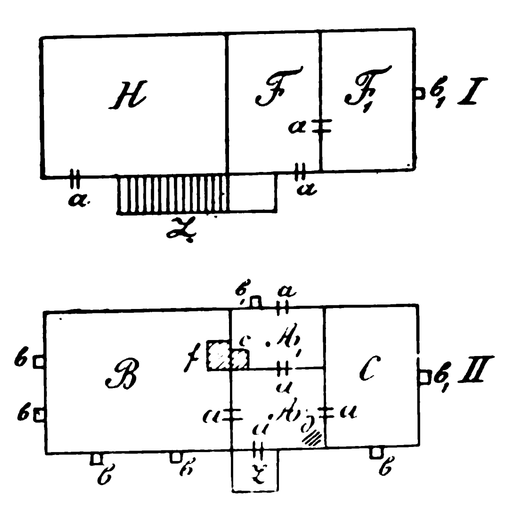
сказано, изъ свойства рельефа страны. Кромѣ того въ Верхней Крайнѣ можно наблюдать, что тѣ дома бѣдныхъ крестьянъ, которые мы называли бы „хатами“, а словинцы именуютъ „кайжами“ и которые теперь довольно рѣдки и очень скромнаго вида, что они сооружены изъ дерева съ очень низкимъ каменнымъ фундаментомъ. Примѣромъ такого дома можетъ служить домъ изъ деревни Примско, изображенный на рис. 56. Фундаментъ лишь въ дальнѣйшемъ развитіи крестьянскихъ домовъ пріобрѣтаетъ болѣе видное значеніе. Примѣромъ этого могутъ служить рисунки, помѣщенные нами въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки“. Самое существенное очевидно—придать прочность постройкѣ. Для этого удобенъ камень (рис. 54), а не дерево, поэтому то онъ и ставится какъ основа зданія. Обезпечивъ прочность и устойчивость своего дома крестьянинъ долженъ былъ озаботиться безопасностью отъ пожара, которымъ грозилъ ему пылающій очагъ. Поэтому ближайшее о чемъ онъ долженъ былъ подумать въ отношеніи каменнаго матеріала, это сооруженіе изъ него той части дома, въ которой помѣщается очагъ, будь это „вѣжа“ или дифферен-

цированная изъ нея кухня—„кухнья“. Эта мысль о постепенномъ примѣненіи каменнаго матеріала подтверждается массою примѣровъ. Совершенно обычное явленіе въ Верхней Крайнѣ, что домъ деревянный имѣетъ каменное помѣщеніе для очага. Домъ изъ дер. Нижнее Горье, изображенный на рис. 13, представляетъ примѣръ деревяннаго дома съ каменными сѣнями и кухней. Другой домъ изъ деревни Верхнее Горье (см. рис. 45) показываетъ какъ каменный матеріалъ, начиная отъ сѣней и кухни, захватываетъ все большее пространство. На этомъ рисункѣ видно, что кромѣ вѣжи, т.-е сѣней изъ камня, выстроена одна стѣна, тогда какъ остальная часть дома изъ дерева. Обеспечивъ себя отъ опасности пожара, крестьянинъ, повидимому, сталъ примѣнять камень къ тѣмъ частямъ своего дома, которыя онъ пристраивалъ впослѣдствіи къ уже существующему помѣщенію, желая его расширить, или къ тѣмъ помѣщеніямъ, которыя внѣдрились въ страну позже основныхъ частей дома. Въ этомъ отношеніи необходимо отмѣтить, что нерѣдкостью является пристройка къ деревянному дому, состоящему изъ вѣжи, т. е. сѣней и хиши, т. е. избы боковой къ послѣдней комнатѣ, называющейся камрой. Послѣдняя въ этомъ случаѣ обыкновенно изъ камня. Какъ примѣръ такого дома можетъ служить домъ изъ дер. Нижнее Горье, изображенный на рис. 35. Интересно отмѣтить, что наиболѣе упорно дерево удерживается въ той части дома, которая образуетъ избу или хишу. Такъ, напримѣръ, на рис. 24 изображенъ домъ изъ дер. Битне, весь каменный, за исключеніемъ хиши, представляющей деревянный срубъ. Впрочемъ, къ вопросу о срубѣ мы вернемся ниже.

Такимъ образомъ каменный матеріалъ вытѣснялъ деревянный въ горизонтальномъ направленіи. Но наряду съ этимъ шло его вытѣсненіе и въ направленіи вертикальномъ. А именно: каменный фундаментъ, подымаясь въ зависимости отъ большей или меньшей крутизны того склона, на которомъ помѣщается домъ, оставляетъ пространство для приспособленія хлѣва или иныхъ помѣщеній хозяйственнаго характера (кладовая, погребъ). Поэтому въ Верхней Крайнѣ возможно встрѣтить дома, верхняя деревянная часть которыхъ служитъ для жилья, а нижняя, каменная, въ качествѣ хлѣва, конюшни, кладовой. Какъ примѣры отмѣченнаго явленія могутъ служить два дома, изображенные на рисункахъ 13 и 19, о которыхъ ниже будетъ сказано подробнѣе. На первомъ изъ нихъ (13), представляющемъ деревянный домъ изъ дер. Нижнее Горье, виденъ входъ съ фронтона въ каменномъ фундаментѣ. Входъ этотъ ведетъ въ хлѣвъ. На второмъ же рисункѣ (19), изображающемъ большой деревянный домъ изъ дер. Верхнее Горье, можно усмотрѣть въ каменномъ фундаментѣ фронтона, тамъ, гдѣ онъ приподнятъ, маленькое оконце, пробитое въ кладовую, помѣщающуюся ниже жилья. Наконецъ на рис. 33,

изображающемъ старинный каменный домъ въ дер. Верхнее Горье, видно окно въ потребѣ.

Каменный матеріалъ, распространяясь въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ, въ концѣ концовъ, занялъ всю существенную часть зданія, оставивъ для дерева лишь чердачное помѣщеніе. Здѣсь дерево сохранило свое преобладаніе и понынѣ, и дома, выстроенные совершенно изъ камня, представляются въ Верхней Крайнѣ въ значительномъ меньшинствѣ. Характерно то, что тамъ, гдѣ въ чердачномъ помѣщеніи устраиваются дополнительныя къ жилью комнаты, эти послѣднія встрѣчаются часто даже въ фундаментальныхъ каменныхъ домахъ изъ бревенъ, намекая типичнымъ своимъ видомъ на первоначальное устройство словинскаго жилья. Какъ примѣръ можетъ служить домъ, изображенный на рисункѣ 28. На рисункѣ виденъ заднiй фрон-

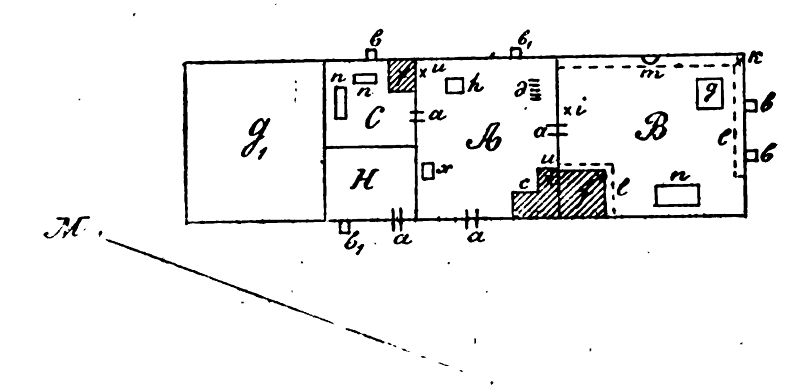
ЧЕРТ. 11 (см. рис. 11). **Домъ около деревни Блѣдъ.** I—*нижняя, хозяйственная часть;* II—*верхнее, жилое помѣщеніе;* A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; C—чумната; F—клѣть; F_1—дополнительная ея часть; H—хлѣвъ; L, L—крыльцо; a, a—двери; b, b—окна; b_1, b_1—маленькія окна; c—плита на мѣстѣ бывшаго очага; d—лѣстница на чердакъ; f—печь городского устройства. *Домъ ремонтированъ и занятъ въ настоящее время садовникомъ чехомъ.*

тонъ каменраго дома изъ дер. Верхнее Горье. Домъ обширный (о немъ будетъ сказано подробнѣе ниже), выходящій своимъ переднимъ фронтономъ на обрывъ, весь каменный въ два этажа. И лишь въ задней, выходящей во дворъ части, онъ сохранилъ, какъ бы въ видѣ переживанія, незначительную, сложенную изъ бревенъ, комнату („камерцу") въ два окна. Кромѣ того все чердачное помѣщеніе построено (какъ это обыкновенно бываетъ), какъ и крыша, изъ дерева. Деревянный, бревенчатый верхъ можетъ занимать и болѣе доминирующее, чѣмъ то видно на примѣрѣ отмѣченнаго дома, положеніе. Такъ, видный на рис. 16 домъ изъ дер. Кропа представляетъ полукаменное, полудеревянное зданіе.

Но если камень вытѣснялъ и вытѣсняетъ дерево, какъ строительный матеріалъ въ жиломъ домѣ словинца Верхней Крайны, то дерево сохранило еще вполнѣ свое господство въ постройкахъ хозяйственнаго свойства. Сарай (скеденъ), разнаго рода сушилка (козолецъ, стогъ), свинушники (свинякъ) и другія многочисленныя хозяйственныя сооруженія верхне-крайнскаго словинца, которыя описаны нами въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки", строятся почти всѣ и всегда исключительно изъ дерева, камень же играетъ роль лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ качествѣ опоры для большей устойчивости даннаго сооруженія. Въ частности сарай (скеденъ), являющійся какъ бы необходимой принадлежностью всякаго дома, строится всегда изъ дерева, независимо отъ того примыкаетъ ли онъ къ дому, стоитъ ли онъ поодаль отъ него на дворѣ или вынесенъ онъ на значительное разстояніе отъ жилья. Скеденъ лишь покоится на каменныхъ столбахъ, служащихъ или фундаментомъ для него или образующихъ помѣщеніе для скота, самъ же скеденъ всегда изъ дерева. Тѣ немногочисленные случаи, когда скеденъ весь выстроенъ изъ камня, надо разсматривать какъ рѣдкія исключенія, ничего общаго съ обычнымъ типомъ построекъ этого рода не имѣющія.

2. Архитектурныя формы. Если каменный строительный матеріалъ вытѣсняетъ въ Верхней Крайнѣ деревянный, то онъ въ значительной степени вмѣстѣ съ тѣмъ убиваетъ архитектурныя достоинства дома; онъ убиваетъ національный стиль дома, замѣняя его тѣми холодными формами, которыя лишаютъ зданіе художественности. Вполнѣ отстроенные изъ камня дома Верхней Крайны представляютъ слѣдующія, изображенныя на рисункахъ 9 и 14, зданія (изъ дер. Блѣдъ). При взглядѣ на такія зданія можно думать, что словинецъ въ дѣлѣ строительнаго искусства не выработалъ ничего своего. Между тѣмъ заключеніе это совершенно ошибочно. Тамъ, гдѣ дерево сохранило еще свои права какъ строительный матеріалъ, дома крайнскаго словинца полны своеобразныхъ чертъ. Особенно декоративнымъ элементомъ является галлерейка (рис. 17, 25, 29—Б), обыкновенно украшенная выдѣляющейся своими красными цвѣтами висячей гвоздикой. Словинецъ, заботливо вытачивая перильца галлереи, старается вложить въ нее все свое искусство, всѣ свои художественныя понятія. Къ сожалѣнію, галлерейки дѣлаютъ въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ изъ сплошныхъ досокъ (см. рис. 13, а также рис. 12 на стр. 21, въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки"). Но въ нѣкоторыхъ, преимущественно глухихъ мѣстахъ сѣверной части Верхней Крайны, встрѣчаешь перильцы безспорно художественнаго характера. Примѣромъ тому можетъ служить домъ, изображенный на рисункѣ 57 (изъ мѣстечка Тержичъ), который сохранилъ всѣ типичныя черты деревянной постройки въ полной мѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Крайны,

такъ, напримѣръ, въ сѣверо-западномъ ея углу, примѣняется, какъ на деревянныхъ, такъ и на каменныхъ домахъ, совершенно своеобразная особенность архитектурнаго пріема: постройки двойного фронтона. Въ слѣдующихъ двухъ рисункахъ изображены два дома: одинъ деревянный (рисунокъ 18), другой каменный (рисунокъ 10) изъ деревни Ратече-Бѣлопечь. Фронтоны этихъ домовъ обычнаго характера помѣщаются справа. Въ деревянномъ домѣ (18) построенъ второй фронтонъ надъ входной дверью въ домъ. Фронтонъ этотъ, заключающій маленькую комнату съ входомъ изъ чердака, нависая надъ дверью, образуетъ художественное крыльцо съ небольшимъ балкончикомъ. Что касается каменнаго дома (рисунокъ 10), то перпендикулярно его чердачному помѣщенію поставленъ, такъ сказать, дополнительный и значительно болѣе высокій

ЧЕРТ. 12 (см. рис. 12—А и Б). **Домъ въ деревнѣ Рѣчица,** *выстроенный въ 1721 году.* А—вѣжа; В—хиша; С—чумната; G_1—пустое пространство подъ скеденемъ, который опирается одной стороной на домъ, а другой на каменную кладку (стѣну); Н—хлѣвъ; М—N—дорога-улица; а, а—двери; b, b—окна; b_1, b_1—маленькія окна; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h—маленькій столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; m—омарце; n, n—кровати; u, u (крестики)—топки печей; x—омара.

чердакъ, выходящій своимъ фронтономъ къ длинной сторонѣ дома. Всѣ эти художественныя особенности при постройкахъ дома изъ камня обыкновенно исчезаютъ, въ ущербъ красотѣ сооруженія. Длинная сторона дома представляетъ обычно каменную стѣну, тщательно, впрочемъ, выбѣленную, съ дверью на серединѣ и съ двумя-тремя окнами слѣва или справа или съ обѣихъ сторонъ двери. Лишь рѣдко однообразіе стѣны нарушается балкончикомъ, подобнымъ изображенному на рис. 33, представляющемъ домъ изъ дер. Верхнее Горье. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ строитель старается слить со стѣной отливъ крыши. Съ этой цѣлью стѣна длинной стороны дома въ верхней своей части образуетъ, какъ это видно на рис. 14 и 41, незаканчивающійся и упирающійся въ крышу полусводъ. Тамъ, гдѣ этого

свода не имѣется, отливъ крыши задѣлывается снизу досками и образуетъ плотный навѣсъ (см. рис. 9). Что касается фронтона, то онъ представляетъ обыкновенно, именно благодаря чердачному помѣщенію, весьма типичныя, не лишенныя извѣстной живописности особенности. Однимъ изъ характерныхъ фронтоновъ можетъ считаться изображенный на рис. 37 (изъ дер. Засыпъ или Заепъ). Видимая дверь этого зданія ведетъ въ хлѣвъ; надъ нимъ помѣщается жилье, чердакъ котораго съ характернымъ продольнымъ прорѣзомъ (lina) и столь же характернымъ верхнимъ отверстіемъ [1]). Вьющаяся по стѣнѣ и чердаку виноградная лоза, какъ очень распространенное украшеніе, довершаетъ типичность изображеннаго на рисункѣ фронтона [2]).

3. Скедень. Описаніе внѣшняго вида верхне-крайнскаго дома будетъ не полно, если не упомянуть о скеденѣ (skedenj), составляющемъ нерѣдко весьма существенную часть его. Скедень [3]), т. е. сарай, въ его развитомъ видѣ, представляетъ довольно сложное зданіе. Полный скедень состоитъ всегда изъ двухъ этажей. Въ этомъ случаѣ нижняя его часть всегда изъ камня. Она составляетъ либо сплошное помѣщеніе, какъ то видно на рис. 29—В, (дер. Верхняя Горья), либо состоитъ изъ каменныхъ столбовъ, какъ на рис. 15—Б (на берегу Блѣдскаго озера). Столбы эти занимаютъ обыкновенно половину или треть нижней части. Образующимся подъ скеденемъ пространствомъ пользуются для помѣщенія телѣгъ, склада сельско-хозяйственныхъ орудій, или же въ этомъ пространствѣ ставятся свинушники, или устраивается складъ навоза и т. д. Сплошная часть нижняго этажа скеденя, занимаетъ ли она его весь (рис. 29—Б) или нѣтъ, служитъ для устройства хлѣвовъ и конюшни (konjski hlev). Что касается верхняго этажа скеденя, то онъ сооружается, какъ сказано, всегда изъ дерева и содержитъ двѣ существенныя части: гумно (pôd) и сѣноваль (pôd); къ нимъ [4]) присоединяется обыкновенно третья—галлерейка (рис. 17 и 29—Б). Послѣдняя частью открыта, частью задѣлана досками, служащими наружной стѣной и для гумна или сѣновала. Съ верхняго этажа скеденя спускается внизъ деревянная четырехугольная труба для ссыпки корма. Къ скеденю, наконецъ, прислоняется часто отхожее мѣсто (рисунокъ 29—В).

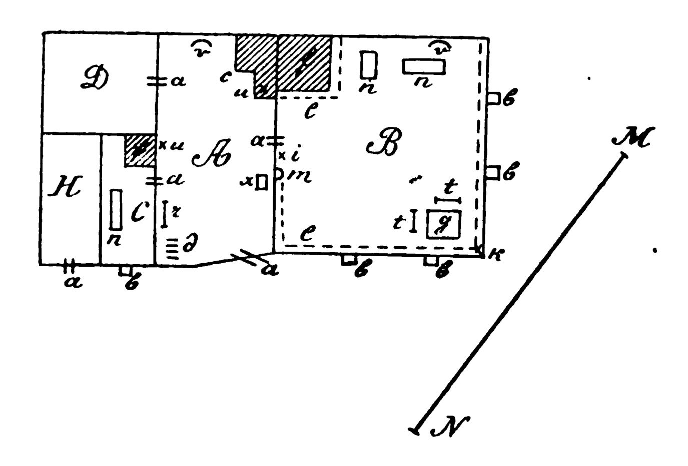
[1]) Маленькій прорѣзъ (рис. 15—А, 25, 31 и 37) въ щитѣ дома называется какъ и большой (рис. 19, 20, 28, 29—Б и др.) лина (lina) или mala lina, ali slepa lina, linca. Слово лина означаетъ и окно въ башнѣ и слуховое окно, люкъ, отверстіе въ стѣнѣ.

[2]) Фронтонъ или щитъ дома у словинцевъ называется прочелье (pročelje); причелье (pričelje) означаетъ переднюю часть фронтона, щита. У насъ причелинами называются доски, украшающія крышу со стороны щита; прочелье на сербскомъ языкѣ—почетное мѣсто за столомъ; очелье въ древнемъ русскомъ зодчествѣ есть фронтонъ окна.

[3]) Слово это означаетъ и гумно.

[4]) Под на сербскомъ языкѣ означаетъ полъ, этажъ; въ частности, въ Черногоріи словомъ этимъ называютъ полъ, раздѣляющій верхній и нижній этажи; по этому «напод»—двухэтажный домъ.

(Планъ подобнаго скеденя см. въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки“, стр.26 и 27, рис. 16 и 17 и стр. 28, рис. 14). Если скедень двухэтажный, то у него обыкновенно не отсутствуетъ одно очень типичное сооруженіе: въѣздъ изъ каменной кладки, ведущій въ широкія ворота гумна. Объ этомъ въѣздѣ нами болѣе подробно говорено уже въ неоднократно указанной здѣсь нашей статьѣ. Въѣздъ можетъ быть изъ сплошной каменной кладки, но чаще онъ покоится на свободномъ сводѣ, или же, что рѣже, на двухъ сводахъ (см. рис. 32, изъ дер. Рѣчица). Сводъ служитъ часто для склада сельско-хозяйственныхъ орудій, или же онъ задѣланъ деревянными досками, служа помѣщеніемъ для свинушника [1]). Надо отмѣтить, что деревян-

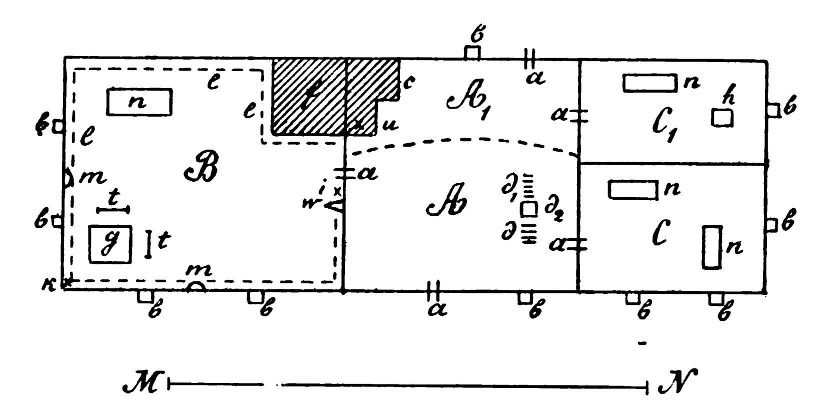

ЧЕРТ. 13 (см. рис. 13). Домъ въ деревнѣ Нижнее Горье, *выстроенный въ 1748 году и перестраивавшійся въ 1858 году*. A—вѣжа; B—хиша; C—чумната; D—схрамба; H—хлѣвъ; M—N—дорога-улица; a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m—омарце; n, n—кровати; r—полка; t, t—скамьи; u, u (крестики)—топки печей; v, v—ниши съ полками; x—омара.

ная часть скеденя обыкновенно не выстраивается монотонно изъ бревенъ или досокъ. Напротивъ того, въ скеденѣ чередуются сплошныя дощатыя стѣны, со стѣнами, сложенными при помощи перекрещивающихся тонкихъ бревенъ (см. рис. 15—Б и 29—Б). Такого способа постройки скедень, съ частью отстроеннымъ, частью состоящимъ изъ столбовъ нижнемъ этажомъ и съ каменнымъ, покрытымъ дерномъ въѣздомъ на верхъ и т. д., придаетъ верхне-крайнскому дому въ высшей степени характерную живописность. Полный и притомъ отдѣльно стоящій скедень изображенъ на рисункѣ 52. Середина нижняго этажа

[1]) Въѣздъ называется мостъ (most) или положенье (položenje); položen—наклонный; položnost—наклонъ, наклонность, обрывъ, паденіе (почвы).

этого062 сведеня выстроена цѣликомъ изъ камня и заключаетъ хлѣвъ и конюшню. На нихъ покоится верхній этажъ, опирающійся въ лѣвомъ и правомъ концахъ на каменныя стѣны, служащія опорами. Поэтому слѣва и справа, собственно подъ сараемъ, образуются пространства, занятыя: лѣвое дровами, а правое—телѣгами и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. На рисункѣ не видно въѣзда, находящагося съ праваго бока и ведущаго въ гумно, но можно различить деревянную лѣстницу, ведущую въ сѣновалъ, непосредственно у входа въ конюшню. Весь верхній этажъ выступаетъ надъ нижнимъ, образуя навѣсъ. Въ лѣвой части сеценя, тамъ, гдѣ гумно сильно выступаетъ впередъ,—галлерейка. Описываемый сеценъ, какъ онъ изображенъ на рисункѣ, со всѣмъ инвентаремъ, съ хомутами, повѣшенными у конюшни и т. д., пред-

ЧЕРТ. 14 (см. рис. 14). **Домъ въ деревнѣ Блѣдъ.** A—вѣжа; A_1—помѣщеніе для очага, отдѣленное отъ вѣжи аркой по всей ея ширинѣ; B—хиша; C и C_1—чумнаты; M—N—дорога-улица; a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница въ верхнее помѣщеніе; d_1—лѣстница въ кевдеръ; d_2—люкъ; f—печь; g—обѣденный столъ; h—маленькій столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; t, t—скамьи; n (крестикъ)—топка печи; w—лева.

ставляетъ примѣръ типичнѣйшаго сарая Верхней Крайны. Этотъ сеценъ принадлежитъ къ зажиточному дому въ дер. Рѣчица, но и менѣе богатыя семьи строятъ совершенно такіе же сецени съ тою лишь разницею, что они у нихъ менѣе значительной величины.

Слѣдовательно, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, сеценъ можетъ стоять совершенно отдѣльно отъ дома. Однако онъ можетъ и тѣсно примыкать къ нему (рис. 15—B) или покоиться на части нижняго этажа дома, обыкновенно у хлѣва. Послѣдній способъ пристройки сеценя къ дому ясно виденъ на рис. 15—Б и 17 (дер. Блѣдъ и Рѣчица). Иногда та часть сеценя, которая обыкновенно занимаетъ нижній этажъ и служитъ для устройства хлѣвовъ и конюшни, сливается съ домомъ, а сеценъ почти всецѣло покоится на ней. Примѣръ такого приспособленія сеценя къ дому виденъ на рис. 8—Б и 14 (дер.

Блѣдъ). Двѣ двери, видныя на первомъ рисункѣ, какъ та, которая выходитъ къ фронтону, такъ и та, которая выходитъ къ длинной сторонѣ, ведутъ одна въ хлѣвъ, другая въ конюшню. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ скеденъ нагромождается цѣликомъ на домъ, дѣлая его тѣмъ самымъ какъ бы двухэтажнымъ и сливаясь съ чердакомъ. Подобнаго рода приспособленіе скеденя видно на рисункѣ 12—Б (дер. Рѣчица). Передняя изъ видныхъ на рисункѣ дверей есть входная въ домъ, а задняя—дверь въ хлѣвъ. При такомъ устройствѣ скеденя въ значительной степени мѣняется фронтонъ дома: онъ несоразмѣрно вытянутъ къ верху и придаетъ зданію полукаменный, полудеревянный характеръ, хотя въ сущности домъ выстроенъ исключительно изъ камня, а деревянная часть—ничто иное, какъ насѣвшій на домъ скеденъ съ чердакомъ (см. рис. 12—А, изображающій фронтонъ дома въ дер. Рѣчица, представленнаго на рис. 12—Б).

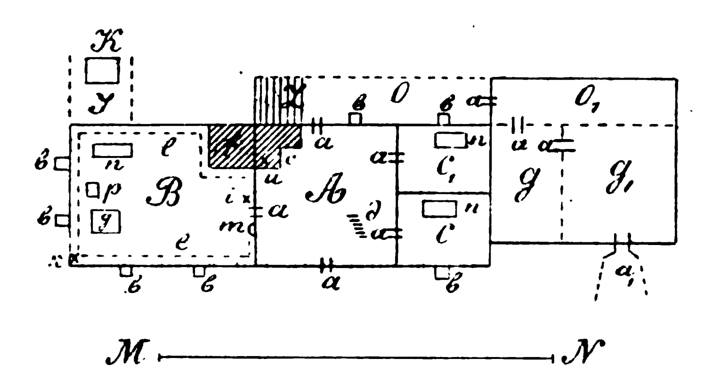
Какъ бы ни примыкалъ скеденъ къ дому, но онъ, строго говоря, не сливается органически съ жилою частью, а придѣлывается къ низу механически. Совершенная (фактически) обособленность скеденя отъ жилого дома подтверждается тѣмъ, что въ скеденъ, какъ бы онъ ни примыкалъ къ дому, какъ бы онъ ни казался тѣсно съ нимъ связаннымъ, никогда нѣтъ хода изъ жилой части дома. Въ скеденъ входятъ обыкновенно двоякимъ образомъ: черезъ упомянутый выше въѣздъ и по отдѣльной деревянной лѣстницѣ (см. рис. 17, 26, 41 и 52). Въ нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ имѣется крыльцо съ задней стороны дома, крыльцо это, ведя въ заднюю входную дверь жилья, сливается вмѣстѣ съ тѣмъ съ галлерейкой скеденя (см. чертежъ 15). Наконецъ въ скеденъ можетъ быть и еще одинъ ходъ, встрѣчающійся часто, а именно: если галлерейка скеденя примыкаетъ къ чердаку, то изъ чердака, черезъ галлерейку имѣется ходъ и въ скеденъ (см. рис. 24—В). Такимъ образомъ входъ собственно въ скеденъ во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ наружный, а не внутренній.

4. Хлѣвъ и конюшня. Въ иномъ чѣмъ скеденъ отношеніи къ дому являются хлѣвъ [1]) и конюшня. Изъ изложеннаго и приведенныхъ рисунковъ видно, что эта часть хозяйственныхъ сооруженій нерѣдко входитъ въ общую массу дома, составляя съ нимъ одно цѣлое. Правда, входъ въ хлѣвъ и конюшню почти всегда отдѣльный отъ входа въ жилье: либо рядомъ съ нимъ, либо обособленно отъ него съ фронтона, но въ нѣкоторыхъ, правда, единичныхъ, случаяхъ хлѣвъ имѣетъ выходъ не наружу, а въ вѣжу, т. е. въ сѣни дома; въ этомъ случаѣ въ вѣжу ведетъ не дверь, а ворота.

[1]) Подъ хлѣвомъ словинецъ подразумѣваетъ всякое помѣщеніе для скота, начиная отъ простого навѣса (какъ, напр., у чедниковъ) и кончая каменнымъ помѣщеніемъ, безъ различія, входитъ ли оно въ составъ дома или скеденя.

Этого рода тѣсное сліяніе хлѣва съ жильемъ наблюдается въ Верхней Крайнѣ очень рѣдко и только въ домахъ, несущихъ слѣды глубокой бытовой старины. Такіе примѣры скорѣе указываютъ на выдѣленіе, съ теченіемъ времени, хлѣва изъ жилья. Это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что въ настоящее время какъ хлѣвъ такъ и конюшня весьма часто совсѣмъ не связаны съ домомъ, помѣщаясь въ нижней части скедени, независимо отъ того стоитъ ли онъ отдѣльно или примыкаетъ къ дому.

5. **Свинушникъ и навѣсъ.** Возвращаясь снова собственно къ дому, слѣдуетъ отмѣтить, что къ нему принадлежатъ обыкновенно еще двѣ довольно существенныя части: свинушникъ [1]) и навѣсъ [2]). Какъ тотъ, такъ и другой занимаютъ конечно второстепенное мѣсто, тѣмъ не менѣе они съ своей стороны придаютъ извѣстную характерность верхне-крайнскому дому. Мѣсто примыканія къ дому названныхъ пристроекъ неопредѣленное. Свинушникъ,

ЧЕРТ. 15 (см. рис. 15-А и Б). **Домъ на берегу Блѣдскаго озера,** *выстроенный въ 1783 году.* А—вѣжа; В—хиша; С и C_1—чумнаты; G—G_1—скедень: G—сѣноваль, G_1—гумно; I—навѣсъ; K—свинушникъ; L—крыльцо; M—N—дорога; O—открытая галлерея; O_1—закрытая галлерея; a, a—двери; a_1—ворота со взъѣздомъ; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе l, l—скамьи; m—омарце; n, n—кровати; p—комодъ; u (крестикъ)—топка печи.

напримѣръ, ставится часто рядомъ съ домомъ совершенно отдѣльно, или прислоняется къ нему съ боковой стороны или со стороны фронтона; далѣе свинушникъ часто примыкаетъ къ скеденю, ставится подъ нимъ или подъ навѣсъ и т. д. Если свинушникъ отстроенъ, то онъ имѣетъ въ большинствѣ случаевъ одинъ и тотъ же видъ, передаваемый на рисункѣ 22 (дер. Блѣдъ). А именно: одна половина двускатной крыши какъ бы надломлена и образуетъ навѣсъ

[1]) Свинушникъ называется свинякомъ (svinjak), иногда и хлѣвцемъ (hlevec).

[2]) Навѣсъ называется по словински подстрѣшекъ (podstrešek), а также подстрѣшьемъ (podstrešje); послѣднее слово означаетъ и чердакъ, кровъ, убѣжище. Въ смыслѣ навѣса употребляется и слово шупа (šupa). На сербскомъ языкѣ навѣсъ—настрешница.

надъ входомъ въ свинушники. Послѣднихъ обыкновенно два; но можетъ быть одинъ, три или четыре. Тѣсно связано съ подобнымъ свинушникомъ, какъ это видно на означенномъ рисункѣ, отхожее мѣсто. Свинушникъ по внѣшнему своему виду передаетъ общіе, свойственные Верхней Крайнѣ мотивы постройки. Совершенно подобную по внѣшности форму, какъ помянутый свинушникъ, имѣютъ и такія сооруженія, какъ напримѣръ пчелиные дома, такъ называемые ульняки (см. рис. 34) [1]).

Что касается навѣсовъ, то они образуются вслѣдствіе удлиненія крыши по ея отливу. Обыкновенно навѣсъ придѣланъ къ скеденю и служитъ для сохраненія телѣгъ, но навѣсъ можетъ быть и при домѣ, а именно непосредственно передъ входной дверью или около нея, наконецъ въ иномъ какомъ либо мѣстѣ, какъ то, напримѣръ, видно на рис. 15—А. (Рисунокъ этотъ изображаетъ фронтонъ дома, переданнаго въ рис. 15—Б).

Если скедень расположенъ отдѣльно отъ жилого дома, то около послѣдняго образуется дворъ—усадьба, огороженная каменною или деревянною изгородью, при чемъ первая иногда имѣетъ ворота (см. рисунки 24 и 9). Часть ея занята обыкновенно фруктовыми деревьями, въ другой части помѣщается колодезь, свинушникъ, паштба для сушки плодовъ, дырвеница для дровъ и т. п. хозяйственныя сооруженія. Впрочемъ, дрова сохраняются въ большинствѣ случаевъ при домѣ: они складываются по стѣнѣ его и обыкновенно съ фронтона (см. рис. 15—А и 28). Дрова постепенно заготовляются лѣтомъ и по мѣрѣ накопленія ихъ занимается большая или меньшая часть стѣны, съ оставленіемъ свободныхъ пространствъ, дабы не загораживать оконъ.

Что касается построекъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ сельскому хозяйству (за исключеніемъ гумна и сѣновала, входящихъ въ скедень), то онѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ ставятся въ Верхней Крайнѣ внѣ собственно усадьбы, на поляхъ. Описаніе этихъ построекъ приведено у насъ въ статьѣ „Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки".

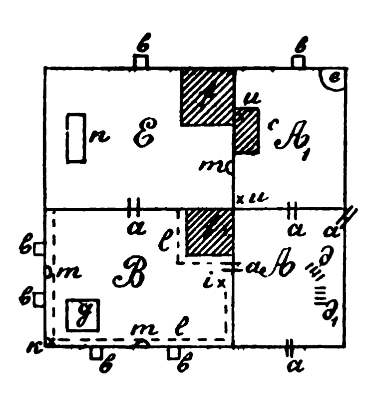
6. Крыша. Что касается крыши [2]), то многочисленные при-

[1]) Ульняки Крайны (ulnjak) представляютъ своеобразное сооруженіе, связанное съ характеромъ мѣстнаго пчеловодства. Это домики, въ которыхъ помѣщается рядъ расположенныхъ на полочкахъ ульевъ. Изображенный на рис. 34 ульнякъ изъ дер. Рѣчица содержитъ нѣсколько десятковъ ульевъ. Каждый изъ нихъ отмѣченъ особымъ рисункомъ, обыкновенно въ яркихъ краскахъ, которыми руководствуются пчелы, возвращаясь со взяткомъ, чтобы не попасть въ чужой улей. Крыша ульняка съ задней стороны обыкновенно длиннѣе, а съ передней какъ-бы надломлена. Обыкновенно передній навѣсъ переходитъ къ передней сторонѣ собственно ульняка полусводомъ, повторяя тотъ же мотивъ, который, какъ уже указано, не рѣдокъ въ жилыхъ домахъ. Полусводъ этотъ у ульняковъ конечно деревянный, образованный изъ досокъ.

[2]) Крыша называется стрѣхой (streha); слово это означаетъ и покрышку вообще, а также—убѣжище. Крыша по сербски: кров, заклопац, забат. Слово стреха извѣстно сербскому языку въ смыслѣ части крыши, а именно ея отлива, образующаго навѣсъ; на малорусскомъ языкѣ стрѣха—есть крыша.

веденные рисунки (15—A, 21, 33, 35, 37, 38, 45, 56, 57) даютъ достаточное представленіе о ней. По матеріалу крыша обыкновенно досчатая, иногда, что̀ встрѣчается рѣже, соломенная (рис. 56). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ досками кроется жилой домъ, а соломой скедень. Крыша быкновенно довольно высоко поднята, всегда двускатная, а иногда съ вальмой на главномъ или на обоихъ фронтонахъ. Вальмы какъ явленіе, такъ сказать, обязательное, встрѣчаются преимущественно въ сѣверной части Верхней Крайны, на границѣ Каринтіи (рис. 6, 10, 57). Подъ крышей вдоль ея длинной стороны часто помѣщается желобъ (žleb; рис. 9, 21, 27 и 48), верхъ же крыши имѣетъ обыкновенно отдушины (okence) изъ чердачнаго помѣщенія (рис. 9, 14, 15—A и 57). (О крышѣ смотр. приведенную ранѣе нашу статью въ „Живой Старинѣ“).

7. Окна. Переходя къ окнамъ [1]), слѣдуетъ въ отношеніе числа и формы ихъ замѣтить, что въ домахъ Верхней Крайны наблюдается значительное разнообразіе. Число оконъ опредѣляется не только величиною жилого помѣщенія, но и характеромъ и степенью его развитія. Если съ фронтона два окна (см. рис. 15—A и 37), то это значитъ, что въ домѣ нѣтъ камры, такъ какъ третье окно фронтона освѣщаетъ всегда именно ее. Это третье окно бываетъ иногда меньшей величины, чѣмъ остальныя два, какъ то видно на рисункѣ 20 (дер. Млино); это можетъ служить доказательствомъ, что камра пристроена впослѣдствіи. Если съ длинной стороны дома окна имѣются только отъ двери къ главному фронтону, то это обыкновенно обозначаетъ, что въ жильѣ нѣтъ чумнаты (рис. 17). Если указанныхъ оконъ два, то изъ этого обыкновенно правильно заключить, что вѣжа (т. е. сѣни) не освѣщается. Окна съ противоположной главному фронтону стороны дверей по длинѣ дома указываютъ обыкновенно: если окно одно, что оно относится къ сѣнямъ, если ихъ два—что имѣется чумната. Окно на уровнѣ земли доказываетъ присутствіе кладовой или погреба (рис. 33); окна въ верхнемъ

ЧЕРТ. 16. Домъ въ деревнѣ Ратече-Бѣлопечь. A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; E—камра; M—N—улица; a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; d_1—лѣстница въ кевдеръ; e—кубъ для варки корма скоту; f, f—печи; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; u, u (крестики)—топки печей.

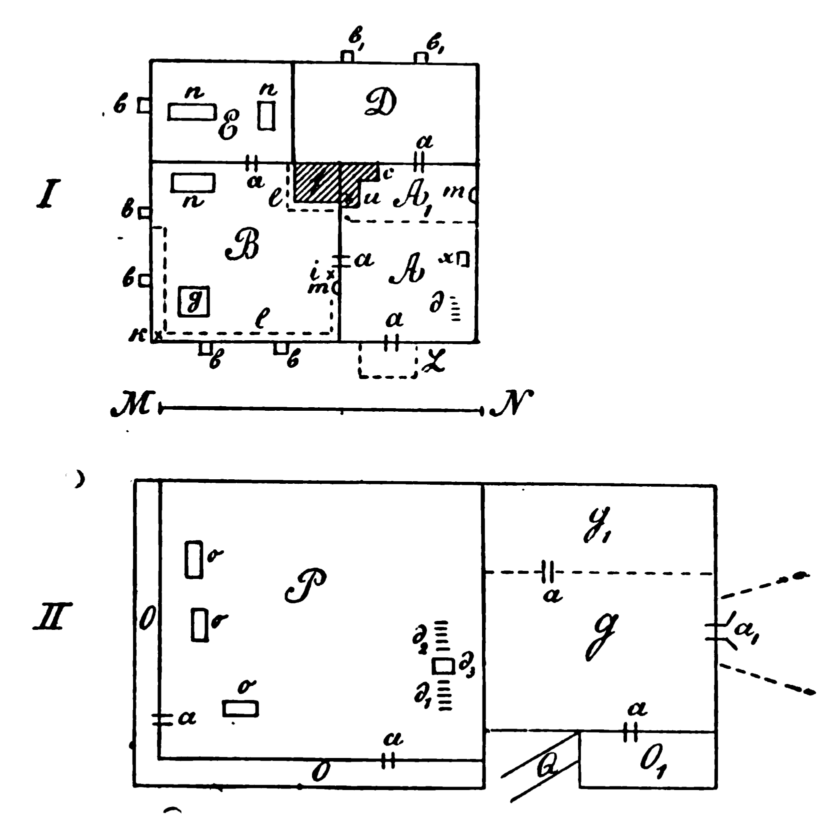
[1]) Слово оно (okno) означаетъ и нишу.

этажѣ—дополнительной камеры, одной или двухъ. Окна съ противоположной стороны входной двери освѣщаютъ либо кухню (одно окно), либо камру, либо чумнату.

Обычная форма оконъ почти квадратная, при чемъ высота ихъ нѣсколько больше ширины. Въ каменномъ домѣ средней величины окна 65—70 см. ширины и 70—75 см. высоты; встрѣчаются однако окна и большихъ размѣровъ, но не превышающія обыкновенно 75 см. ширины и 80 высоты. Для каменныхъ домовъ типично то, что окна снаружи обложены призмами зеленоватаго песчаника, образующими наружныя рамы (см. рис. 14, 21, 27, 30—А, 33); въ нихъ вставляется желѣзная рѣшетка, что также характерно для типа мѣстныхъ оконъ. Ставни у такихъ оконъ обыкновенно отсутствуютъ. Въ новѣйшее время сплошныя ставни замѣняются ставнями-жалюзи (см. рис. 16 и 43). Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхней Крайны, а именно, на сѣверѣ ея, ставни представляютъ обычное явленіе (см. рис. 57). Что касается деревянныхъ домовъ, то форма ихъ оконъ совершенно соотвѣтствуетъ формѣ оконъ у каменныхъ домовъ, при чемъ каменныя рамы замѣняются деревянными, сложенными изъ брусьевъ. Надо замѣтить, что крестьянинъ Крайны, передѣлывая и ремонтируя обветшалые деревянные дома, часто обмазываетъ ихъ глиной и всегда почти прорѣзываетъ бо̀льшія окна, расширяя существующія малыя (см. рис. 5, Верхнее Горье). Поэтому дома съ тѣми окнами, которыя несутъ слѣды архаизма, представляются въ настоящее время большой рѣдкостью.

Первичная форма оконъ, очевидно, та, о которой сказано было при описаніи байты, т. е. окно—ни что иное какъ пробитая въ срубѣ узкая и длинная щель. Въ такой просвѣтецъ проникаетъ достаточное, по несложнымъ потребностямъ обитателя байты или кочне, количество свѣта; просвѣтецъ не требуетъ рамы, ради защиты отъ холода, и представляется поэтому цѣлесообразнымъ. Шагъ впередъ, согласно возрастающимъ нуждамъ въ свѣтѣ, представляютъ тѣ малой величины и совершенно квадратныя по формѣ окна, которыя встрѣчаются и понынѣ (хотя и рѣдко) въ бѣдныхъ кайжахъ. Подобныя окна можно видѣть на рис. 56 (дер. Примско). Такія окна имѣютъ желѣзную рѣшетку въ видѣ двухъ крестъ на крестъ положенныхъ желѣзокъ; кромѣ того у такихъ оконъ имѣется одностворчатая деревянная ставенька. Подобнаго рода окна получили дальнѣйшее развитіе, образовавъ волоковое окно. Ставня переносится внутрь въ видѣ задвигающейся дощечки. При этомъ рама, содержащая стекло, можетъ тоже двигаться, но въ противоположную сторону. Форма наружнаго окна остается квадратная, какъ то видно на рисункѣ 19. Изнутри же окно представляется довольно сложнымъ. Устройство его видно на чертежѣ 36, на которомъ между прочимъ изображено какимъ способомъ вдѣланы стекла. Послѣднія, не смотря на размѣръ окна приблизительно въ 5 кв. вершковъ, вдѣланы въ

металлическія небольшой величины и шестиугольной формы рамочки. Этого рода окна, еще совершенно сохранившіяся, представляютъ въ Верхней Крайнѣ большую рѣдкость и встрѣчаются исключительно въ очень старыхъ деревянныхъ домахъ. Такъ, домъ, изображенный на рисункѣ 19, выстроенъ въ 1760 году, т. е. почти 150 лѣтъ тому назадъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что часть оконъ (съ боковой стороны) имѣетъ помянутую выше желѣзную рѣшетку

ЧЕРТ. 17. (см. рис. 17). Домъ у деревни Рѣчица. I—*жилое помѣщеніе*; II—*чердачное помѣщеніе и скедень*. A—вѣжа; A₁—помѣщеніе для очага, отдѣленное отъ вѣжи лишь по потолку и ниже ея на одну ступень; B—хиша; D—схрамба; E—камра; G—G₁—скедень: G—гумно; G₁—сѣновалъ; L—крыльцо; M—N—дорога; O, O—узкая галлерея; O₁—широкая галлерея; P—«надъ-хишо»; Q—деревянная лѣстница; a, a—двери; a₁—ворота со въѣздомъ въ скедень; b, b—окна; b₁, b₁—маленькія окна; c—очагъ; d—лѣстница на верхъ; d₁—лѣстница внизъ; d₂—лѣстница на чердакъ; d₃—люкъ; f—печь; g—столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; o, o—скрини; u (крестикъ)—топка печи; x—омара.

въ видѣ креста, въ другихъ же окнахъ (на фронтонѣ) желѣзный крестъ схваченъ кольцомъ, при чемъ вся эта рѣшетка вдѣлана не въ окно, а придѣлана къ нему снаружи.

8. Крыльцо. Умѣло пользуясь рельефомъ данной мѣстности, словинецъ Крайны въ большинствѣ случаевъ не нуждается для входа въ домъ въ

крыльцѣ [1]); поэтому оно въ Верхней Крайнѣ большею частью не строится. Дверь въ домѣ располагается такъ, что черезъ нее проникаешь прямо въ жилье, потому что нижняя часть дома идетъ по склону горы, занимая не всю часть подъ верхнимъ этажемъ. Для большей ясности слѣдуетъ взглянуть на рисунокъ 43 (домъ въ дер. Блѣдъ), на которомъ видно весьма обычное положеніе дома. Низъ здѣсь, какъ часто бываетъ, занятъ хлѣвомъ, дверь въ который ведетъ съ фронтона. Входная же въ жилье дверь, расположенная по склону горы выше, ведетъ въ жилое помѣщеніе, составляющее второй этажъ. Хотя, какъ сказано, большая часть домовъ Верхней Крайны сооружается безъ крыльца, тѣмъ не менѣе послѣднее не представляется рѣдкостью. Оно можетъ быть въ одинъ или два всхода. Въ обоихъ случаяхъ оно примыкаетъ къ дому по длинѣ, тѣсно сливаясь съ его стѣной, какъ это можно видѣть на рисункахъ 8—А и 11—представляющихъ примѣры крыльца со всходомъ на одну сторону и на рисункѣ 17—со всходами на двѣ стороны. Въ домѣ, изображенномъ на рис. 11, (домъ у дер. Блѣдъ), крыльцо оканчивается площадкой, надъ которой находится небольшой навѣсъ, закрывающій вмѣстѣ съ отливомъ крыши крыльцо отъ дождя. Что касается крыльца каменнаго дома, изображеннаго на рисункѣ 8—А (дер. Блѣдъ), то оно ведетъ непосредственно въ дверь, поставленную нѣсколько наискось. Оба помянутыя крыльца имѣютъ съ наружной стороны широкій каменный бортъ, замѣняющій перила. Двусходное крыльцо, видное на рисункѣ 17 (дер. Рѣчица), не отличается существенно въ этомъ отношеніи отъ предыдущихъ; различіе заключается лишь въ томъ, что подняться къ входной двери можно какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Внизу двусходныхъ крылецъ съ наружной ихъ стороны устраивается нерѣдко дверь со спускомъ въ погребъ. Крыльцо—во всѣхъ случаяхъ открытое, лишенное часто даже навѣса, замѣняемаго иногда отливомъ крыши, какъ то ясно видно на рисункѣ 11.

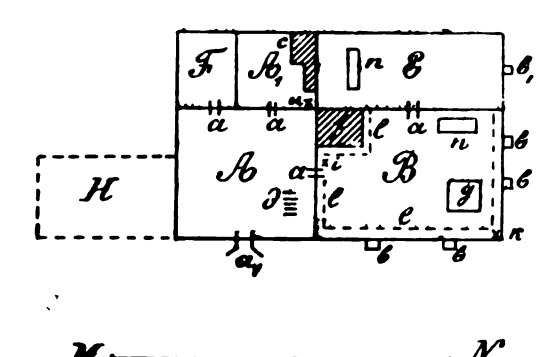
9. **Входная дверь** [2]). Если у входной двери крыльца не имѣется, то обыкновенно нѣтъ и ступеней къ двери; напротивъ, одна—двѣ ступени внизъ отъ двери къ сѣнямъ не являются рѣдкостью. Дверь въ ка-

---

[1]) Крыльцо называется стопнице (stopnice); stopnja—ступень, терраса: stopati—восходить, подыматься; stopnjema—постепенно. Такимъ образомъ въ словинскомъ языкѣ выраженіе для крыльца тѣсно связано съ понятіемъ о ступени, лѣстницѣ. Подобнымъ же образомъ и сербъ выражаетъ понятіе о крыльцѣ: лесница пред кучомъ (т. е. домомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ сербъ называетъ крыльцо—басамаци. Крилце, криоце—на сербскомъ языкѣ крылечко.

[2]) Входная дверь на словинскомъ языкѣ называется врата (vrata) Подъ этимъ словомъ словинецъ понимаетъ и ворота въ нашемъ смыслѣ и входъ вообще; vratar—привратникъ. На сербскомъ языкѣ слово врата означаетъ и ворота и дверь; послѣдняя называется и вратло; ворота по сербски называются и двера, двери, капиjа; подъ словомъ двери сербъ понимаетъ и Царскія Врата.

менныхъ домахъ обыкновенно выложена, какъ и окна, призмами изъ зеленоватаго песчаника. Болѣе новые дома имѣютъ часто простую четырехугольную дверь; въ болѣе старыхъ домахъ каменная выкладка образуетъ арку характерной формы (см. рисунки 14, 17, 21, 27, 33 и 41), замыкающуюся ромбической формы камнемъ—ключемъ. На этомъ ключѣ обыкновенно высѣченъ годъ постройки дома. Однако на эту цифру не слѣдуетъ, въ отношеніи времени сооруженія зданія, полагаться вполнѣ. Часто цифра обозначаетъ лишь время устройства собственно двери, т. е. время ремонта дома, тогда какъ послѣдній можетъ быть болѣе стараго происхожденія. Повидимому, обычай высѣканія цифръ года на двери появился не ранѣе начала XVIII в., такъ какъ двери домовъ

ЧЕРТ. 18 (см. рис. 18). Домъ въ деревнѣ Ратече—Бѣлопечь, *выстроенный въ 1748 г.* A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; E—камра; F—клѣть; H—разрушенный хлѣвъ; M—N—улица; a, a—двери; a_1—широкая входная дверь; b, b—окна; b_1—оконце; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ, гдѣ помѣщается камерца, выходящая отдѣльнымъ фронтономъ, (см. рис. 18); f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; n, n—кровати; u (крестикъ)—топка печи.

старшаго возраста этой цифры не несутъ. Въ отношеніи дверей этого рода домовъ не безинтересно отмѣтить, что онѣ отличаются отъ дверей менѣе старыхъ домовъ весьма значительной шириной (до 1 м. 60 см.), отсутствіемъ ключа у арки и мощными каменными выступами у подножья каменной рамы, какъ то видно на рисункѣ 27, изображающемъ домъ приблизительно 400-лѣтняго возраста и находящагося въ деревнѣ Блѣдъ.

Дверь деревяннаго дома (см. рис. 7, изъ деревни Верхняя Горья) не имѣетъ арки, конечно, если дверь не каменная. Послѣднія встрѣчаются въ деревянныхъ домахъ именно тогда, когда часть его (вѣжа съ кухней) сооружена изъ каменнаго матеріала, при самой постройкѣ дома или въ связи съ его передѣлкой впослѣдствіи. У домовъ болѣе новаго происхожденія или у тѣхъ, которые подвергались перестройкѣ, собственно дверь закрывается при посредствѣ желѣзной ручки и запирается на ключъ. Старинные дома этого приспособленія обыкновенно не имѣютъ. У нихъ запоромъ служитъ тяжелый

призматической формы деревянный болтъ. Онъ вдвигается, если онъ не нуженъ, въ продѣланное въ стѣнѣ отверстіе и выдвигается, въ случаѣ надобности, изъ него, чтобы заложить дверь.

IV. Отдѣльныя помѣщенія.

1. Вѣжа и кухня. Входная дверь ведетъ въ то помѣщеніе жилья, которое составляетъ старѣйшую и существеннѣйшую часть дома. Это—вѣжа [1]), помѣщеніе, содержащее очагъ (см. на чертежахъ букву А). Въ настоящее время вѣжа въ большинствѣ домовъ утратила свое первоначальное значеніе. Въ общей эволюціи жилища очагъ и въ Верхней Крайнѣ отдѣлился отъ вѣжи, давъ начало къ образованію новаго въ исторіи развитія жилья помѣщенія—кухни. Однако, процессъ этотъ не получилъ въ Верхней Крайнѣ своего окончательнаго завершенія. Поэтому здѣсь возможно наблюдать цѣлый рядъ переходныхъ ступеней дифференціаціи той части вѣжи, въ которой помѣщается очагъ, въ особую комнату—кухню. Вѣжа такимъ образомъ не потеряла въ Верхней Крайнѣ вполнѣ значенія основной ячеи дома.

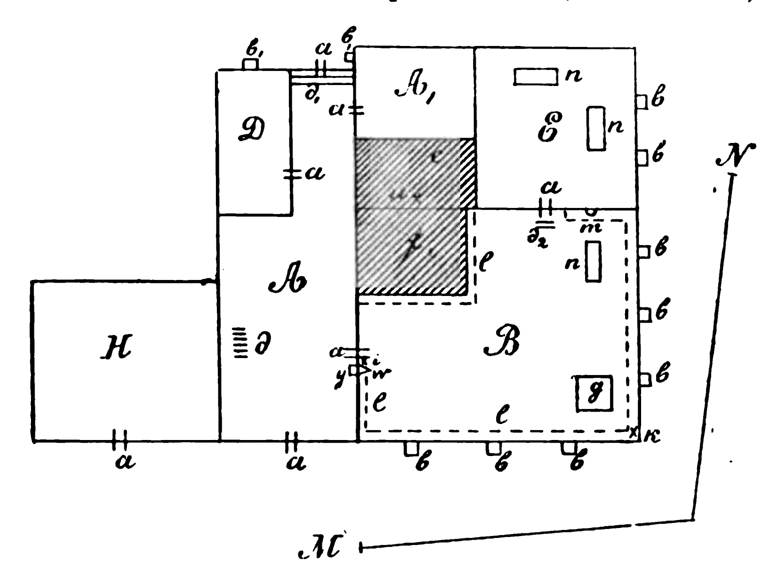
Очагъ въ вѣжѣ встрѣчается обыкновенно либо въ старинныхъ домахъ, даже если они большіе и несутъ явные слѣды развитія жилья, либо

---

[1]) Слово вѣжа (veža) означаетъ наши сѣни, переднюю; вѣжа Божья (veža božja)—Божій домъ, церковь, храмъ. У хорватовъ veža—сѣни, навѣсъ. На сербскомъ языкѣ вежа означаетъ ворота. Это слово извѣстно и церковно-славянскому, польскому, словацкому, чешскому и русскому языкамъ. Слово это (вѣжа, вежа) означаетъ башню, колокольню, замокъ, острогъ, тюрьму, полевое укрѣпленіе. Выражая такимъ образомъ нѣчто прочное, часто каменное и крѣпкое, слово вѣжа, сохранило, по крайней мѣрѣ въ русскомъ языкѣ, значеніе и передвижного жилища. Въ русскомъ языкѣ вѣжа (вежа) означаетъ вообще шатеръ, палатку, наметъ; въ частности, напр. въ Курской губерніи, вѣжка—полевой шалашъ, сторожка, балаганъ, (въ Западныхъ губерніяхъ—башня, каланча; срав. городъ Бѣлая Вѣжа или Бѣловѣжа и Бѣловѣжская пуща отъ слова biala wieża). По выраженію лѣтописца, угры. шедшіе мимо Кіева (начало X в.), располагались какъ половцы или кипчаки (XI—XIII в.) въ вѣжахъ, т. е. въ кибиткахъ, какъ-бы мы выразились въ настоящее время. Кибитки-шалаши нашихъ сѣверныхъ инородцевъ до сихъ поръ называются вѣжами, синонимомъ чума. Надо отмѣтить, что слово кибитка арабскаго происхожденія и означаетъ палатку. Мы это слово употребляемъ преимущественно въ отношеніи киргизовъ и калмыковъ. Такимъ образомъ въ нашемъ современномъ языкѣ, говоря вообще, слова кибитка, юрта, чумъ, шалашъ и вѣжа являются синонимами. Вѣжа (вежа) выражаетъ слѣдовательно и нѣчто непрочное и въ этомъ смыслѣ стоитъ близко къ кочѣ и стану. Русское слово вѣжа переводится на сербскій языкъ словами кула, шатор; послѣднее слово означаетъ какъ и нашъ шатеръ—палатку, шалашъ. Шалашъ передается по сербски словами: кучер, кучерица, кучарица, болта, хижа. Изъ сказаннаго возможно заключить, что вѣжа принадлежитъ къ древнѣйшимъ жилищамъ славянъ. Жилище этого наименованія, указывающее, если не на кочевой бытъ, то на бытъ полукочевой, полуосѣдлый, болѣе или менѣе забыто большинствомъ славянъ въ первоначальномъ значеніи. У полабскихъ славянъ вѣжа (visa) означала домъ, а у словинцевъ она легла въ основу современнаго жилья, образовавъ его основную часть.

въ бѣдныхъ домахъ, обнаруживающихъ слабую дифференціацію отдѣльныхъ помѣщеній для жилья.

Первобытный очагъ (см. на чертежахъ букву c) [1], по всѣмъ вѣроятіямъ, занималъ повсемѣстно центральное помѣщеніе въ жильѣ, когда-то

ЧЕРТ. 19 (см. рис. 19). **Домъ въ деревнѣ Верхняя Горья**, *выстроенный въ 1760 году*. A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; D—схрамба; E—камра; H—хлѣвъ; M—N—дорога-улица; a, a—двери; b, b—окна; b_1, b_1—маленькія окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; d_1—двѣ ступеньки внизъ; d_2—двѣ ступеньки вверхъ; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; m—омарце, съ желѣзными дверцами и секретнымъ замкомъ; n, n—кровати; u (крестикъ)—топка печи; w—лева; y—дымникъ левы.

однокамерномъ. Онъ лишь впослѣдствіи занялъ боковое, болѣе удобное для обитателей положеніе. Въ Верхней Крайнѣ даже въ самыхъ простыхъ сооруженіяхъ, какъ станъ, кочне и байта, очагъ находится не въ серединѣ, а сбоку. Лишь въ таморѣ, вышеописанномъ, намъ удалось встрѣтить центральное положеніе очага. Однако, напримѣръ, въ домѣ, представленномъ на черт. 27, гдѣ очагъ помѣщенъ, впрочемъ, не въ вѣжѣ, а въ кухнѣ, онъ такъ

[1]) Очагъ по словински огнишче (ognjišče). Слово это, почти утраченное нашимъ языкомъ и замѣненное словомъ очагъ, сохранилось и у другихъ южныхъ славянъ. Такъ, очагъ на сербскомъ языкѣ называется огњиште (или ватриште), а на болгарскомъ—огнище. Однако среди славянъ Балканскаго полуострова существуетъ, какъ и у насъ, тѣсная связь между помянутыми словами и словомъ очагъ. Такъ, на сербскомъ языкѣ подъ словомъ оджак подразумѣваютъ дымникъ надъ очагомъ, (а равно постройку для дынныхъ сѣмянъ, далѣе домъ, дворъ). Въ частности въ Черногоріи подъ указаннымъ словомъ понимаютъ очагъ въ нашемъ смыслѣ, подъ словомъ оджаклиј а—каминъ или комнату съ каминомъ. Въ смыслѣ камина слово оджак понимаютъ и въ Босніи. Въ Болгаріи это слово означаетъ печку. Въ Черногоріи демир-оджак—есть подставка для дровъ на очагѣ. Очагъ и оџак одного происхожденія тюркскаго. *Ред.*

великъ и такъ выдвинутъ къ серединѣ, занимая добрую половину всей кухни, что и въ данномъ случаѣ его центральное положеніе, строго говоря, замаскировано слабо.

Если въ вѣжѣ помѣщается очагъ, то онъ занимаетъ (за единичными исключеніями) правый или лѣвый внутренній уголъ, въ зависимости отъ того, съ правой или съ лѣвой стороны отъ вѣжи помѣщается хиша, т. е. изба. Очагъ всегда примыкаетъ къ стѣнѣ послѣдней, очевидно, потому, что на него почти всегда выходитъ топка печи, находящейся въ хишѣ. Если въ вѣжѣ каменнаго дома находится очагъ, то потолокъ ея обыкновенно сводчатый (svod). Если свода во всей вѣжѣ или черезъ всю кухню не имѣется, то сводъ (коробковый) устраивается отъ мѣста очага къ противоположной сторонѣ. Дымъ отъ очага подымается подъ этотъ сводъ, тянется вдоль него къ противоположной стѣнѣ и выходитъ въ трубу (dimnik) [1]), устраиваемую именно здѣсь.

Отверстіе трубы свободно открывается раструбомъ въ помянутый сводъ, образуя прямое сообщеніе между внутренностью вѣжи (или кухни) и воздушнымъ пространствомъ надъ крышей. Надъ послѣдней труба возвышается на метръ или полтора метра, представляя четырехгранную каменную призму, покрытую сверху крышеобразно кирпичами (см. рис. 12—Б, 45 и 57).

Форма очага, какъ и величина его, различны. Помѣщаясь въ углу, онъ обыкновенно занимаетъ двѣ стѣны его, вытягиваясь въ большей или меньшей степени вдоль одной изъ нихъ. На планахъ описываемыхъ построекъ форма очага передается въ чертежахъ схематически. Высота очага довольно однообразна и не превышаетъ обыкновенно 1 аршина отъ пола. Очагъ сложенъ изъ камней, скованныхъ цементомъ, и прикрытъ плоскими каменными досками; съ боковъ его, внизу, находятся ниши для золы и дровъ. Устройство очага въ углу вѣжи подъ сводомъ передается рисункомъ 30—Б (домъ въ Блѣдѣ, изображенный на рис. 30—А и на чертежѣ 30, I—III). Изъ этого рисунка видно, что надъ очагомъ размѣщены полки (polica) съ кухонной посудой, поставцы (polica) для тарелокъ, гвозди для подвѣшиванія ложекъ и другой утвари. На очагъ, какъ сказано, выходитъ устье печи хиши (ustje; см. на планахъ букву u, съ крестикомъ); это ни что иное, какъ полукруглое отверстіе, черезъ которое топятъ печь и черезъ которое по истопленіи ея выгребается зола и кладется хлѣбъ для печенія.

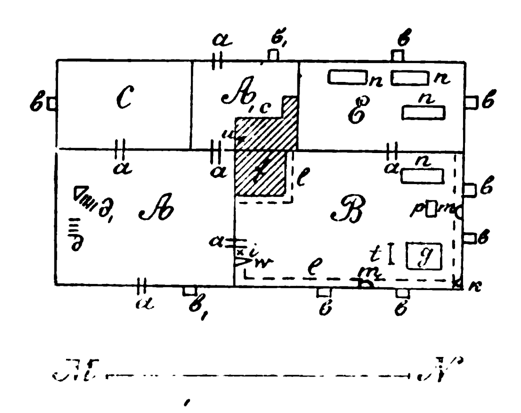
Кухня[2]) (см. букву A₁ на чертежахъ) въ домахъ Верхней Крайны

---

[1]) Слово это означаетъ и каминъ.

[2]) Кухня называется и кухной и кухней и кухой и кухиньей (kuhna, kuhnja, kuha, kuhinja). Слово куха означаетъ и варку, кушанье, овощи; кохаръ (kohar) —поваръ; кохати (kohati)—варить. Слово кухня и ему подобныя очень распространены среди славянъ вообще и въ частности среди южныхъ славянъ и именно въ одномъ и томъ же значе-

представляетъ тотъ выдающійся интересъ, что на ней можно прослѣдить самыя разнообразныя ступени ея развитія. Отдѣлена ли она отъ вѣжи или нѣтъ, существуетъ ли она за аркой, ступенью ниже или наконецъ за стѣной съ дверью—она въ большинствѣ случаевъ занимаетъ заднюю часть вѣжи; кухней заканчивается домъ по задней его стѣнѣ. Лишь въ единичныхъ случаяхъ сзади кухни можетъ находиться еще помѣщеніе, напр. схрамба (см. черт. 17). Послѣдняя можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стоять рядомъ съ кухней, занимая вмѣстѣ съ нею заднюю часть дома. Схрамбу можетъ замѣнить клѣть (черт. 18 или жилая комната—чумната, камерца (черт. 21). Если кухня дифференцирована, то она можетъ быть сдвинута въ сторону въ большей или меньшей степени, стѣсняя камру (черт. 19, 28 и 29). Далѣе кухня можетъ залегать между послѣдненазваннымъ помѣщеніемъ и схрамбой (или клѣтью,

ЧЕРТ. 20 (см. рис. 20). **Домъ въ деревнѣ Млино.** A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; C—камерца (чумната); E—камра; M—N—улица; a, a—двери; b, b—окна; b_1, b_1—оконца; c—очагъ; d--лѣстница на чердакъ; d_1—лѣстница внизъ въ клѣть; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ) - кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; p - комодъ; t—скамья; u (крестикъ)—топка печи; w—лева.

или чумнатой, какъ на черт. 20). Если кухня развита какъ обособленное помѣщеніе, то она можетъ занимать уголъ вѣжи, въ большей или меньшей степени выступая за предѣлы ея (черт. 24). Примѣрами наиболѣе дифференцированной кухни могутъ служить дома, планы которыхъ изображены на чертежахъ 25 и 30, III. Ниже будутъ отмѣчены нѣсколько типовъ верхнекрайнскихъ домовъ. Основные два мы называемъ трехраздѣльными: длиннымъ и широкимъ. Сочетаніе этихъ двухъ типовъ даетъ четырехраздѣль-

---

ніи какъ и у насъ. Такъ, кухня по сербски кухинья, кухарница, кужина, куина. Въ частности въ Босніи словомъ кухинья называется помѣщеніе, соотвѣтствующее словинской вѣжѣ съ очагомъ. Въ Болгаріи кухня называется кухна. Вмѣстѣ съ этимъ въ Болгаріи употребляется и славянское слово готварница и турецкое—мутвакъ.

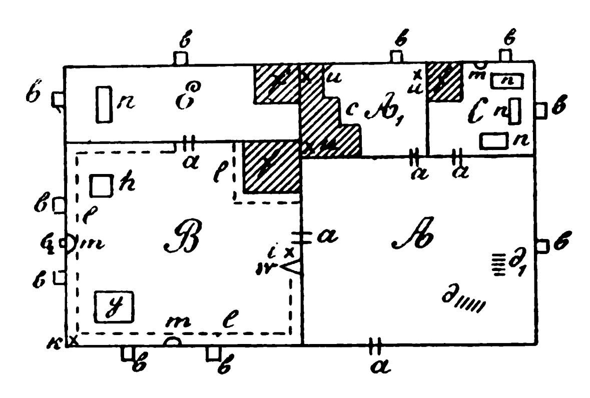
ный домъ. Надо отмѣтить здѣсь же, что кухня въ трехраздѣльномъ длинномъ типѣ вообще въ меньшей степени дифференцировалась, чѣмъ въ трехраздѣльномъ, широкомъ. Поэтому перечисленныя выше отклоненія отъ типичнаго положенія кухни встрѣчаются почти исключительно въ трехраздѣльныхъ широкихъ домахъ или въ домахъ четырехраздѣльнаго типа. Хотя развитая кухня и представляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно обособленную камеру, вліяющую на внѣшнее строеніе дома, но такъ какъ кухня, какъ типъ помѣщенія въ Верхней Крайнѣ есть все же лишь часть вѣжи въ разныхъ стадіяхъ своего развитія, то кухня при опредѣленіи степени раздѣльности дома нами не принимается во вниманіе. Если бы кухня во всѣхъ домахъ Верхней Крайны занимала приблизительно такое же обособленное положеніе какъ въ домѣ, изображенномъ на чертежѣ 30, III, то конечно ее слѣдовало бы разсматривать въ той же степени какъ отдѣльное помѣщеніе, какъ камру, схрамбу, чумнату или клѣть. Но такъ какъ отъ кухни этого типа до вѣжи съ очагомъ (т. е. безъ кухни) существуютъ всѣ стадіи развитія, ее нельзя иначе разсматривать какъ часть вѣжи, находящуюся въ пути своей дифференціаціи.

Если полъ (tla) [1]) въ вѣжѣ, содержащей очагъ, не сплошь каменный, то камень оставляется въ той части вѣжи, въ которой помѣщается очагъ. Полъ въ такихъ случаяхъ вымощенъ мелкимъ булыжникомъ или же онъ остается землянымъ. Это явленіе представляетъ первый шагъ въ процессѣ дифференціаціи помѣщенія съ очагомъ въ кухню. Дальнѣйшіе шаги заключаются въ слѣдующемъ. Та часть вѣжи, которая содержитъ очагъ, лежитъ на одну ступень ниже остальной ея части. Затѣмъ помѣщеніе съ очагомъ отграничивается собственно отъ вѣжи и по потолку: именно, помянутый выше коробковый сводъ образуетъ опусканіе потолка, опираясь на поперечную (поперекъ вѣжи) балку; иногда эта балка замѣняется аркой (въ каменныхъ домахъ). Этимъ способомъ достигается въ значительной степени обособленіе помѣщенія съ очагомъ отъ вѣжи, которая приблизительно въ два раза больше. Въ дальнѣйшемъ ходѣ указываемаго процесса отграниченіе первичной кухни отъ вѣжи идетъ путемъ замыканія стѣнъ: съ двухъ сторонъ (стѣнъ) вѣжи выстраиваются перегородки, упирающіяся наверху въ отмѣченную балку, держащую коробковый сводъ. Перегородки эти, не сходясь между собою, оставляютъ достаточное пространство, служащее ходомъ въ кухню. Наконецъ, перегородки эти, сойдясь ближе и слившись въ одно цѣлое, образуютъ стѣну, имѣющую особую дверь, соединяющую вѣжу съ кухней. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, кухня почти совершенно отдѣлена отъ вѣжи: недостаетъ лишь затвора къ двери, которая остается открытой. Процессъ завершается тѣмъ, что дверь получаетъ

[1]) Слово это въ настоящемъ своемъ значеніи служитъ выраженіемъ для почвы.

затворъ, а кухня—оконце для пропусканія свѣта. Такая кухня представляетъ даже въ богатыхъ домахъ очень тѣсное помѣщеніе, въ значительной степени занятое очагомъ.

Прокопченая и полутемная кухня предназначена служить только спеціальнымъ цѣлямъ. Поэтому въ ней обыкновенно ничего кромѣ необходимой утвари не помѣщается. Въ стѣнахъ, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ каменныя, даже въ деревянныхъ домахъ, продѣлываются нерѣдко ниши [1]) (см. на планахъ букву v) для хозяйственныхъ надобностей; нишу можетъ замѣнять омарце (omarce [2]), о которомъ будетъ ска-

ЧЕРТ. 21. **Домъ въ деревнѣ Верхняя Горья.** A—вѣжа; A1—кухинья; B—хиша; C—камерца (чумната); E—камра; a, a—двери; b, b—окна; b1—отверстіе на верху стѣны, имѣющее значеніе вентилятора (okenjce, odprtina); c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; d1—лѣстница въ кевдеръ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h—столъ для раскатыванія тѣста; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; u, u (крестики)—топки печей; w—лева.

зано ниже. Около очага или въ противоположномъ углу, независимо отъ того, помѣщается ли очагъ въ особой кухнѣ или въ самой вѣжѣ, можетъ находиться котелъ для варки пищи скоту (kotel; см. на планахъ букву e). Изъ кухни или вѣжи, если она содержитъ очагъ, можетъ быть выходъ наружу, и тогда домъ является проходнымъ. Однако часто выхода наружу нѣтъ, и домъ представляется замкнутымъ, съ однимъ ходомъ, о которомъ было уже сказано. Далѣе, изъ кухни можетъ быть ходъ въ кладовую—схрамбу, или клѣть, или наконецъ спускъ въ погребъ—кевдеръ, кевдерцъ или чевдеръ. Эти хозяйственныя помѣщенія могутъ примыкать и къ вѣжѣ, особенно если они содержатъ очагъ.

---

[1]) Ниша по словински вдолбина (vdolbina v zidu, т. е. въ стѣнѣ); vdolbsti—втѣсать, вдолбить, гравировать. По сербски ниша—удубленье у дувару (т. е. въ стѣну), жлеботина у зиду, уложа, ниша.

[2]) Собственно омаричъ (omarič)—стѣнной ящикъ, отъ омара (omara)—ящикъ вообще.

Имѣетъ ли вѣжа очагъ или нѣтъ, она служитъ сѣнями. Въ старинныхъ домахъ вѣжа отличается своими большими размѣрами. Шкафы, ящики для зерна и иныхъ припасовъ, иногда столъ, скамейка, точилка, полка, одна или нѣсколько (omara, skrinja, miza, klopica, brus, polica; см. буквы: x, o, p, s, z, r, [1]) составляютъ обычную утварь вѣжи; въ стѣнахъ — часто продѣлываются ниши. Обыкновенно вѣжа полутемная, часто лишена совершенно оконъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣется одно окно. Справа или слѣва отъ входной двери идетъ деревянная лѣстница (d) на чердакъ или во второй этажъ, если таковой имѣется; рядомъ съ этой лѣстницей часто идетъ другая внизъ (d_1) въ погребъ. Входъ въ послѣдній не рѣдко закрывается половицами, составляющими крышку люка къ сходу.

Въ связи съ ходомъ своего развитія, кухня помѣщается, за одиничными исключеніями, противъ входной двери, т. е. въ концѣ вѣжи; справа или слѣва отъ нея находится собственно жилье, именно: хиша, т. е. изба, и камра, если таковая имѣется. У входа[2]) въ хишу въ старинныхъ и не перестроенныхъ домахъ въ стѣнѣ торчитъ дымникъ (w) отъ левы, о которой будетъ сказано ниже. Съ противоположной хишѣ стороны вѣжи, если домъ развился и въ другую сторону, можетъ находиться либо чумната, либо клѣть, либо схрамба.

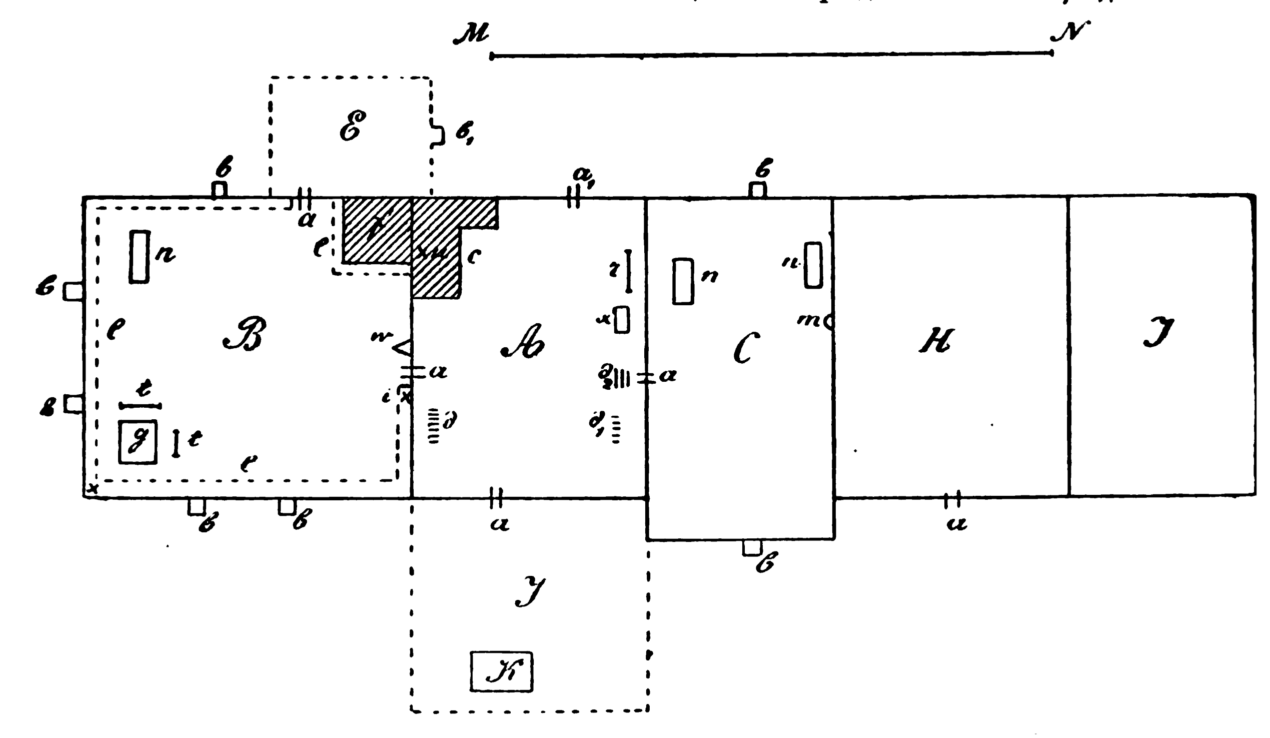
2. Хиша. Остановимся на хишѣ [3]), называемой также избой (см. на планахъ букву B). Мы видѣли, что въ вѣжѣ часто можетъ отсутствовать

[1]) Омара означаетъ, какъ сказано, ящикъ вообще; скринья—ящикъ, шкафъ, сундукъ; полица—значитъ также подносъ, поставецъ, выступъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ). На сербскомъ языкѣ скриньей (скринья) называется какъ шкафъ, такъ и ларь. Полица на сербскомъ языкѣ означаетъ поставецъ, въ частности въ Босніи—полку для тарелокъ. Въ русскомъ зодчествѣ полицей называютъ скатъ у крыши въ видѣ полки, которая и у насъ иногда называется полицей. Слово брус по сербски означаетъ какъ и на словинскомъ языкѣ брусокъ; брусити, brusiti на обѣихъ языкахъ означаетъ—точить.

[2]) Всѣ двери въ домѣ, кромѣ наружной, входной, называются дури (duri), что означаетъ и калитку.

[3]) Хиша означаетъ домъ, жилой домъ, вообще помѣщеніе, въ переносномъ смыслѣ очагъ; хишевати (hiševati)--хозяйничать: хишица (hišica)—домикъ. Слово хиша извѣстно и сербскому языку въ формѣ хижа, означающей домикъ и хижина—коморка, горенка, а также столовая. У чеховъ hyžka означаетъ бѣдный домъ. Въ восточной Болгаріи слово ижа или хижа употребляется въ смыслѣ деревенскаго дома или избы. Въ томъ же смыслѣ, а равно въ смыслѣ дома вообще, употребляется слово hyža у словаковъ (словенцевъ). Въ русскомъ языкѣ слово хижина, какъ извѣстно, употребляется въ смыслѣ бѣднаго убогаго жилья: хижина пастуха, дровосѣка, сторожа. Въ Сибири подъ хижей подразумѣваютъ шалашъ въ лѣсу, а въ Донской области подъ хижкой—отдѣльную кухонку и землянку. Подъ названнымъ словомъ, какъ въ словинскомъ, такъ и въ сербскомъ, русскомъ и чешскомъ языкахъ, подразумѣвается, въ противоположность нерѣдкому значенію слова коча, нѣчто прочное, хотя бы (какъ напр. хижина) и небольшое и небогатое, бѣдное. Однако ни у словинцевъ, ни у сербовъ слово хиша не выражаетъ понятія объ опредѣленномъ жильѣ реальномъ зданіи. Въ этомъ смыслѣ хижа или ижа сохранилась въ Болгаріи, у словаковъ и отчасти у насъ. Въ западной Болгаріи подъ наименованіями хижа или

ей нѣкогда обязательно принадлежавшій признакъ—очагъ. Въ своемъ архаическомъ (съ очагомъ), а быть можетъ, и первоначальномъ видѣ вѣжа представляетъ первобытное жилье, простѣйшее, однокамерное съ очагомъ. Хиша вносить новое начало въ словинскій домъ, начало раздѣльности. Тамъ, гдѣ

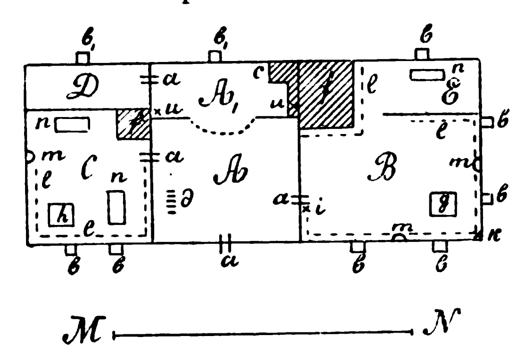
ЧЕРТ. 22. Домъ въ деревнѣ Бѣгунье, *выстроенный въ 1735 году.* А — вѣжа; В — хиша; С—чумната; Е—камра, полуразрушенная вслѣдствіе проведенія дороги; Н—хлѣвъ; I, I—навѣсы; К—свинушникъ; М—N—дорога (шоссе); а, а—двери; a_1—дверь, которой теперь не пользуются вслѣдствіе проведенія дороги; b, b—окна; b_1—оконце; с—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; d_1—лѣстница въ кевдеръ; d_2—три ступеньки вверхъ; f—печь; g—обѣденный столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m—омарце; n, n—кровати; r—полка; t, t—скамьи; u (крестикъ)—топка печи; w—лева; x—омара.

хижа понимають землянку въ нѣсколько комнатъ, въ противоположность однокамерной землянкѣ—бордель. Такая хижа не отопляется печью, но содержитъ очагъ; къ ней прислоняется помѣщеніе для скота; сама она покрыта двускатной крышей. У словаковъ hiža—деревенскій домъ—синонимъ избы (izba). Можно думать, что хиша и у словинцевъ первоначально служила отдѣльнымъ жильемъ, какъ и у болгаръ, но срубленнымъ и состоящимъ изъ бревенчатаго остова, жильемъ, не отопляемымъ печью. Именно въ этомъ смыслѣ современный словинецъ употребляетъ слово х и ш а, называя чердачную комнату, представляющую неотопляемый срубъ—gornja hiša, т. е. в е р х н я я х и ш а. Во всякомъ случаѣ, какъ въ томъ, повидимому, сомнѣваться не слѣдуетъ, современная хиша словинцевъ ведетъ свое происхожденіе отъ древняго жилья, вошедшаго, путемъ сочетанія съ вѣжей, въ составъ словинскаго дома. И у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга х и ж а повидимому вошла, какъ и въ Крайнѣ, въ составъ жилья, но сохранила первоначальную свою натуру неотопляемаго помѣщенія. А именно: на югѣ Европейской Россіи подъ хижей понимаютъ неотопляемую клѣть сбоку сѣней, имѣющую значеніе кладовой, чулана.

имѣется хиша, домъ, по крайней мѣрѣ, двураздѣльный. Въ настоящее время для хиши характернымъ признакомъ является печь (f): комната, не имѣющая печи по современнымъ понятіямъ не есть хиша. Хотя, конечно, могутъ быть комнаты съ печью, которыя не суть хиши и не несутъ этого наименованія. Однако есть основаніе думать, что первоначальная хиша не имѣла печи, и что она ее получила съ появленіемъ избы, съ которою она слилась, сдѣлавшись ея синонимомъ [1]). Есть еще признаки, которые никогда не отсутствуютъ въ хишѣ: обѣденный столъ и Распятіе (križ, т. е. крестъ). Кромѣ того хиша отличается отъ остальныхъ помѣщеній дома и числомъ оконъ. А именно: въ хишѣ почти всегда два окна, выходящія на фронтонъ, и два, выходящія на боковую сторону дома, тамъ гдѣ входная дверь. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки. Однако установить можно точно, что хиша почти никогда не имѣетъ трехъ оконъ съ фронтона (можетъ быть одно). Что касается боковой стороны, то вмѣсто двухъ оконъ въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются три окна,

[1]) Изба (izba) на словинскомъ языкѣ означаетъ комнату вообще, жилую комнату, помѣщеніе; izbana—зала (также dvorana). Слово изба вмѣсто хиши у словинцевъ менѣе употребительно, чѣмъ это послѣднее. Слово изба очень распространено у славянъ вообще. Въ Моравіи, а также у словаковъ этимъ словомъ именуютъ то помѣщеніе въ домѣ, которое совершенно соотвѣтствуетъ словинской хишѣ. На польскомъ языкѣ изба означаетъ: комнату, горницу, камеру, палату, клѣть. Въ Герцеговинѣ и Черногоріи подъ избой подразумѣваютъ нижнее помѣщеніе дома, приспособленное для хозяйственныхъ нуждъ или въ качествѣ конюшни. Отсюда черногорское выраженіе: на избу—домъ въ два этажа, съ конюшней или кладовой въ нижнемъ изъ нихъ. Однако въ сербскомъ, какъ и въ словацкомъ языкѣ изба имѣетъ и другое значеніе, а именно комнаты вообще, жилой комнаты, наконецъ домика. Наше слово изба переводится на сербскій языкъ словами изба, куча. Въ западной Болгаріи (какъ и у словаковъ) подъ избой подразумѣваютъ деревенскій домъ, въ частности хижу (ижу). Но у болгаръ избой называютъ и погребъ, въ частности винный погребъ и шалашъ. Въ русскомъ языкѣ слово изба, какъ извѣстно, очень распространено. Главное значеніе избы—это жилое помѣщеніе. Если въ ней печь безъ трубы, то—это черная изба, если съ трубой, то—бѣлая. Уже въ древней Руси подъ избами подразумѣвались главнымъ образомъ деревянные дома изъ бревенчатаго сруба. Слово изба въ до-петровской Руси (уже въ XV в.) употребляется въ смыслѣ присутственнаго мѣста. Въ XVII в. слово изба употребляется для обозначенія отдѣльныхъ комнатъ во дворцѣ, такъ, напр., столовая изба, постельная изба. Слово изба употреблялось и въ смыслѣ камеры: изба приказная, тіунская, и въ смыслѣ учрежденія: изба земская (1699 г.). Въ настоящее время слово изба употребляется какъ наименованіе крестьянскаго дома и въ частности какъ собственно жилое его помѣщеніе въ отличіе отъ клѣти, т. е. въ томъ же смыслѣ, что и въ Моравіи и Крайнѣ. У старожильческаго населенія Сибири подъ избой подразумѣвается однокамерная постройка, но обязательно съ печью. Разъ жилище крестьянина-старожила состоитъ изъ нѣсколькихъ помѣщеній, то оно на языкѣ сибиряка не изба, а домъ. Изба такимъ образомъ пустила глубокіе корни, выражая всегда не только нѣчто прочное, но въ большинствѣ случаевъ и отопляемое (за исключеніемъ Черногоріи, Герцеговины и отчасти Болгаріи), поэтому болѣе культурное. Можно даже отмѣтить, что именно отопляемость дала избѣ это наименованіе. Въ этомъ именно смыслѣ мы встрѣчаемъ избу въ нашихъ лѣтописяхъ съ древнѣйшихъ временъ. Изба въ лѣтописяхъ употребляется и въ слѣдующихъ правописаніяхъ: истьба, исдьба, издоба, пзъба. Въ лѣтописяхъ изба именуется и истобъка и истопка, съ явнымъ указаніемъ происхожденія слова отъ самаго свойства избы быть отопляемой, напр., «пристрои Ратиборъ отроки въ оружьи, истобку пристави истопити имъ». (Пов. вр. л.) Наконецъ изба въ лѣтописяхъ употребляется и въ смыслѣ бани.

иногда одно и наконецъ, какъ исключеніе, окна могутъ отсутствовать въ хишѣ съ боковой (длинной) стороны дома. Уменьшеніе или увеличеніе числа оконъ стоитъ отчасти въ прямой связи съ объемомъ хиши. Хотя большихъ размѣровъ хиша вовсе не всегда вызываетъ увеличенія числа оконъ, какъ и малыхъ размѣровъ хиша не приводитъ сама по себѣ къ сокращенію числа ихъ Большая хиша имѣетъ обыкновенно бо́льшихъ размѣровъ окна и болѣе широкіе простѣнки между ними; число этихъ оконъ, какъ сказано, остается въ большинствѣ случаевъ то же, что и у маленькихъ хишъ: два съ фронтона и два съ боковой стороны. Въ каменныхъ домахъ окна часто

ЧЕРТ. 23. Домъ въ деревнѣ Верхняя Горья, *построенный лѣтъ 100 тому назадъ* A—вѣжа; A_1—помѣщеніе для очага, отдѣленное отъ вѣжи короткими стѣнами, между которыми широкая арочная дверь; B—хиша; C—чумната; D—схрамба; E—камра, отдѣленная отъ хиши недоходящей до потолка стѣной; M—N—дорога-улица; a, a—двери; b, b—окна, b_1, b_1—оконца; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; u, u (крестики)—топки печей.

помѣщаются въ нишахъ, дающихъ возможность устраивать узкіе подоконники (polica).

Хиша представляетъ слѣдующее устройство. Если она находится слѣва отъ вѣжи (если справа, то все расположено въ обратномъ порядкѣ), то направо во внутреннемъ углу находится печь (f; подробности о ней ниже). Въ противоположномъ по діагоналѣ углу помѣщается обѣденный столъ (g). Въ другомъ углу фронтонной стѣны ставится столъ меньшей величины (h); на немъ раскатываютъ тѣсто. Этотъ столъ можетъ однако отсутствовать (или быть въ другомъ углу) и замѣняться кроватью (postelja [1])—n). Въ углу надъ обѣденнымъ столомъ виситъ Распятіе (буква k съ крестикомъ); по стѣнамъ направо и налѣво отъ него—картины, обыкновенно исключительно религіознаго содержанія. Отъ входной (отъ вѣжи) двери вдоль стѣны тянется укрѣпленная скамья (klopica, klop—l), которая то короче, то длиннѣе, но обязательно занимаетъ, по крайней мѣрѣ, стѣны угла, у котораго стоитъ обѣ-

[1]) Также постель (postelj), что значитъ и ложе; дѣтская кровать—oderc; oder—помостъ.

денный столъ. Подобныя скамьи прикрѣплены и къ печкѣ. Полъ (tla) обыкновенно деревянный; потолокъ тоже. Послѣдній, какъ и стѣны, обыкновенно выбѣленъ. Въ старыхъ домахъ потолокъ (strop) досчатый. Онъ поддерживается поперечной балкой [1]), на которой часто вырѣзана цифра года постройки дома (на забѣленной балкѣ цифры не видно). Съ одной или съ обѣихъ сторонъ балки и вдоль нея тянется длинная полка (polica), обыкновенно для домашней утвари. На стѣнѣ около входной двери помѣщается всегда кропильница (kropilnica, kropilnik — i, у крестика): небольшой фарфоровый крестъ съ чашечкой у подножья Распятія для святой воды. Въ простѣнкахъ между окнами часто находятся ниши, обдѣланныя деревянной рамой и закрывающіяся деревянной дверцей; это омарце (omarce—m), служащія для хозяйственныхъ надобностей. Кромѣ того въ хишѣ могутъ помѣщаться: комоды, шкафы (и то и другое omara—p, x), полки (r), подставки для тарелокъ (ri), передвижныя скамьи [2]) (stol—t); передъ обѣденнымъ столомъ: стулья, часы и т. п. предметы. Но всѣ они являются менѣе типичными, чѣмъ ранѣе помянутые.

Характернымъ для старыхъ домовъ является лева [3]) (leva—i, у крестика), потерявшая свое первоначальное значеніе. Лева есть ниша въ стѣнѣ, отдѣляющей хишу отъ вѣжи; она помѣщается съ той стороны стѣны, къ которой печка не примыкаетъ. Нижній край ниши (левы) выступаетъ впередъ, образуя какъ бы полку. Надъ нишей выдвигается крутой навѣсъ. Подъ нимъ идетъ отверстіе въ стѣну, имѣющее выходъ при посредствѣ дымника (y) въ вѣжу. Лева нѣкогда служила мѣстомъ зажиганія лучинъ, ради освѣщенія по вечерамъ. Въ настоящее время лева не исполняетъ этихъ надобностей и поэтому заброшена. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дымникъ (dimnik) еще торчитъ, какъ совершенно ненужный придатокъ, въ большинствѣ же случаевъ онъ уничтоженъ и данное мѣсто стѣны задѣлано и замазано. Сама лева тоже часто задѣлывается или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, передѣлывается въ омарце. Обычно левой совсѣмъ не пользоваться, либо въ нее ставятъ мелкую утварь.

Печь (peč) [4]) верхне-крайнскаго дома заслуживаетъ особеннаго внима-

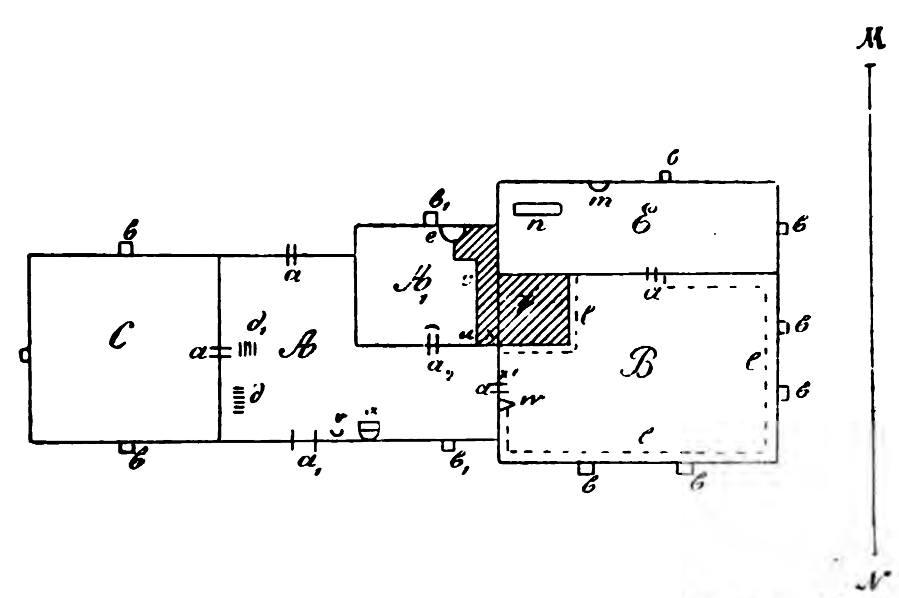
[1]) Балка эта называется стропникомъ или стропницей, пречникомъ или пречницей (stropnik, stropnica, prečnik, prečnica), или же трамомъ (tram; срав. нѣмецкое Tram). По поводу стропника слѣдуетъ вспомнить, что бревна, образующія крышу, у насъ называются стропилами.

[2]) Означаетъ и стулъ, сидѣнье Слово столъ въ смыслѣ сидѣнія извѣстно и болгарскому и сербскому языкамъ. Въ частности въ Болгаріи столъ означаетъ стулъ. У сербовъ сидѣнье называется столац; столица по сербски означаетъ каѳедру, стулъ, а также столъ Въ нашемъ языкѣ значеніе слова столъ въ смыслѣ сидѣнья сохранилось въ словахъ престолъ, столица и т. п.

[3]) Подъ этимъ словомъ подразумѣвается также и каминъ и ниша.

[4]) Подъ этимъ словомъ подразумѣвается печь всякаго рода. Peči—жарить, печь; pečica—маленькая печь; pečina—скала, пещера, ущелье. По сербски: печати—печь;

нія. Она никогда не топится изъ хиши, а всегда либо изъ вѣжи, либо изъ кухни, смотря по тому, гдѣ находится очагъ. Снаружи это полукирпично-глиняное (внизу), полу-изразцовое (наверху) сооруженіе, которое никогда не доходитъ до потолка. Кирпичная нижняя часть больше изразцовой верхней. Поэтому между послѣдней и стѣной образуется пространство (zapeček), слу-

ЧЕРТ. 24. Домъ въ деревнѣ Битие (см. рис. 24). A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша, служащая мастерской для столяра; C—чумната; E—камра; M—N—дорога-улица; a, a—двери; a_1—широкая входная дверь; a_2—арка въ стѣнѣ, замѣняющая дверь; b, b—окна; b_1, b_1—оконца; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; d_1—четыре ступени въ чумнату; e—котелъ для варки, корма скоту; f—печь; i (крестикъ)—кропильница; l, l—скамья; m—омарце; n—кровать; u (крестикъ)—топка печи; v—ниша; w—лова; x—шкафъ передъ нишей.

жащее зимой для спанья, особенно дѣтей. Размѣръ печи отчасти стоитъ въ связи съ размѣромъ хиши. Для нагляднаго представленія о размѣрахъ можно привести слѣдующій примѣръ. Длина хиши 5,5 метровъ, ширина (фронтонъ)—5 м., высота 2,3 м.; въ такой хишѣ помѣщается печь высотою: въ 1,5 м. и (внизу) длиною: въ 1,5 м., а шириною: въ 1,4 м. при ширинѣ запечка: въ 0,6 м. Изразцы [1]) верхней части печки всегда темнозеленаго цвѣта и квадратной формы, при чемъ въ старыхъ печахъ изразцы обыкновенно представляютъ вдавленныя, плоскія четырехгранныя пирамидки. Такіе из-

печина—пещера. Печка и на сербскомъ языкѣ печь (печка); въ Босніи печь называется и фуруна; у другихъ сербовъ: вуруна, цигланы, бабура, соба. Отъ послѣдняго слова получилось сербское слово соба въ смыслѣ комнаты, отопляемой печью, а также комнаты вообще, напр., соба за слуге—людская, собаджикъ или соба за дьецу—дѣтская. Соба и въ Болгаріи означаетъ печь, тоже что грънци (въ буквальномъ смыслѣ горшки) или оджакъ. Soba. sobana на словинскомъ языкѣ означаетъ отопляемую комнату.

[1]) Изразцы по словински pečnice (един. чис. pečnica); по сербски изразецъ—к а з.

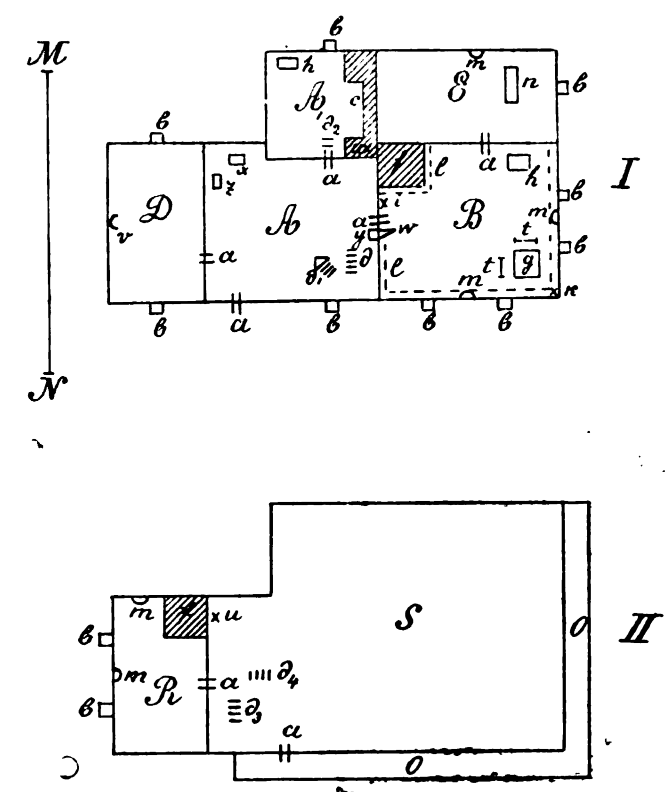
разцы даютъ, конечно, больше тепла, представляя бо́льшую площадь испусканія тепловыхъ лучей. Интересно отмѣтить, что разумное пользованіе тепломъ печи появляется уже на ранней степени развитія ея у южныхъ славянъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна боснійская печь, которая при всей своей простотѣ и незначительныхъ размѣрахъ даетъ много тепла, благодаря вдавленнымъ въ глину печи круглымъ глазированнымъ чашечкамъ, которыя ни что иное, какъ недоразвившіеся еще изразцы.

Верхне-крайнская печь исполняетъ двоякаго рода функціи: съ одной стороны, она согрѣваетъ хишу, а съ другой, служитъ для печенія хлѣба. Это ея назначеніе, повидимому, первичное. Къ этой мысли приводитъ то обстоятельство, что печь Крайны по существу совершенно тождественна съ нѣмецкимъ бакофенъ (Backofen). Между тѣмъ этого рода печь и по сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, напр. въ Тюрингіи, и въ Австріи, напр. въ Зальцбургѣ, совершенно не эксплоатируется какъ источникъ тепла. Служа только для печенія хлѣба, печь (Backofen) въ Тюрингіи, хотя и придѣлана къ дому, но связана съ нимъ лишь своимъ отверстіемъ, выступая всѣмъ своимъ корпусомъ наружу. Такая печь, изображенная на рисункѣ 51 (дер. Шварцхаузенъ въ герцогствѣ Кобургъ-Гота), представляетъ изумительный примѣръ того, какъ нѣкоторые бытовые архаизмы, не смотря на всю свою несообразность, способны сохраняться даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ вообще не стоитъ на низкой степени развитія.

Крайнская печь, какъ и описанный бакофенъ, трубы не имѣетъ. Дрова закладываются черезъ устье и печь топится до тѣхъ поръ пока не накалится настолько, чтобы быть въ состояніи печь хлѣбъ. Совершенно схожія по существу съ комнатною печью въ Верхней Крайнѣ имѣются печи и для иныхъ цѣлей. А именно: ради сушенія плодовъ устраиваются печи съ отверстіемъ снаружи, тогда какъ печь сама находится внутри спеціально для сушки существующаго зданія—паштбы (см. рис. 44). Совершенно аналогично устраивается и печь паштбы для сушенія конопли (рис. 36). Послѣдняя кладется на рамы, помѣщаемыя въ печь сверху ея. Такъ какъ конопля легко воспламеняется, то отверстіе печи дѣлается на большомъ (до 2 саж.) разстояніи отъ печи и притомъ ниже ея. Длинный подземный ходъ проводитъ нагрѣтый воздухъ въ печь (паштбу), производя свое дѣйствіе на коноплю. Рисунокъ 36 изображаетъ подобную паштбу изъ дер. Село. Она, сложенная изъ камней, круглой формы и покрыта навѣсомъ для предохраненія отъ дождя. Паштба эта находится на отлогомъ склонѣ, недостаточно рельефно передаваемомъ на рисункѣ. Тамъ, гдѣ виднѣется бѣловатый камень, находится топка.

3. Камра. Вѣжа и хиша составляютъ наиболѣе существенныя части жилья. Если эти два помѣщенія, соединившись вмѣстѣ, дали словинскому дому

двураздѣльность, то появленіе **камры** (kamra—буква E на планахъ) привело къ трехраздѣльности дома. Слово камра, какъ увидимъ ниже, часто употребляется для обозначенія разнаго рода помѣщеній. Здѣсь идетъ рѣчь о типичной камрѣ въ ея первоначальномъ смыслѣ, въ смыслѣ того помѣщенія, которое, давъ трехраздѣльность дому, вмѣстѣ съ тѣмъ расширило его. Въ Верхней Крайнѣ можно встрѣтить дома, въ которыхъ камра ни что иное,

ЧЕРТ. 25 (см. рис. 25). **Домъ въ деревнѣ Сламникъ,** *выстроенный лѣтъ 120 тому назадъ.* I—*низъ*; II—*верхъ*. A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; D—схрамба; E—камра; M—N—улица; O, O—галлерея; R—камерца наверху (gornja hiša); S—чердакъ; a, a—двери; b, b—окна; c очагъ; d—лѣстница на верхъ; d_1—лѣстница въ кевдеръ; d_2—двѣ ступеньки внизъ; d_3—лѣстница внизъ; d_4—лѣстница на верхній чердакъ; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h, h—малые столы; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n—кровать; t, t—скамьи; u, u (крестики)—топки печей; v—ниша; w—лева; x—омара; y—дымникъ левы; z—точилка.

какъ часть хиши, отдѣленная отъ послѣдней деревянной, идущей отъ фронтонной стѣны и не доходящей до потолка, перегородкой. Она не достигаетъ противоположной стѣны и тѣмъ самымъ оставляетъ проходъ въ камру, замѣняющій дверь (см. черт. 23). Изъ этого можно было бы сдѣлать заключеніе, что камра выдѣлилась изъ хиши, подобно тому какъ кухня образовалась изъ части вѣжи. Однако многочисленныя другія данныя убѣждаютъ, что кам-

возникла въ Верхней Крайнѣ путемъ пристройки новаго помѣщенія къ хишѣ. Камра очень часто несетъ явные признаки дополнительной пристройки (рис. 18); окно ея часто иныхъ размѣровъ и иной формы, чѣмъ окна хиши (см. рис. 20, 24); камра нерѣдко бываетъ ниже хиши и отдѣлена отъ послѣдней одной или двумя ступенями; наконецъ камра можетъ представлять каменное помѣщеніе въ совершенно деревянномъ домѣ (см. рис. 35). Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить, что камра встрѣчается въ совершенно опредѣленнаго типа домѣ, о которомъ будетъ подробнѣе сказано ниже. Въ сущности камра имѣетъ лишь одинъ характерный признакъ—одно окно со стороны фронтона; большаго числа оконъ съ этой стороны (за единичными исключеніями) не существуетъ. Помянутое окно обыкновенно единственное, но можетъ, хотя въ сравнительно и рѣдкихъ случаяхъ, существовать еще одно окно или оконце (или два) съ длинной стороны дома. Входъ въ камру — изъ хиши, а именно въ той стѣнѣ, къ которой примыкаетъ печь, и гдѣ обыкновенно стоитъ второй (для катанія тѣста) столъ. Камра представляетъ небольшую комнату обыкновенно болѣе длинную, чѣмъ широкую. Если она тянется вдоль всей хиши, а это отчасти стоитъ въ связи съ тѣмъ имѣется ли отдѣльная кухня или нѣтъ, то она (камра), по крайней мѣрѣ, вдвое длиннѣе своей ширины. Если же имѣется на лицо кухня, то она можетъ вмѣстѣ съ камрой занимать всю длинную сторону хиши, при чемъ камра въ этомъ случаѣ къ вѣжѣ совсѣмъ не примыкаетъ. Если камра мала, то она часто называется камерца, камрица (kamerca, kamrica). Она лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ печь съ топкою въ вѣжѣ или кухнѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ камра совсѣмъ не отапливается и является холодной комнатой. Тѣмъ не менѣе ея главное назначеніе—служить въ качествѣ спальни. Кромѣ кровати или нѣсколькихъ кроватей въ камрѣ иногда помѣщается шкафъ, комодъ и т. п. Въ стѣнахъ встрѣчаются обычныя ниши, иногда омарце. Необходимой принадлежностью верхне-крайнскаго дома камра, во всякомъ случаѣ, не является. Домъ можетъ состоять лишь изъ вѣжи и хиши или изъ вѣжи, кухни и хиши. Кромѣ того домъ можетъ быть благоустроенный и принадлежать состоятельному хозяину и все же быть безъ камры. Происходитъ это отъ того, что словинскій домъ развивался въ двухъ направленіяхъ: со стороны хиши, присоединивъ къ ней камру, и со стороны вѣжи, присоединивъ чумнату [1]).

4. Чумната (čumnata, [2]) см. на планахъ букву C и C_1), какъ и камра, получила въ настоящее время отчасти неопредѣленное значеніе. Однако въ своемъ типичномъ видѣ она сыграла въ дѣлѣ образованія словинскаго дома весьма важную роль. Она, въ свою очередь, дала трехраздѣльность дому,

[1]) См. подробности о камрѣ на стр. 49 и 93.
[2]) Чумната (великорусск.—комната, малорусс.—кимната, словацк.—komnata), на словинскомъ языкѣ означаетъ комнату вообще, въ частности—горницу, кабинетъ.

но не расширивъ его, какъ камра, а удлинивъ его. Поэтому камра и чумната породили въ Верхней Крайнѣ два совершенно разныхъ типа домовъ. Въ настоящее время про чумнату можно сказать лишь одно положительное: что этими именами называется дополнительная комната съ противоположной хишѣ стороны вѣжи. Эта комната въ типичномъ своемъ видѣ выступаетъ изъ всего зданія и несетъ явныя черты придаточной его части. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто одной чумнаты могутъ быть двѣ, и онѣ, выходя на фронтонъ, заполняютъ эту сторону дома. Чумната можетъ быть при наличности камры, можетъ существовать и безъ нея, въ зависимости отъ того сочетались ли два трехраздѣльные типа или нѣтъ. Число оконъ и ихъ расположеніе довольно произвольны, смотря по положенію чумнаты и соображеніямъ строителя; входная дверь всегда изъ вѣжи.

Чумната играетъ ту же роль въ домѣ, что и камра, т. е. служитъ для спанья [1]) или же она удѣляется для молодой четы. Устройство ея ничего особеннаго, по сравненію съ устройствомъ камры, не имѣетъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ чумнатѣ можетъ быть печь, съ топкою изъ вѣжи или кухни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и нѣкоторыми домохозяевами чумната называется тоже камрой или камерцей, повидимому, совершенно независимо отъ того имѣется ли на лицо вышеописанная камра при хишѣ. По этому поводу умѣстно замѣтить, что слово камра очень распространено среди славянскихъ народовъ. Такъ, въ Моравіи подъ словомъ камора (kamora) подразумѣвается комната (или двѣ), по своему мѣсторасположенію соотвѣтствующая верхнекрайнской чумнатѣ. У словаковъ комора (komora) есть помѣщеніе, соотвѣтствующее словинской камрѣ. Въ Черногоріи понимаютъ подъ словомъ камара отдѣленную отъ основного помѣщенія съ очагомъ комнату, соотвѣтствующую слѣдовательно, крайнской хишѣ. Совершенно такое же значеніе имѣетъ въ Крайнѣ слово камерца въ примитивныхъ двураздѣльныхъ домахъ, какъ напримѣръ въ жилищѣ сыровара, о которомъ, впрочемъ, будетъ сказано подробнѣе ниже. Камерцей въ Верхней Крайнѣ называютъ и дополнительную комнату на чердакѣ, которая, какъ было уже выше упомянуто, сооружается изъ бревенъ даже въ каменныхъ домахъ и именуется горней хишей. Наконецъ камерцами называются и тѣ отдѣленныя отъ кочи тамора млекарни, которыя были описаны раньше. Вообще этимъ словомъ склонны называть всякое дополнительное въ домѣ неотопляемое жилое помѣщеніе. Поэтому не удивительно если и чумната между прочимъ несетъ и это наименованіе [2]).

---

[1]) См. подробности о чумнатѣ на стр. 94.

[2]) Камра вообще на словинскомъ языкѣ означаетъ комнатку, коморку. Слово camera—латинское понятіе и означаетъ помѣщеніе со сводомъ. Распространившись по всей Европѣ, слово это было обобщено въ смыслѣ казнохранилища, впослѣдствіи учрежденій

5. **Схрамба, клѣть и кевдеръ.** Менѣе опредѣленной, чѣмъ чумната, является схрамба (shramba). Помѣщеніе это служитъ для хозяйственныхъ надобностей [1]) и можетъ называться кладовой, преимущественно для сухихъ припасовъ (см. на планахъ букву D). По своему положенію въ домѣ она иногда замѣняетъ чумнату, иногда находится рядомъ съ ней, а иногда составляетъ часть кухни. Входъ либо изъ вѣжи (если въ ней очагъ), либо изъ кухни. Схрамба можетъ быть лишена оконъ или имѣть одно, обыкновенно малой величины. Что касается клѣти (klet), т. е. кладовой [2]), подобной схрамбѣ, то это помѣщеніе смѣшивается со схрамбой и слово клѣть является часто синонимомъ послѣдней. По своему положенію клѣть (безъ оконъ или съ окнами) замѣняетъ, какъ и схрамба, чумнату (см. на планахъ букву F). Входъ почти всегда изъ вѣжи. Изъ вѣжи же, обыкновенно непосредственно у входной двери, идетъ спускъ по лѣстницѣ въ кевдеръ или чевдеръ, т. е. погребъ (kevder, čevder). Это помѣщеніе, если оно не замѣняется схрамбой, обыкновенно не отсутствуетъ. Свѣтъ въ погребъ проникаетъ черезъ маленькое оконце, находящееся ниже остальныхъ оконъ (см. рис. 33). Въ рѣдкихъ случаяхъ входъ въ кевдеръ имѣется снаружи.

Изъ этихъ поименованныхъ хозяйственныхъ помѣщеній наиболѣе обычнымъ является кевдеръ, а наиболѣе рѣдкой клѣть. Схрамба имѣется часто, но можетъ и отсутствовать. Присутствіе ея, повидимому, не стоитъ въ связи съ наличностью камры или чумнаты, тогда какъ послѣдняя, повидимому, не совмѣщается съ клѣтью, а эта со схрамбой. Такая неопредѣленность схрамбы и клѣти происходитъ отъ того, что эти помѣщенія, благодаря сочетанію двухъ основ-

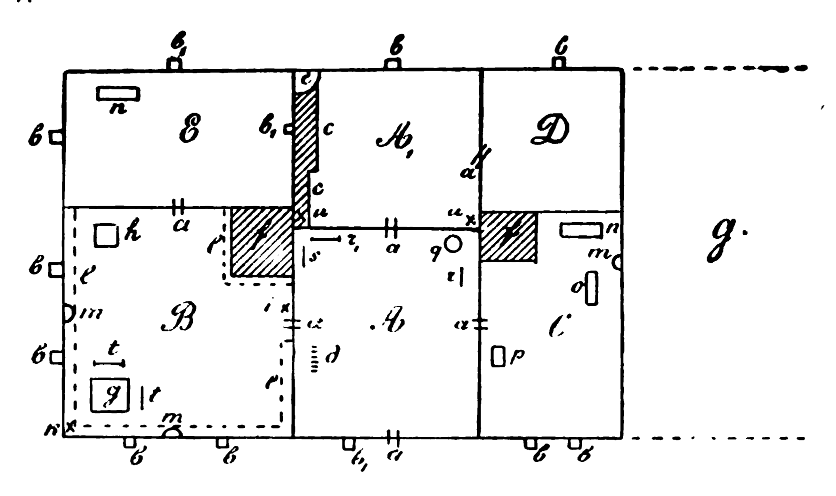

и управленій. У насъ слово камера замѣнило слово палата. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово camera получило значеніе помѣщенія въ домѣ: на французскомъ языкѣ—комнаты вообще (chambre), на нѣмецкомъ—второстепеннаго помѣщенія (Kammer), у насъ—убогой комнаты (коморка).

[1]) Схрамбой называется и ящикъ вообще, складъ, мѣсто склада; схрамба за ѣди (shramba za jedi)—столовая; далѣе схрамбой называютъ и ларь для зерна, т. е. скриню; ларь же называется иногда каштой (kašta). Этимъ послѣднимъ словомъ именуютъ и отдѣльно стоящее сооруженіе для припасовъ (см. «Кр. Ав. Крайны», стр. 14—кошта).

[2]) Клѣтью называютъ и подвалъ и погребъ, т. е. кевдеръ. Слово клет въ сербскомъ языкѣ означаетъ горницу; въ частности у васоевичей въ Черногоріи клieт значитъ кладовая, какъ синонимъ—зграды. Въ русскомъ языкѣ клѣть означаетъ холодную половину избы. Лѣтомъ она служитъ для спанья. Въ ней же устраиваютъ новобрачныхъ. Клѣть у нашихъ крестьянъ служитъ также для храненія имущества и др. Въ старину у богатыхъ было по нѣсколько клѣтей: для принадлежностей ѣзды, для оружія и др. Во всякомъ случаѣ, какъ у словинцевъ, такъ у сербовъ и у насъ подъ клѣтью подразумѣвается часть дома, предназначенная главнымъ образомъ для хозяйственныхъ надобностей. Въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи клѣтью называется и прямоугольный срубъ, образующій деревянную церковь. Наше слово клѣть переводится по сербски словами: клиjет, кучара, хаjат, јата. Существуетъ мнѣніе, что клѣть—есть основаніе русскаго жилья. Клѣть у насъ извѣстна уже въ X—XI вѣкѣ. Основаніемъ древнихъ нашихъ церквей былъ четырехугольный срубъ—клѣть.

ныхъ типовъ трехраздѣльнаго дома, утратили свое первоначальное назначеніе. Есть основанія думать—доказательства будутъ приведены ниже—что то мѣсто, которое типично для чумнаты, первоначально занималось клѣтью, которая, по крайней мѣрѣ въ своемъ наименованіи, была вытѣснена позднѣйшей схрамбой. Вообще слово клѣть употребляется въ Верхней Крайнѣ рѣдко. Оно получило значеніе кладовой и въ этомъ значеніи замѣнено словомъ схрамба, которая, отдавъ занятое ею мѣсто клѣти для чумнаты, утратила и устойчивость своего положенія въ домѣ. Клѣть, какъ и чумната, и, вѣроятно, схрамба принадлежатъ трехраздѣльному длинному типу дома. Перейдя отчасти въ широкій типъ, а главнымъ образомъ въ типъ смѣшанный (четырехраздѣльный), помѣщенія эти смѣстились, занимаютъ въ настоящее время то ту, то другую часть дома.

ЧЕРТ. 26 (см. рис. 26). **Домъ съ Нижней Долины Св. Екатерины за Тержичемъ.** A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; C—чумната; D—схрамба (называемая хозяевами чевдеръ); E—камра; G—мѣсто примыкающаго скеденя; a, a двери; b, b—окна; b_1, b_1—оконца; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; e—котелъ для варки корма скоту; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h—столъ для катанія тѣста; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; o—скринья; p—комодъ; q—круглый столъ; r—полка; r_1—скамья съ лоханками; s—полка съ тарелками; t, t—скамьи; u, u (крестики)—топки печей.

6. Верхній этажъ. Описанныя помѣщенія указываютъ на постепенное развитіе верхне-крайнскаго дома въ горизонтальномъ направленіи. Но развитіе этого дома шло и въ направленіи вертикальномъ путемъ выдѣленія части чердачнаго помѣщенія подъ дополнительное жилье. Изъ вѣжи, какъ уже указано, идетъ лѣстница [1]) въ верхній этажъ (nad hišo, na vrhu). Онъ въ большинствѣ случаевъ ниже нижняго. Въ своемъ развитомъ видѣ

[1]) Если лѣстница подвижная, то она называется лѣствицей (lestvica, lestva); въ противномъ случаѣ—стопницей (stopnice).

онъ представляетъ то же устройство, что и послѣдній, а именно: имѣется вѣжа съ очагами (или съ кухней), хиша, камра и чумната. Такое устройство, повидимому, съ несомнѣнностью указываетъ на дробленіе семьи, на выдѣлъ молодой семьи отъ старой. Въ настоящее время верхъ часто отдается въ наймы, за отсутствіемъ въ немъ надобности для нижнихъ жильцовъ или же предоставляется взрослымъ дѣтямъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ верхъ не только не имѣетъ вѣжи, но состоитъ лишь изъ одной или двухъ комнатъ, занимающихъ часть чердака. Такая комната, какъ уже указано, представляетъ часто въ каменныхъ домахъ деревянный срубъ, нерѣдко съ архаичными окнами, и является типомъ переживанія деревянныхъ построекъ. Подобная комната обыкновенно называется камерца (см. на планахъ букву R и R_1 [1]). Однако это наименованіе позднѣйшее. Комната на чердакѣ носитъ другое, гораздо болѣе типичное, названіе—горней хиши. Этимъ именемъ устанавливается тѣсная связь между верхнимъ и нижнимъ жильемъ. Послѣднее модифицировалось, пріобрѣвъ свойственную избѣ печь и получивъ поэтому наименованіе избы. Верхняя же хиша сохранила свои первоначальныя свойства. Послѣднія выражаются и въ томъ, что горняя хиша обыкновенно срубчатая. Въ этомъ видѣ верхняя комната занимаетъ уголъ чердака. Такихъ комнатъ можетъ быть двѣ или даже четыре—по двѣ съ каждой стороны фронтона. Очагъ, т. е. основа жилья, въ верхнемъ этажѣ рѣдокъ. Изъ этого видно, что послѣдній развивался не изъ вѣжи, которая устраивалась лишь въ богатыхъ, многолюдныхъ и распадавшихся семействахъ, а изъ скромнаго верхняго сруба, игравшаго роль чумнаты, но сохранявшаго типичныя особенности древняго жилья, именно: срубъ и архаическія окна (см. рис. 16 и 28).

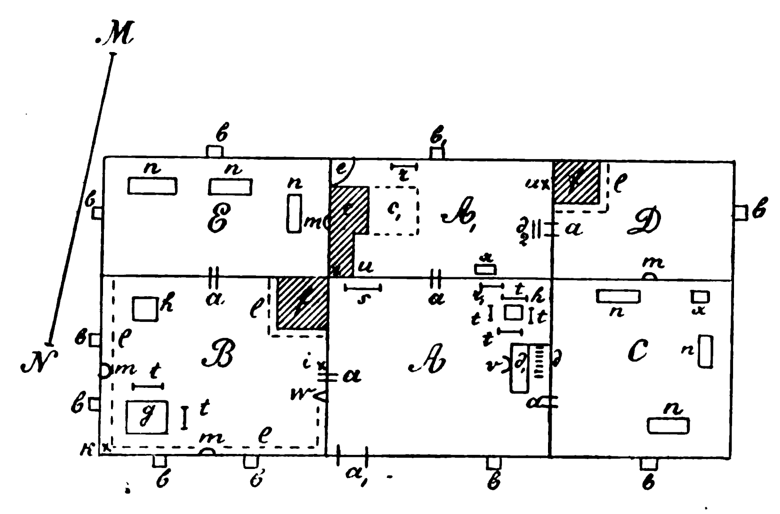
7. Чердакъ. Если въ домѣ не имѣется верхняго этажа, то упомянутая лѣстница изъ вѣжи ведетъ прямо на чердакъ [2] (podstrešje, см. на планахъ букву S). Въ противоположномъ случаѣ лѣстница къ нему стоитъ въ верхней вѣжѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ чердакъ не имѣетъ особаго потолка и открывается прямо подъ крышу. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, немногихъ домахъ устраивается легкій дощатый потолокъ съ люкомъ, къ которому ведетъ новая лѣстница. Въ чердакѣ, какъ уже отмѣчено, иногда устраивается камерца. Обыкновенно же онъ служитъ исключительно для склада рухляди. Изъ домашняго инвентаря тамъ помѣщаются длинные лари—скриньи (skrinja) для сохраненія одежды [3]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ

[1]) Такая комната называется на словинскомъ языкѣ и подстрѣшницей (podstrešnica), т. е. подкрышная, чердачная.

[2]) Чердакъ на словинскомъ языкѣ называется и подстрѣшиной (podstrešina).

[3]) Какъ указано, скринья можетъ называться и сврамбой, если она служитъ для сохраненія зерна. Словинскія скриньи, среди которыхъ не рѣдкостью являются сдѣланныя въ началѣ XIX в., обыкновенно расписываются зеленой и красной краской (съ розами).

или нѣсколько членовъ семьи спятъ на чердакѣ, для чего ставятъ кровати. Чердакъ освѣщается при посредствѣ прорѣза (lina) въ щитѣ (щиицѣ) фронтона характерной формы (см. рис. 15—A, 20, 28, 35, 37, 45 и др.). Такъ какъ чердакъ обыкновенно нѣсколько приподнятъ, то съ наружныхъ боковыхъ его сторонъ, между крышей и нижнимъ этажемъ дома устраивается галлерея (см. на планахъ букву O). Примыкая къ боковой сторонѣ дома или обѣгая его по фронтону, галлерея эта, соединяясь при посредствѣ хода съ чердакомъ, ведетъ въ верхнюю часть скеденя, если таковой примыкаетъ къ дому. Прямого же соединенія чердака со скеденемъ, безъ посредства галлереи, въ верхне-крайнскихъ домахъ не имѣется, такъ что скедень и здѣсь отдѣленъ отъ жилого дома.

ЧЕРТ. 27 (см. рис. 27). **Домъ въ деревнѣ Блѣдъ,** ***выстроенный лѣтъ 400 тому назадъ.*** A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; C—чумната (камерца), бывшая прежде клѣтью или схрамбой; D—схрамба, бывшая прежде чумнатой; E—камра; M—N—улица; a, a—двери; a_1—широкая входная дверь; b, b—окна; b_1—оконце; c—очагъ; c_1—разрушенная часть очага; d—лѣстница на чердакъ; d_1—выступающая толстая стѣна, держащая своды вѣжи; d_2—двѣ ступени внизъ; e—котелъ для варки корма скоту; f, f—печи; g—обѣденный столъ; h, h—малые столы; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; r—полка; r_1—висячая полочка для ложекъ; s—скамья съ юханками; t, t—скамьи; u, u (крестики)—топки печей; v—ниша; w—лева; x—омара.

V. Типы сложныхъ построекъ.

Мы разсмотрѣли отдѣльныя помѣщенія, служащія составными частями верхне-крайнскаго дома. Обратимся теперь къ ихъ взаимному отношенію, дабы, по возможности, уяснить себѣ происхожденіе словинскаго жилья въ Верхней Крайнѣ. Начнемъ съ болѣе простыхъ типовъ и перейдемъ къ болѣе сложнымъ.

съ обозначеніемъ у замка цифры года. На сербскомъ языкѣ скриња означаетъ ларь, шкафъ, а на русскомъ (скрынья)—сундукъ.

Простѣйшія зданія, служащія жилищемъ пастухамъ и чедникамъ, мы уже описали, выдѣливъ ихъ изъ остальной массы построекъ. Типичной чертой для всѣхъ этихъ построекъ является то, что онѣ заключаютъ лишь одно помѣщеніе, служащее и для сохраненія очага и для жилья. Характерно далѣе для нихъ и то, что помянутыя постройки не отапливаются печью. Онѣ слѣдовательно однокамерны и неотопляемы. Слѣдующая ступень за байтой, станомъ, кочне и таморомъ, которую занимаетъ крайнское жилье—есть двураздѣльный домъ.

1. Двураздѣльный домъ (вѣжа и хиша). Двураздѣльнымъ домомъ мы называемъ ту постройку, которая состоитъ изъ двухъ помѣщеній. Изъ нихъ одно, основное, содержитъ очагъ и играетъ роль какъ сѣней, такъ и кухни, а другое предназначено спеціально для жилья. Поэтому съ нашей точки зрѣнія описанное выше жилое кочне, имѣющее передъ входомъ собственно въ жилье маленькое отдѣленіе, хотя и представляетъ какъ бы переходную ступень отъ однокамерной постройки, однако не является двураздѣльнымъ. Послѣднее слѣдуетъ сказать и объ описанномъ таморѣ. Тѣ камерцы—млекарни, которыя отдѣлены въ таморѣ отъ кочи дощатыми низкими стѣнами, суть образованія втораго, позднѣйшаго порядка, и ихъ, по нашему мнѣнію, разсматривать какъ дифференцированныя помѣщенія не представляется возможнымъ.

Во всѣхъ сложныхъ домахъ Верхней Крайны, начиная отъ двураздѣльныхъ и кончая четырехраздѣльными, основное помѣщеніе съ входною дверью называется вѣжа. Послѣдняя содержитъ въ двураздѣльныхъ домахъ обыкновенно очагъ. Однако онъ уже въ этихъ простыхъ постройкахъ можетъ быть выдѣленъ въ особое помѣщеніе—кухинью или кухню. Такъ какъ послѣдняя, какъ въ двураздѣльныхъ домахъ, такъ и въ сооруженіяхъ болѣе сложныхъ, обыкновенно тѣснѣйшимъ образомъ связана съ вѣжой, то разсматривать ее (т. е. кухню), какъ вполнѣ обособленное помѣщеніе, не представляется возможнымъ. Поэтому присутствіе или отсутствіе кухни, ея большая или меньшая дифференціація, съ нашей точки зрѣнія, не должны въ Верхней Крайнѣ приниматься во вниманіе при опредѣленіи степени раздѣльности дома. Въ связи съ этимъ мы называемъ дома: двураздѣльными, трехраздѣльными и четырехраздѣльными, не взирая на то, имѣется ли кухня или нѣтъ.

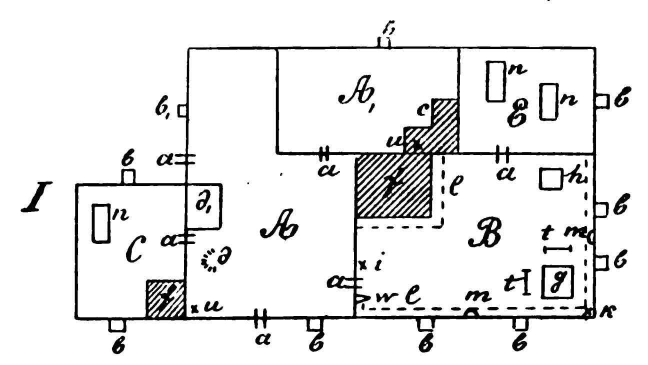
Двураздѣльность верхне-крайнскаго дома обусловливается тѣмъ, что къ вѣжѣ примыкаетъ хиша, т. е. помѣщеніе, предназначенное для жилья.

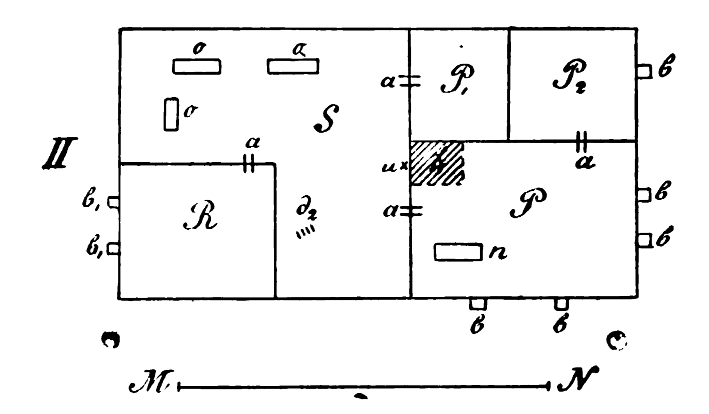
Какъ переходную ступень къ этому типу дома можно разсматривать двураздѣльную постройку, служащую жильемъ для сыровара и называемую сирарницей (sirarnica, на горѣ Черна Пырстъ, на высотѣ 1.600 м.). По внѣшнему своему виду это сооруженіе почти тождественно (см. рисунокъ 3) съ жилымъ кочне, описаннымъ уже выше и лежащимъ на той же

горѣ по близости отъ сирарницы. Внутреннее устройство послѣдней слѣдующее (см. планъ на чертежѣ 3). Входная дверь ведетъ въ помѣщеніе, называемое вѣжой. Въ ней налѣво отъ двери помѣщается очагъ. Онъ сложенъ изъ неотесанныхъ камней круглой формы и едва подымается отъ земляного пола. Очагъ этотъ окруженъ камнями, образующими бортъ высотою въ $^1/_2$ аршина. Поэтому возможно выразиться, что огонь горитъ не на очагѣ, а въ очагѣ. Надъ очагомъ виситъ котелъ для сыроваренія. Кромѣ очага въ вѣжѣ находится скамья со сложенными кружками сыра. Изъ вѣжи ведетъ прорѣзанная въ срубѣ квадратной формы дверь, обдѣланная рамой, въ заднее помѣщеніе, служащее жильемъ. Въ ней находится рядъ полокъ, расположенныхъ одна надъ другой, для склада сыра и нара для постели. Таково несложное устройство простѣйшаго двураздѣльнаго строенія Верхней Крайны. По внѣшнему своему виду (см. рисунокъ 3) описанная сирарница тѣсно примыкаетъ къ первобытному жилью пастуховъ и чедниковъ (кочне, байта и станъ), отличаясь вмѣстѣ съ ними отъ остальныхъ построекъ тѣмъ, что входная дверь находится съ фронтонной стороны дома. Однако описанная сирарница представляетъ въ дѣлѣ развитія жилища крупный, по сравненію со станомъ, байтой, кочне и таморомъ, шагъ впередъ, благодаря тому, что къ основному помѣщенію съ очагомъ примкнула совершенно новая ячея, которая никогда не отсутствуетъ въ домѣ словинца до самыхъ развитыхъ типовъ включительно. Эта ячея со временемъ становится не менѣе основной, чѣмъ вѣжа, она становится хишей, т. е. тѣмъ помѣщеніемъ, которое является фактическимъ центромъ жилища. Отмѣченная ячея въ сирарницѣ не называется хишей и не можетъ, по современному значенію этого слова, ею называться, такъ какъ подъ хишей въ настоящее время подразумѣвается развитое жилье, отличительной особенностью котораго является печь. Разъ послѣдней не имѣется, то данное помѣщеніе на современномъ языкѣ словинцевъ не есть хиша. Выше уже указывалось, что у словинцевъ нынѣшняго времени существуетъ тенденція именовать всякое жилое, но не отопляемое, помѣщеніе камрой. Поэтому и помѣщеніе, фактически замѣняющее хишу въ сирарницѣ, именуется к а м р о й. Это наименованіе, конечно, не исключаетъ правдоподобности предположенія, что въ камрѣ сирарницы, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть именно первичнаго вида хишу,—постройку, бывшую первоначально, какъ указывалось, неотопляемымъ срубомъ.

Построекъ подобныхъ сирарницѣ въ деревняхъ не имѣется. Да и вообще двураздѣльные дома въ Верхней Крайнѣ представляются рѣдкостью. Тамъ, гдѣ они еще существуютъ, они по внѣшнему своему виду обыкновенно тѣсно примыкаютъ къ болѣе сложнымъ домамъ, имѣя входную дверь, какъ и послѣдніе, съ длинной стороны, а не съ фронтона. Примѣромъ обычнаго двураздѣльнаго

дома можетъ служить слѣдующій, изображенный на рис. 5. Этотъ домъ (изъ дер. Верхняя Горья) полукаменный, полудеревянный: изъ камня сдѣлана вѣжа, выступающая нѣсколько впередъ, изъ дерева же хиша. Домъ этотъ былъ выстроенъ лѣтъ 60—70 тому назадъ для выдѣленнаго изъ семьи старика-отца. Впослѣдствіи домъ ремонтировался: были пробиты большія окна и стѣны замазаны глиной. Домъ по своему внутреннему устройству можетъ считаться весьма типичнымъ (см. черт. 5). Входная дверь ведетъ въ вѣжу, въ углу которой помѣщается очагъ съ топкою печи. Изъ вѣжи, освѣщаемой неболь-

ЧЕРТ. 28 (см. рис. 28). **Домъ въ деревнѣ Верхняя Горья,** *выстроенный въ 1778 году.* —*низъ*; II—*верхъ*. A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; C—чумната (камра, камерца); E—камра; M—N—дорога; P, P_1 и P_2—отдѣльныя комнаты въ чердачномъ помѣщеніи; R—камерца; S—чердачное помѣщеніе; a, a—двери; b, b—окна; b_1, b_1—маленькія окна; c—очагъ; d—лѣстница наверхъ; d_1—каменный столбъ для держанія сводовъ; d_2—лѣстница внизъ; f, f—печи f_1—разрушенная печь; g—обѣденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; o, o—скриньи; t, t—скамьи; u, u (крестики)—топки печей; w—лева.

шимъ оконцемъ, ведетъ лѣстница на чердакъ; здѣсь же имѣется дверь въ хишу съ двумя окнами, какъ со стороны фронтона, такъ и съ боковой стороны.

Описанный домъ, хотя и представляетъ, благодаря своей двураздѣльности, примѣръ малаго развитія жилого помѣщенія, тѣмъ не менѣе онъ по

своей внѣшности является домомъ, такъ сказать, модернизированнымъ и поэтому утратившимъ архаичныя формы. Въ отношеніи развитія жилья интересными представляются два слѣдующіе дома. Одинъ изъ нихъ лежитъ близъ деревни Зазеро (см. рисунокъ 31) одиноко у р. Савы, образуя усадьбочку. Домъ весь деревянный, но съ довольно большими окнами. Позднѣйшаго ли послѣднія происхожденія или нѣтъ—неизвѣстно. Домъ любопытенъ тѣмъ, что онъ топится совершенно по черному, т. е. въ немъ совсѣмъ нѣтъ трубы, выходящей на крышу, и дымъ выходитъ черезъ дымникъ (желѣзная труба) въ отверстіе стѣны около входной двери. Но главный интересъ этого дома заключается во внутреннемъ его устройствѣ. Входная дверь (см. чертежъ 31) съ фронтонной стороны ведетъ въ вѣжу съ очагомъ; слѣва отъ нея небольшое помѣщеніе съ кроватью, называвшееся хозяиномъ камерцей. Къ вѣжѣ и къ камерцѣ по всей ихъ длинѣ примыкаетъ хиша съ большой печью по серединѣ. Домъ этотъ возможно разсматривать какъ своеобразнаго типа трехраздѣльную постройку. Но на него можно смотрѣть и какъ на двураздѣльный домъ, въ которомъ часть вѣжи выдѣлена въ качествѣ особаго помѣщенія—камерцы. Во всякомъ случаѣ этотъ домъ стоитъ по расположенію его отдѣльныхъ помѣщеній, нѣсколько обособленно среди всѣхъ развитыхъ домовъ Верхней Крайны. Слѣдуетъ ли смотрѣть на него какъ на звено, связующее первобытныя верхне-крайнскія жилища съ жилищами деревень или же надлежитъ разсматривать этотъ домъ какъ представителя чуждаго для Верхней Крайны типа, занесеннаго въ нее случайно, на это могутъ отвѣтить лишь будущія наблюденія.

Не считаясь поэтому съ описаннымъ домомъ, могущимъ вызвать по своему типу нѣкоторыя сомнѣнія (отчасти и благодаря центральному положенію печи), остановимся на слѣдующемъ изъ дер. Млино, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній въ отношеніи прямой связи его со всѣми остальными домами Верхней Крайны. Домъ двураздѣльный и интересенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что входъ въ него находится со стороны фронтона. Домъ каменный, за исключеніемъ двухъ стѣнъ вѣжи, образующихъ ея внѣшній лѣвый уголъ. По внѣшнему своему виду домъ ничѣмъ не отличается отъ типа обычныхъ домовъ; поэтому онъ не воспроизводится въ рисункѣ. По плану своему (см. чертежъ 35) онъ тождественъ съ домомъ, планъ котораго воспроизведенъ на чертежѣ 5 изъ дер. Верхняя Горья. Все зданіе состоитъ изъ вѣжи и хиши. Въ первой замѣтно начало дифференціаціи кухни: помѣщеніе для очага отдѣлено отъ вѣжи аркой, въ которую упирается коробковый сводъ. Входъ, какъ сказано, съ фронтона; помѣщеніе съ очагомъ съ лѣвой стороны вѣжи; съ правой ея стороны обычная лѣстница на чердакъ. Изъ вѣжи вступаешь въ хишу, обычнаго устройства. Будь входная дверь съ длинной стороны дома, тамъ, гдѣ находится лѣстница на чердакъ, то тожественность

плана этого дома съ планомъ дома, изображеннымъ на рисункѣ 5, была бы полная. Отъ послѣднеуказаннаго дома описываемый домъ изъ дер. Млино отличается архаизмомъ. Домъ старинный, выстроенъ вѣроятно не позже первой половины XVIII в., тогда какъ дому изъ дер. Верхнее Горье лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ; къ тому же домъ этотъ подвергался перестройкѣ. Домъ изъ Млино представляетъ съ одной стороны большее развитіе, чѣмъ домъ изъ Верхней Горьи, такъ какъ въ послѣднемъ очагъ совсѣмъ не выдѣленъ въ особое помѣщеніе, тогда какъ въ домѣ изъ Млино кухня уже стала на извѣстную степень своей дифференціаціи. Но съ другой стороны домъ изъ Верхняго Горья болѣе развитъ, имѣя хишу съ полнымъ числомъ оконъ (два съ фронтона и два съ длинной стороны), имѣя и вѣжу съ оконцами. Въ домѣ же изъ Млино вѣжа совсѣмъ темная, а хиша лишь съ двумя окнами: по одному со стороны фронтона и съ длинной стороны. По своему плану домъ этотъ представляетъ характерную двураздѣльную постройку низкаго развитія, составляющую переходную ступень отъ низшаго жилья, въ частности: отъ жилья, подобнаго сирарницѣ, къ высшимъ, имѣющимъ входную дверь съ длинной стороны зданія, а не со стороны фронтона.

Деревянная крыша описанныхъ домовъ, большія окна, выбѣленныя стѣны, наконецъ каменный матеріалъ—все это тѣ новшества, которыя вѣроятно не были извѣстны предкамъ словинцевъ въ моменты ихъ перехода отъ однокамернаго жилья къ двураздѣльной постройкѣ. Какого приблизительно вида были первоначальныя двураздѣльныя жилища словинцевъ показываетъ отчасти описанная сирарница, а также слѣдующій домъ (кайжа) изъ дер. Примско, изображенный на рисункѣ 56. На этомъ рисункѣ мы видимъ домъ, состоящій изъ бревенчатаго сруба. Срубъ этотъ покоится на низкомъ, грубо сложенномъ каменномъ фундаментѣ и покрытъ соломенной крышей. Квадратной формы окна незначительной величины. Чердачное помѣщеніе со стороны фронтона не задѣлано. Все зданіе крайне скромнаго вида. Именно подобнаго рода домъ слѣдуетъ считать предшественникомъ современныхъ болѣе сложныхъ домовъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ трехраздѣльныхъ или даже четырехраздѣльныхъ.

Развитіе верхне-крайнскаго дома способна освѣтить, повидимому, слѣдующая изба, интересная во многихъ отношеніяхъ. Внѣшній ея видъ изображенъ на рисункѣ 6. Этотъ домъ, принадлежащій бѣдному крестьянину, помѣстился въ горахъ у дер. Ратече-Бѣлопечь, въ сѣверо-западномъ углу Крайны, недалеко отъ границы Каринтіи. Изба эта ветхая, покосившаяся, засѣла глубоко въ искуственной, повидимому, выемкѣ на склонѣ горы. Домъ, выстроенный въ 1794 году (цифра года на стропникѣ), весь изъ дерева, за исключеніемъ кухонной части зданія. Жилище двукамерное, если не считать кухню,

выдѣленную въ особенное помѣщеніе (см. чертежъ 6). Въ этомъ домѣ надлежитъ обратить вниманіе на слѣдующее. Во первыхъ, вѣжа проходная, причемъ входъ составляетъ не дверь, а ворота (см. рисунокъ 6) [1], дверь же находится на противоположной сторонѣ, т. е. въ кухнѣ. Поэтому эта дверь не можетъ считаться главной, входной и представляетъ выходъ изъ дома, а не входъ въ него. Направо отъ вѣжи помѣщается обычная хиша, а на противоположной сторонѣ находится хлѣвъ, имѣющій соединеніе съ вѣжой при посредствѣ воротъ. Къ хлѣву пристроенъ не соединяющійся съ нимъ внутреннимъ ходомъ сѣновалъ, а къ послѣднему примыкаетъ свинушникъ. Дома подобнаго рода, т. е. въ которыхъ хлѣвъ составлялъ бы одно цѣлое съ остальной частью дома, представляютъ рѣдкое исключеніе въ Верхней Крайнѣ. Они, будучи старыми, позволяютъ думать, что нѣкогда хлѣвъ составлялъ органическую часть дома. Впослѣдствіи онъ отпалъ отъ дома, былъ выдѣленъ изъ него либо въ отдѣльное совершенно помѣщеніе, связанное со сѣнями, либо въ нижній этажъ дома. Помѣщеніе же, занятое первоначально хлѣвомъ, было, быть можетъ, приспособлено для хозяйственныхъ или жилыхъ надобностей. Къ этой мысли приводитъ очень распространенный въ Верхней Крайнѣ типъ трехраздѣльной постройки.

2. Трехраздѣльный домъ. Подъ трехраздѣльнымъ домомъ мы понимаемъ ту постройку, въ которой кромѣ вѣжи и хиши имѣется третье помѣщеніе. Выше уже сказано, что кухню мы разсматриваемъ, благодаря разнороднымъ степенямъ ея развитія, какъ часть основного помѣщенія—вѣжи. Поэтому всякое отдѣленіе части кухни, даже мѣняющее конфигурацію дома, равнымъ образомъ не принимается нами какъ выражающее степень раздѣльности постройки. Двураздѣльный домъ превращается въ трехраздѣльный лишь въ томъ случаѣ, когда къ вѣжѣ и хишѣ двураздѣльнаго дома пристраивается новое помѣщеніе, вліяющее на внѣшность плана. Такая пристройка въ Верхней Крайнѣ можетъ быть либо со стороны хиши, расширяющая домъ, либо со стороны вѣжи (или вѣжи и кухни), удлиняющая его. Дробится ли пристройка на два помѣщенія или же она остается единичной ячей,—это все равно, такъ какъ дома сохраняютъ въ томъ и въ другомъ случаѣ основы трехраздѣльности.

Если вторая ячея, т. е. хиша, сосредоточивъ семью вокругъ печи и обѣденнаго стола, сдѣлалась центромъ жизни крестьянина, то третья ячея до степени подобнаго центра не возросла, и роль ея ограничилась въ качествѣ спальни или

---

[1]) Это явленіе, т. е. наличность воротъ вмѣсто входной двери, конечно, вызывается необходимостью проводить скотъ черезъ вѣжу въ хлѣвъ. Такой входъ въ домъ, состоящій изъ воротъ, вѣроятно, очень древній и предшествовалъ устройству собственно входной двери, замѣнившей ворота. Этой замѣной, очевидно, объясняется то, что входная дверь, какъ и ворота, называются «врата» (vrata), тогда какъ остальныя двери именуются «дури» (duri-

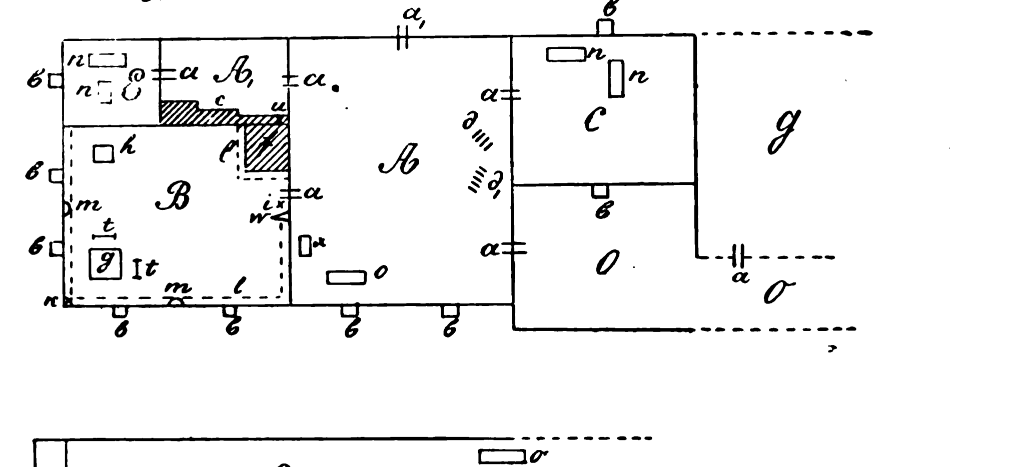
подобнаго помѣщенія. Таковой, по крайней мѣрѣ, неизмѣнно является та пристройка, которая прилегаетъ къ хишѣ и называется камрой. Что же касается пристройки со стороны вѣжи, то она можетъ служить одинаково, какъ въ роли спальни, такъ равно и въ роли кладовой. Въ первомъ случаѣ она называется чумнатой, а во второмъ клѣтью или схрамбой. Дробясь на два отдѣленія, пристройка со стороны вѣжи можетъ содержать схрамбу и чумнату или двѣ чумнаты. И въ томъ и въ другомъ случаѣ третья ячея жилого помѣщенія, составляющая пристройку со стороны вѣжи, становится на мѣсто, занимаемое хлѣвомъ въ описываемомъ только что домѣ у деревни Ратече-Бѣлопечь.

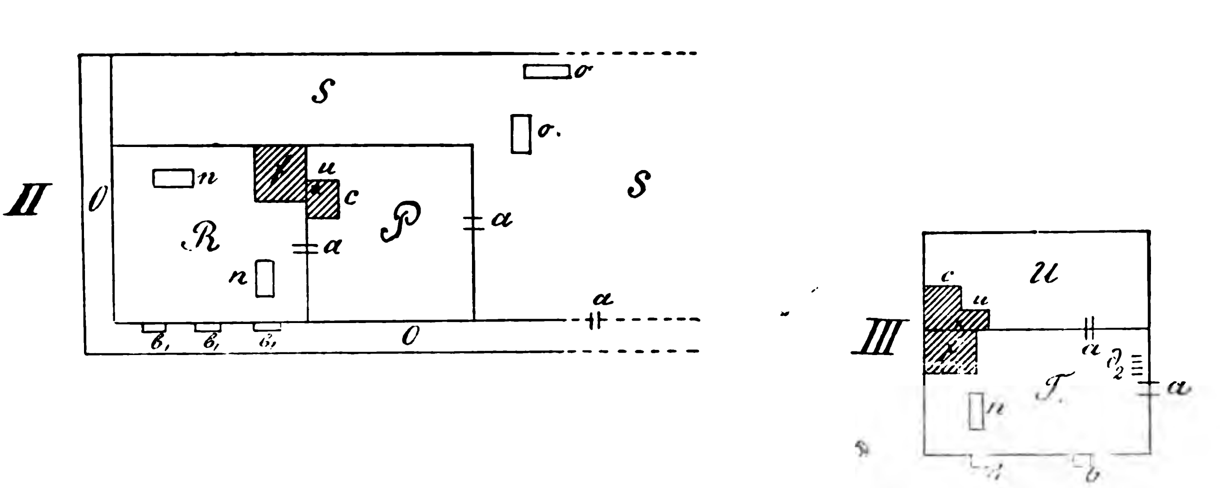
Въ зависимости отъ того, находится ли постройка, образующая третью ячею верхне-крайнскаго дома, со стороны вѣжи или со стороны хиши, трехраздѣльный домъ образуетъ особые типы, первый изъ нихъ представляетъ удлиненный домъ, а второй—развившійся въ ширину.

А. Трехраздѣльный домъ длиннаго типа (вѣжа, хиша и клѣть, или схрамба, или чумната). Рѣчь идетъ о той трехкамерной постройкѣ, которая состоитъ изъ вѣжи (съ кухней или безъ нея), хиши и чумнаты. Переходнымъ къ ней типомъ можетъ служить домъ изъ деревни Верхнее Горье, изображенный на рисункѣ 7. Планъ его виденъ на чертежѣ 7. Домъ деревянный, старый; онъ перестраивался и служитъ въ настоящее время въ качествѣ жилья для одинокихъ мужа съ женой. Кухня не вполнѣ дифференцировалась: она представляетъ, собственно говоря, одно помѣщеніе съ вѣжой, но лежитъ ступенью ниже ея; при этомъ она отдѣлена отъ вѣжи перегородкой по верху, вдоль потолка, и представляетъ поэтому какъ бы нишу въ вѣжѣ. Постройка можетъ показаться двураздѣльной. Двураздѣльность нарушается однако присутствіемъ съ противоположной стороны вѣжи помѣщенія, служащаго кладовой или схрамбой (вѣрнѣе клѣтью) и занимающаго мѣсто хлѣва въ описанномъ домѣ изъ дер. Ратече-Бѣлопечь.

Совершенно тѣсно, по типу постройки, къ этому дому примыкаетъ слѣдующій домъ въ дер. Блѣдъ, планъ котораго передается чертежомъ 8 (внѣшній видъ дома см. рис. 8-А и Б). Домъ этотъ каменный и выстроенъ не позже 1766 года (цифра года на ключѣ дверной арки). Входъ въ него идетъ по тяжелой каменной лѣстницѣ, образующей открытое крыльцо (рис. 8-А). Въ задней части дома внизу помѣщаются два хлѣва, а сверху скедень (рис. 8-Б). При входѣ попадаешь (чертежъ 8) въ вѣжу, а въ концѣ ея, ступенью ниже, въ кухню съ небольшимъ очагомъ. Направо отъ вѣжи вдоль всей ея стѣны и стѣны кухни находится хиша типичнаго устройства. Изъ кухни имѣется выходъ наискось (по діагоналѣ) отъ главнаго входа. Слѣва отъ вѣжи, не заходя за ея предѣлы, находится небольшое сравнительно помѣщеніе, служащее дѣтской (въ семьѣ 8 человѣкъ дѣтей)—это чумната.

Она освѣщается двумя небольшими окнами, рѣзко отличающимися (см. рис. 8-Б) отъ оконъ хиши (см. рис. 8-А). Здѣсь, слѣдовательно, мѣсто схрамбы предыдущаго дома заняло особое жилое помѣщеніе—чумната. Она составляетъ

ЧЕРТ. 29 (см. рис. 29—А и Б). **Домъ въ деревнѣ Верхняя Горья,** *выстроенный въ 1786 году.* I—*собственно жилое помѣщеніе;* II—*чердачное помѣщеніе съ жильемъ;* III—*комнаты подъ вѣжей.* A—вѣжа; A_1—кухинья; B—хиша; C—чумната (камра); E—камра; G—мѣсто, занятое скеденемъ; M—N—улица; O, O—галлерея: P и R—камерцы въ чердачномъ помѣщеніи; S—помѣщеніе чердака; T и U—помѣщеніе подъ вѣжей; a, a—двери; a_1—входная дверь съ улицы; b, b—окна; b_1 b_1—оконца; c, c—очаги; d—лѣстница наверхъ; d_1—лѣстница въ нижнее помѣщеніе; d_2—лѣстница съ верху f, f—печи; g—обѣденный столъ; h—столъ для раскатыванія тѣста; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—прикрѣпленныя скамьи; m, m—омарцы; n, n—кровати; o, o—скрини; t, t—скамьи; u, u (крестики)—топки печей; w—лева; x—омара.

въ послѣдне - описанномъ домѣ придатокъ, какъ бы не завоевавшій еще себѣ права гражданства.

Иное положеніе занимаетъ чумната въ слѣдующемъ домѣ, тоже изъ дер. Блѣдъ, планъ котораго передаетъ чертежъ 9 (внѣшній видъ дома см. на рис. 9). Домъ каменный, выстроенъ въ XVIII в., но горѣлъ и пере-

строенъ въ 1831 году (цифра на ключѣ дверной арки). При входѣ въ вѣжу видишь передъ собою кухню, отдѣленную отъ первой не сходящимися между собой стѣнами, образующими широкій входъ. Слѣва—обычнаго типа хиша, а справа—не уступающая ей по величинѣ чумната. Домъ этотъ стоитъ среди усадьбы. Противъ него отдѣльный обширный скедень, между ними каменная ограда съ двумя воротами (одни ворота видны на рис. 9); около скеденя находится колодезь, а рядомъ съ домомъ помѣщается свинушникъ. Чумната въ этомъ домѣ не только той же величины, что и хиша, но и освѣщена тѣмъ же числомъ оконъ: по два съ фронтона и главной длинной стороны и одно съ противоположной длинной стороны.

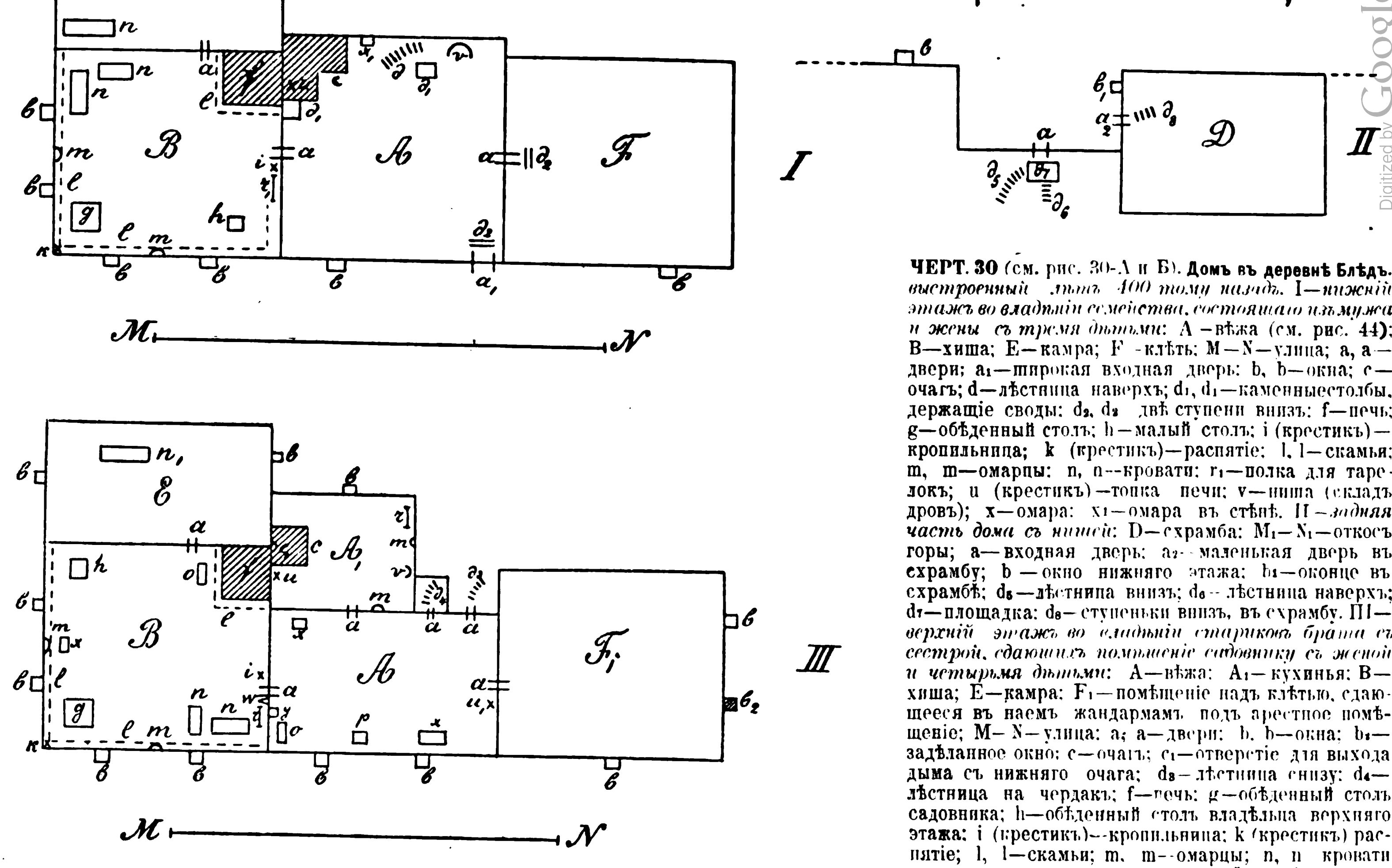
Совершенно схожіе типы съ типомъ только что описаннаго дома представляютъ слѣдующіе два, съ тою лишь разницею, что въ нихъ кухни въ большей степени дифференцировались. Первый изъ этихъ домовъ изъ дер. Ратече-Бѣлопечь изображенъ на рис. 10, (видная на рисункѣ дверь ведетъ въ хлѣвъ, дверь же въ домъ не видна). Низъ этого дома каменный, верхъ деревянный. Помѣщенію съ очагомъ (кухнѣ) удѣлена часть вѣжи постройкою стѣны наискось, (см. планъ на чертежѣ 10). Слѣва хиша, справа же чумната, называвшаяся хозяевами камра. Фронтонныя окна имѣются только въ чумнатѣ, такъ какъ къ стѣнѣ хиши примыкаетъ хлѣвъ, имѣющій особый наружный ходъ (см. рис. 10). Подобное расположеніе помѣщеній ни въ чемъ не нарушаетъ существа типа, такъ какъ постройка остается трехраздѣльной. Что касается второго изъ упомянутыхъ домовъ, то онъ (изображеніе его на рисункѣ 11) интересенъ тѣмъ, что состоитъ изъ двухъ этажей, при чемъ нижній этажъ исключительно для хозяйственныхъ надобностей. Домъ прислоненъ къ склону горы такъ, что этотъ склонъ образуетъ заднюю стѣну нижняго этажа, почему домъ съ задней стороны въ одинъ этажъ. Внизу имѣются три помѣщенія (см. планъ на чертежѣ 11, I и II): одно большое со входомъ передъ крыльцомъ (см. рис. 11) собственно говоря хлѣвъ, но въ настоящее время служитъ для содержанія многочисленныхъ куръ; другія два помѣщенія, съ общимъ наружнымъ входомъ за крыльцомъ и соединенныя внутреннею дверью, представляютъ клѣть для припасовъ. Правая часть клѣти, выходящая къ фронтону, освѣщается небольшимъ окномъ. Весь домъ каменный и выстроенъ не позже 1766 года (цифра года на ключѣ дверной арки); впослѣдствіи домъ передѣлывался и, вѣроятно, именно тогда получилъ окна, по своему общему характеру не свойственныя обычнымъ домамъ Верхней Крайны. Въ настоящее время этотъ домъ, лежащій около дер. Блѣдъ, занятъ садовникомъ чехомъ. Поэтому внутреннее его убранство (съ современною плитою и печью) не представляетъ ничего типично-словинскаго. Однако расположеніе оконъ осталось старинное.

Какъ видно изъ чертежа 11, II, кухня совершенно отдѣлена отъ вѣжи; налѣво помѣщается хиша, а направо чумната.

На основанiи описанныхъ выше примѣровъ верхне-крайнскихъ домовъ можно заключить, что двураздѣльная постройка, тѣсно связанная съ хозяйственнымъ помѣщенiемъ (хлѣвомъ), превращаясь въ трехраздѣльную, утрачивала свою хозяйственную часть путемъ приспособленiя ея въ дополнительное жилое помѣщенiе. При этомъ хлѣвъ, быть можетъ, переходилъ сначала въ клѣть или схрамбу, а затѣмъ въ чумнату. Что касается собственно хлѣва, то онъ тѣсно соединялся со скеденемъ (въ данномъ случаѣ сѣноваломъ) или же переходилъ въ нижнюю часть дома, образуя его нижнiй, служащiй хозяйственнымъ цѣлямъ, этажъ.

Однако присутствiе чумнаты вовсе еще не знаменуетъ обязательнаго исчезновенiя схрамбы или даже стоящаго на ея мѣстѣ хлѣва. Напротивъ того, эти два помѣщенiя могутъ существовать въ трехраздѣльномъ домѣ одновременно, занимая въ этомъ случаѣ совершенно равноправное мѣсто. Примѣромъ такого дома можетъ служить домъ изъ дер. Рѣчица, изображенный на рисункахъ 12-А и 12-Б. Домъ этотъ (планъ его на чертежѣ 12) каменный съ деревяннымъ поднятымъ чердачнымъ помѣщенiемъ; онъ выстроенъ не позже 1721 года (цифра года на дверной аркѣ). Вѣжа содержитъ очагъ, не выдѣливъ его въ отдѣльное помѣщенiе. При этомъ очагъ находится у передней наружной стѣны дома, что обыкновенно не наблюдается. Направо отъ вѣжи находится хиша, а налѣво два помѣщенiя: переднее съ особымъ наружнымъ входомъ—хлѣвъ и заднее съ входомъ изъ вѣжи—чумната. Послѣдняя отличается отъ чумнаты ранѣе описанныхъ домовъ наличностью печи, съ топкою въ вѣжѣ. Къ чумнатѣ этой и хлѣву примыкаетъ скедень. Нижняя его часть состоитъ лишь изъ одной каменной стѣны, такъ что между нимъ и домомъ остается свободное пространство. Въ немъ помѣщается свинушникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ же ставятся телеги. Верхняя часть скедення переходитъ при посредствѣ крытаго хода въ чердачное помѣщенiе, съ которымъ оно такимъ образомъ составляетъ одно цѣлое.

Близкимъ по внутреннему устройству къ этому дому является домъ изъ дер. Нижняя Горья, изображенный на рисункѣ 13. Онъ выстроенъ въ 1748 году (цифра года на стропилкѣ). Хотя онъ и перестраивался въ 1858 году (цифра на ключѣ дверной арки), но представляетъ значительный интересъ во многихъ отношенiяхъ. Онъ почти весь деревянный: изъ камня, кромѣ фундамента, лишь вѣжа, подвергавшаяся перестройкѣ во время ремонта, который измѣнилъ и величину и форму оконъ. Домъ стоитъ на откосѣ, такъ что задняя его часть выше передней; въ послѣдней со стороны фр

ЧЕРТ. 30 (см. рис. 30-А и Б). **Домъ въ деревнѣ Блѣдъ.** *выстроенный лѣтъ 400 тому назадъ.* I—*нижній этажъ во владѣніи семейства, состоящаго изъ мужа и жены съ тремя дѣтьми:* A —вѣжа (см. рис. 44); B—хиша; E—камра; F—клѣть; M—N—улица; a, a—двери; a_1—широкая входная дверь; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница наверхъ; d_1, d_1—каменные столбы, держащіе своды; d_2, d_2 двѣ ступени внизъ; f—печь; g—обѣденный столъ; h—малый столъ; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамья; m, m—омарцы; n, n—кровати; r_1—полка для тарелокъ; u (крестикъ)—топка печи; v—ниша (складъ дровъ); x—омара; x_1—омара въ стѣнѣ. II—*задняя часть дома съ нишей:* D—схрамба; M_1—N_1—откосъ горы; a—входная дверь; a_2—маленькая дверь въ схрамбу; b—окно нижняго этажа; b_1—оконце въ схрамбѣ; d_5—лѣстница внизъ; d_6—лѣстница наверхъ; d_7—площадка; d_8—ступеньки внизъ, въ схрамбу. III—*верхній этажъ во владѣніи стариковъ брата съ сестрой, сдающихъ помѣщеніе садовнику съ женой и четырьмя дѣтьми:* A—вѣжа; A_1—кухнья; B—хиша; E—камра; F_1—помѣщеніе надъ клѣтью, сдающееся въ наемъ жандармамъ подъ арестное помѣщеніе; M—N—улица; a; a—двери; b, b—окна; b_2—задѣланное окно; c—очагъ; c_1—отверстіе для выхода дыма съ нижняго очага; d_3—лѣстница снизу; d_4—лѣстница на чердакъ; f—печь; g—обѣденный столъ садовника; h—обѣденный столъ владѣльца верхняго этажа; i (крестикъ)—кропильница; k (крестикъ) распятіе; l, l—скамьи; m, m—омарцы; n, n кровати семьи садовника; n_1—кровать владѣльца (сестра его спитъ на чердакѣ); o—скринья; p—комодъ; r, r—полки; u (крестикъ)—топка печи; u_1 (крестикъ)—уничтоженная топка; v—ниша; w—лова; x, x—шкафы y—дымникъ ловы.

въ нижней каменной части, служащей фундаментомъ, находится дверь въ хлѣвъ. Внутреннее размѣщеніе слѣдующее (см. чертежъ 13): большая вѣжа съ очагомъ, отъ которой направо хиша. Налѣво два рядомъ стоящія помѣщенія съ отдѣльными входами изъ вѣжи: заднее—схрамба и переднее—чумната, съ особою печью. Рядомъ съ чумнатой, входя въ составъ дома, находится хлѣвъ съ отдѣльнымъ наружнымъ ходомъ. Та часть дома, которая въ предъидущемъ занята была хлѣвомъ, въ данномъ домѣ отведена подъ чумнату и отчасти подъ хлѣвъ, а ту часть, которая служила чумнатой въ предъидущемъ домѣ, заняла здѣсь схрамба.

Въ процессѣ предполагаемаго вытѣсненія схрамбы чумнатой получаются дома, въ которыхъ вмѣсто этихъ двухъ помѣщеній имѣются двѣ чумнаты. Примѣромъ такихъ домовъ могутъ служить слѣдующіе два. Первый изъ нихъ (изъ дер. Блѣдъ) каменный, изображенный на рисункѣ 14, представляетъ слѣдующее устройство (см. чертежъ 14). При входѣ въ вѣжу, видишь на задней сторонѣ арку, которая отдѣляетъ отъ нея помѣщеніе для очага, т. е. не вполнѣ дифференцировавшуюся кухню; слѣва находится обычнаго устройства хиша, а направо двѣ чумнаты. Изъ послѣднихъ передняя больше, съ входомъ изъ вѣжи, съ двумя окнами по боковой сторонѣ дома и съ однимъ по сторонѣ фронтона; другая чумната имѣетъ входъ изъ той части вѣжи, которая находится за аркой; это помѣщеніе имѣетъ лишь одно окно. Домъ имѣетъ наверху еще двѣ комнаты: по одной со стороны фронтона, соединяющіяся при посредствѣ сѣней, помѣщающихся надъ вѣжой.

Что касается другого изъ отмѣченныхъ домовъ, то онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Внѣшній его видъ изображенъ на рис. 15—А и 15—Б. Домъ деревянный, покрытый глиной. Лежитъ онъ непосредственно на берегу Блѣдскаго озера; выстроенъ въ 1783 году, какъ о томъ говоритъ цифра года на стропникѣ въ хишѣ. Со временемъ онъ подвергался ремонту, измѣнившему величину его оконъ. Съ передней стороны домъ одноэтажный, со стороны же озера онъ въ два этажа. При этомъ нижній этажъ состоитъ исключительно изъ хлѣва, входъ въ который находится подъ скеденемъ (см. рисунокъ 15—Б); два небольшой величины окна освѣщаютъ хлѣвъ. Со стороны озера имѣется крыльцо съ дверью въ вѣжу; крыльцо переходитъ въ крытую галлерею, сливающуюся со скеденемъ (см. чертежъ 15). Главный входъ въ домъ съ противоположной стороны (съ улицы) ведетъ, какъ всегда, въ вѣжу; слѣва отъ нея находится хиша, а съ правой двѣ равныя по величинѣ чумнаты, съ однимъ окномъ по длинной сторонѣ дома. Къ стѣнѣ чумнатъ прилегаетъ не соединяющійся съ нимъ ходомъ скедень.

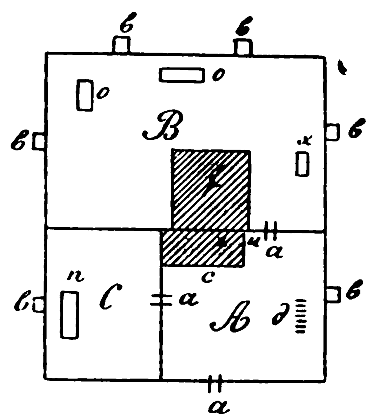
Трехраздѣльный домъ описаннаго типа характеризуется, слѣдовательно, тѣмъ, что съ противоположной хишѣ стороны вѣжи имѣется дополнительное

помѣщеніе, служащее для жилья. Это придаетъ удлиненный характеръ дому. Третье помѣщеніе—чумната, быть можетъ, связанная генетически съ хлѣвомъ и вѣроятно съ клѣтью или схрамбой, можетъ дробиться на два, изъ которыхъ одно сохраняетъ иногда значеніе кладовой (схрамбы). Для этого типа дома характерны, хотя и не обязательны, слѣдующія черты. Во первыхъ, кромѣ главнаго входа въ вѣжу, можетъ быть другой, расположенный на противоположной сторонѣ, независимо отъ того, выдѣлила ли вѣжа изъ себя кухню или нѣтъ. Этого второго хода можетъ и не быть, но онъ, во всякомъ случаѣ, встрѣчается часто въ домѣ описываемаго типа. Такъ какъ второй ходъ, какъ сказано, встрѣчается въ домахъ весьма первобытнаго характера, то изъ этого можно заключить, что на отсутствіе его слѣдуетъ смотрѣть, какъ на явленіе позднѣйшаго порядка. Второй признакъ трехраздѣльнаго дома обсуждаемаго типа — это крыльцо. Правда, и оно можетъ отсутствовать, тѣмъ не менѣе наличность его не представляется рѣдкостью и опять таки даже у домовъ мало развитыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Затѣмъ третьей, довольно типичной, чертой представляется то, что хлѣвъ входитъ въ составъ дома, увеличивая его по длинѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хлѣвъ переходитъ въ нижній этажъ; тѣмъ не менѣе такой хлѣвъ не препятствуетъ существованію другого хлѣва при самомъ домѣ рядомъ съ чумнатой или со стороны ея. Наконецъ можно наблюдать и еще одно явленіе, это то, что скедень часто примыкаетъ къ дому, всегда со стороны чумнаты и хлѣва; этимъ, въ свою очередь, увеличивается домъ по его длинѣ. Правда, и скедень можетъ отсутствовать, составляя самостоятельное зданіе, тѣмъ не менѣе прямое его примыканіе къ жилому дому не составляетъ рѣдкости. Если мы снова обратимся къ дому первобытнаго типа и вспомнимъ, что съ нимъ, помимо хлѣва, тѣсно связанъ сѣновалъ-сарай, то можемъ заключить, что и отдѣленіе скеденя есть явленіе позднѣйшаго времени. Всѣ эти черты, хотя, какъ сказано, и не обязательныя, опредѣленно характеризуютъ описываемаго рода типъ трехраздѣльнаго верхне-крайнескаго дома.

В. **Трехраздѣльный домъ широкаго типа** (**вѣжа, хиша и камра**). Этотъ типъ, встрѣчающійся гораздо рѣже, отличается отъ предъидущаго главнымъ образомъ тѣмъ, что развитіе его шло не по длинѣ, а по ширинѣ зданія. Поэтому для него типично, что со стороны фронтона не два, а три окна. Вмѣстѣ съ тѣмъ схрамба, тамъ, гдѣ таковая имѣется, не составляетъ пристройки, а входитъ, такъ сказать, въ составъ вѣжи и поэтому не нарушаетъ своимъ присутствіемъ трехраздѣльности дома.

Для даннаго типа, имѣющаго, какъ можно думать, совершенно иное, чѣмъ первый типъ, происхожденіе, характерно, что третьей камерой въ домѣ является не чумната, а камра, помѣщеніе, примыкающее не къ вѣжѣ (какъ чумната), а къ хишѣ. На вопросъ о томъ, какъ произошла камра, путемъ ли отдѣле-

нія части хиши или путемъ особой пристройки въ хишѣ—возможно отвѣтить съ большою вѣроятностью, что образованіе камры шло не путемъ дифференціаціи изъ хиши, а путемъ пристройки. На эту мысль наводятъ тѣ обстоятельства, о которыхъ уже раньше упоминалось, а именно, что при деревянной хишѣ встрѣчается каменная камра, что камра и въ каменныхъ домахъ тоже иногда является позднѣйшей пристройкой, что камра, расширя фронтонъ, увеличиваетъ и число его оконъ, и что наконецъ окно камры, вопреки понятіямъ о симметріи, иногда бываетъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ остальныя два окна фронтона Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить, что одно сдѣланное нами наблюденіе какъ бы противорѣчитъ высказанному предположенію о происхожденіи камры. А именно: въ одномъ домѣ (онъ будетъ подробнѣе описанъ ниже) можно было наблюдать, что камра—ничто иное, какъ часть хиши, отдѣленная отъ нея перегородкой, не доходящей ни до потолка, ни до противоположной (отъ наружной) внутренней стѣны.

ЧЕРТ. 31 (см. рис. 31). Домъ близъ деревни Зазеро. А—вѣжа; В—хиша; С—камерца; a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; n—кровать; o, o—скрины; и (крестикъ)—топка печи; x—омара.

Трехраздѣльный домъ предъидущаго типа, какъ сказано, имѣетъ удлиненную форму, трехраздѣльный же домъ широкаго типа коротокъ и по формѣ своего основанія приближается къ квадрату. Существо расположенія въ немъ отдѣльныхъ помѣщеній сводится къ тому, что одна сторона дома занята вѣжей съ кухней или безъ нея, а другая—хишей съ камрой. Примѣръ можно видѣть на слѣдующемъ планѣ (см. чертежъ 16) дома изъ дер. Ратече-Бѣлопечь. На этомъ планѣ видно, что изъ вѣжи входишь въ кухню, въ которой имѣется помимо очага съ топкой одной печи, другая топка для второй печи. Изъ вѣжи налѣво входъ въ хишу, а изъ нея—въ камру. Послѣдняя представляетъ въ данномъ случаѣ нѣкоторое исключеніе: во первыхъ, въ ней находится печь, что встрѣчается рѣдко, а во вторыхъ, окно ея помѣщается не со стороны фронтона, а съ длинной стороны дома, что почти не встрѣчается въ Верхней Крайнѣ.

Присутствіе дифференцированной кухни и въ описываемомъ типѣ трехраздѣльнаго дома не обязательно. Кромѣ того и здѣсь можетъ быть помѣщеніе для хозяйственныхъ надобностей, но оно примыкаетъ къ вѣжѣ такъ, что не нарушаетъ квадратоподобную форму дома, составляя часть вѣжи. Какъ примѣръ такого рода дома можетъ служить домъ изъ дер. Рѣ-

чица, изображенный на рисункѣ 17 и интересный тѣмъ, что къ нему тѣсно примыкаетъ скедень. Домъ расположенъ на спускѣ горы; поэтому лѣстница (въ два всхода съ крылечкомъ) имѣетъ съ одной стороны пять, а съ другой четыре ступени. Внизу съ фронтона входъ въ хлѣвъ, окно котораго видно (внизу) на рисункѣ 17. За крыльцомъ, а именно: между нимъ и деревянной лѣстницей, находится дверь въ погребъ—кевдеръ. Деревянная лѣстница ведетъ на галлерейку, изъ которой дверь въ скедень (см. планъ на черт. 17, II). Подъ нимъ пустое пространство для телѣгъ, а со стороны фронтона, по направленію къ бѣлому домику, видному на рисункѣ 17, идетъ искусственный спускъ (взъѣздъ) изъ скеденя. Что касается внутренняго устройства жилья, то оно видно на планѣ, представленномъ на чертежѣ 17, I. Тутъ ясно, что кухня не составляетъ отдѣльнаго помѣщенія: она отграничена отъ вѣжи лишь тѣмъ, что она находится ступенью ниже ея. Полъ въ вѣжѣ деревянный, а въ помѣщеніи съ очагомъ земляной, уложенный булыжникомъ. Изъ кухни ходъ въ схрамбу. Съ другой стороны дома помѣщаются хиша и камра. Въ этомъ домѣ, слѣдовательно, схрамба занимаетъ то мѣсто, которое принадлежитъ, собственно говоря, кухнѣ. Въ слѣдующемъ домѣ эти два помѣщенія какъ бы подѣлились между собою пространствомъ. А именно, какъ то видно на планѣ, изображенномъ на чертежѣ 18 и принадлежащемъ дому въ дер. Ратече-Бѣлопечь (см. рисунокъ 18), кухня и клѣть (т. е. схрамба) стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, при чемъ послѣдняя лишь не много меньше первой. Домъ этотъ деревянный, старинный; онъ выстроенъ въ 1748 году (цифра года на стропникѣ). Дверь его скорѣе похожа на ворота; при этомъ вѣжа сравнительно очень велика. Домъ сохранилъ еще архаичныя окна. Надъ входомъ выступаетъ мезонинчикъ съ комнатой о двухъ окнахъ съ балкономъ, поддерживаемымъ снизу шестами. Слѣва помѣщался прежде каменный хлѣвъ, теперь не существующій; домъ ветхій и принадлежитъ бѣдной семьѣ.

Очень интересенъ слѣдующій домъ того же, по внутреннему своему устройству, типа, что и описанный. Остановимся сначала на его внѣшнемъ обликѣ (см. рисунокъ 19). Домъ этотъ находится въ дер. Верхнее Горье и выстроенъ въ 1760 году (цифра года на стропникѣ). Нѣтъ сомнѣнія, что онъ принадлежалъ нѣкогда богатымъ хозяевамъ. Теперь онъ запущенъ и бѣденъ. Домъ весьма обширный и выстроенъ такъ основательно, что даже теперь, не смотря на свой 142 лѣтній возрастъ, имѣетъ еще совершенно крѣпкій видъ. Онъ стоитъ на склонѣ, и поэтому фундаментъ его со стороны фронтона высоко поднятъ. Съ правой стороны, какъ видно на рисункѣ, фундаментъ выше и имѣетъ оконце; оно принадлежитъ кладовой, входъ въ которую со стороны двора. На фундаментѣ покоится бревенчатый срубъ, составляющій всю хишу; рядомъ съ нимъ меньшій срубъ образуетъ камру. Вѣжа тоже деревянная, а

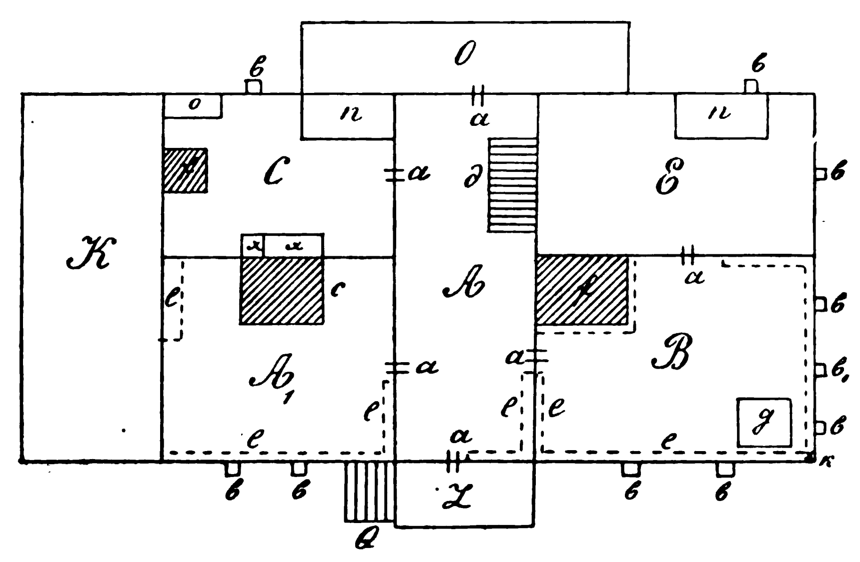
кухня изъ камня. На рисункѣ стоящій свинушникъ нѣсколько загораживаетъ входъ въ домъ, однако онъ виденъ. Вѣжа представляетъ (см. чертежъ 19) весьма обширное помѣщеніе съ землянымъ поломъ. Задній ея уголъ отдѣленъ стѣной, образующей схрамбу; между ней и противоположной стѣной двѣ широкія ступеньки ведутъ къ выходу. Направо въ концѣ вѣжи находится кухня съ громаднымъ очагомъ, занимающимъ почти половину ея. Съ правой же стороны вѣжи находится хиша, а налѣво отъ послѣдней камра, въ которую попадаешь черезъ двѣ ступеньки къ верху. Налѣво отъ вѣжи помѣщается хлѣвъ, а надъ нимъ скеденъ.

Какъ въ трехраздѣльномъ длинномъ типѣ дома, такъ и въ трехраздѣльномъ широкомъ типѣ на мѣсто схрамбы можетъ становиться жилое помѣщеніе, съ тою лишь разницей, что во второмъ случаѣ жилая комната (или схрамба) составляетъ часть вѣжи, тѣсно примыкая и къ ней и къ кухнѣ. Считая поэтому такую жилую комнату, какъ и схрамбу, не за обособленное помѣщеніе, приходится и подобные дома отнести въ число трехраздѣльныхъ домовъ. Тутъ, очевидно, процессъ развитія шелъ такъ, что въ большой по размѣрамъ вѣжѣ отгораживалась часть для хозяйственныхъ надобностей (съ образованіемъ схрамбы), приспособлявшаяся въ случаѣ нужды для жилья (съ образованіемъ камерцы).

Примѣромъ подобнаго рода домовъ могутъ служить слѣдующіе два, по существу своего плана совершенно тожественные съ двумя послѣднеописанными домами. Одинъ изъ нихъ, изображенный на рисункѣ 20, каменный; онъ находится въ дер. Мливо. Домъ старинный, низкій; окно камерцы у него и меньшихъ размѣровъ и иной формы, чѣмъ окно хиши фронтонной стороны. На планѣ (см. чертежъ 20) видно, что изъ вѣжи противъ входа ведутъ двѣ двери: одна въ кухню, съ выходомъ наружу, а другая въ жилое помѣщеніе — камерцу. Справа отъ вѣжи хиша, около нея камра. Другой домъ (см. планъ на чертежѣ 21) имѣетъ хишу и камру слѣва отъ вѣжи. Сзади послѣдней помѣщаются: кухня безъ выхода наружу и жилая комната — камерца. Какъ эта послѣдняя, такъ и камра имѣютъ отдѣльныя печи, съ топкою въ кухнѣ.

Разсмотрѣнные дома второго трехраздѣльнаго типа не могутъ не привести къ убѣжденію, что этотъ типъ отличается отъ перваго тѣмъ, что развитіе дома пошло по фронтону, но не по длинной сторонѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда схрамба (или замѣняющая ее камерца) существуетъ, она не составляетъ внѣшняго придатка, а только часть вѣжи, или вѣжи съ кухнею. Поэтому схрамба (или камерца) здѣсь не можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣльная камера въ отвлеченномъ значеніи этого слова, и домъ остается трехраздѣльнымъ, трехкамернымъ. Камра, напротивъ того, не-

еетъ явные признаки дополнительнаго сооруженія. При этомъ существенномъ различіи имѣются въ обоихъ типахъ и общія черты. Какъ тамъ, такъ и здѣсь вѣжа можетъ быть сквозной, имѣя двѣ двери: входную и выходную. Крыльцо можетъ существовать и у второго типа домовъ; скедень, равнымъ образомъ, можетъ и тутъ тѣсно примыкать къ жилой части дома, составляя съ нимъ одно цѣлое. Наконецъ и хлѣвъ можетъ быть рядомъ съ домомъ,

(ЧЕРТ. 22. Домъ въ деревнѣ Альтъ-Аусэе въ Зальцбургѣ, *выстроенный въ 1627 году* домъ деревянный, мѣнялся съ теченіемъ времени мало). A—сѣни (Haus); A_1—кухня; B—изба (Stube); C—боковушка (Hauskammer); E—горница (Stubenkammer); K—свинушникъ; L—крыльцо (Brückl); O—галлерейка (Laube); Q—лѣстница къ крыльцу; a, a—двери; b, b—окна; b_1—окно выше другихъ, быть можетъ, позднѣйшаго происхожденія; c—очагъ; d—лѣстница наверхъ; f, f—печи; g—столъ; k (крестикъ)—кіотъ; l, l—прикрѣпленныя скамьи; n, n—кровати; o—ящикъ; x, x—шкафы.

можетъ занимать и нижнюю, подвальную его часть. Какъ уже указано, трехраздѣльный домъ второго типа встрѣчается въ верхней Крайнѣ рѣже перваго. При этомъ онъ, всецѣло взятый, не обнаруживаетъ такой массы переходныхъ ступеней отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дифференцированная кухня встрѣчается въ домахъ второго типа чаще, чѣмъ въ домахъ перваго типа. Эти обстоятельства могутъ привести къ мысли, что домъ второго типа внѣдрился въ Крайну позже и полученъ ею уже въ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ формахъ. Какимъ былъ первоначально второй типъ дома, сказать съ полною опредѣленностью представляется труднымъ. Однако можно думать, что къ вѣжѣ съ хишей присоединилась дополнительная комната, въ видѣ камры, прислонившейся къ хишѣ. Ранѣе отмѣченные уже факты даютъ на такое предположеніе довольно опредѣленныя основанія. Схрамба (или камерца), какъ часть вѣжи, могла появиться, ко-

нечно, и послѣ камры, существуя, въ своихъ основаніяхъ въ Верхней Крайнѣ, быть можетъ, ранѣе появленія новаго типа домовъ.

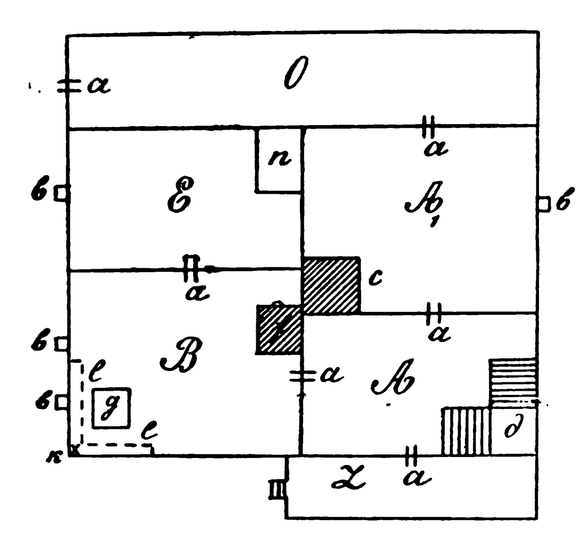
Ни первый, ни второй типы дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія не получили. Развитіе верхне-крайнскаго дома пошло путемъ сочетанія описанныхъ двухъ типовъ. Соединившись вмѣстѣ, эти два типа дали болѣе сложную постройку, весьма характерную для Верхней Крайны, но постройку, основныя черты которой съ полной опредѣленностью обнаруживаютъ коренные типы, вошедшіе въ его составъ.

3. Четырехраздѣльный домъ (вѣжа, хиша, камра, чумната, или схрамба, или клѣть). Разсматривая кухню, какъ часть вѣжи, на что, какъ указано, имѣется достаточно поводовъ, мы называли домъ, состоящій изъ вѣжи и хиши,—двураздѣльнымъ. При наличности схрамбы (какъ обособленнаго помѣщенія) или тожественной съ ней по существу чумнаты или при наличности камры, мы называли домъ трехраздѣльнымъ. Поэтому домъ, въ которомъ кромѣ вѣжи (съ кухней или безъ нея) и хиши имѣется камра и чумната, мы въ правѣ назвать—четырехраздѣльнымъ. Присутствіе схрамбы или тожественной съ ней клѣти въ подобныхъ домахъ не мѣняетъ, какъ мы увидимъ ниже, существа ихъ характера, и эти хозяйственныя помѣщенія либо замѣняютъ чумнату, либо стоятъ рядомъ съ ней, какъ въ трехраздѣльныхъ домахъ длиннаго типа, либо составляютъ часть кухни какъ въ домахъ трехраздѣльнаго широкаго типа. Домовъ подобнаго типа, часто съ тенденціею къ двухэтажности, съ разными варіаціями встрѣчается въ Верхней Крайнѣ очень много. Разсмотрѣть ихъ въ извѣстномъ порядкѣ представляется поэтому важнымъ.

Очень интереснымъ по своей конструкціи является слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 22) домъ изъ дер. Вѣгунье. Вѣжа не имѣетъ дифференцированной кухни и заключаетъ поэтому очагъ. Почти противъ входа помѣщается выходъ, заброшенный въ настоящее время вслѣдствіе проведенія вдоль дома шоссе. Направо отъ вѣжи находится чумната, къ которой примыкаетъ хлѣвъ, съ отдѣльнымъ ходомъ, а къ нему навѣсъ для телѣгъ. Слѣва отъ вѣжи—хиша типичнаго устройства. Къ хишѣ примыкаетъ небольшая, не занимающая всей длинной ея стороны камра. Она теперь полуразрушена, вслѣдствіе проведенія помянутой дороги. Этотъ домъ, благодаря своеобразной пристройкѣ камры, представляетъ характерный примѣръ начала сочетанія длиннаго трехраздѣльнаго типа (съ чумнатой) съ широкимъ (съ камрой). Изъ плана видно, что основа дома—первый трехраздѣльный типъ, и что камра явилась какъ будто позже. Когда собственно она была сооружена, при самой постройкѣ дома или потомъ, выяснить не удалось. Во всякомъ случаѣ, домъ (каменный) является очень старымъ. Онъ не моложе 1735 г.

(цифра года на дверной аркѣ). Камра въ настоящее время настолько разрушена, что невозможно опредѣлить дѣйствительное число оконъ, которое она въ свое время имѣла.

Интересный типъ образованія камры представляетъ и слѣдующій домъ (см. планъ на чертежѣ 23) изъ дер. Верхняя Горья. Домъ этотъ заслуживаетъ вниманія и благодаря своей не вполнѣ выдѣлившейся изъ вѣжи кухни. Она отдѣлена отъ вѣжи стѣной, образующей широкую арку вмѣсто двери. Налѣво отъ нея схрамба, примыкающая къ чумнатѣ, отапливаемой особой печью. Что касается хиши и камры, то онѣ представляютъ, строго говоря,

ЧЕРТ. 33. Домъ въ деревнѣ Альтъ—Аусээ въ Зальцбургѣ, *выстроенный въ 1686 году*; домъ деревянный, но кухня каменная). A—сѣни (Haus); A_1—кухня; B—изба (Stube); E—горница (Stubenkammer); L—крыльцо (Brückl); O—галлерейка (Laube); a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на верхъ въ чердачное помѣщеніе, гдѣ находятся двѣ комнаты; f—печь; g—столъ; k (крестикъ)—кіотъ; l, l—скамьи; n—кровать.

одно помѣщеніе: послѣдняя отдѣлена отъ хиши тонкой стѣной, не доходящей до потолка и не достигающей печи, у которой она оставляетъ проходъ. Поэтому часть печи находится собственно въ хишѣ, а другая въ камрѣ. Послѣдняя не имѣетъ особаго окна со стороны фронтона, но окно помѣщается съ длинной стороны дома. Онъ выстроенъ лѣтъ сто тому назадъ, но когда именно сдѣлана помянутая перегородка: при сооруженіи ли дома или потомъ при его ремонтѣ,—неизвѣстно.

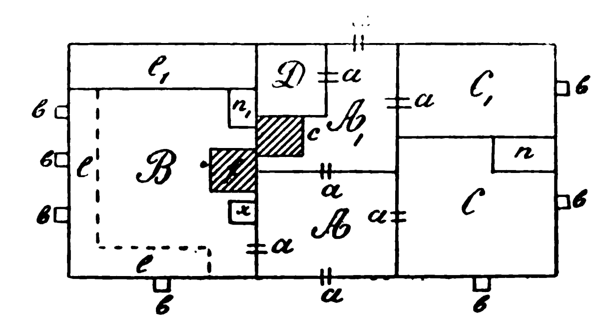
Надлежитъ остановиться еще на одномъ домѣ, представляющемъ примѣръ отграниченія камры отъ хиши и сочетанія ея вмѣстѣ съ тѣмъ съ чумнатой. Домъ этотъ изъ дер. Битне изображенъ на рисункѣ 24. Домъ стоитъ среди усадьбы, отдѣленной отъ проходящей мимо дороги каменной низкой оградой съ воротами. Домъ весь каменный, но хиша состоитъ изъ бревенчатаго сруба.

Черезъ широкую дверь входишь въ очень обширную вѣжу, часть которой занята кухней съ большимъ очагомъ. Въ кухню ведетъ дверь съ аркой. Налѣво отъ вѣжи по четыремъ ступенькамъ внизъ входишь въ чумнату, освѣщенную двумя большими и однимъ маленькимъ окнами. Направо отъ вѣжи помѣщается выступающая наружу хиша, къ которой примыкаетъ камра (см. планъ на чертежѣ 24). Послѣдняя выстроена изъ камня и рѣзко выдѣляется рядомъ съ деревянной хишей. Въ описанномъ домѣ съ полною уже опредѣленностью выражается сочетаніе двухъ типовъ, породившихъ четырехраздѣльную постройку. При этомъ вѣжа такъ же, какъ въ первомъ примѣрѣ, проходная. Верхняя часть дома состоитъ изъ одного чердака безъ дополнительныхъ верхнихъ комнатъ.

На этомъ устройствѣ четырехраздѣльный домъ не останавливается. Напротивъ того, онъ идетъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, образуя довольно сложное сооруженіе. Примѣромъ тому могутъ служить нижеслѣдующіе дома. Во первыхъ, домъ изъ дер. Сламникъ, наружный видъ котораго изображенъ на рисункѣ 25. Деревня эта, лежащая высоко въ горахъ, представляетъ выселокъ рода Сламниковъ, изъ членовъ котораго въ настоящее время эту фамилію сохранилъ лишь одинъ хозяинъ, именно, владѣлецъ описываемаго дома. Остальные члены, утративъ со временемъ сознаніе связывавшихъ ихъ нѣкогда узъ родства, несутъ другія фамиліи. Изображенный на рисункѣ домъ принадлежитъ одинокому старику, единственному представителю рода Сламниковъ. Домъ его выстроенъ приблизительно 120 лѣтъ тому назадъ, былъ когда то очень богатымъ и сохранилъ по настоящее время типъ вполнѣ благоустроеннаго хозяйства. Домъ весь каменный, за исключеніемъ чердачнаго помѣщенія, изъ котораго выдѣлено каменное же верхнее помѣщеніе. Черезъ входную дверь попадаешь въ обширную вѣжу, въ концѣ которой находится кухня (см. планъ на чертежѣ 25, I), лежащая на двѣ ступени ниже вѣжи. Въ кухнѣ большой очагъ по тремъ стѣнамъ. Вдоль правой стѣны вѣжи и кухни находится хиша и камра, а слѣва вѣжи помѣщается схрамба. Прежде она служила для припасовъ богатой семьи, теперь же въ ней сложены сельско-хозяйственныя орудія. Схрамба освѣщена двумя окнами и могла бы, по своему устройству, служить въ любое время чумнатой. Изъ вѣжи подымается лѣстница на чердакъ, изъ котораго, съ одной стороны, входъ на галлерею, а съ другой — въ жилое помѣщеніе съ печью — камерцу. Чердакъ этого дома съ дощатымъ потолкомъ, надъ которымъ помѣщается верхній чердакъ, въ который проходятъ по лѣстницѣ черезъ люкъ. Отдѣльно отъ дома стоитъ обширный скедень обычнаго устройства, съ тремя хлѣвами въ нижней части и съ гумномъ и сѣноваломъ — въ верхней. Въ одномъ изъ хлѣвовъ потолокъ сводчатый: сводъ крестовый, опирающійся на каменную

колонну, стоящую въ серединѣ. Помѣщеніе это прежде служило, очевидно, не для хлѣва, а для иныхъ цѣлей. Скедень горѣлъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, былъ отстроенъ въ верхней своей части, тогда какъ нижняя совсѣмъ не пострадала или пострадала мало отъ пожара.

Если этотъ домъ между прочимъ интересенъ тѣмъ, что при наличности камры въ немъ мѣсто чумнаты занято схрамбой, то слѣдующій домъ заслуживаетъ вниманія благодаря тому, что у него при существованіи камры имѣются какъ чумната, такъ и схрамба, стоящія рядомъ другъ съ другомъ. Домъ интересенъ и по наружному своему устройству и представляетъ типъ весьма развитой постройки (см. рисунокъ 26) съ разнообразными пристройками для хозяйственныхъ цѣлей. Домъ этотъ старинный, лежитъ въ глухихъ горахъ въ такъ называемой Нижней Долинѣ Св. Екатерины за мѣст. Торжичемъ. Низъ дома, не ис-

ЧЕРТ. 34. Домъ въ Дольней Тузлѣ въ Босніи. А — сѣни (*аралукъ*); A_1 — кухня (*куча*); В—изба *соба;* С—дѣтская (*собаджикъ*); C_1—комната для прислуги; D—кладовая; a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; f—печь; l—скамья; l_1—диванъ (*долафъ*); n—кровать; n_1—помостъ для постели; x—шкафъ.

ключая и скеденя, каменный, верхъ деревянный. Чердачное помѣщеніе имѣетъ галлерею. Въ скедень, нѣсколько выступающій передъ жилой частью дома. входятъ по особой лѣстницѣ, при чемъ имѣется вторая лѣстница съ входомъ въ примыкающую къ скеденю галлерею. Къ послѣдней прислоненъ свинушникъ, подъ которымъ свободное пространство для склада навоза. Другой свинушникъ находится съ задней фронтонной стороны дома (у скеденя). Тутъ же нѣсколько поодаль—колодезь. Передъ домомъ съ боковой стороны стоитъ стогъ (козолецъ). За нимъ ограда. Въ ея предѣлахъ лежитъ козій хлѣвъ, наружнаго вида какъ кочне, съ сѣноваломъ въ чердачномъ помѣщеніи. Между хлѣвомъ и домомъ стоитъ навѣсъ для дровъ, формы дервеницы, но называемый хозяевами шупа (šupa). Съ одной стороны навѣсъ этотъ покоится на каменной кладкѣ, въ которой продѣланъ квадратной формы и незначительной величины ходъ въ яму въ 1$^1/_2$ приблизительно метра глубины и такой же приблизительно длины и ширины. Яма эта называемая ямницей (jamnica) служитъ для сохраненія овощей. Внутреннее расположеніе жилой

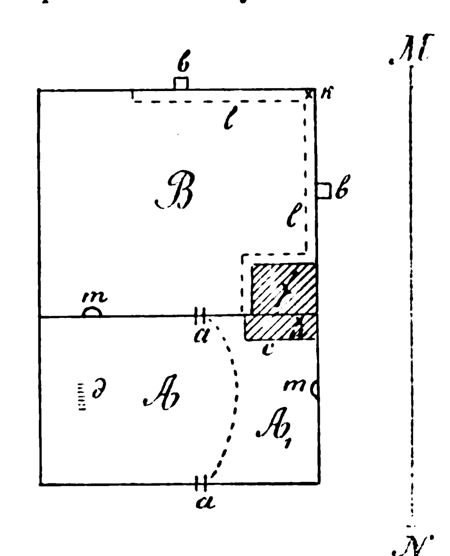
части дома слѣдующее: непосредственно за обширной вѣжой идетъ почти такой же величины кухня. Слѣва отъ нихъ хиша и камра, а справа чумната и схрамба. Первая имѣетъ печь съ топкой изъ кухни и входную дверь изъ вѣжи. Схрамба, называющаяся хозяевами чевдеръ (т. е. погребъ), имѣетъ входъ изъ кухни (см. планъ на чертежѣ 26).

Совершенно схожаго съ этимъ домомъ строенія является домъ въ дер. Влѣдъ, изображенный на рисункѣ 27. Домъ этотъ весь каменный съ мощными стѣнами. Онъ считается однимъ изъ стариннѣйшихъ въ названномъ селеніи, и хозяинъ утверждаетъ, что ему нѣсколько сотъ лѣтъ. Въ пользу этого говоритъ монументальность всей постройки. Домъ стоитъ въ усадьбѣ, отгороженной полукаменною, полудеревянной изгородью. На усадьбѣ отдѣльно стоящіе сведень и свинушникъ; часть усадьбы занята фруктовымъ садомъ, остальная представляетъ дворъ. Домъ и по настоящее время богатъ, содержится чисто. Лѣтъ сто тому назадъ домъ ремонтировался, но, повидимому, мало измѣнился отъ ремонта. Широкая ($1^1/_2$ м.) дверь, совершенно сбоку вѣжи, ведетъ въ это помѣщеніе. Потолокъ послѣдней состоитъ изъ мощныхъ сводовъ. Изъ вѣжи прямо ведетъ дверь въ кухню съ обширнымъ очагомъ. Послѣдній былъ прежде вдвое больше, но впослѣдствіи часть была сломана. Изъ кухни (см. планъ на чертежѣ 27) направо ведетъ дверь въ помѣщеніе съ печью. Прежде оно было чумнатой, а теперь вслѣдствіе сырости употребляется въ качествѣ схрамбы. Направо отъ вѣжи входъ черезъ двѣ ступени въ чумнату (или камру), которая прежде была схрамбой. Налѣво отъ вѣжи и кухни помѣщается хиша и камра.

Послѣдніе два дома представляютъ примѣры максимальнаго развитія верхне-крайнскаго дома въ горизонтальномъ направленіи, а именно: дома эти имѣютъ въ центрѣ вѣжу съ кухней, далѣе: съ одной стороны—хишу и камру, а съ другой—двѣ чумнаты, или чумнату и схрамбу. Дальнѣйшее развитіе идетъ уже въ вертикальномъ направленіи.

4. Двухэтажный домъ. Какъ первое начало развитія верхняго этажа надо разсматривать, какъ указывалось выше, отдѣленіе въ чердачномъ помѣщеніи части его подъ одну каморку. Послѣдняя, какъ уже говорилось, можетъ представлять изъ себя небольшой бревенчатый срубъ, даже въ каменныхъ домахъ. Изъ этой ячеи развивается второй этажъ постройки. Ступень въ этомъ процессѣ представляетъ сооруженіе частичнаго второго этажа, какъ, напримѣръ, въ домѣ деревни Сламникъ (рис. 25, черт. 25). Примѣромъ дальнѣйшаго развитія можетъ служить слѣдующій домъ въ дер. Верхняя Горья. Домъ весь каменный, за исключеніемъ небольшой камеры, выходящей на дворъ (см. рисунокъ 28). Нижній этажъ этого очень богатаго дома, выстроеннаго въ 1778 году (цифра года на стропилѣ), состои-

какъ видно на планѣ чертежа 28, изъ вѣжи съ кухней, хиши, камры и чумнаты. Что касается верхняго этажа (не отапливаемаго), то по лѣстницѣ входишь въ совершенно пустое чердакообразное помѣщеніе, лежащее надъ вѣжой. Слѣва — та деревянная камерца, о которой было только что сказано, а справа—три комнаты, изъ которыхъ одна прежде имѣла печь, нынѣ не существующую. Эти три комнаты занимаютъ мѣсто надъ хишой, камрой и частью кухней.

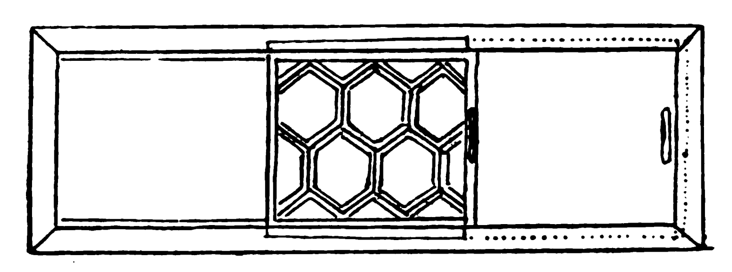
ЧЕРТ. 25. Домъ въ деревнѣ Млино. A—вѣжа; A₁—помѣщеніе для очага за аркой; B—хиша; M—N—дорога; a, a—двери; b, b—окна; c—очагъ; d—лѣстница на чердакъ; f—печь; k (крестикъ)—распятіе; l, l—скамьи; m, m—омарцы; u (крестикъ)—топка печи.

Въ процессѣ дальнѣйшаго развитія верхняго этажа, послѣдній получаетъ и вѣжу и кухню, т. е. очагъ. Но ранѣе его, повидимому, внѣдрилась печь для отапливанія верхняго помѣщенія. Иными словами, устроивъ, вслѣдствіе роста семьи, верхнее жилье, хозяева помѣщали туда часть своихъ сочленовъ, не выдѣляя ихъ въ обособленное хозяйство. Разросшаяся семья продолжала еще въ теченіе долгаго времени собираться, такъ сказать, вокругъ одного очага и лишь впослѣдствіи дробилась на двѣ единицы съ двумя очагами. Интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить домъ въ дер. Верхнее Горье, выстроенный въ 1786 году (цифра года на стропникѣ) и изображенный на рисункахъ 29-А и В. Второй рисунокъ представляетъ хозяйственную часть дома—скедень, а первый—жилую часть. Скедень обычнаго устройства: съ гумномъ, сѣноваломъ и галлереею на верху и съ конюшней и хлѣвомъ внизу. Что касается жилой части дома, то слѣдуетъ первымъ дѣломъ отмѣтить, что внизу его (см. два окна на рисункѣ 29-А) находятся два небольшихъ помѣщенія: одно съ очагомъ и безъ оконъ, а другое съ печью и двумя окнами (см. чертежъ 29, III). Собственно, главное жилье находится наверху (домъ на склонѣ горы): здѣсь, какъ видно на планѣ чертежа 29, I, вѣжа, кухня, хиша, камра и чумната. Надъ этимъ верхомъ въ чердачномъ помѣщеніи находятся (надъ вѣжой и хишей) еще двѣ комнаты (см. чертежъ 29, II), изъ деревяннаго сруба, выходящія на верхнюю галлерею (перила послѣдней видны на рисункѣ 29-А). Одна изъ этихъ комнатъ содержитъ очагъ съ топкою печи и не имѣетъ оконъ; другая, съ печью, освѣщается тремя узкими архаичной и уже описанной

ранѣе формы волоковыми окнами. Въ этомъ домѣ, слѣдовательно, не два а даже три очага, что указываетъ, какъ можно думать, на выдѣлъ и обособленіе двухъ молодыхъ семействъ. Домъ, пожалуй, можно считать трехэтажнымъ. Но низъ занимаетъ, строго говоря, подвальное помѣщеніе, совершенно не соотвѣтствующее, по размѣрамъ, главной части жилья. Верхъ (чердачное помѣщеніе), въ свою очередь, не развился еще въ полный этажъ.

Характернымъ въ смыслѣ развитія, доходящаго до раздвоенія, является старинный домъ въ дер. Блѣдъ, изображенный на рисункѣ 30-А. Домъ этотъ считается 400-тъ лѣтнимъ. Въ пользу весьма значительнаго возраста его говорятъ его мощныя стѣны. Надо имѣть въ виду, что дома въ названномъ селеніи въ 150—200 лѣтъ не представляются рѣдкостью. Поэтому молва о четырехсотлѣтнемъ возрастѣ описываемаго дома имѣетъ, какъ можно предполагать, свои основанія. Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить, что въ настоящее время домъ принадлежитъ двумъ хозяевамъ, не признающимъ своего родства, но допускающимъ, что между ихъ предками существовала родственная связь. Въ виду этихъ особенностей представляется важнымъ разсмотрѣть данный домъ съ возможной подробностью. Домъ длинной своей стороной выходитъ на улицу деревни. Одинъ фронтонъ, видный на рисункѣ 30-А, обращенъ къ усадьбѣ сосѣда, а другой, главный, выходитъ на усадьбу дома. Она отгорожена полуразрушеннымъ каменнымъ заборомъ отъ улицы. Часть занята фруктовымъ садомъ, другая представляетъ дворъ, на которомъ стоитъ сведень обычнаго типа въ совмѣстномъ пользованіи обоихъ владѣльцевъ дома; далѣе свинушники. Весь домъ стоитъ на склонѣ горы такъ, что спускъ идетъ съ одной стороны по улицѣ, а съ другой по фронтону. Размѣры дома громадны: съ фронтона онъ 10,25 м., а съ длинной стороны—14,25 м. На длинной сторонѣ четыре окна внизу и пять наверху. На главномъ фронтонѣ по три окна внизу и наверху, на заднемъ же фронтонѣ имѣются лишь два окна, изъ которыхъ одно задѣлано (см. рисунокъ 30-А). Съ этой стороны чердачное помѣщеніе имѣетъ два окна, а съ противоположной мѣсто оконъ заступаетъ прорѣзъ—лина. Съ улицы ведетъ широкая (1,63 м.) съ аркою дверь черезъ двѣ ступени внизъ въ обширную вѣжу. Дверь помѣщается не въ серединѣ передней стѣны вѣжи, а съ праваго бока (см. планъ на чертежѣ 30, I). Вѣжа представляетъ почти квадратное (около 6 м. въ длину и ширину) свободное помѣщеніе, въ заднемъ лѣвомъ углу котораго помѣщается очагъ (см. рисунокъ 30-В). Вѣжа находится подъ сводами, упирающимися въ каменные столбы. Направо отъ вѣжи находится клѣть, темное и сырое помѣщеніе. Налѣво отъ вѣжи—хиша и камра. У задней стѣны вѣжи находится каменная заворачивающая направо лѣстница на верхъ. Черезъ восемь ступеней приходишь на площадку (см. чертежъ 30, II); съ

налѣво наружу—дверь въ противоположную улицѣ сторону, на откосъ горы. Здѣсь домъ образуетъ нишу, въ правой сторонѣ которой идетъ входъ въ низъ, въ сграмбу (или кевдеръ) съ однимъ маленькимъ окномъ. Это небольшое, почти темное помѣщеніе подъ коробковымъ сводомъ, всего высотою въ 1,7 м., принадлежитъ къ верхнему хозяйству. Далѣе съ указанной площадки лѣстница заворачиваетъ снова направо и черезъ четыре ступени приводитъ въ верхній этажъ. Здѣсь (см. чертежъ 30, III) прежде всего попадаешь въ вѣжу, но безъ очага; изъ нея идетъ лѣстница на чердакъ. Къ вѣжѣ примыкаетъ къ откосу—кухня, а съ боковъ: съ одной стороны—хиша и камра, а съ другой—помѣщеніе, соотвѣтствующее нижней клѣти.

ЧЕРТ. 86. Волоковое окно дома изъ деревни Верхнее Горье съ внутренней стороны (см. рис. 19).

Въ этомъ домѣ (см. подробности въ объясненіи плановъ), слѣдовательно, два хозяйства, при чемъ въ нижнемъ кухня не дифференцировалась отъ вѣжи, а въ верхнемъ имѣется обособленная кухня. Можно думать, что домъ строился на большую семью, сдѣлавшую первый шагъ къ распаденію, выдѣливъ молодую чету въ самостоятельное хозяйство, но подъ общимъ отцовскимъ покровомъ. Въ настоящее время, какъ сказано, домъ принадлежитъ двумъ хозяевамъ. Нижнее хозяйство (мужъ, жена, двое сыновей и дочь) вполнѣ благоустроенное. Верхнее же хозяйство разворенное. Хозяевами состоятъ старики: братъ и сестра, при чемъ первый занимаетъ лишь камру, а вторая помѣщается на чердакѣ. Все остальное сдается: вѣжа, хиша и кухня, а равно погребъ садовнику, помѣщеніе же, соотвѣтствующее нижней клѣти—жандармамъ, подъ арестную камеру. Съемщикъ—садовникъ съ женой и четырьмя дѣтьми — и является фактически представителемъ верхняго хозяйства.

VI. *Заключеніе.*

Изложенное убѣждаетъ, что въ Верхней Крайнѣ имѣются на лицо постройки разныхъ степеней развитія. Низшій типъ, однокамерный, подверженъ нѣкоторымъ колебаніямъ, частью въ связи съ той или другой мѣст-

ностью, частью въ связи съ тѣмъ, для кого изъ обитателей онъ служитъ. Тѣмъ не менѣе онъ твердо сохраняетъ свою характерную физіономію. Типъ этотъ представляетъ то жилище, которое одновременно служитъ и помѣщеніемъ для очага и собственно жильемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ очагъ находится въ серединѣ внутренняго помѣщенія, но въ большинствѣ случаевъ онъ сдвинутъ, ради удобства, въ сторону. Однокамерныя верхне-крайнскія постройки, какъ бы онѣ не назывались, лишены оконъ въ настоящемъ значеніи этого слова, а также потолка и пола. Онѣ представляютъ типъ первобытнаго жилья. Нѣкоторый шагъ впередъ представляетъ постройка, называемая сирарницей, имѣющая сверхъ помѣщенія для очага еще собственно жилое помѣщеніе. Однако, и здѣсь, какъ и въ чисто однокамерныхъ сооруженіяхъ, кроватей не имѣется, и роль ихъ исполняютъ весьма примитивныя нары. Въ сирарницѣ найдена и древняя, какъ можно думать, форма очага, въ видѣ круга. Не смотря на всѣ эти архаизмы, первобытныя зданія въ Верхней Крайнѣ близки по своему внѣшнему строенію къ зданіямъ уже развившимся до степени болѣе сложнаго дома.

Въ отношеніе наименованій слѣдуетъ замѣтить, что названія, встрѣчающіяся въ простѣйшихъ строеніяхъ, не повторяются въ развитыхъ жилищахъ. Однако они не чужды сельчанину. Такъ, подъ именемъ кочне подразумѣваются хозяйственныя строенія (для сѣна или для сѣна и скота); кочами именуются весьма рѣдко встрѣчающіеся въ деревняхъ однокамерные дома; байта имѣетъ значеніе хижины или хаты вообще, куча—значеніе дома. Съ другой стороны, названія частей сложнаго дома не совсѣмъ чужды и первобытнымъ постройкамъ. Такъ, камрой (камерцой) называются дополнительныя части архаичнаго жилья въ двукамерной сирарницѣ; въ ней же помѣщеніе съ очагомъ называется вѣжой. Внутреннее помѣщеніе тамора именуется коча. Лишь слово таморъ стоитъ какъ бы одиноко, будучи связаннымъ съ своеобразнымъ жильемъ чедника. Эта своеобразность станетъ яснѣе, если вспомнить, что типичною для него формою является двухэтажная постройка, съ хлѣвомъ внизу, съ жильемъ въ верхнемъ этажѣ и съ четырехскатною пирамидальною крышею. Подобнаго рода таморъ стоитъ среди построекъ Верхней Крайны совершенно обособлено. Можно поэтому думать, что эта постройка, въ свое время, быть можетъ, и весьма обычная, пошла на вымираніе, не получивъ дальнѣйшаго развитія. Ближайшихъ родственниковъ тамора слѣдуетъ искать внѣ Крайны, повидимому, далѣе на югѣ: въ Босніи и среди васоевичей въ Черногоріи.

Всѣ современныя постройки Верхней Крайны, отъ низшихъ (за исключеніемъ помянутой формы тамора) и до высшихъ — двускатны. Въ процессѣ развитія къ однокамерной постройкѣ присоединяется новая ячея, дѣлящая домъ двураздѣльнымъ. При этомъ одно помѣщеніе содержитъ очагъ

другое служитъ собственно жильемъ. Послѣднее присоединилось къ основному помѣщенію со стороны фронтона, удлинивъ тѣмъ самымъ зданіе. Вопросъ конечно въ томъ, развились ли верхне-крайнскіе сложные дома въ своихъ внѣшнихъ формахъ непосредственно изъ описанныхъ первобытныхъ зданій или же эти формы внѣдрились въ страну или развились въ ней независимо отъ первоначальныхъ элементовъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ съ полною опредѣленностью на основаніи наличнаго матеріала не представляется возможнымъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ низшіе типы жилья Верхней Крайны въ ихъ характерной формѣ имѣютъ входную дверь со стороны фронтона. Описанный и изображенный на рисункѣ 4 и чертежѣ 4 таморъ, въ виду существованія иной его обычной формы, не можетъ считаться, по внѣшности своей, типичнымъ. Развитыя же постройки, начиная отъ двураздѣльнаго и кончая четырехраздѣльнымъ домомъ, имѣютъ входъ съ длинной стороны зданія. Это указываетъ какъ бы на перерывъ въ развитіи мѣстнаго жилища, указываетъ какъ бы на то, что горныя архаичныя постройки не имѣютъ генетической, въ отношеніе архитектурныхъ формъ, связи съ постройками сельчанина. Въ противорѣчіи съ этимъ стоитъ однако ихъ схожій съ двускатною крышею внѣшній видъ. Признавая на основаніи этого родственную связь между постройками перваго и постройками второго рода, мы должны теоретически предположить, что были нѣкогда болѣе сложныя, чѣмъ однокамерный домъ, постройки, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли входную дверь со стороны фронтона. Теоретическое это предположеніе подтверждается строеніемъ сирарницы, а также и другими реальными примѣрами. А именно: описанными выше двураздѣльными домами близъ деревни Зазеро и изъ деревни Млино (см. планъ на чертежахъ 31 и 35 и рис. 31). Если въ отношеніе перваго изъ этихъ домовъ нами и были высказаны сомнѣнія относительно характера двураздѣльности и вообще его типичности, то домъ дер. Млино долженъ считаться безусловно (за исключеніемъ мѣста положенія входной двери) совершенно нормальнымъ.

Сопоставляя послѣдовательно центральную часть описаннаго тамора, жилое кочне, сирарницу, только что помянутый домъ въ Млино и остальные болѣе сложные дома Верхней Крайны, возможно, повидимому, съ полною правдоподобностью утверждать слѣдующее. Въ основу современнаго верхнекрайнскаго дома легло первобытное жилище — зданіе съ двускатной крышей и съ входомъ со стороны фронтона. Образовалось это жилище, какъ можно предполагать, изъ двухъ навѣсовъ, покрывавшихъ естественное углубленіе въ почвѣ. Къ этому жилью присоединяется новое помѣщеніе со стороны фронтона. Входъ продолжалъ оставаться съ фронтона и въ этомъ видѣ постройка имѣла свое внутреннее развитіе. А именно: очагъ, уже ранѣе отодви-

нутый, ради удобства, въ сторону далъ начало къ выдѣленію особаго помѣщенія—кухни. Обособленіе послѣдней шло очень медленно, совсѣмъ безъ зависимости отъ общаго развитія дома и не закончено и по настоящее время.

Входная дверь съ фронтона, сохраняясь первоначально и въ двураздѣльной постройкѣ, мѣняетъ съ теченіемъ времени свое положеніе и переходитъ на длинную сторону. Ближайшей причиной такого перемѣщенія могло служить стремленіе оградить теплую хишу отъ непосредственнаго проникновенія холоднаго воздуха; кромѣ того желаніе удлинить домъ со стороны вѣжи, противоположной хишѣ, не могло въ свою очередь не вызвать перенесенія входной двери на длинную сторону зданія.

Въ Крайнѣ были разныя этническія населенія и, очевидно, всѣ они въ большей или меньшей степени приняли участіе въ созиданіи началъ, послужившихъ для развитія современнаго сложнаго дома. Неизвѣстнаго происхожденія аборигеновъ страны смѣнили въ Крайнѣ иллиры, подвергшіеся вліянію кельтовъ, уступившихъ, въ свою очередь, господство римлянамъ. До осѣданія славянъ черезъ Крайну проходили и въ ней оставались остготы, лангобарды и авары. Внѣдрившіеся въ страну славяне подвергались разновременно вліянію франковъ, саксовъ и баварцевъ, такъ или иначе колонизировавшихъ Крайну. Въ результатѣ же страна оказалась славянской, населенной потомками хорутанъ—словинцами. Не смотря на разнородность нашествій, завоеваній и колонизацій, въ жизни Крайны важнѣе всего отмѣтить иллирійскій фонъ, славянское разселеніе на этомъ фонѣ и германское воздѣйствіе на словинскихъ колонизаторовъ. Поэтому мы въ правѣ въ первую очередь искать въ постройкахъ современной Крайны духовныя начала этихъ трехъ племенъ. Въ связи съ этимъ правильнѣе всего взглянуть на жилище какъ сѣвернѣе, такъ и южнѣе Крайны, не стѣсняясь прямыми ея границами. Въ этомъ отношеніи удобно остановиться, съ одной стороны, на одной изъ тѣхъ провинцій Австріи, въ которой славянъ не существовало, напримѣръ, на Зальцбургской провинціи, а съ другой—на славянской странѣ, на которой германское вліяніе, какъ можно думать, не отражалось, напримѣръ, на Босніи [1]).

[1]) Аборигенами Босніи были иллиры. Въ IV в. до Р. Х. въ страну вторглись кельты. Вліяніе ихъ отразилось, какъ показываютъ археологическія изслѣдованія, преимущественно въ сѣверо-западной части страны. Во II в. до Р. Х. начинается колонизація римлянъ. Ихъ формальное господство длится до паденія Западной Римской имперіи (476 г. послѣ Р. Х.) Въ V в. нашей эры страна подпадаетъ власти остготовъ и остается въ ихъ рукахъ до 535 г. Въ 548, 551 и 553 гг. въ Босніи впервые появляются славяне. Въ 598 г. на Боснію, стоявшую въ это время подъ властью Византійской имперіи, нападаютъ авары. Настойчивое наступленіе славянъ продолжается въ теченіе всего VI в., а главное ихъ разселеніе падаетъ на VII в. Изъ этого видно, что Боснія была свободна отъ германской колонизаціи такъ какъ господство остготовъ, болѣе, вѣроятно, номинальное, было очень кратковременнымъ.

Послѣдняя страна для сравненія въ отношеніи жилища съ Крайной и потому еще важна, что иллирійскій элементъ, который и здѣсь послужилъ фономъ для образованія современной народности, узнается во многихъ чертахъ быта страны. Наконецъ сопоставленіе Зальцбурга и Босніи съ Крайной и въ томъ еще отношеніи удобно, что какъ первая провинція, такъ и вторая страна служили полемъ изслѣдованія для одного лица. Поэтому наблюденія и тутъ и тамъ однотонны и поддаются сравненію съ нашими наблюденіями въ Верхней Крайнѣ съ большею легкостью.

Обратимся сначала къ Зальцбургу. Наблюденія производились [1]) въ поселеніи Альтъ-Аусзэ (Alt-Aussee). Дома здѣсь преимущественно старинные, восходящіе по своему возрасту до конца XVI в. Къ сожалѣнію изслѣдователь не приводитъ ни описанія, ни изображенія внѣшняго вида домовъ. Поэтому о ихъ внѣшности невозможно получить какое либо представленіе, и въ этомъ отношеніи дома изъ Альтъ-Аусзэ сравненію съ нашими подлежать не могутъ. По соотношенію отдѣльныхъ помѣщеній авторъ изслѣдованія раздѣляетъ дома на двѣ категоріи, соотвѣтствующія двумъ типамъ. Одинъ типъ—«крестовый» домъ (Kreuzhaus), а другой—«проходной» (durchgängiges Haus). Первый типъ называется Мерингеромъ, по нашему мнѣнію, безъ достаточныхъ основаній, «двураздѣльнымъ» (zweitheiliges Haus), а второй — «трехраздѣльнымъ» (dreitheiliges Haus). Крестовый типъ Мерингеръ считаетъ алеманскимъ, а проходной — франкскимъ, въ частности мѣстнымъ варіантомъ его, отличающимся отъ основного типа, непремѣннымъ отсутствіемъ очага въ сѣняхъ (вѣжѣ), т.-е. дифференціація кухни. Типъ этотъ, т. е. такъ называемый франкскій, по мнѣнію изслѣдователя, какъ и Банкалари, строго говоря, совсѣмъ не германскій, а «до-германскій», заимствованный, по мнѣнію Мерингера, у кельтовъ. Характерно для домовъ въ Аусзэ обоихъ типовъ то, что хозяйственныя постройки децентрализируются, чего не замѣчается въ Крайнѣ. А именно: какъ хлѣвъ, такъ и кладовая, лѣтняя кухня и печь для печенія хлѣба стоятъ отдѣльно отъ жилого зданія. Обычный въ Аусзэ проходной домъ представляетъ (см. планъ на чертежѣ 32) слѣдующее. Передъ домомъ крылечко (Brückl), черезъ которое входятъ въ сѣни (Haus, то, что въ другихъ мѣстностяхъ называется Flur). Справа и слѣва двери: одна въ кухню, другая въ избу (Stube, Stubn); какъ то, такъ и другое помѣщеніе могутъ находиться безразлично справа или слѣва отъ сѣней. Въ концѣ ихъ справа или слѣва находится лѣстница наверхъ. Въ задней стѣнѣ сѣней находится дверь, либо прямо

[1]) Dr. R. Meringer.—Studien zur germanischen Volkskunde. Das Bauernhaus und dessen Einrichtung. Mit. d. anthr. Ges. in Wien. B. XXI. Wien, 1891.

ведущая наружу, либо при посредствѣ галлерейки (Laube). Какъ отъ избы, такъ и отъ кухни отдѣлены стѣной по одной комнатѣ съ каждой стороны; это Stubenkammer (при избѣ) и Hauskammer (при кухнѣ). При взглядѣ на домъ этого типа, нельзя не найти сходственныя черты съ домами Верхней Крайны смѣшаннаго, какъ нами названо, четырехраздѣльнаго типа. А именно: сѣни проходныя съ лѣстницей наверхъ, съ одной стороны изба и камра, а съ другой—чумната. Но въ домѣ дер. Аусээ есть существенный признакъ, который рѣзко отличаетъ его отъ дома Верхней Крайны, именно то, что кухня вовсе не входитъ въ составъ сѣней, а является совершенно самостоятельнымъ придаткомъ къ дому, мѣняющимъ его внѣшнія формы. Быть можетъ, при болѣе глубокомъ изученіи жилья, при изслѣдованіи всѣхъ фазисовъ его развитія и удалось бы установить генетическую связь между зальцбургскими домами «проходного» типа и домами въ Верхней Крайнѣ, но на основаніи имѣющихся данныхъ ближайшее родство между этими домами установить трудно.

Совершенно въ иномъ положеніи стоитъ дѣло съ такъ называемымъ Мерингеромъ «крестовымъ» домомъ. Типъ его слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 33). Съ крыльца входишь въ сѣни съ лѣстницей наверхъ; затѣмъ прямо изъ сѣней входишь въ кухню; слѣва (или справа) отъ сѣней—изба, а къ ней примыкаетъ горница (Stubenkammer). Въ этомъ типѣ нельзя не узнать нами описанный крайнскій трехраздѣльный широкій домъ. Можно сказать, что оба совершенно тождественны. Тождественность усиливается, если разсмотрѣть внутреннее устройство дома въ Аусээ. Сѣни либо совсѣмъ не имѣютъ оконъ, либо имѣютъ одно небольшое. Въ углу избы стоитъ зеленая изразцовая печь [1]) со скамьями на свободныхъ сторонахъ; наискосокъ отъ печи въ углу—кіотъ, подъ нимъ обѣденный столъ; оконъ по два со стороны фронтона и со стороны боковой; по наружнымъ стѣнамъ избы—скамейки. Входъ въ домъ обыкновенно съ длинной его стороны, изрѣдка съ фронтона. Горница (камра) рядомъ съ избой, съ однимъ окномъ со стороны фронтона, служитъ въ качествѣ спальни; кухня обыкновенно каменная, даже если весь домъ деревянный; окна въ домѣ обыкновенно малой величины, но часто впослѣдствіи прорублены большихъ размѣровъ. Правда, едва ли не большинство приведенныхъ чертъ свойственны не только Аусээ и Крайнѣ, но и многимъ другимъ мѣстностямъ, въ томъ числѣ и Россіи. Тѣмъ не менѣе отмѣтить ихъ здѣсь представляется умѣстнымъ. Надо, впрочемъ, оговорить, что народонаселеніе Аусээ, по заявленію изслѣдователя, германскаго типа не несетъ, и что языкъ ихъ представляетъ много особенностей въ выговорѣ. Поэтому можно

[1]) Впрочемъ, иного, чѣмъ въ Верхней Крайнѣ, устройства.

думать, что если домъ «крестоваго» типа и алеманскаго происхожденія, то онъ занесенъ въ Аусзэ къ народу не германскаго происхожденія, а лишь германизовавшемуся.

Обратимся къ югу, къ Босніи. Страна эта представляетъ въ отношеніи народовѣдѣнія вообще и въ частности въ отношеніи построекъ кладохранилище. Постройки Босніи и своеобразны и сложны. Здѣсь, существуетъ нѣсколько типовъ домовъ. Одинъ изъ нихъ [1]), часто встрѣчающійся, слѣдующій (см. планъ на чертежѣ 34). Дверь ведетъ въ сѣни (аралукъ), къ которымъ на задней ихъ сторонѣ примыкаетъ кухня (куча) съ очагомъ. Часть ея занята небольшой кладовой. Изъ кухни есть выходъ наружу, а направо отъ нея помѣщеніе для прислуги. Направо отъ сѣней находится комната для дѣтей (собаджикъ), а налѣво—изба (соба) съ печью. Домъ этого типа нельзя не признать весьма близкимъ съ домомъ въ Верхней Крайнѣ трехраздѣльнаго длиннаго типа, съ которымъ онъ почти тождественъ.

Подобную тождественность между трехраздѣльнымъ длиннымъ и четырехраздѣльнымъ домами Крайны и домомъ въ другихъ, кромѣ Босніи, славянскихъ земляхъ мы находили, напримѣръ, и въ Моравіи. Здѣсь [2]) черезъ крыльцо (podsinek) и входную дверь попадаешь прежде всего въ сѣни (sin). Въ нихъ находится очагъ, который можетъ быть выдѣленъ въ особое помѣщеніе—кухню (kuchyn, kuchyna). Въ сѣняхъ же находится лѣстница, ведущая на чердакъ. Отъ сѣней направо (или налѣво) изба (izba), съ двумя окнами на фронтонной сторонѣ и съ однимъ или двумя на длинной сторонѣ дома. Къ избѣ можетъ примыкать совершенно такъ же, какъ примыкаетъ камра къ вѣжѣ въ Крайнѣ—пристѣнекъ (pristenek), помѣщеніе съ однимъ окномъ на фронтонѣ и съ однимъ же на длинной сторонѣ дома. Съ противоположной отъ избы стороны сѣней помѣщается одна или двѣ комнаты, по своему расположенію совершенно соотвѣтствующія чумнатамъ Верхней Крайны. Тождественность плана моравскаго дома съ планомъ трехраздѣльнаго длиннаго крайнскаго дома усиливается тѣмъ, что сѣни и въ Моравіи могутъ быть проходными, и что въ нижней части дома находится хозяйственное помѣщеніе съ входомъ со стороны фронтона. Эта нижняя часть, какъ и въ Крайнѣ, сооружается при деревянныхъ домахъ изъ камня. Того же типа, что и моравскій домъ, представляется домъ русскихъ въ Галиціи [3]), въ которомъ съ одной стороны проходныхъ сѣней находится такъ называемая велика хата, соотвѣтствующая крайнской хишѣ, а съ другой мала хата, занимающая мѣсто чумнатъ. Тоже-

[1]) Dr. R. Meringer.—Das volksthümliche Haus in Bosnien u. d. Hercegovina. Wiss. Mit. aus Bosn. u. d. Herc. B. VII. Wien, 1900.

[2]) Národopisná vystava česko-slovanská v Prâze, 1895.

[3]) Dr. R. Kaindl.—Haus und Hof bei den Rusnaken. Globus, 1897. B. LXXI. № 9.

ственный (съ планомъ крайнскаго длиннаго дома) планъ мы встрѣчаемъ и въ домѣ словаковъ. И здѣсь направо (или налѣво) отъ сѣней (pitvor) находится изба (izba), а слѣва дополнительная пристройка: побочна или бочна изба (pobočna izba). Къ главной избѣ можетъ примыкать, какъ и у словинцевъ, камра (kamora). Далѣе, домъ близкаго къ славянамъ племени литовцевъ [1]) представляетъ въ планѣ то же построеніе. Изъ сѣней ведетъ дверь прямо въ кухню съ выходомъ наружу. Съ одной стороны сѣней дверь ведетъ въ обширную комнату—избу, съ прилегающей къ ней небольшой комнаткой, а съ другой—вдоль сѣней и кухни—находится комнатка и кладовая. Здѣсь, слѣдовательно, какъ и въ нѣкоторыхъ домахъ Верхней Крайны, изъ двухъ добавочныхъ помѣщеній съ противоположной избѣ стороны сѣней одна отведена подъ хозяйственныя надобности, а другая служитъ жильемъ. Наконецъ нашъ великорусскій крестьянскій домъ съ проходными сѣнями, отъ которыхъ на одну сторону лежитъ изба, а на другую горница или клѣть съ отдѣленіями для домашняго скарба, ничто иное, какъ та же (по взаимному расположенію помѣщеній) трехраздѣльная длиннаго типа постройка, что и въ Верхней Крайнѣ, Босніи, Моравіи, Галиціи, у словаковъ и литовцевъ.

Всѣ приведенные примѣры тождественныхъ типовъ домовъ не могутъ не навести на мысль, что основы верхне-крайнскаго дома слѣдуетъ искать въ глубокой древности, что родственники крайнскаго трехраздѣльнаго длиннаго дома, находясь у разныхъ славянскихъ племенъ и на югѣ и на сѣверѣ и востокѣ, указываютъ на единое происхожденіе ихъ, и что первичные элементы этого дома надлежитъ одинаково искать какъ въ самой Крайнѣ, такъ на Балканѣ, у славянъ западной вѣтви и у насъ въ Россіи. При первомъ взглядѣ на внѣшность обычнаго верхне-крайнскаго дома, онъ представляется столь несхожимъ съ домами другихъ славянскихъ племенъ, что сравненіе его съ ними можетъ показаться безцѣльнымъ. Планъ верхне-крайнскаго дома убѣждаетъ въ противоположномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ деревянные дома, сохранившіе много архаизмовъ, сохранившіе и больше, чѣмъ каменные, своеобразныхъ чертъ и всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ и рѣзьбой и другими деталями, не скрываютъ своей генетической связи и съ домами Моравіи и Галиціи и Россіи. Что касается боснійскаго дома, то и онъ, при всей своей своеобразности, не потерялъ генетической связи съ жилыми постройками Верхней Крайны.

Въ виду наличности въ Верхней Крайнѣ двухъ основныхъ типовъ домовъ и въ виду существованія одного изъ нихъ, именно: болѣе часто встрѣ-

---

[1]) Dr. F. Tetzner.—Haus und Hof der Litauer. Globus, 1897. B. LXXII, № 16.

чающагося трехраздѣльнаго длиннаго въ Босніи, Моравіи, Галиціи, у литовцевъ и словаковъ, а также въ Россіи, возможно высказать, что одной изъ главныхъ основъ современнаго словинскаго четырехраздѣльнаго дома былъ трехраздѣльный славянскій. Этотъ послѣдній, типичный своими сѣнями (вѣжей), отопляемымъ помѣщеніемъ—избою (хишей), съ одной стороны, и неотопляемымъ — клѣтью (чумнатою) съ другой, имѣетъ долгую исторію развитія, и основы его восходятъ вѣроятно въ эпоху еще пра-славянскую. Что касается другого типа, какъ указано, болѣе рѣдко встрѣчающагося трехраздѣльнаго широкаго дома, то онъ, какого бы происхожденія онъ ни былъ, вѣроятно былъ занесенъ въ Крайну съ сѣвера отъ германскихъ сосѣдей. Главнѣйшая его роль въ Верхней Крайнѣ заключалась въ томъ, что онъ, принеся съ собою новое помѣщеніе—камру и сочетавшись съ длиннымъ типомъ, оживилъ и развилъ его до четырехраздѣльнаго, повидимому, національно-словинскаго дома. Во всякомъ случаѣ верхне-крайнскій домъ представляетъ выдающійся интересъ, какъ домъ, стоящій на рубежѣ германскаго и славянскаго міровъ. Интересъ въ верхне-крайнскомъ домѣ заключается и въ томъ еще, что онъ въ своемъ развитомъ видѣ очень сложенъ, и что при этомъ основныя его части поддаются наблюденію на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія мѣстнаго жилья. Эти отдѣльныя части показываютъ, что домъ слагался на славянскихъ началахъ и что заимствованія со стороны были сравнительно незначительны. Въ этомъ убѣждаютъ наименованія частей дома [1]), которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ уже указывалось выше, славянскаго происхожденія и находятъ себѣ обыкновенно соотвѣтствующія наименованія преимущественно въ сербскомъ, но и въ болгарскомъ, чешскомъ и русскомъ языкахъ.

Выше была отмѣчена генетическая связь, въ отношеніи архитектурныхъ формъ, существующая въ Верхней Крайне между низшими и высшими типами жилья. Изъ этой связи, однако, не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что современный сложный словинскій домъ развился именно изъ первобытнаго наличнаго типа жилья. Иными словами: и коча, и станъ, и т. п. постройки могли въ

[1]) Не отрицая чуждыхъ вліяній на образованіе и развитіе словинскаго дома вообще и верхне-крайнскаго въ частности, нельзя не обратить особеннаго вниманія, что не только такія слова какъ коча, вѣжа, хиша, изба, чумната—слова, передающія понятія о частяхъ дома, свойственны другимъ славянскимъ народамъ и поэтому славянскія, но что вообще громадное большинство словъ, передающихъ понятія о сложеніи постройки и ея частей, равнымъ образомъ славянскія. Достаточно вспомнить, что словинцы называютъ славянскими именами крышу, чердакъ, крыльцо, двери, окна, печь, потолокъ полъ, очагъ, а равно пристройки къ дому и всю его существенную утварь и т. п. Это повидимому указываетъ, что то, что заимствовалось (если оно заимствовалось) перерабатывалось на національныхъ началахъ.

свое время имѣть и иную, чѣмъ нынѣ форму. Съ этими первобытными постройками могло произойти то превращеніе, о которомъ мы говорили ранѣе въ отношеніи тамора, мѣстами утратившаго свою архаичную внѣшность двухэтажнаго съ пирамидальною крышею зданія и пріобрѣвшаго внѣшность обычнаго для деревни дома. Можно даже думать, что напримѣръ коча, бывшi когда то вѣроятно обычнымъ жильемъ для всей массы предковъ современныхъ словинцевъ, была со временемъ заброшена и замѣнена новымъ зданіемъ. Коча, какъ постоянное жилье, перешла въ горы, къ населенію полукочевому, т. е. тому, которое ведетъ образъ жизни, свойственный когда то всѣмъ пра-словинцамъ.

Относительно тамора можно высказать совершенно другія мысли. Слово это, повидимому, совершенно неизвѣстно другимъ славянскимъ племенамъ въ противоположность словамъ: коча, станъ, хиша, вѣжа, изба. Таморъ—слово, кстати будь сказано, совсѣмъ не славянское и не имѣетъ даже на словинскомъ языкѣ—производныхъ. Со словомъ этимъ, какъ уже неоднократно указывалось, связано своеобразное жилье, своеобразное и по формѣ, и по функціямъ его обитателей. По внѣшности таморъ съ своей двухэтажностью и пирамидальностью крыши примыкаетъ къ постройкамъ босняковъ и васоевичей. Поэтому невольно навязывается предположеніе, что таморъ есть иллирійское жилище, хотя конечно оно могло быть и кельтическимъ. Допустима такая дальнѣйшая мысль: иллиры, вытѣсненные пришедшими славянами, удалились въ горы и занялись чедничествомъ, породивъ и среди словинцевъ этотъ особаго рода промыселъ. Въ исторіи племенъ не рѣдкостью является, что та или другая профессія сохраняется среди потомковъ оттѣсненнаго покореннаго народа. Эти явленія могли быть и въ Крайнѣ. Ими то и объясняется, быть можетъ, что таморъ не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ среди архитектурныхъ мотивовъ Верхней Крайны. Иначе дѣло обстояло въ Босніи, гдѣ иллирійскія вліянія прослѣжены во многихъ сторонахъ быта современнаго населенія, какъ и въ его языкѣ. Что касается васоевичей, то племя это, повидимому, лишь по языку славянское. Во всемъ своемъ обликѣ физическомъ и моральномъ, во всѣхъ своихъ обычаяхъ, какъ и въ одеждѣ, васоевичи рѣзко отличаются отъ остального черногорскаго населенія. Освѣтить вопросъ и о таморѣ, и о его происхожденіи, могли бы лучше всего наблюденія въ Албаніи, населеніе которой едва ли не чисто иллирійское.

Однако допустима и иная мысль, а именно мысль о томъ, что таморъ ничто иное какъ древней формы коча, принявшая лишь чужое наименованіе. Мысль эта какъ будто встрѣчаетъ подтвержденіе въ томъ, что внутреннее помѣщеніе тамора, какъ было отмѣчено выше, несетъ наименованіе «коча». Быть можетъ именно въ таморѣ слѣдуетъ видѣть пережитокъ древняго словинскаго жилища (кочи); быть можетъ, словинская принадлежность тамора лишь маскируется этимъ чуждымъ славянскимъ языкамъ наименованіемъ. Какъ бы то ни было коренное по формѣ различіе верхне-крайнскаго тамора съ иными мѣстными постройками остается въ силѣ, и архитектурныхъ родственниковъ его слѣдуетъ искать не въ Крайнѣ, а на Балканскомъ полуостровѣ и въ частности въ Босніи и среди васоевичей.

Что касается стана, то подъ постройкой этого имени, повидимому, у большинства славянъ подразумѣвается нѣчто временное. Лишь въ Босніи и въ нѣкоторыхъ другихъ сербскихъ мѣстностяхъ станъ означаетъ жилище, домъ вообще. Слово станъ не перешло въ видѣ наименованія въ часть прочной постройки. У словинцевъ оно означаетъ временное мѣсто убѣжища пастуха. Можно поэтому думать, что въ Верхней Крайнѣ оно не приняло участія въ созиданіи жилища и, въ современныхъ своихъ формахъ, отразило господствующіе въ странѣ архитектурные пріемы.

Байта, въ свою очередь, повидимому, не имѣла участія въ образованіи словинскаго дома. Байта, какъ указано, означаетъ хижину вообще. Слово это (байта) неизвѣстно ни остальнымъ славянскимъ народамъ, ни нашему языку. Быть можетъ, байта только словинское слово, внѣдрившееся въ словинскій языкъ въ сравнительно недавнее время. Байта и въ Верхней Крайнѣ не представляетъ вполнѣ опредѣленнаго понятія о томъ или иномъ зданіи. Оно выражаетъ болѣе убогость постройки, чѣмъ характеръ ея.

Возвратимся къ кочѣ. Слово это, хотя и въ разныхъ варіантахъ (коча, куча, кутя, кутья, куща, хышта, куть), извѣстно всей южнославянской семьѣ [1]), извѣстно и русскому народу. Южные славяне подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ съ одной стороны жилье лицъ, ведущихъ первобытно-подобный образъ жизни, а съ другой стороны, домъ вообще и наконецъ основную часть дома, т. е. помѣщеніе съ очагомъ или выдѣленную съ очагомъ кухню. Это обстоятельство позволяетъ думать, что если коча какъ таковая и не получила дальнѣйшаго развитія, но что понятіе о ней настолько внѣдрилось въ сознаніе населенія, что оно не было въ состояніи разстаться со словомъ коча и перенесло это понятіе на новое жилище и въ частности на существенную часть его. Доискиваться, какого происхожденія корень слова коча—трудно, да въ данномъ случаѣ и безцѣльно. Во всякомъ случаѣ слово это вполнѣ воспринято громадной массой славянъ и поэтому существуетъ какъ слово славянское съ массою производныхъ. Варіаціи слова коча и его производныхъ, сложенныхъ по законамъ языка каждаго даннаго народа, въ состояніи убѣдить, что коча какъ жилище извѣстна, по крайней мѣрѣ части славянъ, съ весьма давнихъ временъ. А производные глаголы и на словинскомъ и на русскомъ языкахъ (кочевати, кущевать, кочевать) позволяютъ высказать мысль, что коча была извѣстна еще кочевымъ пра-словинцамъ или, быть можетъ, вообще пра-славянамъ [2]). Оставляя здѣсь другія славянскія племена въ сторонѣ, можно допустить, что собственно у словинцевъ коча какъ жилье была заброшена съ переходомъ отъ чисто кочевого къ полуосѣдлому быту. Къ этой мысли приводитъ между

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 264. [2]) Сл. кочевать, кочевникъ не въ связи съ кашта куча, Словинское коча. Дрслв. юсъ, замѣн. ą, соотв. Слов. ô. у Русск. же и Серб.—*у*. Да и кочевать, кочевнице примѣняются въ древне- и старо русск. пам. только къ Татарамъ. Древнѣйшее же названіе кочевника было Тлъковникъ, срвн. толкотня, толкучій рынокъ... Кашта слов. kòča образов. изъ дрвсл. кątъ (уголъ), словин. kot—наше кутъ, Польск. kąt, у Балт. слав. было сл. contina (такъ въ Щетинѣ по слов. Зефр. (Ж. Отт Бамб.) были четыри кутины (общественныя зданія—храмы). Гильфердингъ. Исторія Балт. Слав § XXXIX.
Ред.

прочимъ то, что подъ кочей или кочне подразумѣваютъ и сѣнной сарайчикъ. Главное же, что склоняетъ къ этой мысли это то, что въ двураздѣльномъ зданіи кочи не существуетъ. Ее (даже въ сирарницѣ) замѣнила вѣжа. Коча у словинцевъ, по крайней мѣрѣ въ Верхней Крайнѣ, заключаетъ понятіе однокамерности, будь то отдѣльная постройка для жилья или внутреннее помѣщеніе, какъ напр. въ таморѣ.

Коча не сохранилась въ Крайнѣ въ своей первобытной формѣ. Факторы развитія жизни словинцевъ выдвинули новыя жилища. Они не только оттѣснили, такъ сказать деградировали кочу, но и навязали ей чуждыя внѣшнія формы. Древняя коча однако не вымерла еще среди южныхъ славянъ. Она сохранилась въ Босніи подъ наименованіемъ куча, что означаетъ и домъ вообще [1]). Въ этой странѣ развитіе жилища шло во многихъ отношеніяхъ совершенно инымъ порядкомъ, чѣмъ у словинцевъ вообще и въ частности въ Верхней Крайнѣ. Четыре стѣны, не превышающія ростъ человѣка, покрытыя четырехскатной, вытянутой крышей—вотъ прототипъ боснійскаго дома, прототипъ, встрѣчающійся и по настоящее время достаточно часто. Стѣны такого дома нерѣдко сплетены изъ вѣтвей, крыша—соломенная. Внѣшность такого дома (см. рис. 46) до того ясно шалашевидная, что происхожденіе его именно изъ шалаша не можетъ подлежать сомнѣнію. Хотя въ домѣ по его малымъ размѣрамъ едва можно повернуться, тѣмъ не менѣе онъ помѣщаетъ цѣлое семейство. Куча (кочa) Босніи не была вытѣснена. Она развивалась и усовершенствовалась, сохраняя свои основныя внѣшнія черты. Ступенью выше отмѣченной стоитъ та куча, которая обмазана глиной и покрыта крышей изъ мелкихъ досокъ. Подобная куча видна на рис. 47 [2]). Домъ этотъ двураздѣльный. Черезъ входную дверь попадаешь въ помѣщеніе съ очагомъ, которое называется кучей; рядомъ съ ней собственно жилье—соба съ печью. Въ дальнѣйшемъ развитіи подобная коча дала характерный боснійскій домъ, ранѣе уже помянутый (см. рис. 49). Процессъ развитія жилья въ Босніи очевидно сводился къ тому, что предокъ боснійца, переходя отъ кочевого къ осѣдлому состоянію, не забросилъ свою кочу (кучу), а усовершенствовалъ ее и, прикрѣпивъ ее къ землѣ, остался въ ней жить. Куча, переставъ быть переноснымъ шалашемъ, сдѣлалась домомъ шалашеподобной формы.

Что касается вѣжи, то слово это, какъ и слово коча, хорошо извѣстно многимъ славянскимъ племенамъ [3]).

Умѣстнымъ представляется вспомнить, что слово вѣжа сохранило у насъ (въ формѣ вежка, вѣжка) въ Курской губерніи понятіе о шалашѣ, сто-

---

[1]) Вспомнимъ, что понятіе о кочѣ, какъ о домѣ, не утеряно и словинцами, и что въ Болгаріи подъ кыштой понимаютъ домъ, жилье вообще, въ частности деревенскій домъ въ нѣсколько комнатъ.

[2]) Рисунки двухъ домовъ—кучей Босніи заимствованы изъ статьи Мерингера: Meringer—Das Volksthümliche Haus in Bosnien und der Hercegovina. (Wis. Mit. aus Bos. u. d. Herc. B. VII, Wien, 1900).

[3]) См. примѣчаніе на стр. 292.

рожкѣ, балаганѣ, и что на языкѣ хорватовъ вѣжа означаетъ между прочимъ навѣсъ. Изъ приведенныхъ ранѣе сравненій видно, что слово вѣжа, какъ понятіе о современномъ славянскомъ жилищѣ, вообще не сохранилось. Слово это употребляется либо въ смыслѣ кочевого жилища у инородцевъ (угры, половцы), либо въ смыслѣ первобытнаго, хотя и неподвижнаго жилья инородцевъ (лопари), либо въ значеніи укрѣпленія, башни, тюрьмы (у насъ, поляковъ, чеховъ, словаковъ), либо въ смыслѣ части современнаго славянскаго дома (у словинцевъ и хорватовъ), либо въ смыслѣ навѣса (у хорватовъ). Лишь, повидимому, въ одной Курской губерніи вѣжа удержала понятіе о жильѣ не инородческаго, а русскаго населенія (вѣжка). Тѣмъ не менѣе нѣтъ, повидимому, основанія сомнѣваться, что вѣжа когда то представляла самостоятельное славянское жилье. Спутанность понятій, связанныхъ со словомъ вѣжа, показываетъ лишь на древность этого слова. Что вѣжа когда то дѣйствительно была жилищемъ славянъ, хотя бы и не всѣхъ, доказывается, съ одной стороны, распространенностью слова, а съ другой тѣмъ, что слово вѣжа, въ формѣ visa, означало на языкѣ полабскихъ славянъ домъ [1]). Каковъ онъ былъ— сказать съ вѣроятностью очень трудно. Быть можетъ, освѣтить сомнѣніе въ состояніи хорватское понятіе о вѣжѣ, какъ о навѣсѣ и сѣняхъ. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что вѣжа словинцевъ совершенно соотвѣтствуетъ нашему понятію о сѣняхъ (чешская siň, польская sien, нѣмецкая Fur, Haus). Подъ словомъ сѣнь или сѣнница у насъ подразумѣвается и наметъ, и палатка, и шатеръ, далѣе навѣсъ, легкое жилье. Въ старину подъ сѣнью, сѣнницей понимали навѣсъ у дома на столбахъ. Въ настоящее время сѣнью называютъ и балдахинъ (надпрестольная сѣнь). Въ церковно-славянскомъ языкѣ сѣнь—есть шатеръ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать евангельскій текстъ «сотворимъ здѣ три сѣни» (Матѳ. 17, 4). На русскомъ языкѣ «сѣнь» евангельскаго текста переводится словомъ куща, на французскомъ—tente (палатка), на нѣмецкомъ—Hütte (хижина), на словинскомъ —šotor (шатеръ), на польскомъ przdztki, (обиталище, жилище). Все сказанное даетъ основаніе считать вѣжу и сѣнь синонимами и придавать имъ значеніе первобытнаго жилья, вѣроятно, въ первоначальномъ видѣ связаннаго съ навѣсомъ и поэтому, хотя и легкаго и временнаго, но скорѣе не передвижного.

Впрочемъ на основаніи слова вѣжи допустимы многочисленныя догадки. Одной изъ такихъ догадокъ могла бы быть слѣдующая. Переходя къ полуосѣдлому быту, словинецъ не нуждался болѣе въ шалашѣ (кочѣ). Умѣстнымъ представлялось болѣе прочное не сдвигаемое съ мѣста жилье. Удобнымъ для устройства послѣдняго представлялись естественныя углубленія почвы. Приспособленіе ихъ кромѣ большей прочности гарантировало и бо́льшую теплоту въ зимнее время. Шалаши (кочи) надо было покрывать на зиму шкурами звѣрей или

---

[1]) Именно въ этомъ смыслѣ, смыслѣ дома, жилища, слѣдуетъ, повидимому, понимать слово вѣжа въ выраженіи Бѣлая Вѣжа или Саркелъ. Этотъ хазарскій городъ или укрѣпленіе или станъ хазарскаго правителя, извѣстный уже въ IX в. и лежавшій вѣроятно на Дону, по своему имени «Саркелъ», какъ его объясняетъ Константинъ Багрянородный, означаетъ «бѣлый домъ», «бѣлую гостинницу», т. е. бѣлое жилье.

заваливать снѣгомъ, какъ то дѣлаютъ наши кочующіе инородцы со своими чумами. Новое жилище въ углубленіи почвы требовало лишь крыши изъ бревенъ, покрытыхъ дерномъ, или навѣса, или того и другого. Это новое жилье могло получить новое наименованіе—вѣжа. Она въ первичномъ своемъ видѣ могла представлять и сочетаніе стараго начала съ новымъ. А именно: надъ углубленіемъ почвы, такъ или иначе приспособленнымъ для жилья, ставился старый шалашъ (коча), какъ то мы видимъ у нѣкоторыхъ нашихъ финскихъ племенъ, сохранившихъ съ большею яркостью первобытныя формы жилья. Первоначальная вѣжа могла быть лишь временнымъ, въ зимнее только время, жильемъ. Лѣтомъ пра-словинецъ могъ продолжать пользоваться кочей, ведя зимою осѣдлый, а лѣтомъ еще кочевой образъ жизни.

Вѣжа въ современномъ быту словинцевъ есть помѣщеніе съ очагомъ въ двураздѣльной или болѣе сложной постройкѣ. Вѣжы, какъ однокамерной постройки, словинецъ, по крайней мѣрѣ въ Верхней Крайнѣ, не знаетъ. Словинскій языкъ не признаетъ за вѣжей значенія дома: вѣжа—это сѣни, передняя и тому подобное помѣщеніе, понятіе о которомъ предполагаетъ, какъ и понятіе нашихъ сѣней, еще какія то другія помѣщенія въ зданіи. Поэтому допустима, въ противоположность высказанной, и другая мысль, что вѣжа не замѣнила, какъ самостоятельная постройка, кочу, а замѣнила ее при появленіи болѣе сложнаго сооруженія—хиши, при которой вѣжа первоначально была только сѣнями безъ очага. Послѣдній въ этомъ случаѣ продолжалъ оставаться въ кочѣ, и лишь впослѣдствіи перешелъ, одновременно съ исчезновеніемъ кочи, въ вѣжу. Мысль эта какъ будто встрѣчаетъ подтвержденіе въ слѣдующемъ. Хозяинъ той кочи, которая изображена на рисункѣ 1 и чертежѣ 1, называлъ переднее помѣщеніе (А) своей кочи вѣжей, а помѣщеніе съ очагомъ ($А_1$)—хишей. Возможно ли придавать этому единичному случаю обобщающее значеніе—сказать съ опредѣленностью невозможно. Хиша, какъ понятіе помѣщенія съ очагомъ, нигдѣ, кромѣ даннаго случая, нами не встрѣчена. Но если придавать помянутому заявленію значеніе, то на основаніи его возможно высказать слѣдующую догадку. Первоначальная хиша въ Крайнѣ есть, какъ и въ Болгаріи (хижа, ижа), помѣщеніе съ очагомъ, а вѣжа при ней—есть дополнительная постройка, имѣющая характеръ и значеніе сѣней. Въ дальнѣйшемъ развитіи вѣжа принимаетъ очагъ, а хиша очищается собственно для жилья.

Въ созиданіи основныхъ частей словинскаго дома кромѣ вѣжи или, быть можетъ, вѣжи съ кочней приняло участіе строеніе, съ понятіемъ котораго связана прочность, домовитость, осѣдлость. Это—х и ш а или и з б а. Когда эти слова сдѣлались въ Крайнѣ синонимами—доказать на основаніи наличнаго матеріала невозможно. Хиша, какъ реальное зданіе, сохранилась, повидимому, лишь въ Болгаріи, у словаковъ, да, отчасти, у насъ. Среди другихъ славянскихъ племенъ хижа, какъ домъ, повидимому, совсѣмъ неизвѣстна. Въ восточной Болгаріи, хижа или ижа есть деревянный, обыкновенно неотопляемый, но съ очагомъ домъ; въ западной Болгаріи—землянка; у словаковъ хижа (или изба) есть крестьянскій домъ. На Дону хижка—есть землянка. Можно поэтому думать, что словинцы пріобрѣли хишу въ періодъ осѣд-

лости, но недостаточнаго еще матеріальнаго обезпеченія и культурнаго развитія. Какимъ путемъ шло появленіе хиши у словинцевъ—остается вопросомъ открытымъ. Въ виду распространенія слова хиша (въ разныхъ варіантахъ) у разныхъ славянскихъ народовъ [1]), можно полагать, что словинцамъ хиша была извѣстна очень давно. Хиша отличается отъ вѣжи, какъ и отъ кочи, стана и байты тѣмъ, что она не имѣетъ очага. Хиша въ настоящее время дополнительная пристройка къ основному (съ очагомъ) помѣщенію. Съ присоединеніемъ къ вѣжѣ хиши вводится въ постройку двураздѣльность ея. Она встрѣчается уже въ весьма простыхъ постройкахъ, сравнительно не далеко ушедшихъ отъ первобытныхъ. На болѣе низкихъ степеняхъ своего развитія хиша есть срубъ. Что хиша когда-то представляла въ Крайнѣ или вообще у словинцевъ особое жилище, повидимому, доказывается между прочимъ тѣмъ, что слово это (hiša) на словинскомъ языкѣ по настоящее время не утратило значенія дома. Напротивъ того, словинецъ передаетъ понятіе дома въ нашемъ смыслѣ именно словомъ хиша. Въ переносномъ смыслѣ хиша означаетъ очагъ. Что уже первоначальная хиша представляла срубъ, видно изъ того, что именно эта часть современнаго дома наиболѣе упорно сохраняетъ срубъ. Уже раньше отмѣчалось, что прежде всего камень появляется въ вѣжѣ и кухнѣ, что даже камра, болѣе новая часть дома, сооружается изъ камня, тогда какъ хиша продолжаетъ состоять изъ бревенчатаго сруба даже въ богатыхъ, хотя и старинныхъ, домахъ. Наконецъ та верхняя комнатка, о которой упоминалось уже многократно выше и которая занимаетъ часть чердачнаго помѣщенія, именуясь обыкновенно камерцей, называется gornja hiša, т. е. верхняя хиша. Между тѣмъ, какъ указывалось, она даже въ капитальныхъ каменныхъ домахъ выстраивается изъ сруба. Если хиша есть срубъ, то она могла, очевидно, появиться лишь при осѣдломъ и довольно культурномъ состояніи народа. Однако, помянутая верхняя хиша наводитъ на мысль, что первичная хиша не отоплялась печью. Послѣдняя, какъ усматривается изъ приведенныхъ выше примѣровъ, въ горней хишѣ совсѣмъ не обязательна. Поэтому то она въ настоящее время и называется часто камрой или камерцей, т. е. именемъ того помѣщенія, которое обыкновенно лишено печи.

Не смотря на сказанное, невозможно вполнѣ отрицать, что первичная хиша Крайны была не срубомъ, а землянкой, получившей срубчатый характеръ по мѣрѣ своего поднятія, въ связи съ развитіемъ, изъ подъ земли. На эту мысль наводитъ развитіе болгарской ижи (хижи). Въ своихъ первобытныхъ формахъ, сохранившихся въ западной Болгаріи, [2]) ижа есть землянка. Этого рода жилище на низшей ступени (бордель) состоитъ изъ ямы (трапъ) и схода (гривица). Болѣе развитая землянка, именуемая ижей, содержитъ отдѣльныя комнаты (стая) и покрыта двускатной крышей [2]).

Современная хиша, какъ указывалось, имѣетъ характерную особенность—наличность печи. Уже по этому самому она въ правѣ носить другое наимено-

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 298.

[2]) Д. Мариновъ.—Градиво за веществената култура на западна България. (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина; книга XVIII. Материали. София, 1901.

ваніе—наименованіе избы [1]). Она въ дѣйствительности называется и этимъ именемъ, но, повидимому, лишь потому, что, слившись съ избой и получивъ отъ нея печь, она тѣмъ самымъ сдѣлалась однозначущимъ съ нею помѣщеніемъ.

Что касается избы, то она у словинцевъ, повидимому, никогда не служила отдѣльнымъ жильемъ. Въ настоящее время въ словинскомъ языкѣ подъ словомъ изба понимаютъ лишь комнату, жилую комнату, горницу, въ частности хишу, но никогда словомъ изба не называютъ дома. Въ этомъ отношеніи развитіе словинскаго жилища шло инымъ путемъ, чѣмъ напр. у словаковъ и у насъ русскихъ. У насъ, очевидно, первобытное, предшествующее избѣ, жилище было замѣнено избой. Послѣдняя сама по себѣ усовершенствовалась, превращаясь изъ «черной» въ «бѣлую» и изъ этой послѣдней въ «красную». Изба извѣстна у насъ и въ видѣ однокамернаго низко развитого жилья, и въ видѣ усовершенствованнаго дома, и въ качествѣ комнатъ, до дворцовыхъ покоевъ царя Алексѣя Михайловича включительно. У словинцевъ, повидимому, изба сдѣлалась какъ бы синонимомъ печи, давъ свое имя отопляемому помѣщенію, какъ печка соба Балканскаго полуострова дала въ Босніи свое наименованіе отопляемой печью комнатѣ. Изба извѣстна всѣмъ славянскимъ народамъ или, по крайней мѣрѣ, почти всѣмъ и обыкновенно въ одномъ смыслѣ: въ смыслѣ отопляемой половины дома, рядомъ съ сѣнями, содержащими или не содержащими очагъ. Исключеніе представляетъ Черногорія и Герцеговина, да отчасти Болгарія, гдѣ подъ избой понимаютъ кладовую или конюшню или погребъ нижняго этажа. Изба однако не обусловливаетъ обязательной дву-или многокамерности постройки. Въ Сибири, напримѣръ, у старожильческаго населенія избою называется именно однокамерное, низшаго порядка зданіе. Если послѣднее имѣетъ не одну, а нѣсколько комнатъ, то оно, по терминологіи старожильческаго населенія, уже не изба, а домъ. Однако и простѣйшая сибирская изба имѣетъ печь и при томъ весьма усовершенствованную, извѣстную у насъ подъ названіемъ русской. Какъ бы ни обстояло дѣло съ вопросомъ о возникновеніи и развитіи вообще избы, у словинцевъ Крайны появленіе избы составляетъ тотъ же прогрессъ, что появленіе ея и у большинства другихъ славянъ: жилое помѣщеніе начинаетъ отапливаться печью.

Дальнѣйшее развитіе словинскаго дома шло въ связи съ образованіемъ камры и чумнаты. Появленіе именно ихъ породило два типа домовъ. Помѣщеніе, соотвѣтствующее камрѣ словинцевъ, очень распространено, но подъ разными наименованіями. Однако, назначеніе этого помѣщенія всегда одно и то же—служить спальней. Устроивъ комфортабельное жилище изъ вѣжи и хиши, словинецъ, двигаясь далѣе по ступенямъ культурнаго развитія, образовалъ особую спальню. Она была необходима въ многолюдномъ семействѣ. Зачатокъ помѣщенія, соотвѣтствующаго камрѣ, сохранился у насъ въ Россіи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ той части избы, которая соотвѣтствуетъ мѣсту, занимаемому

[1]) См. примѣчаніе на стр. 300.

камрой, помѣщаются палати для спанья. Начиная отъ такой ступени, могла развиться и крайнская спальня—камра. Однако, камра могла внѣдриться въ Верхнюю Крайну уже въ качествѣ совершенно готоваго помѣщенія извнѣ, отъ сосѣдей. Къ этой весьма правдоподобной мысли приводитъ само названіе камры, а также и то обстоятельство, что она встрѣчается въ трехраздѣльномъ домѣ широкаго типа, тождественнаго съ типомъ «крестоваго» дома нѣмецкаго населенія. Камра могла быть заимствована такимъ образомъ у германскихъ сосѣдей, но она могла быть занесена въ Крайну и инымъ порядкомъ. Слово камра и ему подобныя, въ смыслѣ комнаты дома, какъ уже было указано, очень распространены среди славянскихъ населеній. У насъ камера употребляется, какъ извѣстно, болѣе въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ древней палаты; до-петровская Русь камеры не знаетъ. Слово камера (camera)—латинское и означаетъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ комнату со сводомъ. Лишь впослѣдствіи слово это было обобщено: итальянская camera, нѣмецкая Kammer, французская—chambre. У словинцевъ камра, въ свою очередь, получила, какъ указывалось, распространенное значеніе въ смыслѣ дополнительной въ домѣ комнаты, вообще говоря, не отопляемой, но жилой. Можно думать, что камра появилась въ Верхней Крайнѣ сравнительно очень поздно, быть можетъ отчасти, въ связи съ каменнымъ матеріаломъ. Къ послѣдней мысли приводитъ то обстоятельство, что камра часто, даже въ деревянныхъ домахъ, выстраивается изъ камня. Во всякомъ случаѣ въ Крайнѣ она не утратила и по настоящее время характера дополнительной пристройки, обнаруживающей ея юное происхожденіе. За юный возрастъ камры въ Крайнѣ говоритъ, повидимому, и то, что она встрѣчается преимущественно въ сложныхъ, вполнѣ развившихся домахъ четырехраздѣльнаго типа, или же въ рѣдко сравнительно встрѣчающемся трехраздѣльномъ широкомъ типѣ.

Происхожденіе чумнаты, въ противоположность происхожденію камры, вѣроятно, сравнительно древнее. Чумната въ типичномъ своемъ мѣстоположеніи имѣетъ, какъ можно думать, длинную исторію развитія. Лишь впослѣдствіи положеніе ея становится менѣе опредѣленнымъ, въ связи, вѣроятно, съ появленіемъ посторонняго новаго типа дома—трехраздѣльнаго широкаго, принесшаго съ собою, повидимому, камру. Наименованіе послѣдней постепенно начинаетъ вытѣснять наименованіе чумнаты, и она въ настоящее время нерѣдко называется то камрой, то камерцей. Эта замѣна одного слова другимъ въ данномъ случаѣ особенно понятна, такъ какъ въ развившемся бытѣ и чумната и камра, два обыкновенно не отопляемыя помѣщенія, исполняютъ одну и ту же функцію служа спальней. Уже раньше высказывалось, на основаніи существующихъ типовъ домовъ, предположеніе, что чумната стала на мѣсто схрамбы, а эта послѣдняя—на мѣсто клѣти, занявшей, въ свою очередь, мѣсто хлѣва. Здѣсь умѣстнымъ представляется отмѣтить, что слово клѣть, повидимому, постепенно вытѣсняется въ крестьянскомъ быту Верхней Крайны словомъ схрамба, употребляемымъ въ видѣ синонима клѣти. Эта послѣдняя хорошо извѣстна славянскимъ народамъ и въ ча-

стности намъ русскимъ. У насъ она занимаетъ совершенно то же положеніе что и въ Верхней Крайнѣ чумната или схрамба или первоначальная клѣть. Именно она обусловливаетъ характеръ столь знакомаго славянамъ трехраздѣльнаго длиннаго дома. Клѣть есть дополнительная, неотопляемая обыкновенно и предназначенная для хозяйственныхъ надобностей часть дома съ противоположной избѣ (хишѣ) стороны сѣней (вѣжи). Въ качествѣ кладовой она соотвѣтствуетъ схрамбѣ и отождествленіе ея съ послѣдней поэтому законно. Но клѣть у насъ въ старину, да и теперь въ крестьянскомъ быту, служитъ спальней. Поэтому въ этомъ своемъ значеніи она соотвѣтствуетъ чумнатѣ. Кромѣ того, есть еще функція клѣти для нея очень характерная. А именно: она отводится новобрачнымъ и служитъ, слѣдовательно, въ качествѣ дополнительнаго помѣщенія для разросшейся, но не распавшейся семьи. Ту же роль играетъ въ Верхней Крайнѣ и чумната. Интересно отмѣтить, что въ сербскомъ языкѣ слово клет означаетъ не кладовую, а комнату. Это послѣднее слово ничто иное, какъ чумната словинскаго языка; въ смыслѣ помѣщенія оно извѣстно уже древней Руси. Древняя комната есть пристройка къ избѣ. Она служила разнымъ цѣлямъ, напр. для обѣдовъ, пировъ, невѣстиныхъ смотринъ и между прочимъ въ качествѣ брачнаго помѣщенія. Лишь впослѣдствіи, впрочемъ, еще въ до-петровской Руси слово комната получило у насъ обобщенное значеніе, въ частности значеніе кабинета. Именно въ этомъ значеніи слово чумната понимается въ современномъ словинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ изъ изложеннаго съ полною очевидностью явствуетъ, что наша древняя комната—равнозначущее помѣщеніе со словинской чумнатой, что чумната, какъ и русская комната, замѣнила собою клѣть, и что и то и другое помѣщеніе удѣлялось новобрачнымъ. Поэтому чумната и камра, хотя и носятъ иногда одно и то же наименованіе (камра), но по существу составляютъ совершенно разныя помѣщенія и по своему мѣстоположенію и по возникновенію своему и по тому назначенію, которому они служатъ.

Развитіе словинскаго дома отъ простой двураздѣльной постройки до четырехраздѣльной и двухэтажной слѣдуетъ поставить въ тѣсную связь съ жизнью и развитіемъ семьи. Ютясь первоначально совмѣстно въ хишѣ, часть семьи пользовалась для ночлега и хлѣвомъ и ставшей на его мѣсто клѣтью. Послѣдняя, вѣроятно, и у словинцевъ, какъ и у насъ, уже давно получила значеніе того помѣщенія, которое отдѣлялось для новобрачныхъ, передавъ это свое назначеніе замѣнившей ее чумнатѣ. Другія взрослыя дѣти въ многолюдныхъ семьяхъ пользовались для ночлега, какъ то дѣлается и теперь, чердакомъ. Это постоянное использованіе послѣдняго въ качествѣ жилья не могло не привести къ оборудованію части его въ видѣ коморки—горней хиши, или въ видѣ нѣсколькихъ такихъ коморокъ. Горнія хиши, расширяясь и усовершенствуясь, дали верхній этажъ. Ими, очевидно, пользовались и женатые сыновья, остававшіеся въ составѣ семьи родителей и образуя съ ними задругу. По мѣрѣ эмансипаціи молодой семьи, она получала наверху свой очагъ. Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ

образовывались не одна, а двѣ молодыхъ семьи, совмѣстное сожитіе которыхъ давало три очага. Эти предположенія подтверждаются тѣмъ, во первыхъ, что чумната и въ настоящее время отдѣляется для новобрачныхъ, что за отсутствіемъ ихъ чумната имѣетъ значеніе дѣтской спальни, что взрослыя дѣти живутъ наверху, что верхній этажъ въ настоящее время, когда большія семьи представляютъ уже рѣдкость, обыкновенно сдается въ наемъ. Въ отношеніи плана дома интересно отмѣтить, что верхній этажъ появляется уже въ трехраздѣльномъ домѣ, при этомъ въ обоихъ его типахъ. Однако, какъ весьма обычное явленіе верхній этажъ представляется въ четырехраздѣльномъ домѣ. Изъ этого правильнымъ представляется заключить, что верхній этажъ появился въ Верхней Крайнѣ до начала сочетанія двухъ трехраздѣльнаго типа домовъ. Присутствіе верхняго этажа, хотя бы и въ зачаточномъ состояніи, какъ въ широкомъ, такъ и въ длинномъ трехраздѣльномъ домѣ, затрудняетъ рѣшеніе вопроса—принадлежитъ ли верхній этажъ въ своемъ возникновеніи тому или другому типу или же обоимъ.

Что касается хозяйственной части дома, то въ ней, вѣроятно, уже издавна обнаруживалась скорѣе централизація, чѣмъ децентрализація жилья. Хлѣвъ весьма обычно примыкаетъ къ жилой части дома, даже на первыхъ ступеняхъ его развитія. Погребъ и кладовая входятъ непосредственно въ составъ жилья. Гумно и сѣновалъ, образуя сведень то съ хлѣвомъ, то безъ него, весьма часто дополняютъ домъ. Свинушникъ, въ свою очередь, примыкаетъ либо къ дому, либо къ его сведеню. Кухня никогда не выдѣляется изъ дома. Лишь такія спеціальныя сооруженія, какъ паштба для сушки плодовъ или конопли, ута, лопа, дырвеница и т. п. ставятся отдѣльно на усадьбѣ, а чисто сельско-хозяйственныя сооруженія, какъ козолецъ, стогъ и т. п. относятся въ поле. Словинецъ Верхней Крайны старается, на сколько то позволяютъ мѣстныя условія, соединить все нужное въ одномъ зданіи. Это соединеніе, повидимому, тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ меньше пространства въ его распоряженіи. Владѣлецъ болѣе крупнаго клочка земли устраиваетъ усадьбу, раскидывая на ней сведень, свинушникъ, дырварницу, лопу и паштбу. Не располагающій пространствомъ крестьянинъ собираетъ всѣ постройки, по возможности, подъ одну крышу. Именно такой сборный домъ съ хлѣвомъ, конюшней, сведенемъ, навѣсомъ и свинушникомъ несетъ много своеобразныхъ чертъ. Онъ такъ, съ перваго взгляда, сложенъ, что разобраться въ его отдѣльныхъ частяхъ представляется труднымъ (см. напр. рисунокъ 26). Лишь постепенно, изучая домъ въ его отдѣльныхъ частяхъ, приходишь къ убѣжденію, что основы его болѣе просты, чѣмъ то представляется при первомъ знакомствѣ.

Какимъ образомъ у словинцевъ могла одна постройка замѣняться другой и новое зданіе примыкать къ старому—отвѣтъ на это мы можемъ найти въ современномъ бытѣ нашихъ инородцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ переходятъ въ настоящее время отъ кочевого быта къ осѣдлому; многіе изъ нашихъ инородцевъ подъ вліяніемъ русскихъ крестьянъ заимствуютъ ихъ способы построекъ жилья.

Переходъ къ осѣдлости происходитъ на нашихъ глазахъ между прочимъ у киргизовъ и бурятовъ. У нихъ можно наблюдать всѣ стадіи этого процесса. Киргизъ былъ когда то исключительнымъ обитателемъ подвижного шалаша (аблайча), развившагося до сравнительно сложнаго сооруженія—кибитки (монголь.—гиръ, геръ, тюркс.—юртъ). Затѣмъ киргизъ сталъ устраиваться на зиму въ ямѣ—землянкѣ. Эта землянка, поднимаясь въ связи со своимъ развитіемъ надъ почвой, дала глиняную зимовку. Въ этихъ зимовкахъ киргизъ-полукочевникъ проводитъ зимнее время. Лѣтомъ, когда имѣетъ еще мѣсто кочеваніе, киргизъ продолжаетъ жить въ кибиткахъ. Зимовка даже въ томъ случаѣ, когда она воспроизводитъ внѣшнія формы первоначальнаго обиталища—кибитки, не несетъ уже этого наименованія. Она называется кустау (кыстау).

Подобныя явленія могли имѣть мѣсто и у предковъ словинцевъ. Кочевники пра-словинцы жили въ кочахъ. Переходя къ полуосѣдлому образу жизни, они сооружали вѣжу, пользуясь ею, какъ болѣе прочнымъ, чѣмъ коча, жильемъ въ зимнее время и спускаясь, быть можетъ, съ горъ въ долины. Впослѣдствіи по мѣрѣ развитія самой вѣжи пра-словинцы забрасывали кочу. Съ одной стороны, они сдали ее той части населенія (чедникамъ и пастухамъ), которая сохранила формы первичнаго образа жизни, а съ другой—приспособили ее для надобности своего осѣдлаго хозяйства, примѣнивъ кочу въ качествѣ сѣнного сарайчика или сарайчика съ хлѣвомъ. Очевидно, напримѣръ, что если первичная коча была шалашемъ, а вѣжа состояла изъ естественнаго углубленія почвы съ навѣсомъ или крышей, то жилища эти были по существу различны и носили поэтому и разныя наименованія.

Дальнѣйшее развитіе словинскаго жилья можетъ примѣрно быть объяснено развитіемъ жилищъ у нашихъ бурятовъ. Народность эта еще сравнительно недавно жила сплошь въ шалашахъ изъ жердей и звѣриныхъ шкуръ — бухэке. Со временемъ (уже въ XVIII в.) шалаши развились въ распространенную теперь у нихъ форму жилища: бревенчатую шестигранной формы юрту, не скрывающую по внѣшности своего происхожденія изъ шалаша. Эта юрта въ значительно большей степени гарантируетъ тепло, чѣмъ бухэке, которое на зиму забрасывается для тепла снѣгомъ. Интересно дальнѣйшее развитіе бурятской юрты. Желая расширить жилое помѣщеніе и доставить себѣ большія удобства, состоятельный бурятъ приставляетъ къ задней части своей шестигранной юрты бревенчатый срубъ съ двускатной крышей. Заимствовавъ эту пристройку у русскихъ, онъ называетъ ее русскимъ именемъ—изба. Въ настоящее время у нашихъ бурятовъ можно наблюдать три главныя степени быта: часть ведетъ кочевой образъ жизни и живетъ въ бухэке, часть перешла къ полуосѣдлости, обитая описанныя юрты, и наконецъ зажиточная часть сдѣлала еще шагъ впередъ, приставивъ къ юртѣ избу.

Не менѣе рельефно, чѣмъ у бурятовъ, выступаетъ исторія развитія жилища у финскихъ племенъ. Растянувшись отъ Балтійскаго моря до Иртыша и стоя на разнообразнѣйшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, финны хранятъ бога-

тѣйшій матеріалъ для изученія ихъ жилищъ въ постепенномъ ходѣ развитія. На основаніи его можно заключить, что первичнымъ жильемъ финновъ служилъ шалашъ: kota [1]). Нѣкоторые подъ этимъ словомъ или подобными словами подразумѣваютъ временное, лѣтнее жилище, другіе—кухню, иные—часть современнаго, усовершенствованнаго жилья. Подымаясь по лѣстницѣ культурнаго развитія, финны переходили къ землянкѣ [2]), въ основу которой легла яма. Sauna и теперь еще называется у нѣкоторыхъ финновъ и яма, и землянка, и баня. Лишь впослѣдствіи, научившись дѣлать срубы, финны стали строить дома, первой ячеей которыхъ сдѣлалась пыртъ.

Подобный ходъ развитія могъ быть и у предковъ словинцевъ. Когда часть еще кочевала въ своихъ кочахъ [3]), а другая полуосѣла въ своихъ вѣжахъ, наиболѣе состоятельные и потому наиболѣе культурные могли расширить свои жилища. Расширеніе могло произойти и подъ вліяніемъ сосѣдей и въ силу личной изобрѣтательности. Жилище расширилось пристройкой къ вѣжѣ—хиши. Первичная хиша, какъ можно думать, была безъ печи. Ее дало другое зданіе, общее почти всѣмъ славянамъ—изба. Послѣдняя у словинцевъ однако не вытѣснила хиши и не замѣнила ее, она ее лишь усовершенствовала. Поэтому то изба и хиша, два первоначально разныхъ понятія, сдѣлались у словинцевъ синонимами.

Процессъ развитія шелъ медленно, конечно, не одновременно у всего народа. Были очевидно періоды, когда часть еще кочевала, другая въ полуосѣдломъ состояніи обитала вѣжу, многіе болѣе прогрессировавшіе имѣли рядомъ съ вѣжей и хишу, но еще не отопленную, и наконецъ наиболѣе культурная часть населенія, примѣнивъ отопленіе, свойственное избѣ, усовершенствовала хишу, сдѣлавъ изъ нея избу. Наряду съ этими разными по культурному развитію слоями словинскаго населенія, въ горахъ вели свой особый образъ жизни остатки аборигеновъ страны, вѣроятно иллировъ, упорно державшихся старины, ютясь въ своихъ таморахъ.

---

[1]) Kota—тавастовъ и кареловъ, koda—эстовъ, kata—скандинавскихъ лопарей, kuvaksa—русскихъ лопарей, kud—черемисовъ и мокши, kudo—ерзи, koda и kuoda—ливовъ, kodi—вепсовъ, gid, kua и kva—вотяковъ, hot—остяковъ.

[2]) О временномъ (зимою) пользованіи финнами землянокъ свидѣтельствуютъ и преданія и историческія свидѣтельства, какъ, напримѣръ, арабскаго писателя X в. Ибнъ-Даста. (См. подробности относительно тюркскихъ, монгольскихъ и финскихъ племенъ: Ник. Харузинъ—«Очеркъ развитія жилища у финновъ», М. 1895 г. и «Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи». М. 1896 г.).

[3]) Шалашъ, какъ обычное, хотя и временное жилье, встрѣчается еще въ Черногоріи подъ названіями: савардак—въ Дробнянахъ и бирог—у васоевичей. И то и другое конусообразный шалашъ изъ жердей, покрытый соломой и содержащій очагъ. Наряду съ шалашемъ въ Черногоріи (въ Колошинѣ и у Никшича) сохранились первобытныя мазанки—землянки съ бревенчатымъ остовомъ и рѣшетчатыми стѣнами. Слово шалашъ въ формѣ салаш извѣстно и сербскому языку, но въ иномъ, чѣмъ у насъ значеніи, а именно: въ смыслѣ сарая для плодовъ. Въ Черногоріи (въ Морачѣ и у васоевичей) салаш означаетъ корзину для кукурузы, т. е. то же что въ остальныхъ мѣстностяхъ Черногоріи называется кош, кошар, въ Босніи—кош и кукурузняк, въ Болгаріи—кошъ, житница, амбаръ.

Первичная коча пра-словинцевъ могла быть, какъ сказано, шалашемъ; вѣжа—пещеркой, ямой съ навѣсомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ, хиша—срубомъ. Впослѣдствіи каждая изъ нихъ развивалась подъ вліяніемъ появившихся со временемъ болѣе совершенныхъ формъ. Такъ куа (kva) вотяковъ, бывшая, по ихъ собственнымъ преданіямъ, нѣкогда ихъ единственнымъ жильемъ и означающее и нынѣ еще шалашъ, представляетъ въ современныхъ формахъ срубъ [1]). Во всякомъ случаѣ вѣжа, какъ можно думать, требовала, если не осѣдлой жизни, то по крайней мѣрѣ частаго возвращенія къ одному мѣсту и длительнаго на немъ пребыванія. Измѣненный образъ жизни требуетъ и измѣненнаго жилья, а это послѣднее съ измѣнившимися формами выдвигаетъ и новое наименованіе. Старыя названія переносятся на тѣ постройки, временныя, или для спеціальныхъ цѣлей, которыя ни что иное, какъ первоначальное жилище. Однако, часто старыя названія вкореняются въ понятіе народа такъ глубоко, что онъ не отказывается совершенно отъ нихъ и при новыхъ постройкахъ, употребляя эти старыя наименованія въ обобщенномъ или отвлеченномъ значеніи жилья, дома, жилого строенія. Старыя названія живы и тогда, когда первичная постройк- вошла въ составъ новаго жилища. Поэтому куча въ нѣкоторыхъ сербскихъ мѣстностяхъ ни что иное какъ кухня; такъ, у черемисовъ kud—кухонная часть избы; въ томъ же значеніи употреблялось у эстовъ еще въ 40-хъ годахъ XIX в. слово kota; у словинцевъ сѣни называются вѣжей, а домъ именуется кучей; бурятъ, пристроивъ къ своей юртѣ отмѣченный выше срубъ—избу, не перестаетъ называть юртой и измѣнившееся жилище; мало того, онъ и русскіе домъ и избу называетъ юртъ, понимая это слово въ общемъ значеніи дома, жилища.

Такимъ образомъ отмѣтить можно, что въ созиданіи дома словинца, таморъ какъ и станъ и байта не играли, повидимому, прямой роли; коча связывалась, повидимому, съ передвижнымъ, кочевымъ образомъ жизни; вѣжа дала, быть можетъ нѣкоторую устойчивость, прочность; хиша—осѣдлость, а изба—извѣстный комфортъ. Дальнѣйшее развитіе послѣдняго стояло въ прямой связи съ появленіемъ клѣти, перешедшей въ чумнату, а равно съ появленіемъ камры и схрамбы. Всѣ эти пристройки, развитіе которыхъ нами указано выше, имѣли и имѣютъ подчиненное значеніе. Существо жизни крестьянина разыгрывалось и продолжаетъ разыгрываться въ вѣжѣ и хишѣ-избѣ. Онѣ—средоточіе источниковъ существованія: огня и происходящаго отъ него тепла; въ нихъ именно выражается весь характеръ существованія; онѣ именно содержатъ очагъ, печь, обѣденный столъ, Распятіе; въ нихъ, въ частности въ хишѣ-избѣ, собирается семья, принимаются гости, происходятъ собесѣдованія. Въ вѣжѣ—источники жизни: огонь и пища, въ хишѣ—сама жизнь согрѣтыхъ печью и накормленныхъ за общимъ столомъ людей, ютящихся подъ сѣнью Распятія.

Ал. Харузинъ.

[1]) Ква—означаетъ на вотятскомъ языкѣ и жилье и храмъ (срав. вѣжа у словинцевъ, означающая равнымъ образомъ храмъ—veža božja).

Былинная поэзія на Печорѣ.

I.

Въ іюнѣ 1901 года мнѣ удалось на Низовой Печорѣ въ селѣ Устьцыльмѣ записать семь былинъ. Былины эти были приняты для напечатанія въ «Извѣстія 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ» [1]), а весной 1902 года Императорское Русское Географическое Общество и 2-е отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ дали мнѣ средства, чтобы еще разъ съѣздить на Печору, уже нарочно за былинами. Чтобы поѣздка была наиболѣе плодотворной, а запись былинъ возможно большей, нужно было пріѣхать на Печору въ такое время, когда мѣстные крестьяне совсѣмъ свободны отъ работъ. Такимъ временемъ бываетъ обыкновенно время отъ Пасхи до Петрова дня, собственно, пожалуй, меньше—отъ Пасхи до вскрытія Печоры, т. е. время распуты, такъ какъ по вскрытіи Печоры часть крестьянъ сейчасъ-же начинаетъ ловить рыбу и кончаетъ это занятіе глубокой осенью, когда Печора встанетъ. Принимая все это во вниманіе и наученный къ тому-же горькимъ опытомъ лѣта 1901 года, когда я пріѣхалъ на Печору чуть не къ Петрову дню, и потому только и успѣлъ записать семь былинъ, а не 70, нынче я рѣшилъ ѣхать на Печору по зимнему пути на лошадяхъ. Но и тутъ нужно было разсчитать время такъ, чтобы пріѣхать въ самый разъ—не позже, не раньше, такъ какъ во второмъ случаѣ я рисковалъ долго прожить на Печорѣ безъ дѣла; и это непремѣнно-бы случилось, если-бы я пріѣхалъ на Печору еще въ Великомъ посту, особенно на его послѣднихъ недѣляхъ: печорцы-раскольники, да и печорцы-православные, обычно очень религіозно настроенные, едва-ли-бы стали мнѣ пѣть что нибудь свѣтское въ это время. По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ послѣ въ Устьцыльмѣ старинщика, не согласившагося пѣть мнѣ даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздниковъ пѣвшаго только по воскресеньямъ. Я разсчиталъ, какъ мнѣ пріѣхать на Печору къ самой Пасхѣ и, выѣхавъ изъ Петербурга 2-го апрѣля, 5-го былъ въ Архангельскѣ, а 6-го уже выѣхалъ по самому послѣднему пути на лоша-

[1]) Томъ VII (1902 [illegible]. 3. стр. 277—355.

дяхъ на Печору. Мнѣ предстояло сдѣлать въ саняхъ около 800 верстъ, а время стояло самое неблагопріятное для этого: немилосердно для ранней на сѣверѣ весны палило солнце, быстро таялъ снѣгъ и быстро портились дороги, по которымъ ѣхать становилось едва возможно, а такъ какъ большая половина зимняго тракта на Печору идетъ рѣками (С. Двина, Пинега, Мезень, Цыльма и др.), то и небезопасно: ледяной покровъ рѣкъ вездѣ освободился отъ снѣга и посинѣлъ, появились большія заберещи, у самыхъ краевъ дороги зловѣще темнѣли полыньи... Возможно быстрѣе подвигаясь все впередъ и впередъ, отдыхая на станціяхъ только при перепряжкѣ лошадей и за питьемъ чая, эти 800 верстъ я сдѣлалъ въ шесть дней и, сильно разбитый, 12 апрѣля пріѣхалъ на Печору въ Устьцыльму. Дорога разбила меня страшно, но пріѣхалъ я какъ разъ во время—лучше нечего было и желать. Три дня отдохнувъ съ дороги, со второго дня Пасхи я уже могъ приняться за работу. Знакомствъ заводить мнѣ было не надо: въ Устьцыльмѣ жили старинщики, не использованные мною еще въ прошлый мой пріѣздъ на Печору. Всю пасхальную недѣлю я записывалъ былины въ Устьцыльмѣ и къ концу ея, когда старинщики отчасти поистощились, а отчасти поутомились, въ Фомино воскресенье, 21 апрѣля, выѣхалъ въ селенія на рѣкѣ Пижмѣ. И выѣхалъ все еще по зимнему пути: на самыхъ послѣднихъ дняхъ страстной недѣли погода внезапно измѣнилась, подулъ вѣтеръ съ океана, выпала «перенóва», и свѣтлый праздникъ печорцы встрѣтили, какъ рождество, въ совикахъ и малицахъ. Съѣздить въ селенія, раскиданныя по рѣкѣ Пижмѣ, по зимней дорогѣ было очень прельстительно: путь во всѣ деревни укорочался на половину, и втрое сокращалось время. Побывавъ во всѣхъ деревняхъ Пижмы, кромѣ трехъ отдаленнѣйшихъ, съ небольшимъ жиломъ, гдѣ навѣрняка, говорили мнѣ, нѣтъ былинъ, 26 апрѣля я пріѣхалъ обратно въ Устьцыльму, гдѣ и сталъ переживать распуту, ждать вскрытія Печоры. Ждать этого «событія» на Печорѣ, мѣняющаго совершенно ея зимнюю физіономію, пришлось нынче очень долго. Высчитано, что Печора въ среднемъ вскрывается 5-го мая, рѣдко она вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а нынче въ Устьцыльмѣ Печора тронулась 14 мая, а по настоящему пошолъ ледъ 16 мая. Въ Пустозерскѣ и др. нижнихъ селеніяхъ Печора тронулась нынче 26—28 мая! Все время распуты я уже ни шагу не могъ сдѣлать изъ Устьцыльмы, такъ какъ гораздо раньше Печоры вскрылись маленькіе, впадающіе въ нее ручьи и рѣчки и обратясь въ стремительные буруны отрѣзали путь даже въ ближайшія къ Устьцыльмѣ деревни: мостовъ вѣдь на Печорѣ не полагается. Въ отношеніи записи новыхъ былинъ все время распуты было для меня потеряно, такъ какъ Устьцыльмскіе старинщики были мной всѣ использованы. Все это время я записывалъ въ Устьцыльмѣ историческія и другія пѣсни и сказки, заполнялъ академическую программу говоровъ, знакомился съ архивомъ Устьцыльмскаго собора, знакомился съ старинными рукописями въ частныхъ рукахъ и частью пріобрѣталъ ихъ. Когда Печора совсѣмъ очистилась ото льда, и пришелъ первый пароходъ, я уѣхалъ изъ Устьцыльмы и уже все время вплоть до 4-го іюля—

дня моего выѣзда съ Печоры обратно—провелъ въ разъѣздахъ то на пароходѣ, то въ лодкѣ, то на лошадяхъ, а случалось, что ходилъ и пѣшкомъ. За это время я проѣхалъ Устьцыльмскую и Пустозерскую волости, съѣздилъ въ Ижемско-зырянскій край, селенія котораго разбросаны по р.р. Ижмѣ и Печорѣ, отъ впаденія въ нее Ижмы вплоть до границъ Вологодской губерніи, а также побывалъ въ осѣдломъ самоѣдскомъ селеніи—Колва, которое стоитъ на р. Колвѣ-же, впадающей въ р. Усу, главный притокъ Печоры. Совершенно безпрепятственно мои работы по записи былинъ могли происходить только во время распуты, когда всѣ крестьяне были дома, но въ распуту я успѣлъ обслѣдовать только село Устьцыльму и селенія по рѣкѣ Пижмѣ. По вскрытіи Печоры, когда я поѣхалъ въ Пустозерскую волость, уже многихъ изъ хорошихъ сказателей я не засталъ дома. Такъ два раза проѣзжая мимо дер. Абрамовской, я справлялся о гремящемъ по всей Печорѣ старинщикѣ—Иванѣ Ивановичѣ Горенкѣ, но оба раза не заставалъ его дома. Пробовалъ я съѣздить на рыбную тоню и тамъ поработать. Но условія работы на тоняхъ крайне неблагопріятны, можно сказать, невозможны. Записывалъ былины я, напр., у костра, между двухъ лодокъ: если сидѣть близко у костра—тепло, но дымъ невыносимо ѣстъ глаза; сѣсть отъ костра дальше—нѣтъ дыму, но руки коченѣютъ отъ пронизывающаго съ океана вѣтра. Вѣтеръ рветъ листы бумаги, валитъ чернильницу, сыплетъ песокъ въ глаза, и того и гляди, пойдетъ дождь. Ко всему этому нужно прибавить, что человѣкъ 20—30 рыболововъ толпятся около и своими разговорами, замѣчаніями, вопросами дѣлаютъ работу въ конецъ невозможной. Плохо записавъ двѣ былины и получивъ насморкъ, отъ дальнѣйшихъ попытокъ записывать былины на тоняхъ я отказался. Но съ грѣхомъ пополамъ дѣло еще можно было вести до Петрова дня. Этотъ праздникъ—послѣдній день, въ который печорцы свободны. Теперь-же поспѣваетъ трава на пожняхъ, раскинутыхъ по берегамъ Печоры и ея притоковъ, и въ лѣсныхъ росчистяхъ, начинаетъ большими массами идти вверхъ по рѣкѣ семга, болѣе или менѣе богатая добыча которой означаетъ болѣе или менѣе сытый годъ для Печорца. Это въ Устьцыльмѣ. Въ Пустозерской волости многіе съ очищеніемъ Печорской губы отъ льда, а съ Петрова дня всѣ безусловно заняты или ловлей семги или отправляются въ губу за рыбной и звѣриной ловлей. Вообще въ обѣихъ волостяхъ съ Петрова дня не до пѣнія старинъ. И вотъ, съѣздивъ послѣ Петрова дня къ ижемцамъ-зырянамъ и къ осѣдлымъ самоѣдамъ, 4-го іюля я выѣхалъ изъ Устьцыльмы Тайболой-же обратно. Конечно, морскимъ путемъ—изъ Куи на Архангельскъ—было-бы ѣхать гораздо удобнѣе и скорѣе, но первая половина лѣта была нынче такъ холодна на Печорѣ, и все время стоялъ такой «сѣверъ», что никакой надежды не было, что морской пароходъ придетъ въ Кую 15 іюля—по росписанію. Проѣхавъ Тайболу и доѣхавъ берегомъ Мезени до села Ниссагоръ, я не свернулъ на городъ Пинегу, куда идетъ трактъ на Архангельскъ, а поѣхалъ на городъ Мезень, такъ какъ слышалъ, что могу тамъ застать морской пароходъ на Архангельскъ. Этимъ я, во первыхъ, избавился отъ необходимости сдѣлать лишнихъ верстъ 300 на лошадяхъ, а во 2-хъ и глав-

ное, надѣялся найти въ селеніяхъ по р. Мезени немало старинныхъ рукописей, въ чемъ и не ошибся: ³/₄ пріобрѣтенныхъ мною рукописей куплены въ селеніяхъ по р. Мезени.

Чтобы покончить общій обзоръ моей поѣздки на Печору, послѣ котораго я попытаюсь сдѣлать болѣе подробный очеркъ былиннаго эпоса на Печорѣ, я долженъ еще привести цыфры записанныхъ мною былинъ и пр. Всего былинъ по содержанію записано мною нынче 46, а съ варіантами (считая былины не полныя и отрывки) 82. Если причислить сюда записи прошлаго лѣта, то получимъ цифру всѣхъ былинъ по содержанію сохранившихся доселѣ на Печорѣ. Цифра эта будетъ равна 50 [2]). Варіантовъ съ прошлогодними записано мной 89. Духовныхъ стиховъ—по содержанію 9, а съ варіантами—15. Историческихъ, разбойничьихъ, горочныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ записано мною 44, сказокъ—50.

Для будущихъ экскурсантовъ на Печору можетъ быть небезъинтересны будутъ цифры сдѣланныхъ мною во время нынѣшной поѣздки верстъ; на Печорѣ сдѣлано мною всего 1825 верстъ, изъ нихъ на пароходѣ 1400, на лодкѣ 117 верстъ, на лошадяхъ 284 версты, пѣшкомъ 24 версты. Такъ какъ путь на ошадяхъ и въ лодкѣ—путь самый утомительный ℣ и орогой, то я приведу цыфры верстъ, сдѣланныхъ мною указанными способами передвиженія всего, между Петербургомъ и Печорой и на Печорѣ: на лошадяхъ всего сдѣлано мною 1600 верстъ, въ лодкѣ 125 верстъ, остальное количество изъ 5000 слишкомъ верстъ падаетъ на пароходы и желѣзныя дороги.

II.

Ставя записываніе текста былинъ главной цѣлью поѣздки на Печору, я рѣшилъ выяснить: 1) **Какія былины на Печорѣ сохранились** и 2) **въ какомъ видѣ онѣ сохранились**. Для этого я рѣшилъ, такъ сказать, переписать по содержанію всѣ обращающіяся на Печорѣ былины и по одному разу хотя-бы и такія, которыя уже извѣстны въ массѣ пересказовъ, записывая мало-

---

[2]) Святогоръ. Вольга Всеславьевичъ. Первая поѣздка Ильи Муромца. Бой Ильи М съ сыномъ (Застава Богатырская). Илья М. и голи. Илья, голи и Угарище. Илья М. въ опалѣ. Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство Добрыни. Бой Добрыни съ Маринкой. Добрыня и Змѣя. Бой Добрыни и Дуная. Олеша Поповичъ, Екимъ и Тугаринъ. Олеша и сестра двухъ братьевъ Долгополыхъ. «Маево» побоище. Дунай Ивановичъ. Иванъ Гостиновичъ. Иванъ Горденовичъ. Потапъ Артемоновичъ (онъ-же Ивановичъ) 12-ти лѣтъ. Чурило Пленковичъ Дюкъ Степановичъ. Ставеръ-бояринъ. Данилко Староильевичъ. Василій Казимировичъ. Василій Игнатьевичъ. Соловей Будимировичъ. Потыкъ. Идолъ Жидойловичъ и племянница Владиміра. Васька Окуловъ и Солдманъ. Василій Буслаевъ въ Новгородѣ. Василій Буслаевъ въ Іерусалимъ ѣдетъ. Садко́. Фатенко Блудовичъ. Димитрій Бранской. Михаило Казаринецъ. Михаило Карамышевъ. Скопинъ. Бутманъ Колыбановичъ. Иванъ Грозный и сынъ Ѳедоръ Лука Даниловичъ. Данилко Денисьевичъ. Князь Долгоруковъ и ключникъ. Егорей, мать и жена. Смерть Александра І-го. Кострюкъ. Горе. Отрывокъ неизвѣстной былины. Васька Захаровъ. Небылица І-я, ІІ-я и ІІІ-я.

извѣстныя и совсѣмъ неизвѣстныя въ большемъ количествѣ разнорѣчій. Намѣреваясь переписать всѣ печорскія былины, я руководился тѣмъ, что былины у насъ—родъ народнаго творчества, наиболѣе быстро исчезающій изъ народнаго обихода, и сохраненіе ихъ по отдѣльнымъ областямъ, какою несомнѣнно является Печора, вслѣдствіе ея полной почти изолированности отъ остальной Россіи, во всякомъ случаѣ, интересно. Въ былинахъ, извѣстпыхъ въ десяткахъ пересказовъ, въ этомъ глухомъ краю я думалъ найти такіе эпизоды, штрихи, намеки, какихъ нѣтъ еще въ покоящихся по сборникамъ былинахъ, а вѣдь и самые незначительные намеки очень иногда цѣнны при изученіи былинъ, что такъ блестяще доказалъ покойный академикъ И. Н. Ждановъ. И я не ошибся: даже въ извѣстнѣйшей былинѣ о Василіѣ Буслаевѣ я записалъ на Печорѣ нѣчто такое, чего нѣтъ пока еще въ извѣстныхъ о немъ былинахъ, хотя, съ другой стороны, мнѣ пришлось записать не мало былинъ, гораздо худшаго качества, чѣмъ таковыя-же былины въ сборникахъ Гильфердинга, не говоря уже о классическомъ Киршѣ. Но если принять во вниманіе, что отъ записей былинъ «Сборника Кирши Данилова» насъ отдѣляетъ, по крайней мѣрѣ, полтораста лѣтъ, а отъ времени, когда записывалъ А. Ѳ. Гильфердингъ все-таки 30, то худшее качество многихъ былинъ будетъ понятно.

У пріема записывать старины все впередъ и впередъ были, конечно, и свои недостатки: записывая старины все впередъ по содержанію, мнѣ не пришлось вначалѣ разбирать качество пѣвцовъ, а затѣмъ, впослѣдствіи, когда большая часть бытового обихода Низовой Печоры была уже записана, при дальнѣйшихъ встрѣчахъ, иногда у лучшихъ старинщиковъ, мнѣ пришлось записывать только-то, чего у меня пока еще не было, хотя-бы старины, уже записанныя у меня, эти послѣдніе старинщики и знали лучше. Всѣ старины записывались мною непремѣнно съ голоса, и исключенія я сдѣлалъ только для «Святогора», спѣть котораго никто изъ встрѣчавшихся мнѣ старинщиковъ не могъ, и еще трехъ отрывковъ старинъ, записанныхъ мною отъ пустозерскаго волостного старшины, который, послѣ долгихъ упрашиваній согласившись разсказать, что знаетъ, рѣшительно отказался пѣть мнѣ старины.

Первую изъ поставленныхъ мною себѣ задачъ: какія старины существуютъ на Печорѣ, мнѣ сдается я выполнилъ. Мнѣ хотя и не удалось видѣть всѣхъ печорскихъ старинщиковъ, но и тѣ 32 лица, отъ которыхъ я записывалъ старины, безъ сомнѣнія, знаютъ всѣ старины на Печорѣ, хотя-бы по наслышкѣ. Вторую задачу: въ какомъ видѣ старины сохранились, я едва-ли рѣшилъ удовлетворительно, такъ какъ, повторяю, мнѣ не всѣ старины пришлось записывать въ лучшемъ видѣ, отъ лучшихъ старинщиковъ-сказителей.

Низовую Печору въ этнографическомъ смыслѣ можно подраздѣлить на три группы: 1) на русскихъ, 2) зырянъ - ижемцевъ и 3) самоѣдовъ. Мое вниманіе привлекали, конечно, только двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ—Устьцылемская и Пустозерская; самоѣды и кочевые, и осѣдлые русскихъ былинъ со-

всѣмъ не знаютъ [3]), зыряне-ижемцы старинъ почти не знаютъ, большинство даже не понимаетъ, что значитъ старина или былины. Совсѣмъ не записывая старинъ у зырянъ, я все-же скажу по поводу ихъ два три слова.

Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ ижемцы старины знаютъ. Мнѣ называли въ селѣ Сизябскѣ старика, поющаго «пѣсни про богатырей»: Илью Муромца и др. Но видѣть лично мнѣ этого старика не удалось. Нѣсколько такихъ стариковъ живутъ еще по разнымъ селеніямъ въ Ижемскомъ краѣ на Печорѣ; отъ нѣкоторыхъ я лично слышалъ, что они знаютъ старины. Г. Истомину въ 1890 году удалось записать «среди зырянъ Усть-Кожвинской волости нѣсколько былинъ, распѣваемыхъ ими на ломанномъ русскомъ языкѣ». Это заставило г. Истомина предположить, что «былины... заимствованы зырянами отъ русскихъ сосѣдей ихъ—устьцылемовъ». Но когда поиски г. Истомина былинъ у устьцылемовъ не увѣнчались успѣхомъ, вопросъ о томъ, «откуда зырянами заимствованы русскія былины, остался для него (г. Истомина) не выясненнымъ» [4]).

Теперь дѣйствительно можно съ большою вѣроятностью предположить, что зыряне-ижемцы заимствовали свои былины отъ своихъ сосѣдей русскихъ. Предположить это можно тѣмъ больше, что зыряне почти не имѣютъ своей поэзіи, и въ настоящее время они пробавляются исключительно русскими пѣснями. Но съ другой стороны, для меня большимъ сомнѣніемъ является, что всѣ пѣсни зыряне-ижемцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей русскихъ, т. е. устьцылемовъ и пустозеровъ. Я нѣсколько разъ слыхалъ, какъ поютъ ижемцы, и между ихъ пѣніемъ и пѣніемъ ближайшихъ къ нимъ устьцылемовъ—громаднѣйшая разница, разница въ напѣвахъ, въ содержаніи, въ языкѣ. Пѣсни ижемцевъ—это или старинныя пѣсни центральныхъ губерній Россіи («Ахъ вы сѣни», «Я вечоръ молода», «Снѣжки бѣлы и пушисты»), поющіяся здѣсь такими-же напѣвами, или это совсѣмъ и не народныя, а модныя пѣсни, стихотворенія изъ книгъ, романсы, перешедшіе изъ полуинтеллигентныхъ слоевъ сначала въ мѣщанство, а потомъ и въ крестьянство: «Хазъ-Булатъ удалой», «Глядя на лучъ румяннаго заката», «По синимъ волнамъ океана», самоновѣйшая знаменитая «Разлука» и др. «Ваньку Ключника» ижемцы поютъ пѣсней, своимъ текстомъ совпадающей съ текстомъ подъ нынѣшними лубочными картинами; въ Устьцылемской волости про «ключничка» поютъ старину, опредѣленно связывая его съ именемъ князя Дол-

[3]) Академикъ Озерцковскій говоритъ про «достопамятныя древности самоѣдскія земли въ Мезенскомъ округѣ»:... «Народныя преданія, сверхъ сего правила ихъ вѣры заключаются въ старинахъ (сюдовопцъ) и въ сказкахъ (вада). Старины поютъ голосомъ, а сказки разсказываютъ просто; въ чемъ заключается исторія сего народа. Увеселительныя пѣсни (хынопць) поютъ и слагаютъ и мужчины и женщины». «Путешествія акад. Ивана Лепехина», т. VI, стр. 204. Знающіе по самоѣдски пустозеры отзывались о самоѣдахъ, какъ прекрасныхъ сказателяхъ своихъ старинъ, а также сказокъ. Отъ устьцылема А. Чупрова я записалъ прекрасную русскую сказку, которую онъ выучилъ отъ самоѣда. Не зная самоѣдскаго языка я, конечно, и не приступалъ къ самоѣдамъ. *Н. О.*

[4]) «Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ.» томъ XXVI, стр. 433—434.

горукова, а дѣйствіе пріурочивая къ Москвѣ. Что заимствованія пѣсенъ ижемцами отъ устьцылемовъ не могли быть обильны, если они и были—за это-же говоритъ и старая вражда между тѣми и другими. Покойному С. В. Максимову въ 1856 году такъ разсказывалъ объ этомъ одинъ устьцылемъ: «Ижемцы—наши супостаты, супротивники мы съ ними, изъ старины во враждѣ и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертоноснаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежъ себя-то, миримся кое-какъ. Да и то нѣтъ»... [5]). Едва-ли такая «до смертоноснаго побитія» исконная вражда служила благопріятнымъ условіемъ для поэтическихъ заимствованій. Но откуда-же такимъ образомъ заимствовали свои старины Ижемцы. Зыряне-ижемцы, выходцы съ рѣки Вычегды, Яренскаго у., Вологодской губерніи, могли, во первыхъ, оттуда, со своей родины, принести на Ижму, а потомъ на Печору былины. Затѣмъ ижемцы, издавна отличаясь торговыми наклонностями, могли перенять старины въ любомъ мѣстѣ при своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но всего вѣроятнѣе мнѣ кажется слѣдующее предположеніе. Въ церковной лѣтописи Ижемской церкви написано: «По устнымъ преданіямъ старожиловъ первые обитатели (Ижмы) были выходцы новгородскіе, что между прочимъ подтверждается и фамильями: Ануфріевы, Истомины, Рочевы. Затѣмъ къ этимъ выходцамъ поселились изъ Вологодской губ., Яренскаго у., деревни Глотовой-слободѣ два-три семейства. Эти послѣдніе были зыряне, отъ которыхъ на Ижмѣ—Ижемско-Зырянское нарѣчіе, смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ». Церковный лѣтописецъ (священникъ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка), говоря о выходцахъ новгородскихъ, какъ первыхъ посельщикахъ Ижмы, не говоритъ только, откуда новгородцы взялись на Ижму. Зато очень опредѣленно объ этомъ говоритъ академикъ Озерецковскій въ 1772 году: «Первые поселяне (Ижмы) были зыряне... Потомъ въ разныя времена присовокупились къ нимъ многія россійскія семьи, вышедшія изъ устьцылемской слободки» [6]). «Населеніе Ижмы, говорится въ Геогр. Слов. состоитъ изъ зырянъ, вышедшихъ изъ Вологодской губерніи, самоѣдовъ и русскихъ, говорящихъ по зырянски». Есть преданіе, что на Ижму выселились бояре отъ преслѣдованія Ивана Грознаго [7]). Наконецъ у Ижемскаго старожила—дьякона Сизябской церкви Петра Истомина я записалъ слѣдующее: «Первый житель поселился въ 1567 г. изъ Волог. г., Яренской округи, деревни Глотовой, изъ слободки зырянинъ, по имени неизвѣстно. Отъ него зырянскій языкъ остался въ селеніи Ижма навсегда. Къ нему пріѣхали изъ Устьцылемской слободки пять братьевъ Чупровыхъ, изъ новгородцевъ поселились Рочевы, еще есть поколеніе одно изъ чудскихъ жителей, что нынѣ записаны крестьяне Поповы». Эти данныя, основанныя на преданіяхъ, имѣютъ подъ собой уже и чисто

---

[5]) «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 56, 57.

[6]) «Путешествіе академика Ивана Лепехина въ 1772 году» часть IV, стр. 282, 283. О выходцахъ въ Ижму и въ Устьцыльму упоминаетъ и Максимовъ «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 148.

[7]) «Геогр.-стат. словарь Россійск. Им.» т. 2, стр. 309.

реальную почву: 1) Зыряне-ижемцы разительно отличаются отъ зырянъ Вологодской губерніи своимъ типомъ: они высоки, стройны, въ громадномъ большинствѣ бѣлокуры съ голубыми глазами, и если-бы не языкъ ижемцевъ, въ большинствѣ совершенно нельзя было-бы отличить ихъ отъ потомковъ новгородцевъ—устьцылемовъ. 2) Языкъ зырянъ вообще изобилуетъ руссизмами, вслѣдствіе бѣдноты его, языкъ же ижемцевъ почти на половину состоитъ изъ русскихъ или извращенныхъ русскихъ словъ и по своимъ формамъ такъ рѣзко отличается отъ языка зырянъ вологодскихъ, что ижемецъ и зырянинъ съ Вычегды плохо понимаютъ другъ друга. Съ другой стороны, ижемское нарѣчіе такъ приближается къ русскому, что, не зная совершенно языка ижемцевъ, но начиная вслушиваться въ него, всегда можно уловить, по крайней мѣрѣ, тему разговора. Вотъ не предки ли русскихъ засельщиковъ Ижмы, выходцы изъ Устьцыльмы и занесли къ зырянамъ русскія былины? Это во первыхъ. Во вторыхъ, ижемцы, всегда разъѣзжая по торговымъ дѣламъ, сами могли научиться пѣть былины на Мезени, Пинегѣ и др. мѣстахъ. Въ третьихъ въ Ижму, въ свою очередь всегда пріѣзжали купцы изъ разныхъ мѣстъ. Озерецковскій такъ говоритъ объ этомъ: «Для покупки мягкой рухляди пріѣзжаютъ къ нимъ (ижемцамъ) изъ Яренска, Мезени, Пинеги и изъ Архангельска, а иногда изъ Москвы и съ Вологды торговые люди» [8]).

Двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ—Устьцылемская и Пустозерская располагаются по берегамъ Печоры приблизительно на 325—330 верстахъ; Устьцылемская волость—кромѣ того еще по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ и Нерицѣ, а Пустозерская—по одному селенію на рѣчкѣ Сулѣ (д. Сула) и Куѣ (выс. Порсондуй). Если къ линіи, по которой селенія обѣихъ русскихъ волостей распластались по Печорѣ, причислить линіи поселеній по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ, Нерицѣ, Куѣ и Сулѣ, то получимъ цифру до 1.000 верстъ; само собой разумѣется, что объѣхать всѣ селенія до одного обѣихъ русскихъ волостей было-бы чрезвычайно трудно въ два мѣсяца, да и въ этомъ я не видѣлъ никакой необходимости для моей цѣли: навѣрное извѣстно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ старинъ. Посѣщеніе каждаго селенія, можетъ быть необходимое бы для изысканій другого рода, довольно легко можно сдѣлать только зимой «по дорогѣ», какъ здѣсь называютъ зимній санный путь. Зимой посѣщеніе каждаго селенія было-бы вполнѣ возможно, не трудно и не дорого, лѣтомъ-же по отношенію къ нѣкоторымъ селеніямъ это прямо-таки невозможно [9]).

---

[8]) «Пут. ак. Ив. Лепехина». Т. IV, стр. 284.

[9]) Напр., дер. Омелина на р. Цыльмѣ, мѣсто бывшаго Цылемскаго раскольническаго скита (закрытъ, если судить по бумагѣ Пинежскаго духовнаго правл. отъ 20 Апр. 1851 г. хранящейся въ архивѣ Устьцылемскаго собора—въ 1851 году), весьма интересная для посѣщенія, находится въ 250 в. отъ Устьцыльмы. Ѣзда туда лѣтомъ въ лодкахъ, на шестикахъ, верстъ 200, по совершенно не заселенной мѣстности. Земскіе ямщики туда, конечно, не повезутъ, вольнонаемные также едва-ли, а если-бы какой нибудь охотникъ и согласился проѣхать 500 в. въ лодкѣ—возьметъ очень дорого. Омелинцы, правда, пріѣзжаютъ разъ въ годъ въ Устьцыльму за хлѣбомъ, во время пріѣзда на Печору чердынцевъ, но они едва-ли

Сообщеніе по рѣкѣ Печорѣ, конечно, стало безусловно доступнѣе въ послѣднія десять лѣтъ, но все-же оно еще очень далеко, напр., даже отъ любого глухого земскаго уѣзда въ Россіи. Дѣло въ томъ, что Печора совсѣмъ еще не знаетъ телѣжныхъ дорогъ, если исключить двѣ станціи (Пылемецъ-Пустозерскъ=24 в. и Пустозерскъ-Тельвиска=20 в.). Лѣтомъ ѣздятъ исключительно въ лодкахъ или, въ послѣднее время, на пароходѣ. Занеся на Печору нѣкоторыя названія хозяйственныхъ предметовъ, печорцы постепенно, не примѣняя, извратили ихъ: коретк**о**й, напр., зовутъ маленькія крашенныя зимнія санки, телёгой зовутъ таратайку-двухколеску и пр. и пр. На Печорѣ завелись теперь пароходы, и есть даже почтово-пассажирское пароходство, такъ что изъ конца въ конецъ или между главными селеніями можно проѣхать скоро, легко и удобно. Но почтовый пароходъ дѣлаетъ рейсъ въ 10 дней—во первыхъ, во вторыхъ, переѣздки изъ мелкихъ селеній въ таковыя-же или изъ мелкихъ въ крупныя и обратно, по прежнему, приходится совершать на очень большихъ печорскихъ лодкахъ, внизъ по водѣ на веслахъ, вверхъ—бичевой, если нѣтъ попутнаго вѣтра. Но не бѣда-бы еще, если-бы всегда Печора была доступна для ѣзды по ней въ лодкахъ: какъ только поднимется сильный вѣтеръ, такъ ѣзда по Печорѣ въ лодкахъ становится невозможной, и мнѣ не разъ приходилось подчиняться капризамъ этой сѣверной красавицы. Когда на Печорѣ поднимется сильный вѣтеръ, а это бываетъ очень часто, не только не особенно заинтересованные земскіе ямщики никуда не повезутъ васъ, но и сами печорцы въ самую горячую для нихъ рабочую пору также никуда не ѣздятъ въ лодкахъ. Въ Великой Вискѣ я видѣлъ трехъ печорцевъ, которые чуть не плакали отъ досады, сидя совершенно безъ всякаго дѣла въ Вискѣ дня четыре, а выѣхать домой не могли, хотя деревня и была всего въ 9 верстахъ. Ѣхать въ вѣтеръ нельзя—все равно «прижметъ» къ берегу, гдѣ и придется сидѣть, пока вѣтеръ не стихнетъ. Бываетъ часто, что, выѣхавъ въ хорошую погоду, но застигнутые въ пути вѣтромъ, путешественники робинзонствуютъ гдѣ нибудь на пустынномъ берегу Печоры недѣлю и больше. Вотъ почему, еще по зимнему пути посѣтивъ всѣ почти селенія Пижмы, я не могъ того-же сдѣлать на р. Цыльмѣ, Нерицѣ и не могъ объѣхать всѣхъ селеній по Печорѣ. Да въ этомъ, повторяю, и не было нужды: старинщиковъ по имени знаютъ въ каждомъ селеніи, знаютъ даже приблизительно, какія старины кто поетъ, и такой списокъ на основаніи разсказовъ мной составленъ.

Въ Пустозерской и Устьцылемской волостяхъ старины записывались мною въ 17 различныхъ селеніяхъ отъ 32 различныхъ сказателей. Такъ какъ я считаю нужнымъ строго различать старины обѣихъ волостей—почему, скажу подробно ниже,—то здѣсь приведу въ отдѣльности и цифры по волостямъ. Изъ

согласятся везти къ себѣ посторонняго человѣка, а если и увезутъ впередъ, никакъ нельзя будетъ возвратиться обратно. Дер. Омелиной очень заинтересованъ противураскольничій миссіонеръ, живущій въ Устьцыльмѣ, и все-таки въ цѣлыя шесть лѣтъ онъ не былъ тамъ еще ни разу. *Н. О.*

17 селеній, въ которыхъ записывались старины, 11 селеній, съ 23 пѣвцами падаетъ на долю Устьцылемской волости [10]) и 6 селеній съ 9-ю пѣвцами приходится на долю Пустозерской волости [11]). Изъ всѣхъ 32 пѣвшихъ мнѣ старины лицъ было 10 женщинъ и 23 мужчины. Почти всѣ старинщики и старинщицы—старики, свыше 60 лѣтъ, и только одинъ мужчина и одна женщина—въ возрастѣ 40—45 лѣтъ. Изъ 10 женщинъ грамотная одна, изъ 23 мужчинъ грамотныхъ—два. Одна женщина и 4 мужчины—слѣпцы. Составленный мною списокъ старинщиковъ и старинщицъ въ обѣихъ волостяхъ не пѣвшихъ мнѣ по разнымъ причинамъ, состоитъ изъ 38 лицъ, проживающихъ въ 24 различныхъ селеніяхъ [12]).

---

[10]) Селенія Устьцылемской волости суть: 1) Устьцыльма, въ ней старинщики: Петръ Родіоновичъ Поздѣевъ, Иванъ Петровичъ Поздѣевъ, Аксинья Поздѣева, Димитрій Карповичъ Дуркинъ, Игнатій Михаиловичъ Дуркинъ, Григорій Ивановичъ Чупровъ, Алексѣй Носовъ, Иванъ Рочевъ, Екатерина Торопова, Алексѣй Васильевичъ Чупровъ. 2) Рощинскій ручей: Игнатій Васильевичъ Тороповъ. 3) дер. Уетъ: Анисимъ Ѳедоровичъ Вокуевъ. 4) дер. Верхнее Бугаево: Василій Шишоловъ. 5) село Среднее Бугаево: Анна Шишолова. 6) Нижн. Бугаево: Иванъ Кисляковъ. По рѣкѣ Пижмѣ. 7) дер. Боровая: Анна Осташева. 8) дер. Аврамовская: Василій Авр. Чупровъ. 9) село Замежное: Тарасъ, Анна Поздѣева, Устинья Чупрова, Анкундинъ Осташовъ. 10) дер. Чуркина: Ѳедосья Емельяновна Чуркина. 11) дер. Замогильникъ: Афанасій Васильевичъ Кирилловъ.

Н. О.

[11]) 1) Село Великая Виска: Алексѣй Васильевичъ Дитятевъ, Николай Шальковъ, Степанъ Безумовъ, Парасковья Дитятева. 2) дер. Цылемецъ: Степанъ Ѳедоровичъ Хабаровъ. 3) дер. Бѣдовая: Павелъ Марковъ. 4) дер. Устье: Маремьяна Филипьева, 5) село Куя: Парасковья Шевелева и 6) дер. Нарыга: Василій Никоновъ. *Н. О.*

[12]) Конечно, и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ я былъ лично, не всѣ старинщики были использованы мною, отчасти потому, что я не засталъ ихъ дома, отчасти по другимъ разнымъ причинамъ.

Привожу здѣсь списокъ селеній и лицъ: Въ селѣ Устьцыльмѣ знаютъ старины, но не спрошены мною—Никита Алексѣевичъ Рочевъ (знаетъ Сокольника, Ваську Окулова) и Семенъ Родіоновичъ Поздѣевъ (знаетъ Данилка Староильева и Данила сына Борисова). Въ дер. Алексаевой: Перфилъ. Въ селѣ Замежномъ: Афанасій Максимовъ; въ дер. Аврамовской: Иванъ Петровъ Поздѣевъ; въ дер. Боровской: Тимофей Семеновъ и Парасковья Прововна Чупрова (Соловей Будимировичъ). Всѣ эти селенія на р. Пижмѣ, гдѣ так. обр. нѣтъ деревни, кромѣ трехъ верхнихъ, гдѣ не знали-бы старинъ.

Въ селеніяхъ на р. Цыльмѣ старины знаютъ, но мнѣ не удалось ни побывать тамъ, ни записать имена старинщиковъ.

Въ селеніяхъ на р. Нерицѣ населеніе полурусское, полузырянское, старины знаютъ тамъ мало, хотя мнѣ указывали на начетчика Марка, въ дер. Большой Нерицѣ, знающаго старины. Несомнѣнно одно: на Цыльмѣ и особенно на Нерицѣ старины знаютъ несравненно меньше, чѣмъ на Пижмѣ.

Затѣмъ пойдутъ селенія по Печорѣ въ Устьцылемской волости: въ дер. Полушиной старины поютъ. Въ дер. Щелиной живетъ старинщикъ Гаврилъ Филипповичъ Кисляковъ; въ Верх. Бугаевѣ: Ѳедоръ Алексѣевичъ Кычинъ, родомъ съ Мезени; въ дер. Росвинской: Григорій и Яковъ Макаровичи Кисляковы; въ дер. Ховриной: Корнилъ Афанасьевичъ; въ дер. Климовкѣ: Иванъ Ивановичъ Горенка и Василій Ефимовичъ Чупровъ; въ дер. Абрамовской: Афанасій Калиновичъ Дуркинъ; въ дер. Чурвинской: Семенъ Степановичъ Овчинниковъ; выселокъ Крестовскій: Родіонъ Авдѣевъ Поташевъ, родомъ съ Пижмы. Такимъ образомъ въ Устьцылемской волости мнѣ указали 18 человѣкъ, поющихъ старины, которыхъ я не видалъ.

III.

Записи былинъ нынѣшняго лѣта я считаю нужнымъ строго раздѣлить на 1) старины Устьцылемской волости и 2) на старины Пустозерской волости, а первыя еще, кромѣ того на старины Пижемскія и Печорскія. Сначала скажу о причинѣ раздѣленія старинъ по волостямъ. Между Устьцылемской и Пустозерской волостями есть разница не только въ говорѣ (хотя обѣ волости твердо окаютъ, цёкаютъ, не знаютъ мягкаго г [h]), что сейчасъ-же видно при сравненіи старинъ той и другой волости, но разница есть и въ содержаніи старинъ: однѣ и тѣ-же былины поются въ той и другой волости различно, и это относится иногда къ былинамъ распространеннѣйшимъ, напр. Женитьбѣ Дуная. Кромѣ того, нѣкоторыя былины извѣстны только въ той или другой волости: такъ въ Устьцылемской волости совсѣмъ не знаютъ распространенную—бой Васьки Буслаева съ новгородцами. Не знаютъ еще въ Устьцылемской волости былинъ Пустозерской: Вольгу, Потапа Артемоновича, Идолища и племянницу Владиміра, Ивана Горденовича, Кострюка, Горе, небылицу про щуку изъ Бѣлаго озера. Зато и въ Пустозерской волости не поютъ былинъ Устьцылемскихъ: про Данила Староильевича, Димитрія Бранского, Бутмана Колыбановича, Луку Даниловича, Князя Долгорукаго. Нѣкоторая разница въ содержаніи одинаковыхъ старинъ и незнаніе старинщиками одной волости старинъ другой будутъ вполнѣ понятны, если вспомнить, какъ населялись эти двѣ рядомъ лежащія по одной рѣкѣ волости.

Что касается Пустозерской волости, то въ ней указаніи мнѣ были сдѣланы на слѣдующія лица: въ дер. Бѣдовой: Афанасій Сидоровичъ Марковъ; Андрей Савичъ Богдановъ; въ дер. Сопкѣ: Николай Васильевичъ Марковъ; въ дер. Лабазской: Василій Михаиловичъ Тарабарѣевъ; въ с. Великой Вискѣ: Иванъ Ивановичъ Дитятевъ; въ дер. Устьѣ: Авдотья Андреевна и старуха Маремьяна; въ дер. Голубковой: Терентій Григорьевичъ Марковъ; въ селѣ Оксинѣ: Ѳедоръ Алексѣевичъ Сумароковъ; въ селѣ Тельвискѣ Ѳедоръ Ивановичъ Банинъ; въ селѣ Куѣ: Евлампій Гавриловичъ Логиновъ, Егоръ Васильевичъ Тарасовъ и Аксинья Степановна Шевелева; знаетъ старины: Дюкъ, Кострюкъ, Святогоръ, ссору Ильи и Владиміра, Ставеръ, бой Добрыни и Дунья, Добрыня и змѣя, Добрыня и Маринка, Скопинъ, Садко, Потыкъ, Васька Буслаевъ, Васька Игнатьевъ, Васька Турецкій, Василій Казимировъ, сорокъ Калинъ, Илья и Голи, Илья и соловей, Мученія Егорія, Егорій и Александра, голубиная книга. Аксиньѣ всего 21 годъ, говорятъ, это замѣчательная пѣвица. Списокъ старинъ, которыя она знаетъ, полученъ мной отъ матери ея «Пойловчанки», скверно спѣвшей мнѣ одну старину. У Аксиньи, по словамъ-же матери, знаетъ старины и братъ, а ея сынъ Яковъ 13 лѣтъ! Особенно славятся знаніемъ старинъ въ Пустозерской волости лежащія въ сторонѣ деревни: Большая и Малая Нарыги; въ первой мнѣ указали на: Степана Васильевича Корепанова, Егора Ивановича Корепанова, Василія Ѳедоровича Корепанова и Никифора Васильевича Макарова; въ дер. Малой Нарыгѣ: Артамона Семенова Корепанова и Прокопія Семенова Корепанова. Такимъ образомъ въ Пустозерской волости кромѣ спрошенныхъ мною знаютъ старины еще 19 человѣкъ, а въ той и другой волостяхъ 37 человѣкъ. И можно навѣрное сказать, что не всѣ старинщики еще попали въ составленный мною списокъ.

Н. О.

Первый засельникъ Устьцылемской волости былъ новгородецъ Ивашка Ластко, съ товарищемъ Власкомъ, основавшій слободу Устьцыльму въ 1542 г. [13]). Къ первымъ засельникамъ мало по малу стали приходить пришельцы съ Мезени, Пинеги, Кевролы, Двины и др. рѣкъ, гонимые тяготой жизни со старыхъ мѣстъ и искавшіе вольности на новинѣ. Все это были, нужно думать, или прямые новгородцы или потомки ихъ, изъ только что отошедшей къ Москвѣ Двинской земли. Важно для насъ то, что все населеніе слободки было, повидимому, изъ представителей чистой «земли», т. е. земледѣльческаго сословія,—крестьянъ.

Совершенно не то мы видимъ въ Пустозерской волости. Такъ сказать, завязью волости былъ Пустозерскій военный острогъ. «Острогъ былъ устроенъ въ 1499 году князьями Курбскимъ, Ушатовымъ, Заболоцкимъ, для сбора ясака съ восточныхъ самоѣдовъ» [14]). Слѣдовательно волость Пустозерская заселилась служилыми людьми Московскаго государства, прямыми потомками которыхъ и являются нынѣшніе пустозеры. Первые русскіе засельники волости были военные люди: «здѣсь имѣли мѣстопребываніе воеводы» [15]).

Затѣмъ, «городокъ (Пустозерскъ) со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многимъ боярскимъ фамиліямъ, павшимъ подъ царскую опалу» [16]). Изъ лицъ опальныхъ, кромѣ многихъ безвѣстныхъ въ исторіи, бывали лица съ крупными историческими именами: не считая протопопа Аввакума, сгорѣвшаго здѣсь со своими товарищами на кострѣ за свою идею, въ Пустозерскѣ семь лѣтъ (съ 1676—1682) выжилъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, двадцать лѣтъ прожилъ (съ 1691 по 1710 г.) князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ началѣ же 18 вѣка жилъ здѣсь князь Семенъ Щербатовъ. Эти опальныя лица пріѣзжали сюда не безъ провожатыхъ и не безъ челяди; такъ бояринъ Матвѣевъ жилъ здѣсь съ сыномъ Андреемъ, а при нихъ были: учитель сына, священникъ и 30 человѣкъ слугъ. Вотъ какимъ пришлымъ элементомъ пополнялись быстро вымиравшіе въ суровомъ краю первыя русскіе посельники. И всѣ бы они, первые засельники, безусловно вымерли, если бы, смѣшиваясь съ самоѣдами и зырянами [17]), не приспособились такимъ образомъ къ суровому краю и не образовали въ теченіе времени какъ бы особаго пустозерскаго типа послѣ чего они и окрѣпли, стали плодиться и разселяться по волости. Конечно инородцы, входившіе въ родственныя кровныя связи съ русскими, не могли не подпасть подъ полное ихъ культурное и религіозное вліяніе и въ совершенствѣ усваивали языкъ, религію, обычаи и преданія, но и русскіе, обильною волною воспринявшіе инородческую кровь, не могли, сохранивъ свой духовный обликъ, не попортить свой внѣшній типъ, внесеніемъ въ него инородческихъ чертъ. Выхватите изъ толпы пустозеровъ и устьцылемовъ по одному рядовому

[13]) С. Максимовъ. «Годъ на сѣверѣ», т. 2 стр. 23—24.

[14]) «Геогр. Стат. словарь Рос. Имп.» т. IV стр. 248—249. П. П. Семенова.

[15]) П. П. Семеновъ. Геогр. словарь.

[16]) С. Максимовъ: «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 59.

[17]) До сихъ поръ указываютъ на кр-нъ Дитятевыхъ и Безумовыхъ, какъ произошедшихъ отъ чуди. *Н. О.*

и сразу-же бросится въ глаза большая разница; устьцылемъ вообще выше средняго роста, строенъ, силенъ, бѣлокуръ, непремѣнно съ голубыми глазами, обладаетъ громкимъ голосомъ, подвиженъ, веселъ, словоохотливъ, добродушенъ; пустозеръ всегда ниже средняго или низкаго росту, черноволосъ, смуглъ, глаза непремѣнно черные, съ какимъ-то особенно лаковымъ не глубокимъ блескомъ, какой вы часто увидите и у самоѣдовъ. Пустозеръ говоритъ тихимъ голосомъ, не откровененъ, себѣ на умѣ, склоненъ къ низкопоклонству и лести.

И вотъ «земля» одной волости и «служилое сословіе» другой не могли не отразиться въ былинахъ обѣихъ волостей. Устьцылемъ поетъ старину увѣренный, что все, что̀ въ ней изложено, было. Но потомокъ новгородцевъ—онъ не отличаетъ одного царя отъ другого, а въ сущности не ясно представляетъ себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственные и политическіе а чисто нравственные, общечеловѣческіе. Совсѣмъ не то пустозеръ. Онъ твердо знаетъ, что значитъ царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Пустозеръ не запутается и въ хронологіи: не споетъ, напр., что, положимъ, Кострюкъ былъ въ Кіевѣ у Владиміра, или что Васька Буслаевъ жилъ въ Москвѣ. Передъ былиной онъ разскажетъ преданіе и послѣ еще что нибудь дополнитъ и объяснитъ. Его очень интересуетъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ и старины изъ цикла историческихъ пѣсенъ онъ особенно знаетъ и любитъ, а своевольный Васька Буслаевъ едва ли пользуется его сочувствіемъ. Устьцылемъ-раскольникъ, весь ушедшій въ религію или точнѣе въ мелкое исполненіе ея обрядовыхъ предначертаній, совсѣмъ не знаетъ даже мѣстную исторію раскола, остается какъ то безучастенъ къ ней. Но мнѣ попадались старинщики пустозеры, напр., Павелъ Марковъ изъ Бѣдовой или Василій Никоновъ изъ Нарыги, которые разсказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто это было всего лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти [18]).

---

[18]) Выше я говорилъ предположительно, что предки нынѣшнихъ пустозеровъ—московскіе служилые люди, смѣшавшіеся впослѣдствіи съ мѣстными инородцами. Мой старинщикъ изъ Бѣдовой Павелъ Марковъ упорно передавалъ мнѣ мѣстное преданіе, что пустозеры — новгородцы, бѣжавшіе изъ Великаго Новгорода во время извѣстныхъ казней Ивана Грознаго. Марковъ отрицалъ даже, что его родная деревня Бѣдовая—выселокъ изъ Пустозерскаго острога. Онъ утверждалъ, что Бѣдовая, да и нѣкоторыя другія деревни заселились непосредственно выходцами изъ Россіи. Для подтвержденія его разсказа нѣтъ данныхъ; противорѣчитъ ему и названіе всѣхъ жителей Пустозерской волости—пустозерами что значитъ, что всѣ они вышли когда то изъ городка Пустозерска. Совершенно также всѣ жители устьцылемской волости называются—устьцылемами, и уже навѣрно извѣстно, что всѣ они дѣйствительно потомки устьцылемовъ. Но Павелъ Марковъ не придумалъ мнѣ легенду. Она записана Озерцковскимъ: «Жители сей волости (Пустозерской), по объявленію ихъ, происходятъ отъ чуди и изъ новгородцевъ, поселившихся, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ». («Путешеств. акад. И. Лепехина» Т. IV стр. 277). О новгородскомъ происхожденіи пустозеровъ говоритъ и В. Н. Латкинъ въ своемъ «Дневникѣ путешествія по Печорѣ: «заселеніе здѣсь началось позже (12 вѣка) и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода; сюда шли селиться... по выгодности промысловъ и для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега родного Волхова во время разгрома новгородскаго» (стр. 59)... «У пустозеровъ передается преданіе, что они потомки выходцевъ изъ Новгорода; и дѣйствительно, эти люди сохранили типъ сѣверныхъ славянъ: ихъ обычаи и домашній бытъ

Выше я говорилъ, что старины Устьцылемской волости можно еще подраздѣлить на старины жителей, живущихъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Пижмѣ и на старины припечорскихъ селеній. Между тѣми и другими старинами нѣтъ разницы въ ихъ содержаніи, и только одного Бутмана Колыбановича, котораго почему то особенно любятъ пижемцы, не знаютъ припечорцы. Разница между старинами той и другой мѣстности, во первыхъ, въ напѣвахъ, во вторыхъ—немного въ говорѣ. Разница въ напѣвахъ между пижемцами и остальными устьцылемами (т. е. жителями всей волости) да пожалуй, и всѣми русскими печорцами—громадна. Дѣло въ томъ, что на Пижмѣ цѣлыхъ 114 лѣтъ [19]) существовалъ раскольничій Великопоженскій скитъ. Скитъ этотъ почти сто лѣтъ былъ единственнымъ просвѣтительнымъ мѣстомъ на Печорѣ, и въ немъ не только учили грамотѣ и получали полемическія познанія раскольники, но тутъ же учились они и пѣть для нуждъ богослуженія, которыя въ скиту свершались благолѣпно. Теперь даже, 58 лѣтъ спустя послѣ закрытія скита, деревни Скитская и Замогильникъ, образовавшіяся на мѣстѣ упраздненнаго скита, извѣстны своимъ пѣніемъ, которое тамъ по традиціи передается отъ отцовъ и дѣдовъ. Лучшіе раскольничьи пѣвцы и справщики службъ на Печорѣ и теперь живутъ въ Замогильникѣ и Скитской;—лучшіе чѣмъ гдѣ либо на Печорѣ пѣвцы живутъ не только въ этихъ двухъ образовавшихся на мѣстѣ скита деревушкахъ, а и по всей Пижмѣ, по всѣмъ ея деревнямъ. Если Пижма и теперь несетъ славу центра печорскаго раскола (на ста верстахъ живутъ 5 наставниковъ, одинъ изъ которыхъ, древній старецъ—исповѣдникъ чуть ли не всей волости, а другой ѣздитъ съ требами въ предѣлы Вологодской губерніи), то пижемскія дѣвицы слывутъ лучшими пѣвцами на всей Печорѣ. Онѣ такъ хорошо поютъ въ сравненіи со всѣми остальными печорками, что какъ только пижемки пріѣзжаютъ во время ярмарки въ Устьцыльму и являются на горкѣ, устьцылемки отходятъ прочь, уступая имъ первенство въ умѣніи пѣть пѣсни.

Удивительно чистыми пріятными голосами, но какими то особенными, скорѣе пѣсенными мотивами поютъ пижемцы, все равно и старики и молодые,—былины, которыхъ пижемцы знаютъ больше, чѣмъ гдѣ либо на Печорѣ, и почти въ каждой деревнѣ.

Разница въ говорѣ между пижемцами и остальными устьцылемами и припечорцами зависитъ, вѣроятно, отъ того, что пижемцы на половину, если не

рѣзко отличаютъ ихъ отъ типа и обычаевъ сосѣднихъ Устьцылемцевъ и Ижемцовъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ» (стр. 60). Послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ г. Латкинъ, конечно, разрушаетъ все то, что онъ воздвигъ для доказательства, что пустозеры-новгородцы, такъ какъ уже внѣ всякихъ сомнѣній, что Устьцылемцы-то именно и есть новгородцы и если они рѣзко отличаются по типу другъ отъ друга, то... Нельзя также никакъ сближать Устьцылемцевъ и Ижемцевъ, такъ какъ послѣдніе зыряне, хотя, вѣроятно, и безъ сильной струи русской крови.

Н. О.

[19]) Основанъ приблизительно въ 1730 г. выходцами съ Мезени, въ 1744 г. сгорѣлъ но возобновился опять и закрытъ начальствомъ въ 1844 г. «Живая Стар.» 1901 г., вып. 3—4 Н. Ончукова: «О расколѣ на низовой Печорѣ». стр. 441.

больше, мезенцы родомъ, не столь отдаленнаго выхода. Рѣчь ихъ совсѣмъ не пѣвуча, какъ у устьцылемовъ, въ ней меньше цёканья, она больше литературна, и это послѣднее можетъ быть потому, что обладательница просвѣщеннаго скита—Пижма не мало приноситъ въ свою рѣчь отъ книгъ.

Выше было сказано, что Пустозерская волость не знаетъ нѣкоторыхъ старинъ Устьцылемской волости и наоборотъ. Является вопросъ: неужели за время четырехъ столѣтій двѣ съ русскимъ населеніемъ рядомъ лежащія волости не могли обмѣняться старинами? Но, во первыхъ, мы не знаемъ—когда старины попали на Печору, а во вторыхъ, дѣйствительно двѣ сосѣднія волости мало сносились между собою, и на это были особенныя причины. Во первыхъ, обѣ волости только въ послѣднее время, какихъ нибудь 40 лѣтъ, т. е. тогда, когда уже былинный эпосъ сталъ падать на Печорѣ—стали почти прикасаться другъ къ другу селеніями, раньше-же они были довольно далеки другъ отъ друга [20]), а такъ какъ сотни двѣ верстъ разстоянія приходилось по такой большой и неспокойной рѣкѣ, какъ Печора, то ничего нѣтъ удивительнаго, что сношенія были и не часты. Но главная причина незначительныхъ сношеній между пустозерами и устьцылемами была таже, что и между послѣдними и ижемцами-зырянами, о чемъ уже было говорено выше. Причина эта была вражда изъ-за рыбныхъ угодій на Печорѣ. Въ 1856 году старикъ, бесѣдовавшій съ С. В. Максимовымъ, такъ говорилъ ему... «И теперь дѣло съ пустозерами не можемъ рѣшить: загребли Печорушку всю, почесть; выселки свои понадѣлали у насъ чуть не подъ самымъ носомъ. Тако дѣло'..» [21]). О томъ-же говоритъ и г. Истоминъ... «граница между двумя сосѣдними волостями (Пустозерской и Устьцылемской) до сихъ поръ точно не установлена: размежеваніе не произведено, и эта неопредѣленность вызываетъ большія недоразумѣнія. Столкнувшись на какомъ-нибудь угодьи и устьцылемы и пустозеры убѣжденно считаютъ его своей территоріей; поднимается споръ, который и рѣшается въ пользу сильнаго, нерѣдко послѣ жестокой драки» [22]). Мнѣ лично самый старый въ Устьцыльмѣ человѣкъ Лазарь долго и много разсказывалъ нынче, какъ онъ лѣтъ сорокъ тому назадъ ходилъ выборнымъ, чтобы хлопотать передъ пріѣхавшимъ на Печору «землемѣромъ» о выгодахъ своего общества. Устьцылемы дѣйствовали навѣрняка: собрали денегъ съ каждаго домохозяина и вручили ихъ Лазарю на взятки «землемѣру». Но пустозеры были богаче устьцылемовъ, и деньгами нельзя было ничего сдѣлать. Тогда дальновидный Лазарь познакомился «съ супругой землемѣра» и подарилъ ей какую-то особенно дорогую и диковинную шаль. Успѣхъ былъ полный, и

[20]) Озерецковскій въ 1772 г. говоритъ: «Домовъ въ самой Устьцыльмѣ 120, да въ приписанныхъ къ ней четырехъ деревняхъ—20». «Путешествіе академика Ивана Лепехина». Т. IV, стр. 280. Конечно, всѣ четыре деревни Устьцыл. волости были вблизи слободки Устьцыльмы, никакъ не больше 20 верстъ, если не меньше, слѣдовательно, до перваго селенія пустозерской волости, Великой Виски, въ концѣ 18 вѣка было отъ Устьцылемской волости 200 верстъ. *Н. О.*

[21]) «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 36—37.

[22]) Ѳ. М. Истоминъ. «Предв. Отчетъ о поѣздкѣ въ Печорскій край» стр. 17.

дѣло выиграли устьцылемы. Послѣ торжества одной волости надъ другой взаимныя столкновенія, конечно, не прекратились, и до сихъ поръ еще устьцылемы и пустозеры не особенно-то дружатъ. До сихъ поръ на тоняхъ рѣдко вмѣстѣ ловятъ семгу пустозеры и устьцылемы, а встрѣчаясь, часто ссорятся, а то и дерутся.

Теперь можно затронуть вопросъ: какъ попали старины на Печору? Если считать былины-старины произведеніемъ профессіональныхъ пѣвцовъ древней Руси—скомороховъ и отчасти каликъ, то слѣды ихъ найдутся и въ печорскихъ старинахъ, о чемъ ниже. Но, конечно, въ высшей степени трудно даже и предположить, чтобы калики и особенно скоморохи пробирались въ такую глушь и дичь, какъ Печора. Другое дѣло, если произведенія, перенятыя отъ нихъ, заносились на Печору посредственно. Выше было уже говорено, что Пустозерскъ издавна служилъ мѣстомъ ссылки боярамъ, иногда знатнымъ, иногда даже временщикамъ, и что они жили на Печорѣ не безъ своихъ людей. Что же удивительнаго, что изъ 30 человѣкъ челяди, жившей въ Пустозерскѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, было нѣсколько знатоковъ старинъ. Можно допустить даже, что Матвѣевъ, отправляясь въ ссылку, нарочно взялъ съ собой побольше людей, могущихъ утѣшить и развеселить его въ суровой «странѣ льда и ночи». То же можно сказать и про Голицына и про Щербатова и прочихъ неизвѣстныхъ невольныхъ жителей Москвы въ Пустозерскѣ. Челядь, знавшая старины, могла быть и у воеводъ пустозерскихъ, у надсмотрщиковъ за ссыльными и другихъ служилыхъ людей такъ или иначе имѣвшихъ дѣло съ Пустозерскомъ. Былъ и еще путь, по которому старины могли очень легко переходить на Печору, и трудно рѣшить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Этотъ второй путь—торговыя сношенія съ Пустозерскомъ. Озерецковскій говоритъ въ 1772 году: «Для покупки мягкой рухляди бываютъ въ Пустозерскѣ изъ разныхъ городовъ купцы, а больше изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и Мезени, также съ Вологды, а временемъ изъ Москвы. Они пріѣзжаютъ туда обыкновенно въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, а отъѣзжаютъ передъ Рождествомъ» [23]). Такимъ образомъ по два мѣсяца живали здѣсь архангельскіе, вологодскіе и московскіе купцы, и все это время, конечно, уже не такъ были завалены дѣломъ, чтобы не оставалось времени и для забавы — для пѣнія и слушанія старинъ. В. Н. Латкинъ свидѣтельствуетъ, что «по сохранившемуся списку съ указа даннаго Пустозерской воеводской канцеляріи видно, что въ 1574 году въ здѣшній край (въ пустозерскую волость) приходили Двиняне, Устюжане и Пинежане промышлять моржей и окулъ» [24])... Приходя сюда, они не могли не сталкиваться съ Пустозерами и могли передавать имъ старины. Наконецъ, сами Пустозеры прежде «производили дѣятельную торговлю съ Березовымъ на Оби [25]). А въ Сибири тоже знаютъ старины.

[23]) «Путешествіе академика Ивана Лепохина». Т. IV, стр. 277.

[24]) «Дневникъ Путеш. по Печорѣ», стр. 37, ч. II.

[25]) Тамъ же, стр. 58.

Вотъ пути, по которымъ могли попадать старины въ Пустозерскую волость.

Но если устьцылемы жили во враждѣ съ пустозерами и не отъ нихъ заимствовали свои старины, то откуда? Тотъ-же Н. Озерецковскій на свой вопросъ: «пріѣзжаютъ-ли въ Устьцыльму иногородцы за мягкою рухлядью и изъ которыхъ мѣстъ?» отвѣчаетъ: «Въ Устьцыльму пріѣзжаютъ все тѣ же, какіе и въ Пустозерскъ» [26]). Но тогда почему устьцылемы переняли не всѣ старины, какія переняли пустозеры и наоборотъ. Въ отвѣтъ на это можно предположить, что въ выборѣ старинъ отъ заѣзжихъ купцовъ у жителей той и другой волости руководило чувство симпатіи къ тому или иному герою старины и чувство вкуса, такъ что непоправившійся, напр., «Кострюкъ» устьцылемами и не запоминался. Но вѣроятнѣе всего, что устьцылемы, заимствовали свои старины не этимъ путемъ. Дѣло въ томъ, что устьцылемы кромѣ продажи продуктовъ своего промысла пріѣзжимъ купцамъ, сами вели еще торговлю съ городомъ Пинегой и съ зырянскимъ краемъ на р. Вашкѣ, Вологодской губерніи, гдѣ они также могли встрѣчаться съ русскими изъ другихъ городовъ. Торговля эта была бѣлой рыбой, которую устьцылемы добывали осенью на озерахъ и въ замороженномъ видѣ цѣлыми обозами отправляли на Никольскую ярмарку въ Пинегу и зырянскій край. Дорога въ городъ Пинегу шла 150—200 верстъ по мезенскимъ селеніямъ, а мезенцы—извѣстные старинщики. Кромѣ того, сами мезенцы-раскольники, переселившись въ 1730 году на Печору, могли занести старины на Печору. Была и еще возможность занесенія старинъ въ Устьцылемскую волость: Великопоженскій скитъ, какъ одинъ изъ столповъ древняго благочестія, за 100 слишкомъ лѣтъ своей жизни не переставая, сносился съ другими центрами раскола. Особенно часты и обильны были сношенія Пижмы съ знаменитыми Выгорецкими скитами [27]), находящимися въ Олонецкой губерніи, которую В. Ѳ. Миллеръ не даромъ назвалъ «Исландіей русскаго эпоса».

Выше было сказано о слѣдахъ профессіональныхъ пѣвцовъ въ печерскихъ старинахъ. Ихъ очень не много. Старинщикъ изъ Устьцыльмы Петръ Поздѣевъ три изъ 11-ти спѣтыхъ мнѣ старинъ (Илья и Угарище, Чурило и невѣрная жена и Васька Окуловъ) оканчивалъ такъ:

Кабы бросилъ тулово во чисто поле,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканье,
Онъ сѣрымъ-то волкомъ на востарзаніе,
Тамъ какъ синему морю на утишенье,
Кабы всѣмъ намъ молодцамъ на послуханье,
Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

---

[26]) Тамъ-же стр. 281.

[27]) Въ дер. Скитской я нашелъ портреты двухъ выгорецкихъ столповъ благочестія: «Симеона Діонисьевича» (Денисова) и «Петра Прокопьевича»; нашелъ списки посланія витіеватаго поморскаго характера, обрывки рукописей поморскаго письма и видѣлъ одинъ пѣвческій октоихъ замѣчательной работы, съ раздѣланнымъ красками и золотомъ первымъ листомъ.

Н. О.

Если все вышеприведенное м. б. показываетъ на пріемъ кончать такъ подходящія старины профессіональными пѣвцами,—такимъ образомъ даютъ они понять слушателямъ объ концѣ старины,—то послѣдній стихъ не говоритъ-ли, что пѣвцы эти, по крайней мѣрѣ, на Печорѣ, были старухи, при окончаніи своей работы полушутливо желающія себѣ долгой жизни. Иначе не понятно—почему только однѣмъ старухамъ слѣдуетъ это пожеланіе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, пѣвцы, какъ-бы обращаясь къ слушателямъ, называютъ ихъ «братцами», что вѣроятно слѣдъ уже чисто мѣстный.

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ сохранялись и передавались былины на Печорѣ можно уже, выйдя изъ области гаданій, съ большою вѣроятностью утверждать слѣдующее. Конечно, на Печорѣ не было профессіональныхъ пѣвцовъ мѣстныхъ, такъ же совершенно, какъ ихъ не было и на всемъ Сѣверѣ, т. е. не было лицъ, пѣніемъ старинъ снискивавшихъ себѣ пропитаніе. И это потому главнымъ образомъ, что на Печорѣ и особенно въ Усть-цылемской волости, чисто крестьянской, вообще не было какихъ нибудь сословныхъ различій, исключая развѣ нѣкоторыхъ имущественныхъ—тамъ всѣ равны. Страшная глушь Печоры, ея отрѣзанность ото всей остальной Россіи и расколъ служили главными причинами, что старины до сихъ поръ удержались на Печорѣ. Заброшенная въ суровомъ климатѣ за полярнымъ кругомъ, недалеко отъ Ледовитаго океана, совершенно въ сторонѣ отъ всего боя жизни всей остальной Россіи, Печора до самаго послѣдняго времени жила укладомъ жизни и духовными интересами, по крайней мѣрѣ, конца 17-го вѣка. Въ области религіозной пытливость печорцевъ не простерлась дальше споровъ между собой и съ миссіонерами о мелкой обрядности, о буквѣ св. писанія; огромное движеніе народныхъ массъ въ Россіи въ религіозной области въ сторону раціонализма совсѣмъ не коснулось печорцевъ, осталось для нихъ непонятнымъ и чуждымъ [28]). Даже въ костюмахъ Печора сохранила парчевые боярскіе наряды, въ центрѣ Россіи хранящіеся только въ музеяхъ. И въ области духа—въ поэзіи, въ пѣніи Печора оставалась вѣрна своимъ, застывшимъ во всемъ остальномъ, формахъ, и пробавлялась Богъ вѣсть когда сложенной былиной, невольно приспособляя ее къ мѣстнымъ условіямъ и, по своему, многое въ ней понимая.

Конечно, печорецъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже не задается вопросомъ—правда-ли все то, о чемъ поется въ старинахъ? Для большинства все удивительное и необыкновенное въ старинахъ то же, что для насъ газеты, также доставляющія всю суть необыкновеннаго и важнаго, совершающагося въ мірѣ. Да и безъ вѣры въ чудесное, необыкновенное, о чемъ разсказываютъ старины, старины, конечно, потеряли-бы всякій интересъ и, конечно, давно забылись-бы. Нужно только видѣть, съ какимъ живымъ одушевленіемъ и вни-

[28]) Мнѣ завѣдомо извѣстно, что на Верхнюю Печору, въ Чердынскій уѣздъ, Пермск. губ., проникали въ качествѣ рабочихъ на заводъ Бердышъ не то штундисты, не то баптисты. Но ихъ не поняли, и они не имѣли успѣха. Про ученіе ихъ одинъ раскольникъ разсказывалъ мнѣ, какъ о крайней степени нравственнаго паденія, чуть не безумія. *Н. О.*

маніемъ слушаютъ печорцы старины, подчеркиваютъ особенно нравящіяся имъ мѣста, объясняютъ по своему темныя или совсѣмъ непонятныя; опять приходится сравнить съ газетами, жадно прочитываемыми по утрамъ нами. Чудесное въ былинахъ для печорца совсѣмъ, впрочемъ, и не представляется чѣмъ-то особеннымъ. Этимъ чудеснымъ полна его дѣйствительная жизнь—міръ, его окружающій полонъ чудесъ и необъяснимостей: въ рѣкахъ и особенно озерахъ обитаютъ водяные, въ лѣсу—лѣшіе, въ собственномъ дому, за печкой хозяйничаетъ домовой, вокругъ—оборотни, вѣдьмы, шишкѝ, колдуны, которые—разсерди ихъ—и нынче обратятъ въ гнѣдого тура.

Въ Страстной Четвергъ печорцы гоняютъ плетьми и палками верхомъ па лошадяхъ шишковъ, которые въ послѣднее время совсѣмъ въявѣ начинаютъ дѣйствовать передъ всѣми: кто-же, какъ не шишкó, сидитъ подъ палубой парохода, двигаетъ рычагами стальной машины и заставляетъ пароходъ итти вверхъ по Печорѣ, да еще тащитъ за собой десятокъ баржъ съ грузомъ? Кто, какъ не шишкó, со скоростью вѣтра переноситъ вѣсти по телеграфу или, наконецъ, кто-же иной еще запрятанъ въ маленькій ящикъ и выкрикиваетъ и завываетъ разныя несуразицы въ мѣдную трубу, съ шипомъ и свистомъ. Міръ, окружающій печорца, теперь нисколько не менѣе чудесенъ, чѣмъ прежде, міръ былинный. И то, что на первый взглядъ казалось-бы чудомъ, совсѣмъ и не чудо, Напр., кажется невозможно узнать, чтó уготовано человѣку на томъ свѣтѣ. Но при знаніи и это возможно узнать и совсѣмъ ужъ не такъ трудно. Упорно говорили нынче при мнѣ слѣдующее: у мѣстнаго богача умеръ единственный сынъ. Родители страшно его жалѣли, много плакали, молились, подавали милостыни, заказывали сорокоусты и пр. И вотъ, чтобы узнать, угодили-ли ихъ молитвы Богу, и уготовано-ли мѣсто ихъ сыну, черезъ 40 дней раскопали могилу и смотрѣли: тѣло все еще не побѣлѣло, значитъ молитвъ, и милостыни было мало. И стали снова упорно молиться. Что-же удивительнаго, что при всѣхъ этихъ условіяхъ Печора совершенно не утратила вкуса ко всѣмъ произведеніямъ старой поэзіи и письменности, а новой, пожалуй, она и не пойметъ. Какъ, видя телеграфные столбы, поставленные въ послѣднее время по Печорѣ, между Устьцыльмой и Архангельскомъ, и слыша о порожающей умъ печорца быстротѣ передаваемыхъ извѣстій, раскольникъ попрежнему объясняетъ это нечѣмъ инымъ какъ дѣйствіемъ шишка (чорта), съ быстротой молніи переносящаго извѣстія по дырачкамъ внутри соединяющихъ телеграфные стольбы проволокъ, такъ точно отъѣзжая на пашню раскольникъ по прежнему беретъ съ собой прологъ, повѣсть о новгородцѣ Щилѣ, «повѣсть объ іереѣ содѣявшемъ тяжкій грѣхъ съ дѣвицею, бѣжавшемъ въ Казань и поступившемъ въ татарскую вѣру». Такой литературой печорецъ совершенно удовлетворяетъ свою пытливость и свои духовные запросы. По этому же самому печорецъ до сихъ поръ поетъ и былины, благо для усвоенія сотенъ и тысячъ стиховъ есть благопріятныя условія, это— большой досугъ, являющійся не какъ лѣнь или какъ отсутствіе работы, а большой досугъ даже на самомъ важномъ дѣлѣ.

Этотъ досугъ на работѣ невольно является, напр., у устьцылемовъ на рыбной ловлѣ, производимой два раза въ годъ, лѣтомъ и осенью, причемъ оба раза ловля значительно разнится, а въ зависимости отъ этого разнится и досугъ. Лѣтомъ устьцылемы ловятъ семгу, для чего хозяевъ по 20 по 30 и даже больше скопляются на особыхъ мѣстахъ Печоры, «тоняхъ», гдѣ идетъ вверхъ по рѣкѣ рыба. Ловятъ семгу большимъ неводомъ, причемъ закидываютъ, соблюдая строго очередь, и если ловъ происходитъ на хорошей тонѣ, и собралось положимъ до 50 хозяевъ, то каждый ловецъ, закинувъ неводъ разъ, слѣдующей очереди долженъ ждать, когда закинутъ остальные слѣдующіе за нимъ 49 человѣкъ. Такимъ образомъ получается большой промежутокъ совершенно свободнаго времени, и этотъ невольный досугъ у каждаго домохозяина тѣмъ больше, чѣмъ больше на тони народу. Вотъ въ это то свободное время, достигающее иногда полусутокъ, а иногда даже и больше, и поются старины. Но ловля лѣтомъ семги слишкомъ важное дѣло: отъ величины улова зависитъ весь годъ жизни устьцылема. Время лова семги поэтому горячее, напряженное, нервное, часто сопровождающееся ссорами, дрязгами, иногда даже драками изъ-за очереди; часто тутъ не до старинъ. Особенно не до старинъ тогда, когда ловля происходитъ на неважной тони, и гдѣ, слѣдовательно, ловитъ немного народу, иногда такъ немного, что свободнаго времени чуть чуть хватаетъ на отдыхъ.— Совершенно другой характеръ носитъ ловля рыбы осенью, на такъ называемыхъ о с е н о в ь я х ъ. О с е н о в ь ѣ — это ловля бѣлой рыбы осенью или вначалѣ зимы на озерахъ. На осеновья уѣзжаютъ обыкновенно артелями въ 6—7—10 человѣкъ. Уѣзжаютъ съ запасами провизіи за много верстъ отъ двора, за 100—150 и больше, гдѣ и проводятъ осеннюю распуту, а по первому снѣгу возвращаются домой. День на Печорѣ осенью и особенно зимой очень коротокъ и, проработавъ часовъ 5—6, при наступившей темнотѣ всѣ принуждены на невольный отдыхъ. Работы кончаютъ въ 5, въ 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чемъ, дѣлиться не чѣмъ; всѣ знаютъ о каждомъ порознь всю подноготную. Вотъ тутъ то и выступаютъ на сцену сказочники и старинщики, которыхъ, говорили мнѣ, нарочно старается, всѣми мѣрами залучить въ артель составляющій ее староста. Въ хорошемъ старинщикѣ на осеновьѣ такая потребность, что старинщики пользуются нѣкоторыми преимуществами въ совершенно равноправной артели, гдѣ и староста, хлопотами котораго артель собирается, а иногда и держится, имѣетъ только нравственное, а не матеріальное преимущество, старинщики же въ артели, повторяю, пользуются и послѣднимъ. Старинщику, напр., не поручаютъ особенно трудную часть работы, и они дѣлаютъ въ артели то, что́ обыкновенно исполняютъ малолѣтніе и подростки, если таковые есть въ артели, пользующіеся однако совершенно одинаковымъ паемъ съ остальными членами артели; при раздѣлѣ добычи старинщику, особенно угодившему своими стараніями артели, возможно, что дается и до нѣкоторой степени лучшая часть добычи; объ частыхъ, угощеніяхъ старинщиковъ особенными любителями старинъ въ артели я уже не говорю: старин-

щика возможно чаще стараются угостить алабышами—(особаго рода блины), а алабыши старинщику, не въ примѣръ прочимъ, особенно жирно мажутъ масломъ, чтобы голосъ былъ звонче и катился маслянѣе, а старинщикъ охотнѣе и лучше пѣлъ старины.

Къ этому можно добавить, что и вообще старинщики пользуются на Низовой Печорѣ уваженіемъ среди сельчанъ; ихъ считаютъ особенно развитыми, надѣленными какой то особенной способностью, даромъ, которымъ, пожалуй, можно и гордиться, и фраза: «О, онъ сказитель!» служитъ большой похвалой. И только молодяжникъ въ большихъ центрахъ, напр., въ Устьцыльмѣ, похожей больше на городъ, относится иногда какъ бы скептически къ старинщикамъ. Но скептицизмъ этотъ въ данномъ случаѣ особенный, не искренній, и зависитъ, во 1-хъ, просто отъ свойства русскаго человѣка надъ всѣмъ слегка посмѣяться, особенно когда дѣло происходитъ въ компаніи, а во 2-хъ, тутъ, пожалуй, сказывается зависть, зависть къ заработку и угощеніямъ, которые получали отъ меня старинщики за свою работу, а также зависть и къ исключительному вниманію къ старинщикамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка. Что нѣсколько насмѣшливое отношеніе къ старинщикамъ отъ молодяжника не искренне даже и въ Устьцыльмѣ, видно хотя бы изъ того уже, что въ той же Устьцыльмѣ мнѣ предлагали пѣть старины два молодые парня, желая заработать на «половинчикъ». Вездѣ по другимъ всѣмъ мѣстамъ Печоры къ старинщикамъ относятся съ большимъ почтеніемъ, ихъ знаетъ непремѣнно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору, напр. имя Ивана Ивановича Горенки, извѣстно положительно всей Печорѣ. Правда эта слава не всегда совпадаетъ съ дѣйствительною цѣнностью старинщика, и мнѣ не разъ приходилось разочаровываться въ старинщикахъ, о которыхъ наговорено было слишкомъ уже много. Но какъ бы то ни было, подъѣжая зимой по тайболѣ къ Устьцыльмѣ я еще за три станціи отъ нея занесъ въ записную книжку имена нѣсколькихъ извѣстныхъ старинщиковъ, а въ томъ числѣ и И. И. Горенку, хотя деревня, гдѣ онъ живетъ, была отъ станціи по крайней мѣрѣ въ 250 верстахъ. Нечего и говорить, конечно, что стоитъ пріѣхать даже въ такое огромное село какъ Устьцыльма, какъ почти первый встрѣченный разскажетъ вамъ, кто поетъ въ селѣ старины. Поэтому мнѣ мало понятно—какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слыхали о старинахъ. Если путешественники позапрошлаго столѣтія академики Лепехинъ и Озерецковскій и путешественникъ 40 годовъ 19 вѣка В. Н. Латкинъ, какъ ѣздившій на Печору не съ этнографическими цѣлями, могли еще не спросить про старины, то ужъ совсѣмъ не понятно какимъ образомъ о старинахъ не слыхали этнографы—С. В. Максимовъ и Ѳ. М. Истоминъ, и особенно послѣдній, даже сознательно интересовавшійся былинами на Печорѣ [29]). Неуспѣхъ г. Истомина можно

[29]) «Однимъ изъ крайне интересовавшихъ меня вопросовъ въ нынѣшнюю поѣздку, былъ вопросъ о былинахъ. Названныхъ въ прошломъ году знатоковъ я вторично не засталъ дома, а разспросы мои о старинахъ, которыя они знаютъ убѣдили меня, что это

объяснить развѣ только, такъ сказать, методомъ его поѣздокъ: «желаніе ознакомиться съ возможно большимъ числомъ населенныхъ пунктовъ,—писалъ онъ,—вынуждало меня почти все время тратить на разъѣзды... Болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ столь необходимыхъ для полнаго этнографическаго изслѣдованія края, въ особенности для составленія значительнаго собранія памятниковъ народнаго творчества, такихъ остановокъ въ нынѣшнюю поѣздку на долю мою почти не выпадало» [30]).

Много значитъ, конечно и тотъ методъ, съ какимъ приступать къ разспросамъ у печерцевъ-раскольниковъ о старинахъ. А между прочимъ, онъ такъ простъ и еще 30 лѣтъ тому назадъ изложенъ въ двухъ словахъ А. Ѳ. Гильфердингомъ: «Програма на случай встрѣчи со старообрядцами, говоритъ Гильфердингъ [31]), была у меня готова: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ». «Какъ можно меньше «божественности»! Тонко замѣтилъ все по поводу того-же одинъ наблюдательный, знающій народъ печорскій чиновникъ.

Совершеннѣйшею новостью мои открытія десятковъ былинъ на Печорѣ были всей печорской бюрократической интеллигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, между которыми есть одинъ—дѣйствительный членъ Географическаго общества по отдѣленію этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былинъ на Печорѣ, не подозрѣвалъ потому, конечно, что работая годы, иногда десятки лѣтъ среди народа, просвѣщая, уча, руководя имъ, эта интеллигенція очень повинна именно въ неисполненіи вышевыписанной програмы Гильфердинга; служа десятки лѣтъ народу, интеллигенція эта, къ сожалѣнію, въ большинствѣ совершенно чужда народу; это какія то двѣ отдѣльныя націи, другъ другу чуждыя, другъ друга совсѣмъ не понимающія, если только не враждующія. Такъ и живутъ обыкновенно, выказывая, съ одной стороны, недостижимое превосходство и иногда прямое презрѣніе, съ другой, приниженность изъ сознанія безсилія и пугливую скрытность...

Въ извѣстности старинщиковъ на всей Печорѣ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что старины поются главнымъ образомъ на рыбныхъ ловляхъ, гдѣ скопляются иногда представители чуть-ли не всей волости. Извѣстность старинщиковъ на Печорѣ, впрочемъ, и не представляетъ чего-то особеннаго: нечего удивляться тому, что Горенку знаетъ вся Печора, если собиратель «Бѣломорскихъ былинъ» г. Марковъ, бывшій въ Зимней Золотицѣ, записалъ имена и фамильи особенно извѣстныхъ старинщиковъ на Мезени.

не былины, а разсказы и записи объ устьцыломской старинѣ... Дальнѣйшіе мои поиски былинъ не увѣнчались успѣхомъ». «Предвар. отчетъ о поѣзд. на Печору», стр. 3.

[30]) «Предв. отч.» стр. 2.

[31]) «Олонецкая губернія и ея народныя рапсоды» Вѣстн. Евр. 72 г. № 3».

Относительно того, гдѣ старины больше сохранились—въ глухихъ-ли деревняхъ или въ центрахъ жизни на Печорѣ, казалось-бы, можно утвердительно сказать, что въ глухихъ мѣстахъ. Однако это не совсѣмъ такъ. Маленькія глухія деревушки вдали отъ центровъ жизни, съ ихъ новыми культурными нововведеніями, школами и пр., конечно, имѣютъ больше шансовъ для сохраненія старинъ, но это только вообще говоря. Въ частности-же можетъ быть и иначе. Все зависитъ отъ того, какъ старо каждое отдѣльное маленькое глухое селеніе, и живутъ-ли въ немъ старики. Если селеніе старинное, и въ немъ живутъ старики, навѣрняка можно сказать, что въ немъ поютъ и старины, и что среди молодого поколѣнія есть будущіе старинщики; но если глухое селеніе—недавній выселокъ, старинщиковъ въ немъ обыкновенно не бываетъ; но это опять-таки въ томъ только случаѣ, если на новое мѣсто не выселились и старики. Такъ что, установя общее правило, что въ молодыхъ поселкахъ старинщиковъ нѣтъ, въ видѣ исключенія можно наткнуться на такой выселокъ, образовавшійся, можно сказать, вчера, а въ немъ живетъ прекрасный старинщикъ. Теперь возьмемъ центръ Низовой Печоры—Устьцыльму. Это совсѣмъ почти городъ: двѣ церкви, двѣ школы, полицейское управленіе, казначейство, почта, телеграфъ, больница, квартиры крестьянскаго чиновника, мирового судьи, податного инспектора и пр.; въ ней всегда много пріѣзжихъ, лѣтомъ постоянная горка, зимой общественныя игры молодяжника на улицахъ—вообще всѣ условія, способствующія быстрѣйшему вымиранію и полному забвенію устьцылемами старинъ.

И однако это не такъ: въ Устьцыльмѣ я записалъ старины отъ 9 человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ старинщиковъ тамъ и еще больше. Почему это? Причина та, что живущіе почти въ городѣ устьцылемы поголовно всѣ, такъ-же, какъ и жители всѣхъ самыхъ маленькихъ и глухихъ селеній, заняты рыбной ловлей, являющейся для нихъ пока преобладающимъ промысломъ. И если Устьцыльма преобразуется въ настоящій городъ, устьцылемы обратятся въ мѣщанъ, старины въ ней все будутъ держаться, какъ, напр., въ городѣ Мезени, и удержатся онѣ до тѣхъ поръ, пока устьцылемы съ рыбной ловли не перейдутъ на какое нибудь другое домашнее дѣло. Такъ сказать бюрократичность Устьцыльмы, можно сказать совсѣмъ пока не отвлекаетъ ея жителей отъ ихъ исконнаго дѣла; даже женская прислуга у чиновниковъ въ Устьцыльмѣ почти поголовно не мѣстная, а отчасти съ Ижмы, отчасти съ Мезени, а то и изъ Архангельска.

Несомнѣнно только одно, что населенность, бойкость и обиліе чиновниковъ въ Устьцыльмѣ ведетъ къ тому, что устьцылемки-женщины уже не знаютъ старинъ. Въ самой Устьцыльмѣ отъ женщинъ мнѣ не пришлось записать ни одной старины, и только двѣ женщины пѣли мнѣ стихи. Совсѣмъ не то, напр., на рѣкѣ Пижмѣ, гдѣ изъ 7 пѣвшихъ мнѣ лицъ четыре были женщины. И этому объясненіе одно: устьцылемы мужики почти не поютъ старинъ дома, а только на рыбной ловлѣ. Дома имъ есть, гдѣ и какъ провести время и безъ того: лѣтомъ, во время пріѣзда чердынцевъ, каждый день горка, тутъ-же гдѣ

нибудь игра въ мячъ, въ которой принимаютъ участіе и взрослые; играютъ также въ городки, борются, часто происходятъ драки, что то же привлекаетъ много зрителей. Все это ведетъ къ тому, что дома, въ селѣ, нѣтъ ни времени, ни охоты пѣть старины, а дѣвицамъ не у кого старинамъ учиться. Да если бы старики дома и пѣли старины, всякая дѣвушка, конечно, предпочла-бы пѣнью стариковъ горку, гдѣ она является активной участницей пѣсенъ, игръ и пр. Въ ловлѣ-же рыбы, гдѣ главнымъ образомъ поются старины, устьцылемки участія не принимаютъ. Совсѣмъ не то въ глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Тамъ есть деревни въ 4—5—10 дворовъ, расположенныя на крутомъ берегу рѣки. Нѣтъ тамъ ни хороводовъ, ни горокъ, ни игръ, такъ какъ ко всему этому располагаетъ, и все это возможно только при большомъ количествѣ молодежи; а на Пижмѣ въ деревняхъ часто бываетъ, что есть въ одной деревнѣ дѣвки, а парней нѣтъ: частью переженились, частью въ солдаты ушли, а то еще не подросли. Или такъ случается: въ деревнѣ 2—3 парня и одна дѣвушка—какой-же тутъ хороводъ! Нечего дѣлать, не на что смотрѣть въ свободное время и старикамъ, и вотъ они собираются въ одну избу и поютъ старины, вся деревня слушаетъ, а болѣе воспріимчивые, какъ парни, такъ и дѣвки, перенимаютъ. Вотъ почему нѣтъ старинщицъ въ бойкомъ и огромномъ селѣ Устьцыльмѣ и есть они въ маленькихъ и глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ селѣ Бугаевѣ я уже опять нашелъ старинщицу, но все-же въ селеніяхъ Устьцыльмской волости, расположенныхъ по Печорѣ, женщины знаютъ гораздо меньше старины, чѣмъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ Пустозерской волости женщины знаютъ старины мало, но все-же мнѣ пришлось встрѣтить лично трехъ старинщицъ (двѣ изъ нихъ ужасно плохи) и объ одной замѣчательной старинщицѣ (въ с. Куѣ) слышать. Незнаніе пустозерками старинъ, я думаю, зависитъ отъ того, что положеніе женщины въ Пустозерской волости рѣзко отличается отъ того-же въ Устьцылемской, гдѣ женщина положительно равноправна мужчинѣ [32]). Собираясь въ гости въ какой нибудь домъ, женщины - пустозерки всегда держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, если есть отдѣльная изба, сидятъ въ ней, если нѣтъ, стараются помѣститься хоть въ особой комнатѣ [33])—условія для заучиванія старинъ, конечно, неблагопріятныя.

Заучиваются старины, вообще говоря, въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ, когда умственная воспріимчивость гораздо сильнѣе, но изъ этого общаго правила есть разительныя исключенія. Приведу примѣры: старинщикъ Петръ Поздѣевъ, спѣвшій мнѣ старинъ больше, чѣмъ кто либо, такъ заинтересовался моей работой, что приходилъ ко мнѣ и тогда, когда старины пѣли другіе.

---

[32]) «Живая Старина» вып. 3—4 за 1901 г. См. мою статью: «О расколѣ на Низовой Печорѣ». *Н. О.*

[33]) Это строгое разобщеніе половъ, можетъ быть, еще одинъ лишній признакъ того, что пустозеры—потомки московскихъ служивыхъ людей. Древняя Русь, нравы которой дольше всѣхъ носилъ Новгородъ, конечно, не знала того, что явилось послѣ татарскаго ига въ Москвѣ. *Н. О.*

Однажды у меня пѣлъ Д. Дуркинъ старину о Лукѣ и змѣѣ, а Петръ Поздѣевъ былъ тутъ, и старина ему очень понравилась. Увидавшись со мной черезъ нѣсколько дней, онъ со смѣхомъ заявилъ мнѣ, не хочу-ли я отъ него прослушать новую старину «О Лукѣ и змѣѣ». Оказывается, что онъ, прослушавши разъ, запомнилъ старину, а когда ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, попробовалъ спѣть и спѣлъ всю отъ начала до конца. П. Поздѣеву 65 лѣтъ! Когда я былъ въ деревнѣ Чуркиной на Пижмѣ, ямщикъ мой указалъ мнѣ на Петра Агѣева, знающаго какую-то очень ужъ складную старину, такую, какую ямщикъ не слыхалъ больше нигдѣ. Пошелъ я къ Агѣеву и попросилъ спѣть. Тотъ долго отнѣкивался, а потомъ, когда согласился, сказалъ, что старину онъ не поетъ, а «читаетъ, какъ по книжкѣ». Дѣлать нечего, я согласился и на это. Тогда Агѣевъ взялъ деревянную покрышку съ горшка, легъ на кровать и, глядя въ покрышку, какъ въ книжку, безъ запинки отбарабанилъ мнѣ лермонтовскую пѣсню про купца Калашникова. Онъ зналъ ее такъ твердо, что заинтересовалъ одного священника, тотъ слѣдилъ за нимъ по книгѣ и не нашелъ ни одного пропуска. Пѣсню 40—45 лѣтній Агѣевъ запомнилъ недавно, когда его грамотный братъ, солдатъ, читалъ раза два по книжкѣ.

Поются старины на Печорѣ многими, но учатся старинѣ не отъ многихъ, а только отъ лучшихъ пѣвцовъ. На Пижмѣ, напр., всѣ, пѣвшіе мнѣ старины, ссылались или на Васю Малаго (д. Авраиовская) или на тетку Катю (село Замежное). Иногда этотъ знатокъ старинъ служитъ учителемъ цѣлаго поколѣнія и цѣлой кучки деревень, не связанныхъ между собою никакимъ родствомъ. Передаются старины, такъ сказать, и по наслѣдству отъ отца, дѣда и пр., и, въ свою очередь, нынѣшніе старинщики передаютъ старины своимъ дѣтямъ. Такъ у Петра Поздѣева старинщикомъ былъ отецъ, и вотъ изъ четырехъ его сыновей двое—Петръ и Семенъ поютъ старины, а одинъ, хотя и неграмотный, ушелъ въ книжную мудрость раскола; у Петра Поздѣева есть дѣти, изъ которыхъ сынъ Иванъ, служащій сельскимъ писаремъ, знаетъ старины, а 20 лѣтняя грамотная дочь Аграфена типъ грамотной раскольницы-начетчицы: она уже теперь читаетъ по покойникамъ, поетъ панахидки и пр. Замужъ она, вѣроятно, не выйдетъ, и теперь уже и отецъ и мать ею гордятся. У Григорія Чупрова, по его словамъ, отецъ былъ замѣчательный старинщикъ, а сынъ Григорія, 15 лѣтній подростокъ Иванъ, грамотный, опять съ сильною наклонностью къ расколу и, можетъ быть будущій начетчикъ, знаетъ много сказокъ, интересуется и старинами, но не заучиваетъ ихъ, предпочитая читать по книгамъ. Сынъ Димитрія Дуркина перенялъ нѣкоторыя отцовскія старины, и проч. и проч.

Относительно того—падаетъ-ли былинная поэзія на Печорѣ?—можно сказать утвердительно: да, падаетъ. Еще и теперь печорская рѣчь такъ сказать пропитана старинами, и выраженія изъ нихъ, ввидѣ поговорокъ и пословицъ, можно слышать постоянно. Вотъ на улицѣ разговариваютъ парни о своихъ дѣлахъ, а одинъ изъ нихъ говоритъ: «Поди-ко съ нимъ свяжись: онъ схватитъ за руку—рука прочь, схватитъ за ногу,—нога долой». А то вотъ на сельскомъ

сходѣ, когда нужно было высказаться о чемъ-то, а всѣ молчали, одинъ мужичекъ сказалъ; «У насъ, когда дѣла коснется—меньшой хоронится за средняго, средній за большого, а и отъ большого отвѣту нѣтъ».—«Ты дари намъ чо-ле—сказалъ одинъ устьцылемъ мѣстному богачу, который просилъ услужить,—дари намъ, такъ мы тебѣ будемъ помогать», а тутъ-же бывшая его жена дополнила: «Кунью шубу въ пятьсотъ рублей». Даже маленькій сынишка священника часто говоритъ: А пойду я, мама, «вонъ на улицу». Недавно еще составлялись и распѣвались цѣлыя пародіи старинъ, гдѣ дѣйствующими лицами выставлялись мѣстные крестьяне; я списалъ два отрывка пародій, и вотъ одинъ изъ нихъ:

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было не уѣдено,
Не баско хорошо было не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
Походитъ Василька на царевъ кабакъ,
Поноситъ шапочку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнями онъ принахлапыватъ,
Слѣпыми-те глазами онъ да прироспильваватъ, (приразглядываетъ).
Приходитъ Василька да на царевъ кабакъ,
Отдаватъ шапочку пуховъ калпакъ,
Проситъ за шапочку петьсотъ рублей,
А даваютъ ему пять копеечекъ.

И все-таки старинная поэзія на Печорѣ падаетъ, не смотря на все это. Объ этомъ говорятъ въ одинъ голосъ уже сами старинщики. Какъ только станешь спрашивать про старины, такъ всѣ и говорятъ: «Вотъ пріѣхалъ-бы ты лѣтъ 10—15 назадъ, когда былъ живъ (такой-то). Вотъ онъ тебѣ-бы напѣлъ! А мы што»...

О паденіи былинной поэзіи говорятъ и мои личныя наблюденія. Есть еще и теперь прекрасные старинщики и старинщицы (Авдотья Чуркина, Анисимъ Вокуевъ, Степанъ Хабаровъ, Павелъ Марковъ), но и они уже отчасти устарѣли, а отчасти, можетъ быть, не встрѣчая прежняго сочувствія и прежняго спроса на свое искусство, много забыли; Авдотья Чуркина много уже путается, а двѣ старины спѣла совсѣмъ плохо и отчасти, кажется, сочинила. О большинствѣ-же нечего и говорить: путаютъ, перевираютъ извращаютъ старины сильно. Таковъ, напримѣръ, хотя-бы спѣвшій мнѣ больше всѣхъ Петръ Поздѣевъ. Всѣ старины онъ поетъ однимъ «ясакомъ» (напѣвъ), что хорошій былинщикъ никогда не позволитъ, да и не сумѣетъ; все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ даже и князя Долгорукова съ ключникомъ, во всѣ старины вноситъ однообразные факты, фразы и цѣлыя дѣйствія, и не помня подлинныхъ слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Устьцыльмѣ рѣчи. Болѣе древнія старины знаютъ плохо: такъ про Вольгу я записалъ только отрывокъ, про Святогора

никто не сумѣлъ мнѣ спѣть. У многихъ старинъ не знаютъ нынче конца, нѣкоторыя старины поютъ не сначала. Такъ, записывая Ваську Игнатьева, я только на третій разъ записалъ и конецъ; конецъ Данилы Староильевича я записалъ въ 4-й разъ; Бутмана Колыбановича, записавъ четыре раза, я такъ и не записалъ всего; Скопина мнѣ никто не могъ спѣть сначала въ Устьцылемской волости, всѣ начинали:

«Много Скопинъ по землямъ бывалъ,
Много Скопинъ городовъ видалъ»...

То-есть начинали съ середины рѣчи Скопина на пирѣ у князя. То, что всѣ старинщики Устьцылемской волости начинаютъ старину непремѣнно съ этихъ словъ, показываетъ, что старина заучена отъ одного устьцылема, въ свою очередь, слышавшаго старину гдѣ-нибудь не сначала.

Итакъ былинная поэзія на Печорѣ, несомнѣнно, падаетъ и падать будетъ все больше больше съ каждымъ годомъ, такъ какъ съ каждымъ, можно сказать, годомъ развивается промышленно Низовая Печора. Моему предшественнику на Печорѣ г. Истомину, бывшему тамъ 11 лѣтъ назадъ, еще пришлось съѣздить по Печорѣ въ лодкѣ, я уже благополучно вояжировалъ на пароходѣ. Въ Устьцыльмѣ теперь телеграфъ и почта, проведенъ трактъ на Архангельскъ, а лѣтомъ совершаютъ свои рейсы морскіе пароходы. Три года, какъ уже на Печорѣ работаютъ шведы, вырубая лѣсъ для отправки заграницу, и ими у устьевъ Печоры поставленъ лѣсопильный заводъ, занимающій много рабочихъ рукъ. Другой заводъ такой-же строится теперь еще русскимъ купцомъ изъ Архангельска, а на р. Ухтѣ, притокѣ Ижмы, говорятъ, идутъ усиленныя подготовительныя работы для добычи давно извѣстной тамъ нефти. И вотъ, когда Печора покроется заводами, которые съ занятіемъ, въ качествѣ рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ будутъ привлекать и полчища «бродячей руси» изъ центровъ Россіи, это нашествіе, въ концѣ концовъ, свалитъ старую культуру Печоры, а съ ея упадкомъ постепенно исчезнутъ и былины. И Печора имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы съ развитіемъ на ней промышленности скоро перенять чужое и совсѣмъ обезличиться: у ней нѣтъ поддерживающаго старину элемента—на Печорѣ земледѣліе почти не имѣетъ значенія, и промыслы здѣсь,—единственный хлѣбъ насущный. Получится то-же, что я имѣлъ наблюдать напримѣръ, на р. Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ постройки перваго въ уѣздѣ Кутимскаго горнаго завода населеніе совершенно измѣнило свой характеръ и изъ нѣсколько грубоватыхъ, но строго честныхъ, съ патріархальными нравами лѣсныхъ и рыбныхъ промышленниковъ превратилось въ безшабашно-дерзкихъ и наглыхъ подсобныхъ рабочихъ горнаго завода и спилось. Можетъ быть, это и необходимо, какъ одна изъ стадій промышленнаго роста страны, но это грустно.

Н. Ончуковъ.

Рис. 1. Обѣдъ пустозеровъ на тони на берегу Печоры; впереди былинщикъ Степанъ Хабаровъ изъ дер. Пылемца.

Рис. 2. Деревянная церковь во имя Архангеловъ Михаила и Гавріила въ селѣ Юромѣ, на р. Мезени. Постр. въ 1685 г.

Рис. 3. Деревянная церковь во имя прор. Ильи въ селѣ Юромѣ, на р. Мезени. Постр. въ 1743 г.

Рис. 4. Старая деревянная церковь (Рождества Пресвятой Богородицы) въ городѣ Мезени; построена въ 1717 г.

Рис. 5. Рельефная икона (изъ дерева) Св. Георгія Побѣдоносца (до 2 аршинъ въ вышину) въ церкви Рождества Богородицы въ г. Мезени.

Манджуры—кто такіе и гдѣ они?

Выясненіе точнаго значенія словъ «Маньчжурія» и «маньчжуръ», полагаю, имѣетъ интересъ для насъ, русскихъ, уже по тому, что изъ всѣхъ странъ, которыми Китай на протяженіи 9.100 верстъ [1]) соприкасается съ Россіей, Маньчжурія является наиболѣе важной по значенію.

Самостоятельное употребленіе этого географическаго термина возбуждаетъ во многихъ представленіе о ней, какъ о странѣ, пользующейся нѣкоторою автономностью и находящейся съ Китаемъ какъ бы въ отношеніяхъ уніи или вассальной зависимости. Другіе же, и такихъ еще больше, представляютъ себѣ Маньчжурію какъ нѣчто національно самобытное, а потому и отличное отъ застѣнныхъ владѣній богдыхана. Всѣ географіи [2]) говорятъ о китайской имперіи, что она состоитъ изъ собственнаго Китая, Маньчжуріи, Монголіи и Тибета. Такое отдѣленіе Маньчжуріи отъ собственно Китая и сближеніе ея съ Монголіей и Тибетомъ имѣло еще нѣкоторый смыслъ до введенія въ Маньчжуріи гражданской администраціи Въ 1876 [3]) же году было введено гражданское управленіе въ Мукденской провинціи; въ 1878 г. та же реформа была произведена и во второй, Гиринской, провинціи Маньчжуріи; вскорѣ затѣмъ и сѣверная, Хэйлунцзянская, провинція была устроена по образцу первыхъ двухъ. Послѣ этихъ реформъ Маньчжурія стала отличаться отъ провинцій внутренняго Китая только тѣмъ, что въ ней остались еще не упраздненными прежнія военно-административныя учрежденія, такъ какъ среди населенія ея много военнообязанныхъ. Правда, эта страна представляетъ окраину китайской имперіи, гдѣ всего лишь какихъ нибудь 25 лѣтъ какъ разрѣшена оффиціально [4]) китайская колонизація. Но если мы примемъ во

[1]) Леерь. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Томъ VI. Выпускъ III, стр. 386.

[2]) Elisée et Onesime Reclus. L'empire du milieu. Paris 1902.—Новѣйшее популярное сочинненіе о Китаѣ, трактуетъ лишь о провинціяхъ внутренняго Китая, ничего не упоминая о Маньчжуріи, хотя эта страна и находится въ тѣсной связи съ ост. имперіей.

[3]) Барабашъ. Записка о Маньчжуріи (по даннымъ, добытымъ при поѣздкѣ въ Гиринь въ 1882 г.). Сборникъ матеріаловъ по Азіи, выпускъ I, изд. Военно-ученаго комитета 1883 г. стр. 107.

[4]) Путята. Записка о запрещеніи китайцамъ селиться на маньчжурскихъ земляхъ.

вниманіе, что окитаеніе [1]) Маньчжуріи началось еще до завоеванія Серединной имперіи маньчжурами, и что нынѣшняя маньчжурская династія, владѣя китайской имперіей по праву силы, должна была для поддержанія своего престижа съ самаго начала размѣщать по многочисленнымъ и многолюднымъ китайскимъ городамъ вѣрные ей маньчжурскіе отряды, то станетъ понятнымъ, что страна уже давно стала терять свою этнографическую обособленность [2]).

«Въ случаѣ войны или народнаго мятежа, когда требовалось увеличить императорскія войска, постояннымъ источникомъ комплектованія ихъ всегда служили оставшіеся въ Маньчжуріи маньчжуры. Подобнымъ образомъ лучшіе и наиболѣе способные изъ маньчжуръ уже издавна навсегда уходили изъ страны, а на мѣсто ихъ мало по малу стали являться тысячи и десятки тысячъ выходцевъ изъ Чжи-ли, Шаньси и другихъ ближайшихъ провинцій сѣвернаго Китая. Выходцы эти въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходили въ Маньчжурію холостыми и, водворившись въ ней окончательно, женились на маньчжуркахъ. Происходившія отъ подобныхъ смѣшанныхъ браковъ дѣти становились уже совершенными катайцами. James, производя наблюденіе надъ маньчжурами солдатами, установилъ внѣшнія отличительныя черты маньчжурскаго типа. Meadows, человѣкъ весьма наблюдательный, но видѣвшій маньчжуръ только въ (Мугденской) провинціи, ближайшей къ собственному Китаю, утверждаетъ, что во внѣшнихъ физическихъ чертахъ положительно не видно никакой разницы между маньчжуромъ и уроженцемъ сѣверныхъ провинцій Китая. Рихтогофенъ свидѣтельствуетъ, что, путешествуя по Маньчжуріи, онъ неоднократно принималъ за китайцевъ лицъ, которыя считали себя маньчжурами, какъ впослѣдствіи оказывалось изъ вопросовъ».

Позволю себѣ привести также и свои собственныя наблюденія, явившіеся плодомъ пятилѣтняго пребыванія въ Китаѣ, изученія китайскаго языка и постояннаго общенія съ туземцами. Ни на Квантунѣ, который я изъѣздилъ весь при сборѣ податей въ 1899 г., ни въ южной и средней Маньчжуріи, гдѣ во время военныхъ дѣйствій мнѣ пришлось сдѣлать верхомъ около 3.000 верстъ, нигдѣ я не встрѣчалъ другого типа кромѣ китайскаго.

Въ сѣверной, хейлунцзянской, провинціи Маньчжуріи встрѣчаются мѣстности, гдѣ инородческое населеніе преобладаетъ надъ китайскими переселенцами. Тамъ находятся [3]): дауры орочоны, манегры, гольды и солоны, племена тунгузской крови, а потому и родственные маньчжурамъ. Солоны часто смѣшиваются съ маньчжурами по сходству ихъ языковъ, а также и потому,

[1]) В. Горскій. Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дожа. Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ.

[2]) Описаніе Маньчжуріи. Подъ редакціей г. Позднѣева.

[3]) См. Зиновьевъ. «Пріамурскія Вѣдомости» № 102—1895. Кириловъ, стр. 73, 123, 237, 378. Рубиновъ, стр. 54, Стрѣльбицкій, стр. 40, Овсяный, стр. 40.

что они, какъ и послѣдніе, обязаны военной службой въ восьми знаменахъ (па ци). Въ сѣверо-западной части Маньчжуріи, смежной съ Монголіей, кочуютъ, въ небольшомъ числѣ, принадлежащіе къ монгольскому племени буряты, чипчины и элёты [1]). По долинамъ рѣкъ Ялу-цзяна, Тумынь-ула и ихъ притоковъ, т. е. въ зонѣ Маньчжуріи, пограничной съ Кореей, живутъ корейцы. Изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Маньчжурію наиболѣе многочисленными являются китайцы и совершенно окитаевшіеся маньчжуры, въ наиболѣе же крупномъ изъ остальныхъ инородческихъ племенъ, обитающихъ по окраинамъ страны, въ корейскомъ едва ли насчитывается болѣе 50 тысячъ душъ обоего пола [2]).

По мнѣнію James [3]), на долю маньчжуровъ приходится изъ всего населенія Маньчжуріи не болѣе 5%. Между тѣмъ по справкамъ, собраннымъ Д. В. Путятой [4]) на мѣстѣ 15 лѣтъ тому назадъ, главнымъ образомъ у служащихъ лицъ, маньчжурское населеніе составляло въ то время въ Гиринской провинціи 71% и въ хэйлунцзянской 29%, а слѣдовательно, во всей Маньчжуріи по меньшей мѣрѣ 30%.

По поводу этихъ чиселъ, а также и самыхъ названій маньчжуры и Маньчжурія слѣдуетъ замѣтить, что китайцы статистики движенія населенія не ведутъ, и названія «Маньчжурія и Маньчжуръ» у нихъ не употребляется. Свѣдѣнія о численности китайскаго населенія, почерпываемыя обыкновенно изъ податныхъ списковъ, весьма не полны, потому что:

1) подушная подать (жэнь-динъ) вносится лишь частью населенія и при томъ не лично, а за извѣстное число семействъ (дворовъ);

2) податные списки содержатъ въ себѣ главнымъ образомъ указаніе лишь на незначительное, сравнительно со всѣмъ населеніемъ число лицъ, за которыми числятся земельные участки;

3) и населеніе и администрація имѣетъ свои основанія стремиться къ тому, чтобы въ податныхъ спискахъ число плательщиковъ не увеличивалось безъ особо побудительныхъ причинъ.

Военно-обязанное населеніе состоитъ на учетѣ, но послѣдній не отличается точностью и систематизаціей. Поэтому выводъ какихъ-либо процентныхъ отношеній въ населеніи Маньчжуріи представляется дѣломъ почти совершенно лишеннымъ документальныхъ основаній.

Что же касается слова Маньчжурія, то оно въ китайцѣ никакого пред-

---

[1]) Стрѣльбицкій, стр. 40, Овсяный, стр. 84, 85.

[2]) Описаніе Маньчжуріи подъ ред. г. Позднѣева.

[3]) James. The long white Mountain.

[4]) Отчетъ о путешествіи въ Маньчжурію въ 1888 г. Сборникъ матеріаловъ по Азіи, выпускъ XXXVIII. Изд. Военно-ученаго комитета Главнаго штаба, 1889 г.

ставленія не вызываетъ. Маньчжурія по китайски называется Дунь-сань-шэнъ (три восточныхъ провинціи) или Гуань-дунъ-сань-шэнъ (т. е. три провинціи къ востоку отъ прохода Шань-хай-гуань). Китайское слово Маньчжоу, изъ котораго и образуются употребляемыя нами слова Маньчжурія и маньчжуръ, является въ китайскомъ языкѣ архаизмомъ и понимается какъ историческій терминъ. Въ первый разъ это названіе встрѣчается въ исторіи Китайской и Корейской въ 1430 году. Нурхачи (род. 1553), родоначальникъ настоящей Маньчжурской династіи, утвердилъ за своимъ домомъ названіе Цинъ, т. е. чистый. Послѣднее названіе и замѣнило устарѣвшее Мань-чжоу [1]). „Маньчжурскій языкъ, говоритъ „Описаніе Маньчжуріи", въ настоящее время сталъ языкомъ почти мертвымъ, на немъ говорятъ только при китайскомъ дворѣ, да кромѣ того развѣ 10% наличныхъ въ Маньчжуріи природныхъ маньчжуръ. Что касается маньчжурскаго письма, то оно въ такой степени забыто среди населенія страны, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ для обученія ему въ Гиринѣ солдатскихъ (?) дѣтей, пришлось выписать двухъ учителей изъ Пекина".

Въ разъясненіе этой выдержки изъ почтеннаго труда, изданнаго Министерствомъ Финансовъ подъ редакціей г. Позднѣева, слѣдуетъ добавить, что при дворѣ Маньчжурскій языкъ употребляется, лишь когда этого требуетъ этикетъ, обыкновенно же богдыханъ, князья и дворъ говорятъ на китайскомъ языкѣ. Этотъ фактъ настолько извѣстный, что всякій китаецъ и европеецъ, жившій въ Пекинѣ, подтвердитъ это. Представляясь два раза богдыхану, я лично имѣлъ случай убѣдиться, что при дворѣ обычный языкъ китайскій. Князья, сановники, дворцовые чины и прислужники говорили съ нами и между собой исключительно по китайски. Кругомъ насъ слышалась только китайская рѣчь. Маньчжурскую рѣчь мы услыхали, лишь когда предстали предъ трономъ богдыхана. Такъ въ одномъ изъ представленій рѣчь декана дипломатическаго корпуса въ Пекинѣ, американскаго посланника г. Демби (Demby), сказанная по англійски, была переведена по китайски старшимъ драгоманомъ Россійской дипломатической миссіи П. С. Поповымъ, а затѣмъ доложена богдыхану старшимъ изъ князей Гунъ-цинь-ваномъ на маньчжурскомъ языкѣ. Богдыханъ также отвѣчалъ по маньчжурски, а затѣмъ этотъ отвѣтъ былъ переведенъ Гунъ-цинь-ваномъ на китайскій языкъ и переданъ П. С. Попову, который перевелъ его по французски. Въ другомъ случаѣ, въ маѣ 1897 г., князь Э. Э. Ухтомскій, вручая богдыхану письмо Государя Императора, говорилъ, обращаясь къ сыну Неба, по русски, а затѣмъ его рѣчь такимъ же порядкомъ была переведена по китайски и доложена богды-

[1]) П. Е. Поповъ. Китайско-русскій словарь, ч. I, стр. 388.

хану на маньчжурскомъ языкѣ. Богдыханъ такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, отвѣчалъ по маньчжурски, и его отвѣтъ былъ переданъ Гунъ-цинь-ваномъ по китайски. Архивы высшихъ государственныхъ учрежденій ведутся на маньчжурскомъ языкѣ; доклады, непосредственно представляемые богдыхану, по закону должны писаться исключительно по маньчжурски. Такимъ образомъ можетъ показаться, что императоръ Китая не знаетъ другого языка, кромѣ маньчжурскаго. Но оказывается, что въ обычной жизни, внѣ оффиціальныхъ пріемовъ и оффиціальной переписки, богдыханъ употребляетъ почти исключительно китайскій языкъ. Вопросъ, какимъ языкомъ обыкновенно пользуется Сынъ Неба, особенно интересовалъ секретаря Итальянской дипломатической миссіи въ Пекинѣ, барона Guido Vitale, и онъ, подробно изслѣдуя этотъ вопросъ, долженъ былъ придти къ убѣжденію, что нынѣшній Императоръ Китая пользуется маньчжурскимъ языкомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, указываемыхъ придворнымъ этикетомъ, и при томъ владѣетъ этимъ языкомъ не вполнѣ свободно. На вопросъ, предложенный барономъ Витали дядѣ императора Гунъ-цинь-вану, на какомъ языкѣ обыкновенно говоритъ царствующій богдыханъ, послѣдній отвѣчалъ: „по китайски“.

Административныя учрежденія Маньчжуріи и Монголіи, слѣдуя архаическимъ традиціямъ, ведутъ оффиціальную переписку на маньчжурскомъ языкѣ, но съ приложеніемъ китайскаго текста, которымъ собственно и руководятся. Сношенія китайцевъ съ нашими пограничными властями должны вестись, по буквѣ устарѣлыхъ дипломатическихъ соглашеній, также на маньчжурскомъ языкѣ. На практикѣ же къ маньчжурскому тексту всегда присоединяется китайскій, и зачастую должность переводчика маньчжурскаго языка при пограничныхъ коммисарахъ замѣщается лицами, которыя, кромѣ русскаго, знаютъ только китайскій языкъ.

Въ Пекинскомъ университетѣ маньчжурскій языкъ преподается, какъ иностранный, наравнѣ съ европейскими языками. Высшія оффиціальныя учрежденія, а также ямыни (канцеляріи) Монголіи и Маньчжуріи въ случаѣ надобности пополняются знатоками маньчжурскаго языка изъ Пекина.

Относительно упомянутаго указанія „Описанія Маньчжуріи“, что по маньчжурски говорятъ не болѣе 10% наличныхъ въ Маньчжуріи маньчжуръ, слѣдуетъ напомнить, что:

1) всякаго рода статистическія свѣдѣнія о населеніи Китая весьма гадательны,

2) что китайцы не выдѣляютъ маньчжуръ въ особую группу, какъ это дѣлаютъ европейскіе этнографы,

3) что нигдѣ въ населеніи Маньчжуріи не слышно маньчжурской рѣчи

Никто [1]), кого я не разспрашивалъ, не могъ мнѣ указать на существованіе въ Маньчжуріи и вообще гдѣ-либо въ Китаѣ лицъ, для которыхъ Маньчжурскій языкъ былъ бы роднымъ. А потому подсчетъ процента говорящихъ на этомъ языкѣ представляется мнѣ дѣломъ весьма затруднительнымъ, а указываемая въ цитируемомъ трудѣ цифра лишенной всякаго основанія.

Китайцы, не признавая этнографической обособленности маньчжуръ, дѣлятъ себя на двѣ соціальныя группы [2]): Ци — (знаменные или военнообязанные) и минъ (народъ). Возникновеніе этого дѣленія относится ко времени завоеванія маньчжурами Китая. Въ первую группу вошли всѣ маньчжуры, а также китайцы и монголы, содѣйствовавшіе маньчжурамъ въ завоеваніи Китая. Вторые, минъ, составились изъ покоренныхъ китайцевъ. Ци обложены меньшими податями; получивъ значительно большіе земельные надѣлы и права на достиженіе ученыхъ званій и служебныхъ должностей, они были обязаны военной службой и выдѣлились такимъ образомъ въ соціальную группу, особенно покровительствуемую правительствомъ, а потому и особенно обязанную ему. Такимъ образомъ дѣленіе на ци и минъ хотя и выросло на почвѣ племенной розни, но имѣетъ чисто соціальное значеніе.

Невозможность точно опредѣлить эти термины безъ знанія китайской письменности и невѣжество большинства переводчиковъ, какъ китайцевъ, такъ и русскихъ, повидимому, были причиной того заблужденія, въ которое впалъ извѣстный изслѣдователь Маньчжуріи Д. В. Путята. Изъ оффиціальныхъ источниковъ онъ получилъ свѣдѣнія, близкія къ дѣйствительности, о числѣ ци, т. е. военно-обязанныхъ, которые и были приняты имъ за маньчжуръ. Что же касается James [3]), то приведенныя имъ цифры, по всей вѣроятности, ни на чемъ другомъ не обоснованы, какъ на поверхностномъ наблюденіи.

Резюмируя вышесказанное, я позволю себѣ придти къ заключенію, что слѣдуетъ признать фактъ административнаго и этнографическаго единства Маньчжуріи съ внутреннимъ Китаемъ. На вопросъ же, существуютъ ли маньчжуры, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно.

„Необходимо признать,—говоритъ Описаніе Маньчжуріи, за безусловный фактъ, что маньчжуры успѣли къ настоящему времени окитаиться, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь частностей, въ отношеніи всѣхъ сторонъ своего быта, точно также и въ отношеніи языка“.

---

[1]) По словамъ г. Ладыгина, сопровождавшаго капитана Козлова въ его послѣдней экспедиціи въ Тибетъ, маньчжуры встрѣчаются въ Западной части Китая, въ такъ называемомъ китайскомъ Туркестанѣ. Но не принимаетъ-ли г. Ладыгинъ за маньчжуръ племена Солонъ, которыя дѣйствительно тамъ находятся и несутъ военную службу въ восьми знаменахъ (па—ци).

[2]) Русскій Китай. «Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія. П. Россовъ.

[3]) The long white Mountain.

Другой изслѣдователь Маньчжуріи, генер. шт. полковникъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ) Барабашъ, наблюдавшій населеніе ея на мѣстѣ, отзывается еще болѣе категорически:

Маньчжуры, пишетъ онъ, давно уже утратили всѣ свои національныя особенности, начиная съ языка, уступившаго мѣсто китайскому, и кончая мелкими подробностями образа жизни [1]).

Какъ извѣстно, понятіе о націи слагается изъ трехъ данныхъ: обособленности физическаго типа, языка и территоріи, ею занимаемой. Маньчжуры, какъ указано выше, потеряли особенности своего физическаго обличія; языкъ ихъ сталъ мертвымъ; нѣкогда обособленная страна ихъ въ этнографическомъ и административномъ отношеніяхъ слилась съ собственнымъ Китаемъ.

Такимъ образомъ можно съ полнымъ основаніемъ и твердой увѣренностью сказать: „Маньчжуровъ больше нѣтъ", а потому и названіе „Маньчжуръ" не должно нынѣ быть употребляемо для обозначенія какого нибудь этнографическаго типа.

***

---

[1]) Барабашъ, Записка о Маньчжуріи. Сборникъ матер. по Азіи. Вып. I, стр. 26.

ОТДѢЛЪ II.

Областныя слова Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи [1]).

(Деревня Юрцино, Орѣхинская волость. Записаны въ 1901 году).

Б.

Ба̀ска, и, ж. Денная кофта въ талію. Иначе—каза̀къ,

Безпереводный, ая, ое. Непереводящійся; то, что не переводится. «У насъ куры безпереводныя».

Бого̀вникъ, а, м. Божница, полка, гдѣ стоятъ иконы.

Бо̀говый, прилаг. отъ сл. Богъ. Боговая старушка—убогая, Божья старушка. Боговое масло—масло отъ лампадки, что у иконы.

Божа̀тка, и, ж. Крестная мать.

Большакъ, а̀, м. Бо̀льшій гдѣ либо, въ чемъ-либо. «У меня Ванюха большакъ», т. е. старшій изъ дѣтей.

Бринь, нескл. См. Сендеври.

Брю̀хо. Брюхо хлѣбъ всегда разыщетъ (погов.).

Бу̀рмосить, сю, сишь, ситъ, симъ, сите, сятъ. Говорить во снѣ, бредить. Мальчёнка вашъ штой-то во сня̀хъ бурмоситъ.

Буха̀ра, ы, ж. Пчела.

Бѣлотѣлецъ, льца, м. Имѣющій бѣлое тѣло. «Наши ярославцы-бѣлотѣльцы, красавцы: пудъ мыла извели, родимаго пятна не свели».

Бѣля̀вка, и, ж. Раст.: Пикульникъ длинноцвѣтный (Galeopsis Ladanum L.).

В.

Весёлка, и, ж. См. Мутовка.

Возмужѣть, ѣю. 1) Возмужать.

2) Стать здоровымъ, поздоровѣть.

Выкланя̀ться, яюсь. Съ дат. падеж. Кланяться.

Вы̀дребаться, аюсь. Выпачкаться. *Дѣфка какъ по грязи шла, дакъ вся выдребалась.*

Вы̀жига, и, ж. Земля, на которой выжженъ лѣсъ.

Гдѣ пашете?—«На выжигѣ».

Вы̀модѣть, ѣлъ. Изболѣться, захирѣть.

---

[1]) Въ этотъ перечень вошли слова наиболѣе интересныя, т. е. не вошедшія въ словарь Даля, либо вошедшія, но не съ тѣмъ значеніемъ.

Долю то фъ городи жила?—«Два годка»... Ну и вымодѣла! См. Модѣть.
Вы̀тьница, вытьни̇̀ца, ы, ж. Женщина, умѣющая выть, причитать.
Вѣковѣчный, ая, о. Вѣчный.

Г.

Годѐнскій. Въ выраженіи: «годъ-годенскій»—цѣлый годъ.
Годови̇̀къ, а̀, м. Имѣющій отъ роду годъ; годовалый. «Мальчикъ—годовикъ». Велика у тебя дочка?—Нѣ, годовикъ!
Гонобо̀бель, я, м. Какое-то ягодное растеніе.
Гора̀здо, нескл. Очень, сильно.

Что гораздо у тебя, голубушка,
Скоры ноженки да подходчивы... (причетъ)

Гото̀вникъ, а, м. Ягода синяго цвѣта съ маленькими желтыми косточками, поспѣвающая раньше другихъ ягодъ.
Грохотѣ̀ть. Грохочу̀, грохотѣ̀лъ. Гремѣть.
Телѣга по улици грохотитъ. Гармошка грохотѣть зачала̀.

Д.

До̀дка, и, ж. Папироса.
Додо̀ня, и, ж. Папироса.
До̀лжный. «Что бережно, то и нѐдолжно»—погов.
Дрю̀чить, чу, чишь. Спать. *Довольно вамъ дрючить-та!*
Дѣво̀чка, и, ж. 1) Вообще дѣвочка.
2) Молодая дѣвушка.

Ж.

Жела̀нчикъ, а, м. 1) Милый, желанный, любимый человѣкъ.
2) Любовникъ. «*Желанчикъ не процалованный*», ибо та, которая его любитъ, никакъ не можетъ нацѣловаться съ нимъ.
Ср. въ Сборн. Панкр. (Терск. обл.):

«Было у братца три сестрицы,
Три сестрицы жела̀нницы».

Желанницы, по его объясненію (стр. 126),—жалѣвшія. Кажется, вѣрнѣй будетъ такъ: милыя, желанныя. Желанница въ прямой связи съ желанчикъ (ср. жела̀нный).
Жадю̀га, и, общ. Жадный человѣкъ. *Это ты, жадюга!* (Ср. Такой жадай былъ, что какъ увидитъ монету, даже словно обезпамятѣетъ весь. Салт. Невин. разск.).
Жукъ. «Въ чужихъ людяхъ—жукъ и то мясо!» (погов.).

З.

Забу̀рмосить. Начать бурмосить (См. сл.). *Бабушка опять забурмосила.*
Заворо̀вывать, перех. Совершать первое для извѣстнаго періода времени воровство; дѣлать починъ въ воровствѣ для дальнѣйшей удачи.—*На Пасху и Благовѣщенье воры заворовываютъ*, ибо, по поговоркѣ, «какъ Благовѣщенье проведешь, такъ и весь годъ».

Завшивѣть. Обзавестись вшами.

Мальчёнокъ завшивѣлъ (Ср. Развѣ возможно... въ баню не ходить...

Вѣдь этакъ ты насъ всѣхъ обовшивишь. Саловъ. Смерть модистки).

Завѣнчивать, (Завѣнчать), перех. Обрядомъ вѣнчанія дѣлать что-либо неизмѣннымъ, на вѣки нерушимымъ.

Когда на вѣнчающихся надѣваютъ вѣнцы и священникъ говоритъ: «Вѣнчается рабъ Божій»..., то женихъ, крестясь, тихо говоритъ: «*Буйну голову вѣнчаю, а скорби и болѣзни не завѣнчиваю*». Невѣста же въ это время тихо говоритъ: «*Мнѣ родить, а мужу мучиться*». Вѣрятъ, что если женихъ и невѣста вѣнчаются, будучи чѣмъ-либо больны, то ихъ болѣзни никогда не пройдутъ.

Загрохотѣть. Начать грохотѣть (см. сл.).

Закартомить. Дѣйств. соверш. къ глаг. картомить (см.).

Закоковать. Начать коковать (см. сл.).

Закомелистый, ая, ое. Имѣющій развитой, утолщенный комель, рѣзко утончающійся на небольшой высотѣ отъ земли.

Закомѣльный, ая, ое. То же, что закомелистый.

Закукать, перех. Сильно приколотить. См. кукать.

Закурить, неперех. Запить запоемъ; загулять; закутить.

Закурныкать. Соверш. видъ къ гл. курныкать (см.).

Закустье и закустье, ья, ср. Мѣстность, мѣсто за кустами, позади кустовъ.

Я ходилъ по закустью да зайцевъ сторожилъ.

Закутыкать Соверш. видъ къ гл. кутыкать (см.).

Залёжный ая, ое. 1) Старый, залежалый. *Егоръ сказывалъ, что у него залежнаго зерна немного есть.*

2) Лишній. *У дяденьки моево залежныя деньги были.*

Залётный, ая, ое. 1) Случайно или на короткій срокъ залетѣвшій.

2) То же о человѣкѣ (съ оттѣнкомъ: милый, желанный). Залётный ты, залётный, милый мой. (Пѣсня).

А, пташечка залётная, какъ живешь?

Залепетаться. Заговориться, заболтаться, завраться. *Какъ пошла намъ странница разсказывать, такъ такія ужасти... и—и! Совсѣмъ залепеталась.* См. лепетать.

Заливать (залить) глаза, бѣльма—угощать, поить виномъ, водкой; задобрять кого такимъ угощеніемъ. *Будя ужъ хвалить его. Знаемъ: онъ тебѣ глазища залилъ*

Также: напиваться пьянымъ. *Съ самаго утра зенки* (бѣльма) *залилъ... здорово!*

Заливать—пьянствовать. *Петройка ихній шибко заливаетъ.*

Заливать—много врать, завираться. *Ты дѣло говори, а не заливай.*

(въ двухъ посл. случаяхъ глаголъ неперех.).

Заливаться (залиться). О быстромъ движеніи: бѣжать и т. п.

Я было побёгъ за зайцемъ а онъ какъ зальётся...

Заливной дождь—проливной дождь.

Заливоха, и, общ. Кто много вретъ.

Залишекъ, шка, м. Излишекъ.

Залишній, яя, ее. Излишній.

Залишней птицы у насъ нѣтъ.

Залобокъ, бка, м. Фронтонъ у крестьянскихъ построекъ.

Залогъ, а, м. Земля, никогда не паханная. *Залогъ подымать.*

Залой, я, м. См. Намой.

Залупать (залупить). 1) Задирать, заворачивать.

Ногтъ залупила. Залупила платье выше головы.

2) Запрашивать очень дорого. *Больно дорого ужъ залупилъ! Уступи маненько!*

Залупаться (залупить). Заворачиваться, загибаться.

Залучать (залучить). Заманивать, завлекать.

Залучала сокола, удалого молодца!

Залущить. Начать лущить (см.).
Залѣсица, ы, ж. Пространство замли, лежащее за лѣсомъ.
Залѣсье, ья, ср. Пространство за лѣсомъ. *Косили по-подъ залѣсью.*
Залѣтный, ая, ое. Престарѣлый. *Залѣтная невѣста*—дѣвушка, выходящая изъ лѣтъ замужества. См. Перелѣтовый.
Залюбить. 1) Начать любить. 2) Взлюбить.
Заля̀дащій, ая, ее Хилый, хворый, болѣзненный. *Изболѣлась видно. Залядащая стала.*
Залядѣть, ѣю. Заболѣть, захирѣть *Шаговъ пять пройду, и духъ займётся: вотъ до чего заля̀дѣла.*
Замазу̀ля, и, общ. Неопрятный, запачканный.
Замолòться. Наговорить много вздора, завраться.
Замануть. Заманить куда-либо. *Онъ заманулъ её въ лѣсъ по ягодки.*
Заматерить. Начать бранить матерно.
Заматериться. Заматерщинничать (ся)—начать браниться матерно.
Заматюг(к)ать. 1) Начать браниться матерно. 2) Изругать матерно.
Заметюкнуть. Выругать матерно.
За̀мерекъ, а, м. Первый снѣгъ въ самомъ началѣ зимы.
Заметѐлить. Начать метелить (о метели). Безл.: *Заметѐлило*—началась вьюга.
Заметѐлистый, ая, ое. Съ частыми метелями.
За̀метель и заметѐль, и, ж. Вьюга, метель.
Замилой, ая, ое. Очень милый, любимый.

Павлуха у насъ замилой человѣкъ.

Употр. и какъ существ.

Ахъ, ты, замилой! Погостить пріѣхалъ?

Замиря̀ться (замириться). Мириться, заключать миръ. Употр. и съ пред. на. *Они замирились на этомъ... на часъ времени...*
Заморòчить. 1) Начать морочить. 2) Обморочить.
Замòрушекъ, шка, м. Заморышъ.

Былъ у нихъ только курчонокъ, не курчонокъ, а такъ... заморушекъ.

Замстило, безл. Забылось, не вспоминается.

Вѣрно не скажу тебѣ, стара стала: замстило.

Замуравѣть, ѣлъ. Начать покрываться маленькою густою травкой.
Замусля̀кать. Замуслить, заслюнявить.
Замѣна, ы, ж. Что либо, могущее въ извѣстномъ отношеніи сойти за другое. *Борода не вреда̀, а глазамъ замѣна* (погов.).
Занапра̀сный, ая, ое. Напрасный, тщетный, безрезультатный.

Нарѣч.: *Занапра̀сно* «Занапрасно, мальчикъ ходишь,
Занапрасно ножки бьешь: Ничего ты не получишь»... (пѣсня).

Занарòкъ, нарѣч. Нарочно, съ умысломъ.
Занòза, ы. переносно (общ.). Обидчивый, придирчивый, задорный человѣкъ.

Ты, видать, заноза! Ты парень—заноза. Дѣвка—заноза.

Заора̀ть, перех. Взрыть поле (землю) косулей (напр. передъ боронованіемъ его).
За̀панъ, а, м. Женскій фартукъ.
Запѐстоватый, ая, ое. Въ серединѣ толстый, а на концѣ круто заостренный.
Заполу̀бѣть, ѣль. Затвердѣть, сдѣлаться жесткимъ.—*Дождя не было, земля и заполубѣла.*
Запросва̀тывать (Запросва̀тать). Уговариваться съ родными невѣсты (это дѣло свахи) объ условіяхъ брака, приданомъ и проч., а также «пропивать» невѣсту (дѣлается это въ домѣ невѣсты. Собираются гости, которыхъ угощаютъ. Невѣста причитаетъ). Иначе-справлять сговорки. «*Евгенюшку запросватали ужъ, а рукобитьё опосля будетъ*». Эта пирушка (сговорки, пропой, слово) и называется «*запросва̀танье*».
Запя̀литься. Начать смотрѣть выпуча глаза; начать смотрѣть пристально, упорно. «Ты чено на меня запялился?»

Заскóрбнуть, у. Безличн. Затвердѣть, стать жесткимъ.—*Полушубокъ совсѣмъ заскорбнулъ. Тряпка ночесь висѣла на морозѣ и заскорбла.*

Заскорýзнуть, улъ Зачерствѣть.

Пирокъ-та заскорузлый.

Засни́ха, общ. Соня.

Экій барчукъ у васъ! Вотъ засниха: до полудня дрыхнетъ!

Заспóриться, рюсь; рятся. 1) *Наши ребята какъ схватятся, да заспорятся, дакъ хоть изъ дома бѣжи.*.

2) Начать биться (удариться) о закладъ. *Заспорились они о трёшнѣ.*

Застрёха, и, ж. Конёкъ у избы.

Засѣвъ, а, м. Первый посѣвъ зеренъ, т. е начало сѣва, сѣянія. Засѣвъ дѣлаетъ мужчина или женщина. Выйдя «на полосу», крестятся, кланяются на четыре стороны и, бросая первую горсть зеренъ, говорятъ: «*Уроди, Боже, всѣмъ православнымъ христіанамъ*».

Засѣвáть (засѣять) перех.—дѣлать (сдѣлать) засѣвъ.

NB. Въ Кубанск. обл. въ этомъ же случаѣ говорятъ: «Уроди, Боже, жито, пашаницу и всякую ражницу».

Затирáть, (затерéть), перех. Здавливать, спирать чѣмъ-либо.

«*Затёрло Суворова съ пирогáмъ*»—(тв. пад.)—погов.—говорятъ, когда не поспѣваютъ сдѣлать что-либо.

— *Ахъ, рóдная, дѣла-та сколька! Еле поспѣишь! Затёрло Суворова съ пирогамъ!*

Затрепескáться, áюсь. Затрястись, затрепыхаться. *Я отъ смѣхý дакъ вся и затрепескалась...*

Зафы́ркать, аю. 1) Начать фыркать. 2) Начать огрызаться.

Захвáрывать (захварáть). Заболѣвать (Заболѣть).

«И отъ простуды захварываютъ».

Захилѣть. Стать хилымъ, захирѣть. *Совсѣмъ ты захилѣлъ... еле ходишь.* (Зам. Не знаю, соберусь ли съ силами написать къ Б. Я., такъ морально и интеллектуально охилѣлъ. А. Турген. «Хрон. русскаго» Современ. 1836 г. Г).

Захлебáться, аюсь. Захлебнуться. *Я на рѣчкѣ чуть ле утопла: совсѣмъ былó захлебалась.*

Захломости́ть, мощý, мостя́тъ, перех. См. хломостить.

Заходи́ть. Случаться. *Въ чемъ тутъ грѣхъ зашелъ?*

Зацáпать и зацапáть, перех. Замуслявить, захватать, запачкать руками (отъ чего-либо грязными).

Зачинáть, перех. Начинать. *Зачинай, Митрій, пѣсню, а мы ужъ подтянемъ. Зачáть. Зачáла (зачалá) я это ужъ бѣлье мыть, глядь... тетка идетъ.*

(Ср. Иль то капли дождевыя
Зачинающей грозы? (Тютч., 100).

Зачинáться (Зачáться). Начинаться. (Ср. Зачинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ.
Ерш. К. горб.).

Зачумѣть. Одурѣть. *Намедни до того я въ печи напарилась, что былó ужъ зачумѣла.* (Ср. «30 верстъ отъ насъ карантинъ; выпрошу позволеніе отправиться туда, зачумѣю... Батюшк. Пис. Гнѣд. 1815 г.).

Зачýхать, перех. 1) Начать чуять. Собака зачухала штой-то. 2) Начать принюхиваться.

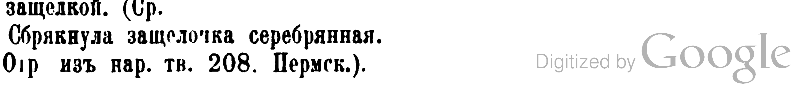
Защекоти́ть, кочý, кóтятъ; ти́шь, ти́тъ, тя́тъ.

1) Начать щекотать.

2) Защекотать.—*Баринъ ко мнѣ въ пóшевни закати́лся* (забрался) *да чуть меня дó смерти не защекоти́лъ.*

Защёлка, и, ж. Приспособленіе для удержанія дверей закрытыми, для запиранія ихъ; дверной запоръ. Уменьш.: *Защёлочка*, и Защёлкивать. *Защелкнýть дверь*—запереть ёе защелкой. (Ср.

Сбрякнула защелочка серебрянная.
(Шишонко. Отр. изъ нар. тв. 208. Пермск.).

Заявляться (заявиться). Показываться, объявляться, являться. *А, заявился! Давно тебя не было!* (Ср. Да и спросить не у кого... «Заявимся швейцару?»—Заявимся. Заточниковъ. Покрывало обм. Еж. Соч. 1900. XII).

Защелушить, перех. Начать лущить. *Дѣвочки сѣмячки защелушили.*

Заѣдать. Кромѣ обычнаго значенія: 1) о какой-либо ѣдкой жидкости—начать щипать. *У меня отъ уксусу руки заѣло.* 2) перех. Загрызать; изводить постоянными попреками, замѣчаніями. *Меня свекровь заѣдаетъ... Поѣдомъ ѣстъ... Она меня совсѣмъ заѣла.*

Заѣсться. 1) Ведя праздную сытую жизнь, излѣниться. *Матрена, какъ была въ дѣвкахъ, такъ работала, а теперь ничего не дѣлаетъ: заѣлась!* 2) Заважничать отъ сытой, лѣнивой жизни. *Ишь, теперь къ намъ глазъ не кажетъ... заѣлся!*

Звонкій, ая, ое. О звукѣ: 1) высокій по своему тону, пронзительный. *Звонкай у тебя голосокъ-та!*

2) Громкій, сильно звучащій (имѣется въ виду сила звука). *Мать моя, голосище-то какой звонкай!* (Ср.

Голосъ мой не звонкой.

Луж. Велик. н. п. III. 357.

Звонкіе ладони: Курск. Тамъ-же. Терск. Сб. 1891 г.

...Прядаетъ фонтанъ надъ звонкими камнями.

Фофан. Больная.

..Сочатся звонкіе ключи.

Фоф. Монологи, 49)

Звонко, прилаг.-сказ. (въ обоихъ знач.). «*А и звонко же онъ поётъ. Звонко по мордѣ его вдарилъ.* (Ср.

Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила.

Самар. Вел. н. п. I, № 452.

Дѣлали гусельцы звонко на звонко.

Рукоп. Сборн. Публ. Библ. XVIII в. № 57.

Ѣхалъ грушникъ и звонко кричалъ: «Са-адова-ай»... Горькій. Трое. Онѣ звонко расцѣловали Ольгу Алекс. Гиппіусъ. Смиреніе).

Звончѣй. Сравн. ст. *Да вы, дѣвочки, пѣсню-та звончѣй пойте!..* (Звончѣй: Курск. Вел. я. п. II, 487.

Сопоставь:

И звенѣлъ раскатъ
Соловьевъ ночныхъ...

Фоф. Разлука.

Подъ полозьями звенѣлъ снѣгъ. В. Успенск. Странники. Жизнь, 1901 г. (Настя) такъ бывало и звенитъ какъ птичка. Тамъ-же. (Вѣтеръ) плачетъ въ печныхъ трубахъ, звенитъ дождемъ въ окна. Гнѣд. Рабъ.

Звонить. Кромѣ обычн. знач. еще: съ вин. п. или предл. о, проболтать. *Буде тебѣ глупости-та звонить. Онъ гораздъ обо всёмъ звонить; языкъ-та у него во какой длиннай...* (Замѣть:

Что за рѣчушкой за быстрою
Во новой звонъ бьютъ?

Гроецк. Варш. Г. В. 1891 г.).

Звѣздушка, и, ж. Уменьш. отъ сл. звѣзда.

Эти звѣздушки сила наша...

(Зам. Гроецк. Варш. Г. В.).

Здоровёхонькій, ая, ое. Очень здоровый. *Мальчикъ у насъ здоровёхонькій.* (Здоровёхонькій: Пѣсен. 1821 г., III. 216).

Здоровёшенькій, ая, ое. Очень здоровый. *Она здоровешенька... Чего ей сдѣлается-та отъ того, што съ воза упала!* (Здоровёшенькій: Пѣсен. 1780 г. III, 96. Олон. Г. В. 1868, № 24. Волог. Сб. IV. 355).

Здорóвый. ая, ое. 1) Обладающій хорошимъ здоровьемъ. *Здорово*—прилаг.-сказ. *Ты водку не пей: тебѣ это не здорово.* Какъ привѣтствіе при встрѣчѣ: *Здóрово старикъ! Здорóвѣе*: сравнит. ст. *Онъ здорóвѣе меня.* (Сравни:

Здорово-ль ночку ночевала...

Курск. Вел. н. п. II. 565.

Здорово, сестрица, здорово!

Ib. Кур., Дон., Волог., Самар., Олон. 4, 3, 562, 561, 560.

Только что пообѣдалъ: сидѣть не здорово, запрещено. Станк. Пис. Невѣрову 37 г. Душевно желаю, чтобы вы и М. К. здорово и весело кончили свое лѣченіе... Станк. пис. К. 39 г. Здорово ли у васъ? Какъ ты поживаешь? Батюшк. Пис. Гнѣд. 1808 г.

Я прихожу домой здорóвѣй,
И ночью снится Клара Штихъ.

Станк. пис. брату, 38 г.)

2) Большой, оказывающійся не по силамъ. *Этотъ дрюкъ та здоровый: я его не стащу. Здóрово*: прилаг.-сказ.—со значеніемъ: сильно, крѣпко, хорошо. *Здорово онъ меня въ ухо треснулъ. Хорошо скупались?—Здóрово!* (Ср. Сонька уроки даетъ. Она—здóрово! Рублей по 12 въ мѣсяцъ приноситъ. Горькій. Трое.).

Здýмать. Вздумать, задумать, надумать. *Здумалъ онъ въ городъ поѣхать.*

Зѐкалки, локъ, ж. Глаза; То же, что «бѣльма». *Чего зекалки та вылупилъ?*

Зѐнки, нокъ, м. То же значеніе.

«Ой, у друженьки
Рожа, какъ прясло!
Ой, у друженьки
Зенки, какъ склянки»

(или: «глазки, какъ салазки»).

Зимогóръ, а, м. Оборванецъ, босякъ. *Куда за него замужъ итти: онъ зимогоръ.* Уменьш.: *Зимогóрюшекъ, шка.*

Злóбиться, злóблюсь, злóбится (озлóбится, позлóбится). Сердится, питать злобу. *Чево жъ ты на меня злобишся?* (Ср. На всѣхъ злобясь... Нонѣ, братъ, народъ не прежній. Короленко. Въ гол. годъ. Арзамасъ).

Зря̀шный, ая, ое. Дѣлаемый зря, попустому, *Дѣло-та, я вижу, у васъ зряшное* (Ср. А вотъ, говорю, что зряшной ругани вашей не хочу больше слышать. Горькій. Ѳ. Горд. Замѣть: Да, можетъ, опись эта *зрящая?* Нужно посмотрѣть ее... Селезневъ. Хуторск. разск. Недѣля 94 г. III).

Зы̀кнуть. Издать громкій звукъ: громко крикнуть, свиснуть и т. п. *Я какъ зыкну, дакъ заяцъ изъ куста-та выскочилъ и отъ меня кубаремъ и пошелъ, и пошелъ..*

NB. У Горькаго (Трое): «Потомъ Петруха на меня какъ зыкнетъ! Ты, говоритъ!.. Гони, говоритъ, вонъ Ильку». «Чего тамъ не смѣла! зыкнулъ воевода». Полевой Госуд. Кречатникъ.

Зѣворóтка, и, ж. 1) Ротозѣйка. 2) Глупая, несмысленная, простая женщина.

Зю̀зя, и, общ. Простофиля. (Ср. Пинеж.: зюзя—пьяница; неряха. Слов. Подв.).

И.

Изматери́ть, рю, перех. Изругать матерно.

Изматерщѝнничать, аю, перех. Изругать матерно.

Изматерщѝнничаться. Привыкнуть ругаться матерно.

Измозóлить, лю, лять, лилъ. перех. Натереть мозоли. Измозолилъ руки. То же, что смозолить.

Изна̀чка, и, ж. Спина. *Мнѣ спать либо на боку, либо на изначкѣ.*

Индю̀ха, и, ж. Горделивая женщина.

К.

Казàкъ, à, м. Женская денная кофта въ талію. (Это слово, очевидно, въ связи съ сл. казакинъ).

Казàть, кажу̀, кàжутъ Показывать.—*Какъ я буду казать, дакъ глаза назадъ* (погов.). (Ср. Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія. Батюшк. Отр. изъ пис. о Финл.).

Казàться. Показываться. *Я ему три дни на глаза не казалась.*

Камо̀лый, ая, ое. Тоже, что закомѣлистый.

Картомѝть избу̀—приготовлять избу для «гулянья» (посидѣлокъ), которыя бываютъ съ Петрова дня до Покрова. Гуляютъ все время въ одной избѣ. Расходы несутъ парни. *Приходите, дѣвицы: нужно избу картомить* (Ср. въ Арханг. г.: ко(а)ртомѝть—отдавать, брать въ аренду. Отъ зырянскаго кортэмъ—залогъ, прокатъ Слов. Подв.).

Картòфельница, ы, ж. Кушанье: печеная картофель съ яицами и молокомъ (всё это запекается вмѣстѣ).

Картòфница, ы, ж. То же, что картофельница.

Картòшина, ы, ж. Увелич. отъ сл. картошка.

Катòкъ, тка, м. Землед. орудіе (тяжелый деревян. валъ; на ось котораго насажены оглобли), которымъ укатываютъ землю, напр., яровое поле послѣ того, какъ его заборонуютъ.

Кàтышекъ, шка, м. и катышòкъ. Круглый кусочекъ, шарикъ изъ чего-либо. Уменьш.: *Катышòчекъ*, чка.

Клàденый, ая, ое. Холощеный. Кладеный быкъ.

Клèщи, ей, м. Клещи.

Клокàтить, чу, тишь, тятъ. О волосахъ: путать, ерошить. «Не клокотать свою голову».

Клокàтиться. О волосахъ: сбиваться, путаться. *А ты чеши голову, а то клокатиться будетъ.*

Княжѝй (княжòй) столъ—первый «столъ» (обѣдъ) у новобрачнаго. Бываетъ обычно на второй день свадьбы (т. е. вѣнчанія). Если же онъ бываетъ въ одинъ день съ вѣнчаніемъ, то свадьбу зовутъ *«обыдённой»* (однодневной, въ одинъ день сыгранной).

Княжнѝца, ы, ж. Раст.: смородина красная

Кобы̀лище, и, ср. 1. Увелич. отъ сл. кобыла. 2. Бранное слово (относ. къ женщинѣ). *Чего ты, кобылище окаянная, орёшь!*

Коковàть, кокую. 1. О кукушкѣ: куковать. 2. Горевать, печалиться. 3. Говорить монотонно.

Колоснѝкъ, а, м. Жердь, положенная на переводахъ въ ригѣ. На колосникахъ сушатъ хлѣбъ.

Колòтикъ, а, м. Растеніе болотное или рѣчное; растетъ подъ камнями. Обряжая невѣсту къ вѣнцу, всыпаютъ этотъ сушеный «колотикъ» въ ея чулки или башмаки (отъ «порчи»). Иначе зовутъ (тутъ же)—*колòтина*, ы, ж.

Колупàть, перех. Задирать, заковыривать, отковыривать. Сов.: *колупну̀ть*.

Колупàться (колупну̀ться). Задираться, заковыриваться, отковыриваться. *У меня сѣмячки не отъ зада колупаются, а на денежки покупаются.*

Колѣ̀ть, ѣю. О скотинѣ: умирать. Корова колѣетъ.

Колѣ̀лый, ая, ое. Дохлый. Колѣлая лошадь.

Кòмель, я, м. Стволъ дерева. У растенія—стебель.

Комлевàтый, ая, ое. Закомельный (см. сл.).

Кому̀ха, и, ж. Лихорадка. (Ср. въ Онеж. у.: комòха—лихорадка. Слов. Подв.).

Конфу̀зъ. «*Фу-съ, какой конфузъ: съѣли арбузъ, отрыгнулось рѣдькой!*» погов. Говорятъ, когда вмѣсто чего-либо ожидаемаго получается совсѣмъ обратное.

Кончаться (кончиться). Кромѣ обычн. знач. еще: умирать. *Вчера чуть свѣтать начало, дѣдушка и кончился. До утра не дотянулъ.* (Ср. Онъ (выстрѣлъ) покатился въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Чеховъ. Свят. ночью).

Конь, м. То же, что конёкъ (у избы), застрёха.

Конюшенный щавель—конскій щавель.

Коробейщикъ, м. Тотъ, кто везетъ приданое невѣсты (везутъ его въ домъ жениха обычно на 2-ой день свадьбы).

Коровка, и, ж. Бѣлый грибъ.

Коровякъ, а, м. Дурной, скверный, а также безобразный человѣкъ. *Живучи на вѣку, придется дать и коровяку* (погов.).

Кориха, и, ж Корь. У ребенка-то кориха.

Корявый. ая, ое. 1. Шероховатый, съ сучками, не гладкій. 2. О лицѣ: не чистое, съ рябинами, болячками и т. п. *Что корявые, рябые—мои други всё милые...* (пѣсня).

Косокъ, ска, м. Косой уголъ, кусокъ чего-либо.

Косочекъ, м.—уменьш.

Косуля, и, ж. Землед. орудіе: плугъ съ косымъ лезвіемъ (отрѣзомъ). Имъ «орютъ» землю. Потомъ её боронуютъ. См. Лемехъ.

Косынька, и, ж. Ласкат. отъ сл. коса.

Не бери ты, моя голубушка,
Да мою да русу косыньку...

(Изъ причета).

Косякъ, а, м. Подоконникъ. Оперлась я на косякъ, гляжу въ окошечко...

Кочень. Род. п.: коченя и кочня. м. Кочанъ, голова капусты.

Кочка, ж. Засохшій на дорогѣ комъ земли.—«*Голова не кочка, что-нибудь да здумаетъ*» (вздумаетъ)—погов.

Кощёночекъ, чка, м. Уменьш. отъ кощей.

Онъ совсѣмъ кощёночекъ: ровно высохъ. Въ томъ же знач. *Кощёночка*, и, ж. *Она теперь словно кощёночка, худенькая стала.*

Красный, ая, ое. Красенъ и красёнъ, красна, красно. Кромѣ обычнаго значенія:

1. О погодѣ: хорошій, погожій, солнечный. *Когда красно, дакъ на улицы гуляютъ.* (Ср.

Я восхищенъ природой красной...
Батюшк. Воспом. 1807 г.
О, юность красная, цвѣти...
Бат. Сов. друзьямъ).

2. О лицѣ: красивый. *Парень этотъ не краснаго лица... «Дакъ што-жъ: съ лица не воду пить!»*

3. Поговорки: *Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ. Красно поле пшеномъ, а бесѣда умомъ.*

Замѣть: *красота.*

«У тебя, голубушка... Бѣлы рученьки подъёмчивы ко моей да ко русой косѣ и къ моей дѣвьей красотѣ» (причетъ).

Край. «*Знай край, да держись — не падай*» (погов.)—соблюдай во всемъ мѣру, будь остороженъ.

Кривулёчка, и, ж. Закорючка, крючекъ.

— *Въ рукахъ у него палочка, а ручка то у ней кривулёчкой.*

— *На матеріи такія кривулёчки розоватенькія.*

Кринка, и, ж. Глиняный невысокій кувшинъ, въ серединѣ утолщающійся.

Уменьш.: *криночка.* Перен.: *криночка снятая* (т. е. со снятыми съ молока пѣнками, сливками)—дѣвушка, утратившая невинность до замужества.

Крошево, а, ср. Нашинкованная капуста.

Кровище, и, ж. Увелич. отъ сущ. кровь.

Крышка. Въ выраженіяхъ: «пришла, сдѣлалась, случилась крышка»—умеръ.

Кудрявиться (закудрявиться). Виться, завиваться. *У него волосы кудрявятся.* (Ср. Крупные, головастые кочни капусты кудрявились. Полевой. Челов. предполагаетъ).

Кукать, перех. Стукать, колотить. Ужъ я её кукала, кукала.

Кулакъ. *Послѣ драки кулаками не машутъ* (погов.).

Курица. «Ровно курица стоячаго оббѣжитъ, курица стоячаго оббѣжитъ»—погов.—говорится, когда хотятъ указать на медленность движенія.

Курныкать, аю. 1. О кошкѣ: мурлыкать. 2. Говорить себѣ подъ носъ. 3. Печалиться, горевать.

Кутельба, ы, ж. Заметель (см.).

Кутыкать, аю. 1. О курицѣ: кудахтать. 2. Говорить вперемѣшку, торопясь, сбиваясь.

Куть, и, ж. Прихожая въ избѣ.

Л.

Лемѣхъ, а, м. Большой широкій зубъ, находящійся передъ отрѣзомъ (т. е. лезвіемъ) косули (плуга). Зубъ этотъ деревянный; иногда для прочности оковывается желѣзомъ.

Лёнъ. Въ погов.: «*Севодни выспалася я что бѣлый лёнъ!*» (Ленъ хорошо устилается, ложится рядами, а потому тутъ имѣется въ виду, что было удобно лежать).

Лепéстъ, à, м. Большой листъ (растенія).

Лепетàть. 1. О говорѣ ребенка: говорить.

2. Говорить быстро, невнятно, какъ бы захлебываясь. *Залепетàть*—начать лепетать. Въ томъ же значеніи: *лопотàть*, почу, почать; *залопотàть*.

Лизàвица, ы, ж. Улитка. (Замѣть, что объ улиткѣ говорятъ: «*Улитка ползётъ, словно лижетъ*»).

Линявый, ая, ое. Линючій. Ситецъ линявый.

Личишко, а, ср. Уменьш. отъ сл. лицо. *Личишко то маленькое, бородёнка черная...* (Въ Куб. и Терск. обл.: личинько).

Луговйна, ы, ж. Новь, цѣлина; земля, еще ни разу не паханная.

Лукòшко, а, ср. Круглая, неглубокая корзина, въ которой несутъ хлѣбныя зерна для сѣянія. Къ ней прикрѣпляется ремень (или веревка), перекидываемый черезъ плечо. Иначе—сѣтево, а, ср.

Лущйть, щỳ, щать. Сдирать скорлупу.

Лущить сѣмячки—грызть ихъ.

Лѣдалый, ая, ое. Хворый, хилый, болѣзненный. То же, что залядàщій.

Мальчёнка совсѣмъ лѣдалый... какъ душа еще держится!

Лѣпỳшка, и, ж. Какая-либо замазка для залѣпки чего-либо.

Вишь, стекло въ окнѣ треснуло... Надо каку-нибудь лѣпушку сдѣлать да замазать.

Лядѣлый, ая, ое. Плохой, негодный, хворый, болѣзненный.

Лядѣть, ѣю. Хворать, хирѣть, болѣть.

М.

Магазéя, и, ж. Общественный амбаръ.

Макатàшечки, шечекъ, ж. Женскія груди.

Макаташечки Христовы
Прикатили изъ Ростова! (погов.).

Мàковый, ая, ое. Красная дѣвочка,
Сшей-ка мнѣ рубашечку
Изъ маковаго листа;

Прострочи строчку,
Не прорви листочка... (пѣсня).
Макъ—символъ дѣвства. Сравни:
Что и маковый цвѣтокъ,
То молодушки у насъ.
Тул., Волог. (Шейнъ. Великор., вып. I, 75, 77).

Мастери́ть (смастери́ть) перех. Дѣлать что-либо, т. е. какую-либо вещь. *Ты что это мастеришь? Да вотъ повозочку для мальчонки.* (Ср. Никакихъ новыхъ твореній у меня не появилось съ того дня. Я только мастерилъ и отливалъ формы.. Ибсенъ. Когда мы мертв. просн. Пер. Бальт. и Полякова).

Матерщи́нникъ, м. Тотъ, кто матерно ругается.
Женск. р.: *Матерщи́нница.*

Матюга́ть. Сов. видъ: *матюнýть.* Ругать (выругать) матерно.—*Онъ меня здорово матюгнулъ.*

Матюка́ть (матюкнýть), перех. То же значеніе.

Матю́шникъ, а, м. Тотъ, кто ругается матерно. Такъ же: *матюжникъ.*

Мерина́чій. Прилаг. отъ сл. меринъ. (Зам. Мера́шка—лошадь. Донъ. День. 1862 № 28).

Мизги́рь, я, м. Паукъ.

Милокро́вый, ая, ое. 1. Хорошій, милый; 2. Красивый.

Модѣ́ть, ѣю. Хирѣть, болѣть.

Молодёхонькій, ая, ое. Очень молодой. *Благослови меня да молодёхуньку...*

Молоде́цъ, дца, м. Кромѣ обычн. знач еще: неженатый парень.

Моло́дка, и, ж. Женщина, недавно вышедшая замужъ. Иначе: *молодýха.*

Молоти́ло, а, ср. Цѣпъ.

Моржýха, и, ж. Верескъ. Произн.: моржьжýха.

Мýни. См. Шуни.

Мусля́кать, аю. Слюнявить, муслить.
Мальченокъ мой свою куколку всё муслякаетъ.

Муто́вка, и, ж. Деревянная мѣшалка (съ развилинами на концѣ) для чего-нб. жидкаго; весёлка.

Мышья́къ, а̀, м. Собачій грибъ.

Мѣ́ра. «*Когда рожь, тогда и мѣра*» (погов.), т. е. всему свое время.

Мясни́на, ы, ж. Мясо.

Н.

Навернýть на что-либо—захотѣться, потянуть на что-либо.
Другой разъ её на такую гадость навернётъ...

Наво́зница, ы, ж. Время, когда вывозятъ со двора навозъ (передъ Петровымъ днемъ)..

Наёмка, и, ж. Наёмъ. *Сегодня ужъ наёмка рабочихъ была.*

На-коротќѣ, нарѣчн. выраж. Въ короткій срокъ.

Нали́чникъ, а, м. Наружный ставень (у окна).

Намно́й, ая, м. Синякъ. *У меня намной на рукѣ...*

Намо́й, я, м. Низменное мѣсто, затопляемое водой; замо́й.

Напо́примъ, нескл. Напряникъ.

На̀-прямо. Совершенно прямо. «Ѣду я на̀-прямо въ лѣсъ». *Прямо на̀-прямо.* Совершенно прямо. «Ты это ему на̀-прямо и сказалъ?—Такъ прямо — на̀-прямо и сказалъ».

Насанда̀ливать (насанда̀лить). Усиленно, быстро дѣлать что-либо.

Настоле́шникъ, а. м. Скатерть, на которой обѣдаютъ.

Начёсывать (начеса́ть). Зачёсывать.

Начёсываться (начеса́ться), причёсываться, зачёсываться.
Куда мнѣ начёсываться?—«А што, разви простоволосой ходить лучше?»

Непереносный, ая, ое. Трудно переносимый. «Боль у меня у животѣ непереносная».
Неудалый, ая, ое. Гадкій, плохой, неважный.
Нехворощъ, а, м. Раст.: Полынь полевая (Artemisia camp. L).
Низкопоклонливый, ая, ое. 1. Кланяющійся низко. 2. Заискивающій, льстящій.
Ножище, и, ср. Увелич. отъ сл. нога. «*Подъ старую жопищу—молодыя ножища*»—погов. (о неравномъ бракѣ, когда мужъ старый).
Ночёвывать (ночевать)—проводить ночь во снѣ, спать.
Нутрецъ, а, общ. Холощеный; лишенный яичекъ. *Кошка-нутрецъ. Пѣтухъ-нутрецъ.*

О.

Обложить, перех. Перен.: сильно выругать. *Ну, и хотѣлъ я его обложить!*
Обляпываться (обляпаться). Пачкаться, забрызгиваться чѣмъ-либо жидкимъ. Гл. дѣйств. обляпывать.
Обнимка, и, ж. Объятіе. *На бесѣдѣ* (посидѣлкахъ) *та теперь парень съ дѣвкой въ обнимку сидятъ.*
Уменьш.: *Обнимочка.*
Обирать (обобрать). Собирать что-либо всё до-чиста. *Я съ лавокъ всю грязь обобрала* (и обобрала).
Обормотъ, а, м. Соблазнитель женщинъ; тотъ, кто пристаетъ къ нимъ съ дурными намѣреніями. Негодяй, низкій человѣкъ.
Презрительно: *обормотина*, ы, м.
Обоспаться. Заспаться; спать слишкомъ много.
Что это вы обоспались севодни?
Обуваться (обуться)—съ предл. въ. *Въ сапоги обулась.*
Обшмыгать. Обшарить, обсмотрѣть. «Весь домъ обшмыгалъ, а ключа не нашелъ».
Объарывать (объарать). Обходить косулей, сохой, плугомъ вокругъ чего-либо, проводя борозду. Объарываютъ, напр., деревню при «повѣтріи» (повальной болѣзни)—ночью, до восхода солнца.
Обыдённый, ая, ое. Въ одинъ день совершающійся. См. княжій.
Оводно, нескл. Много оводовъ (слѣпней).
Холодно, да лучше: не оводно.
Озимовой, ая, ое. Озимый.
Одноконка, и, ж. Косуля, соха (плугъ) въ одну лошадь.—Вообще и какой-либо экипажъ въ одну лошадь.
(Замѣт: Въ Кубанской обл. перекладную, въ которую заложено двѣ лошади, назыв. «царовонка»).
Однокосый, ая, ое. О женщинѣ: съ косой, заплетенной въ одинъ жгутъ.
Окартомить, млю, мятъ. Сов. в. къ гл. картомить (см.). *Что, дѣвицы? Окартомили себѣ избу?—«Нѣтъ, еще не окартомлена».*
Окутка, и, ж. То, во что кутаются, закутываются; то, чѣмъ окутываютъ что-либо.
Омолосниться. Оскоромиться. (Ср. въ Арханг. г. Молочниться, измолочниться, обмолочниться—скоромиться, оскоромиться. Слов. Подв.).
Опаривать (опарить). Паромъ обжигать. *Я какъ мылась въ печи* (въ деревняхъ бань нѣтъ) *да парилась, дакъ спину себѣ всю опарила.*
Опариваться (опариться). Обжигаться паромъ.
Опрѣть. Запрѣть. *Больно толста баба стала: лѣтомъ опрѣетъ.*
Опустать. О почвѣ: истощиться. *Земля опустала, не родитъ.*
Отклочить, перех. Отодрать за волосы.
Откидывать (откинуть) кровь—пустить (пускать) кровь.
Отовладать, перех. Отобрать у кого-нибудь что-нибудь себѣ во владѣніе.
Отполдничать. Закусить во время перерыва денной работы.
Отрыгаться (отрыгнуться). Быть отрыжкѣ.
Весь день яйцами отрыгается.

Отрѣзъ, а, м. Лезвіе косули (см. сл.).
Отставàть (отстàть) отъ чего-либо (и безъ предл.). Переставать дѣлать что-либо.
Пока не нахохочусь вволю, мнѣ не отстать.
Отстань ты отъ каши! Голоденъ што ли... Вѣдь облопаешься...
Ощўчить, перех. Сильно ударить, огрѣть.
Я его такъ по головѣ палкой ощучила, што домо помнить будетъ.

П.

Пàдкій, ая, ое (съ предл. до). Весьма склонный къ чему-нб., охочій до чего-нб.
Что корòтка—короткà,—До робятъ она падкà (пѣсня).
Палàвочникъ, а, м. Полка у стѣны.
Паренинà, ы, ж. Паровое поле. Говорится и прямо: «паровѝе». *Это яровое... Это паровое.* (Зам. Батюшки мои, родные мои, паровая бягить, паровая бягить! Донъ. День 1862 г. № 28. Паровая—пароходъ).
Паўжна, ы, ж. Закуска, закусываніе передъ ужиномъ, т. е. въ 4—5 часу.
Пѐрвое Воскресѐнье—первое послѣ Петрова дня воскресенье.
Первохристòсованье, я, ср. Яйцо, полученное отъ кого-нб. при первомъ христосваньѣ (*«христòсванье, христòсваньне»*) послѣ Свѣтлой Заутрени.
Пережадàться. Заждаться, соскучиться ожидая.
А мы ужъ васъ пережадались! Думали, што не придёте.
Пережи́нъ, а, м. Родъ колдовства въ полѣ съ хлѣбомъ. Дѣлается для того, чтобы привлечь къ себѣ удачу («спорынью»), а на другихъ напустить обратное. Для этого срѣзываютъ перекрученный пукъ колосьевъ.
Перелòгъ, а, м. Земля, покинутая на время вслѣдствіе истощенія почвы.
Перелѣ́товый, ая, ое. Престарѣлый.
Перелѣтовая невѣста—невѣста, вышедшая изъ лѣтъ замужества.
Перемѐтка, и, ж. Черезсѣдельникъ.
Перемѐтникъ, а, м. Черезсѣдельникъ.
Перепечà, ѝ, ж. Коровай хлѣба, который каждый, желающій говѣть, даетъ священнику въ тотъ день, когда священникъ приходитъ въ село съ *«постной»* (см. сл.) молитвой.
Пѐрье, ья, ср. собир. Перья.
Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ (послов.). (Замѣть слѣд. собир.: Наилучшее пневое *смолье* получается изъ пней лѣтъ черезъ десять. О смолокуреніи. Богъ—помочь 1899 г. VI. Кожи выдѣлывать дубовымъ *корьемъ*—искусство открыто въ Англіи. Памятникъ вѣры изд. 1825 г. Молодое *подкорье* еще не залубенѣло. Слов. Даля).
Петрòвщина, ы, ж. Сборъ яицъ и сметаны, который производитъ въ свою пользу церковный причетъ въ началѣ Петрова поста (за этотъ постъ).
Пинàть (пнўть) перех. Пихать, толкать. Собаку ногой не пинай: укуситъ. (Ср. Повалили Воздухова на полъ и первый... пиналъ его ногами съ грудь. Нов. Вр. 1901 г. № 8949).
Племя̀нка, и, ж. Племянница.
Плòшка, и, ж. Большая глиняная чашка, въ которой пекутъ коравай.
Плѣшь, ж. *Нà—плѣшь капнешь, ò—плѣшь ляпнешь, съ плѣши долой.* (Загадка. Блинъ).
По-зà. Позади. *По-за молодцамъ* (тв. п.) *дѣвушки стоятъ. Я по-за вамъ* (тв. п.) *стану.*
Повòйникъ, а, м. Женск. головн. уборъ, который носятъ только молодухи и старухи (въ родѣ чепчика).
Побы́вшиться. Помереть, умереть.
Дядо-то мой въ мясоѣдъ побывшился.

Повымотаться. Растратиться. Силушка—та у васъ повымоталась.

Погляжёнье, я, ср. Погладёнье.

Подлѣсье, я, ср. Пространство, мѣсто за лѣсомъ. «Мы по подлѣсью косили». См. *Залѣсье.*

Подножье, я, ср. Кусокъ матеріи, который кладется въ церкви во время вѣнчанія подъ ноги жениху и невѣстѣ.

Подокъ, дка, м. У помела—длинная палка, на которую насаживается вѣникъ изъ прутьевъ.

Подпорашивать (подпорошить). Посыпать, устилать снѣгомъ (о первой порошѣ).

Замерека (см.) *ишшо не было, а такъ подпорошило.*

Подприкопенокъ, нка, м. Маленькая копна возлѣ большой.—*Стоитъ копна съ подприкопенкомъ* (скороговорка).

Подсельщина, ы. ж. 1. Поселки и усадьбы, находящіеся подъ селомъ. 2. Общ. Жители этихъ поселковъ и усадьбъ.

Подсолнечникъ, а, м. 1. Подсолнухъ (самое растеніе). 2. во множ. ч.—сѣмячки его.

Подступать, подступаться. Подходить близко.

Свои собаки грызутся, чужая не подступайся (послов.).

Подсубботничекъ, чка, м. Что либо сдѣланное подъ субботу.

Подсыхать. (Подсохнуть). «*Сегодня охъ да завтра охъ,—ужъ у меня и животикъ подсохъ*» (т. е. подвело). Погов. Говорится про нужду, бѣдность.

Подсѣкъ, а, м. Площадь лѣса, предназначенная къ обращенію въ пашню, съ невыжженымъ еще лѣсомъ.

См. *выжига.*

Подходчивый, ая, ое. 1. Быстро подходящій.

Скоры ноженьки у тебя да подходчивы...
Ко моей да ко русой косѣ... (причетъ).

2. Дѣлающій что-нб. не просто, а съ «подходами» (т. е. съ хитростью, предупрежденьемъ).

Подъ. Предл. «*Это мнѣ не подъ лицо,— красное яйцо*». Погов., т. е. это мнѣ не къ лицу, не идетъ мнѣ, для меня не годится.

Подъёмчивый, ая, ое. Легко подымающійся.

(Прим. подъ сл. красный).

Подъизбица, ы, ж. Подполье. Въ подъизбицѣ мыши завелись.

Подымать (поднять) **залогъ**—распахивать въ первый разъ землю, никогда еще не паханную.

Позажариться. Черезчуръ зажариться. *Поставила я бабку въ уголъ печки, а она и позажарилась.*

Поимѣть. Совершить coitus.

Поковать. 1. О кукушкѣ: немного покуковать. 2. Погоревать. 3. Поговорить монотонно.

Покукакать. Немного побить; поколотить слегка.

Покурныкать. 1. О кошкѣ помурлыкать. 2. Поговорить подъ носъ, побурчать. 3. Погоревать немного.

Покутыкать. О курицѣ: покудахтать.

Полдни, ей, м. 1. Перерывъ въ работѣ въ полдень или около него. 2. Ѣда, закусываніе въ это время.

Полдничать и полдничать. Закусывать во время полуденнаго перерыва работы.

Въ сѣнокосъ домо полдничать не приходится.

Полугодина, ы, ж. 1. Полгода. 2. Въ ед. и множ. ч.—день полугодья чему-либо.

Полусорочины и полусорочины, ъ, ж. 1. Двадцать дней со дня смерти кого-нб. 2. Заупокойн. обѣдня, совершаемая въ 20-ый день со дня смерти.

Помститься. Безличн. Померещиться, показаться.

Да што ты! Нешто это мнѣ помстилось?

Понять. Перенять, усвоить. *Мы этту пѣсню отъ него слыхали и поняли её.*

Поперечинка, и, ж. Перекладина въ боронѣ, въ которую вставлены «зубы» (зубья).

Попороши́ть. Мелко посыпать; посыпать чѣмъ-нб. мелкимъ. — *Снѣгъ попорошилъ. Нужно бабку сухариками малость попорошить.*

Попрети́ть. Начать претить, «*Аппетитъ, пока не попретитъ*» (не омерзѣетъ, не надоѣстъ). Погов.

Попри́тчиться. Почудиться, померещиться (употр. безл.). (Ср. Чтобъ тебѣ самому попритчилось, старому лѣшему! проворчала старуха. Гейнце. Новг. вольница).

Попу́тникъ, а, м. Раст.: Подорожникъ. (Plantago media L).

Пораздума́ть. Раскинуть умомъ, подумать. *Сразу ничего не скажешь: тутъ надо пораздумать... А какъ пораздумаю, такъ скажу тебѣ* (Ср. Мнѣ всегда казалось, что... женщина могла бы повременить... хорошенько пораздумать. Лѣск. Разск. Кстати. Нива. 99 г. № 30. Бѣдный... вынулъ изъ-за пазухи камень и замахнулся; потомъ пораздумался, бросилъ камень на земь... Л. Толст. 1-ая кн. для чт. 7.

«Она порывисто хотѣла прибѣгнуть къ яду... Но пораздумала—и вотъ опять томится и живетъ.

Фофановъ. Поэтесса),

Ср. Раздуматься.

Поса́дскій, аго, м. Жуликъ, мазурикъ.

Посика́лка, и, ж. Сплетница.

Поскрёбушекъ, шка, м. 1. Кусочекъ какой-нб. ѣды, соскобленный, выскобленный со дна посуды. 2. Перен. Послѣдній сынъ у родителей, послѣдышекъ. Въ томъ же знач.: *Поскрёбышъ.* (Ср. въ Холмог. у.: Заскрёбышъ—небольшое печеніе изъ тѣста изъ оскребковъ отъ стѣнъ и дна сосуда. Слов. Подвысоцкаго).

Поску́лить, лю. Громко поплакать.

Послѣ́дышекъ, шка, м. Послѣдній сынъ у родителей.

Посочи́ть. Немного выпустить сокъ изъ чего-либо. *Мы намедни березу посочили.*

Поссо́риться. Дѣепр.: Поссорившись. *Они все утро ругались и теперь поссорившись сидятъ.*

Поста́рѣть. Состариться. *А вы, баринъ, постарѣли...*

По́стная моли́тва. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ чистаго понедѣльника священникъ созываетъ въ какую-либо избу всѣхъ міранъ и тамъ послѣ молитвы записываетъ тѣхъ, кто будетъ говѣть.

— *У кого постная молитва? «У Егора Никитича».*

Постолова́ть. Соверш. видъ къ гл. столовать (см.).

Посмя́кнуть. Стать немного мягкимъ, обмякнуть.

Поточи́ть. 1. Погрызть, понадѣлать дырокъ. Жукъ поточилъ доску. 2. Покусать, искусать (о насѣкомомъ). *Боюсь спать тутъ: меня тараканы поточатъ.*

Похвоста́ться. Побить себя вѣникомъ, парясь въ банѣ.

Поца́пать и поцапа́ть. 1. Потрогать руками. 2. Растащить что-либо.

Почётница, ж. Дѣвушка, которую парень выбралъ себѣ въ невѣсты.

Почу́хать, перех. Почуять.

Чу́хаю—почу́хаю,
Припаду—понюхаю.

Прахъ, а, м. Переносно: неизвѣстная причина.

«*Отъ какого это праха руки чешутся*»?

На кой прахъ—Для чего-то; Богъ вѣсть, почему.

«*Въ сапоги она обулась,*
На кой-то прахъ надулась.
Дулась, дулась, повернулась;
Туго стало—разогнулась».

Прежене́цъ, нца, м. Пышка изъ тѣста (такъ же: пряжене́цъ.

Прибо́ина, ы, ж. Прибо́инка, и, ж. Узкая планка вдоль наружнаго, передняго края (ребра) скамьи.

Прибыва́ть. Безл. При́было—разнесло (какъ пожеланіе дурного). «Чтобъ тебя прибыло»!

Прибылой, ая, ое. Оказывающійся прибылью; наросшій какъ прибыль.

«Сколько овецъ-то?» — Двадцать, да за эту весну прибылыхъ шесть.

Если у молодухи (недавно вышедшей замужъ) *подолъ залупился* (завернулся)—*прибылому быть* (т. е. сыну).

Привязливый, ая, ое. Привязчивый. *Привязливъ ровно муха мѣтомъ. Я человѣкъ привязливый: привыкаю скоро ко всякому*

Припѣвушекъ, шка, м. Маленькій припѣвъ. *Къ пѣснямъ и припѣвушки бываютъ.*

Прискочить. 1. Прибѣжать, неожиданно явиться.

Чего ты прискочилъ суда? Тебя еще не хватало!

2. Привскочить.

Присловка, и, ж. Присловье, прибаутка.

Прихватить, чу, тятъ. Схватить, взять крѣпко.

Она его за руку и прихватила: стой, говоритъ...

Прихихеня, и, м. Любовникъ.

Услыхала отъ мамаши не давно:
Мамаша хвалитъ прихихеню моего.
Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ.
Дочка милая моя,
Какой хорошій прихихеня у тебя!

Причѐрина, ы, ж. То же, что прибоина (см.) уменьш.: Причѐринка.

Пришва, ы, ж. *«Голова какъ пришва»*, т. е. гладкая, низко выстриженная или лысая.

Пробудъ, а, м. Пробужденіе. *Спите безъ пробуду.*

Простынь, и, ж. Простыня.

Протягать, перех. Протягивать.

Прохохотаться, чусь: Облегчить себя, нахохотавшись; нахохотаться до-сыта.—*Охъ, голубчики, не прохохочусь никакъ!*

Процѣловать. 1. Перех. Совсѣмъ зацѣловать. 2. Провести время, цѣлуя кого-нб. 3. *«Желанчикъ не процалованный»*—милый, желанный другъ, котораго все хочется цѣловать и съ которымъ никакъ не нацѣлуешься.

Прясло, а, ср. *«Рожа какъ прясло»*, т. е. нѣтъ рожи хуже.

Пряшеть. Говорить во снѣ.

Пупырышекъ, шка, м. 1. Прыщикъ, волдырчикъ. 2. Пузырекъ въ закипающей водѣ.

Пустоша, и, ж. Сѣнокосное мѣсто.

Пустырь, я, м. Пахотная земля, покинутая на время вслѣдствіе истощенія почвы. См. *Перелогъ.*

Пухавка, и, ж. Что-либо мягкое, какъ пухъ.

У него волоса, какъ пухавка.

Пялиться. Смотрѣть выпуча глаза.

Что онъ тутъ ходитъ да пялится?

Р.

Разбоситься. Ходить много босикомъ. *Что-то сегодня я разбосилась.*

Разваливать (развалить) дорогу— устранять на дорогѣ препятствія, мѣшающія проѣзду по ней (напр., дѣлаемыя свадебному поѣзду).

NB. *Заваливать* (завалить) дорогу—дѣлать на дорогѣ загражденія.

Разэява, ы, общ. Разиня, ротозѣй.

Разламывать (разломить). Ломать (о болѣзненномъ состояніи тѣла, напр., во время лихорадки). Употр. безл. *Такъ меня и разламываетъ... Всю меня разломило. Разломило всѣ мои косточки.* (Ср.

Моготы моей нѣтъ за тобой бѣжать,
Разломило мнѣ несть знамя царское!
Донъ. День 1862 г. № 29).

Разодраться. Подраться, передраться. «До-пьяна напьемся, всѣ раздерёмся».

Раздуматься. 1. Раскинуть умомъ; подумать, взвѣшивая обстоятельства. 2. Раскинуться въ думахъ, размечтаться. 3. Раздумать, перерѣшить.

Разжигать (разжечь). Безлично: разжигаетъ, разожгло—о повышенной температурѣ тѣла—есть жаръ. «Мальчёнку такъ и разжигаетъ».

Разорвать. Безл. разорвало—какъ пожеланіе дурного.—*Чтобъ тебя разорвало!*

Разругаться. Дѣепр.: разругавши. *Онъ о ту пору былъ съ ней разругавши.*

Разсмѣхнуться. Разсмѣяться.

Онъ мнѣ только слово сказалъ, а я и разсмѣхнулась.

Разцвѣтъ, а, м. Цвѣтъ, цвѣтеніе. *Что цвѣтетъ безъ разцвѣта?* (Заг.—Сосна).

Разъёба, ы, ж. Непотребная женщина, блядь.

Разъярьё, ья, ср. Разиня, ротозѣй.

Раскумѣкивать, аю. Тоже, растобаривать, точить лясы, болтать попусту.

Да ты не раскумекивай: говори прямо, что надо-то?

Распахать, перех. Кромѣ обычнаго значенія («Распахать полосу») еще: разбросать, раскидать что-нб. *Вы всё въ комнатѣ распашите.*

Распрашиваться (распроситься)—просить о чемъ либо долго, усердно, надоѣдливо.

Распѣтушье, ья, м. Пѣтухъ, лишенный яичекъ.

Молодка, а куда дѣлся нашъ распѣтушье? (Замѣть любопытное Поморское слово—Арханг. г.—Размужичье, т. е. женщина съ смѣлыми, подобно мужчинѣ пріемами: Слов. Подвыс.).

Растяпа, ы, общ. Неловкій человѣкъ, разиня, неуклюжій человѣкъ.

Экая ты мамина растяпа: ничего сдѣлать не умѣешь!

NB. *Мамина,* т. е. находящійся на попеченіи матери; о которомъ заботится мать.

Родъ, а, м. *Семь батекъ на году, одна мать на роду.* (Погов.).

Руда, ы, ж. Кровь.

Изъ копыта руда бьётъ...

Рукобитьё, ья, ср. Первое пированье у невѣсты за недѣлю или дня за три до вѣнчанія.

Ручникъ, а, м. Длинное полотенце и вообще полотенце (личное). Иначе: *Утиральникъ.*

Рядный, ая, ое. Совершающійся, дѣлаемый подрядъ.

Мы по покойничку рядну обѣдню попу заказали; значитъ—до сорочинъ самыхъ.

С.

Сазонъ, а, м. Человѣкъ отмѣнный по своимъ дурнымъ качествамъ (равнозначуще слову «карась»).

А у ней полюбовникъ... Да, хорошаго сазона завела!

Такъ же: *Созонъ.*

Салазки, окъ, ж. *Глазки, какъ салазки* (погов.).

Сборникъ, а, м. То же, что повойникъ (см.).

Свистодырка, и, ж. Сплетница.

Свѣтецъ, тца, м. Подставка для лучины.

Свѣтъ, а, м. При названіи человѣка: милый, дорогой.—*Свѣтъ ты моя родная матушка!*

Свѣтикъ, а, м. Милый, дорогой, любимый.

— *Свѣтикъ ты мой ясный, касатикъ ненаглядный!* (Ср.

Свѣтъ ты, моя волюшка;
Свѣтъ ты, моя нѣгушка;
Свѣтъ ты, моя дѣвичья красота!

Терск. обл. Сб. Панкр. 100).

«Свѣтъ, мои сѣни». «Свѣтъ, мой соловей». Сказ. р. нар. 142.

Сендеври. Нескл. Въ припѣвѣ:

Какъ на морѣ-морѣ
Дѣвочка платье мыла,
Громко колокила,
Сухо выжимала,
Нà берегъ кидала.
Сендеврѝ, бринь душа,
Фельмà—ферѐнть,
Кумъ Лаврентій, кумъ Иванъ!

А что значить это сендеври?—«Да ничего! Такъ припѣвушекъ». (Произн.: сендеўрѝ).

Скисàть (скѝснуть). 1. Напр. о молокѣ. 2. «*Скѝснуть*»—какъ пожеланіе дурного. *Да уходи ты отъ меня, чтобъ тебѣ скиснуть!*

Складчѝна, ы, ж. Складчина.

Скòрбнуть. Твердѣть, дѣлаться жесткимъ. *Мокрая тряпка на морозѣ скорбнетъ.*

Скрѐкъ, нескл. На спину, за спину.

Скўлить, лю, лятъ. Громко плакать.

Славѐнка, и, ж. Богатая дѣвушка (слава о богатствѣ которой пошла далеко).

Слàдкій, ая, ое. Кромѣ обычн. знач. еще: 1. Милый, желанный, любимый.

«Сладкій ты, сладкій, милый мой»!

2. Пріятный, хорошій. *У нихъ то мнѣ было хорошо... Житье сладкое было.*

Слàдко, прил.-сказ. Кромѣ обычн. знач.: хорошо, пріятно, отрадно, радостно. *Тебѣ, поди, въ городѣ не сладко жилось?—Стелетъ онъ мягко, да спать то не сладко.—Ѣстъ да пьетъ сладко, всегда одѣта, обута...—А и сладко же я цѣловался съ ней!*

Слезовòй, ая, ое. Слезливый. *Да и слезовой онъ человѣкъ: чуть што, сейчасъ плачетъ.*

Смастàчить, чу, чатъ. Перех. сдѣлать, смастерить.

Смозòлить, лю, лятъ; лилъ. Соверш. перех. Натереть мозоли. «Пакеда къ вамъ шолъ, всѣ ноги смозолилъ. За этай работай всѣ руки смозолилъ».

См. измозòлить.

Смòрòдный, ая, ое. Смрадный. Сморòдно: прилаг.—сказ.

Смòродъ, а, м. Смрадъ.

Смѣхъ. м. Въ косв. пад. удар. на концѣ. *Не для смѣху̀ это говорится.*

Мн. ч.: *Смѣхѝ*—въ знач. смѣшки, усмѣшки, пересмѣхиванье.

Снѝзки; зокъ, ж. Бусы, завязывающіяся лентами. — *Ишь, въ снизки обрядилась, словно въ праздникъ.*

Созòнъ, а, м. См. Савонъ.

Созòнецъ, нца, м. Уменьш. и презрит. отъ сл. созонъ.—*Сидѣла въ дѣвкахъ до солнца и высидѣла созонца* (О разборчивой, засидѣвшейся невѣстѣ).

Сонўля, и, общ. Тотъ, кто много спитъ, соня. Иначе: *заспѝха.*

Сорòчины, ъ, ж. 1. Сорокъ дней со дня смерти. 2. Сорокоустъ.

Такъ же: *сорочѝны.* См. полусорочины.

Сорòчка, и, ж. Раст.: Поповникъ обыкн.

(Chrysanthemum leucanth. L.).

Сочѝть, перех. Извлекать, пускать сокъ изъ чего-нб. *Весной березу сочатъ.*

Спокòй, ая, м. Покой. *Мнѣ отъ неё спокою нѣтъ.* (У Батюшк. къ Муравьеву:

Спокойся! Съ первыми громами
Къ знаменамъ славы полетишь).

Спòриться 1. О дѣлѣ: идти хорошо. 2. Спорить. «Коли такъ, я не спорюсь».

Спорыньà, ьѝ, ж. (въ связи съ гл. спориться). Удача, удачливость.

«*Будь у меня спорынья, а по деревнѣ лѣнь!*» говорятъ, дѣлая пережинъ (см. сл. произн.: *Спорыньня*).

Спровѣ̀дывать (спровѣ̀дать). Провѣдывать, навѣщать. *Гдѣ была?—«Сосѣда спровѣдывалъ».—Я его спровѣдала.*

Станòкъ, нка, м. Остовъ бороны.

Ста́ршій, ая, ее. О возрастѣ: съ дат. пад.

У насъ въ семьѣ я старшая всѣмъ: и братьямъ и сестрамъ (т. е. старше всѣхъ).

Стёкъ, а, м. Выступъ крыши надъ стѣной (отъ сл. стекать).

Столова́ть (сов.: постолова́ть). *Дѣвка столу́етъ*, или *дѣвкой столу́ютъ* — такъ называется столъ (т. е. обѣдъ, пирушка) у отца невѣсты до вѣнчанія.— *Тутъ свадьба плохая: дѣвка столовала.*

Сущ.: *Столова́нье*, ья, ср.

Сторона́, ы, ж. Родина — *У насъ такъ въ сторонѣ всё не такъ!*

(То же въ Терск. и Кубан. обл.: У насъ на сторонѣ какъ рожь родится!)

Стоя́чій, яя, ее. Спертый (о воздухѣ). «У комнатѣ воздухъ (духъ) стоячій».

Строчи́ть, чу́, чатъ. Щелушить, лущить.

Сѣмячки строчить.

Сту́пица, ы, ж. Ступа въ колесѣ.

Сча́стье. Погов.: *Счастье не рожь, въ подолъ не угребёщь.*

Сѣ́ренокъ, нка, м. Сѣрная спичка, сѣрникъ.

Сѣ́тево. См. Лукошко.

Т.

Тананы́, о́въ, м. Срамныя части тѣла.

Та́скивать (таска́ть). Кромѣ обычн. значенія: теребить, трясти.

«Моя мачиха лиха, не ласкова:
Комуха (см.) её не таскивала!»

Тена́тникъ, а, м. Паукъ. *Тенятникъ съ потолка свалился... Глянь! Да какой больщой!*

Теплячёкъ, чка, м. Простой и ласковый человѣкъ.

То́нкій, ая, ое. О голосѣ: высокій. *Дѣвочки поютъ пѣсню тонкимъ голосомъ.*

Топни́къ, а́, м. Глиняный, низкій и широкій горшокъ съ длиннымъ, широкимъ носикомъ и съ ручкой (въ немъ топятъ масло).

То́ропомъ, нескл. Торопливо. *А я пошелъ къ нему торопомъ; думалъ—застану.*

Тощо́й, а́я, ое. Тощій. *Да какой ты тощой!*

Трави́на, ы, ж. 1. Травка, былинка (иногда съ оттѣнкомъ увеличенія).

Выдерни травину, она только рѣдьку глушитъ.

2. Собират., увеличит. *Ну и травина на лугу! По поясъ!*

Трёпаный, ая, ое. Растрепанный. *Ишь, какая ты трёпаная!—«Съ огорода пришла»...*

Трепеска́ться, аюсь. Трястись, трепыхаться.

Трёпнуться. Сразу свалиться, упасть, бухнуться.—*Какъ я этто трёпнулась на кровать, такъ ровно мёртвая заснула.*

Триря́дка, и, ж. Матерная брань.

Будетъ тебѣ тририядкой ругаться! Я ему трирядку загнулъ.

Трясу́чка, и, ж. Лихорадка.

«Трясучка тебя забери!» (какъ бранное выраженіе).

Ту́кманка, и, ж. Тумакъ, ударъ по затылку.

Онъ мнѣ за эту тукманку дастъ.

Тяжёлая. Беременная.

Батюшки вы мои, она опять тяжелая! Какъ это её угораздило.

У.

Увадить. Въ выраженіи: «Сколько я на это времени-то увожу (увелъ)» — какъ много трачу (потратилъ) времени.

Углядка, и, ж. Взглядъ.

Углядки не безъ ухватки.

Угребать (угресть). Забирать, загребать. *Угреби-ка уголья въ печи.*

Угрожать. Сов.: угрозить. Грозить, дѣлать угрозы.

Удобность, и, ж. Удобство. «Въ вашей избѣ никакой удобности нѣту».

Улипнуть. Пропасть. Безл.: *Улипло*—пропало. (Употр. только безлично).

Умазаться, умажусь. Вымазаться. *Мазала избу да и вся умазалась.*

Утиральникъ, а, м. Личное полотенце.

Ушеничко, а, ср. Уменьш.—ласк. отъ сл. ухо.

Ушеничко мнѣ надуло.

Ущупать, перех. Соверш. в. къ глаг. щупать; выщупать.

— *Штой-то тамъ въ мѣшкѣ есть!*—*«Я ущупалъ: не то яблоко, не то мотокъ нитокъ.*

Ф.

Фельма—ферентъ. См. Сендеври.

Фыркать (фыркнуть). Кромѣ обычн. знач. переносно: огрызаться.—*А ты не фыркай, а то у меня живо получишь!*—*«Да я такъ».*

Х.

Хварывать (хворать)—болѣть, недомогать.

Хвастать. 1, перех. Бить вѣникомъ по тѣлу, парясь (т. е. въ банѣ).

2, непер. Имѣть половое сношеніе съ женщиной.

Хвастаться, аюсь. Бить себя вѣникомъ, парясь (т. е. въ банѣ). (Въ Арханг. г. въ томъ же знач.: хващиться. Слов. Подвыс.). (Зам.: въ лѣтоп. Нест. «хвощутся»)

Хломостить, мощу, мостять, перех. Заваливать, загораживать, загромождать.—*Всю дорогу хворостомъ захломостилъ ктой-то.*

Хлыстать (хлыснуть), перех. 1. Бить хлыстомъ. 2. Бить рукой или чѣмъ-либо; бить сильно. *Мотри, подъ руку не подворачивайся, а то я какъ хлыстну! Хлыснуть.*

Хлѣвъ, а, м. Помѣщеніе, куда загоняютъ скотину. Произн. такъ же: *клевъ.*

Хозяинъ, а, м. Такъ зовутъ домового.

Холера, ы, ж. О человѣкѣ, который всегда недоволенъ, всегда брюзжитъ: «У, холера листопадная!»

Храбрый, ая, ое. Храберъ, бра, бро. «Храбёръ пѣтухъ на пепелищѣ. Погов». (т. е. пѣтухъ храбръ тамъ, гдѣ никого нѣтъ).

Хохель, я, м. Кошель, кошелекъ.

Хохлиться, люсь, лятся. Супиться. «Чево ты хохлишься?» *Нахохлиться*—насупиться.

Хрѣнъ, а, м. Кромѣ обычн. знач. еще: 1. Старый человѣкъ (о мужчинѣ). *Ахъ ты, старый хрѣнъ!*

2. Мужской половой членъ.

Ц.

Ца́пать и цапа́ть (ца́пнуть), перех. Трогать, хватать руками.

Цѣ́пъ, и, ж. Ремешокъ у молотила (цѣпа), прикрѣпляющій къ длинной палкѣ маленькую, которой колотятъ.

Ч.

Черни́ленка, и. ж. Черное пятно, пятнышко.

Чумли́вый, ая, ое. Упрямый.

Чу́хать, перех. Чуять.

Чухаю, почухаю, припаду,—понюхаю.

Ш.

Ша́шня, и, ж. 1. Оглобля. 2. Множ. ч. Амурныя похожденія.—*Ты эти шашни оставь. Онъ завелъ шашни съ дѣвочками.*

Шестъ, а, м. Переносно: «*Шестъ получилъ*»—получилъ отказъ въ сватаньѣ за дѣвушкой.

Ши́хомъ, нескл. О звукѣ: издавая звукъ ш—ш— ш...

Шо́рснуть, перех. Больно ударить.

Шо́рснуться. Больно удариться. *Хорошо—таки я шорснулась локтемъ.*

Шумѣ́ть. «*Что шумитъ безъ вѣтра?*» (загадка.—Вода).

Шу́ни-муни, нескл. Тряпье; рваное бѣлье, одежда; обноски.

Щ.

Щекоти́ть, кочу́. Щекотать.

Щёкотный, ая, ое. Чувствительный къ щекоткѣ.

Щёкотно—прил.-сказ.—*Ай, не трожь: щёкотно!*—«*Да ты щёкотная... Ишь!*»

Щёкотъ, а, м. 1. Щекотаніе. *А ты щёкотомъ не занимайся.* 2. Щекотка. *Я боюся щёкоту.*

Щелуши́ть, перех. Лущить, сдирать скорлупу. *Шшалушить.*

Щёчинька, и, ж. Уменьш. отъ сл. щека.

Я.

Ядрёный, ая, ое. 1. Крѣпкій, здоровый.

2. *Ядрёна мать*—бранное выраженіе.—*По Сенькѣ и шапка, по ядрёнѣ матери колпакъ* (послов.).

Языкъ. «Какъ съ языка снялъ»—погов.—угадалъ мою мысль; сказалъ именно то, что я хотѣлъ сказать.

Яйцо́, ср. Въ поговоркѣ: «*Это мнѣ не подъ лицо,—красное яйцо*», т. е. что-либо для меня не годится, слишкомъ дорого, хорошо, роскошно для меня.

Сообщилъ *Вячеславъ Водарскій.*

Матеріалы для изученія говоровъ могилевской губерніи [1]).

Могилевская губернія въ наибольшей чистотѣ сохранила бѣлорусскій типъ и бѣлорусскій языкъ. Отдѣленная отъ восточной и южной Россіи витебскими, смоленскими и черниговскими бѣлоруссами и находясь въ большой отдаленности отъ Польши, она подверглась чуждымъ вліяніямъ меньше, чѣмъ какая бы то ни было изъ остальныхъ бѣлорусскихъ губерній. Меньше, чѣмъ витебская губернія, соприкасающаяся на сѣверѣ съ сѣвернорусскимъ племенемъ и на западѣ съ латышами, и даже менѣе, нежели минская, которая, несмотря на дебри и болота, подверглась, благодаря сосѣдству съ Вильной, сильному вліянію полонизма и литвы, а за Припетью вліянію южнорусскаго племени. Не говоримъ уже о виленской губерніи, гдѣ славянское населеніе разъединено большими островами населенія литовскаго, и о гродненской, населеніе которой представляетъ интереснѣйшій конгломератъ съ потомками ятвяговъ, литовцевъ и мазуровъ на сѣверѣ, съ бужанами и волынянами на югѣ, и которая, какъ этапный пунктъ между польской Варшавой и литовской Вильной, подверглась сильному вліянію и Литвы и Польши. Точно также подверглись болѣе сильному постороннему вліянію и бѣлоруссы черниговской, орловской, калужской, смоленской, тверской и псковской губерній, живущіе рядомъ съ сильнымъ великорусскимъ племенемъ.

Вотъ почему говоры могилевской губерніи имѣютъ особо важное научное значеніе.

Для руководства лицъ, желающихъ принять участіе въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ по говорамъ могилевской губерніи мы даемъ нѣкоторыя общія указанія.

Извѣстно, что признаки современныхъ русскихъ нарѣчій опираются на черты древнихъ говоровъ, которыми различались древнерусскія племена. Могилевская губернія, по Нестору, населена радимичами, занимавшими бассейнъ Сожа, и кривичами двухъ вѣтвей: смоленской—въ сѣверовосточной части, и полоцкой—въ сѣверозападной (полочанами). Такимъ образомъ, населеніе губерніи должно дѣлиться по говорамъ на три вѣтви. Это дѣленіе въ дѣйствительности существуетъ и до сихъ поръ, и особенности говоровъ еще довольно рѣзки, несмотря на сильную нивелировку школы и военной службы.

Если мы возьмемъ область радимичей—Присожье, то есть нынѣшніе гомельскій, рогачевскій, быховскій, отчасти могилевскій, чаусскій, черековскій и климовичскій уѣзды, то отличительными чертами говора этой области будутъ:

1, Отсутствіе дзеканья.

Круть-верть, у чарапочку смерть.

—

Годи, годи кучараваго любить.

2, Твердое *р*.

Былà ў бàбки кỳрка-рàбка.

—

Зарà зарàла, ключѝ патирàла.

—

Якъ памрòмъ, дакъ пахавàють.

---

[1]) Изъ «Мог. Губ. Вѣд.» 1902 г. Перепечатываемъ эти матеріалы съ разрѣшенія ихъ издателя—Редактора «Могилевскихъ Вѣдомостей», извѣстнаго этнографа Романова.

3, Отсутствіе флексіи *ть* не только въ глаголахъ перваго спряженія, но и въ тѣхъ второго спряженія, гдѣ удареніе находится не на окончаніи.

Хто крўтя да матàя,
Тамў Богъ памагàя. (Воровская).

—

Хòдя, хòдя, да й ни шàмая.

—

Гавòра, гавòра—а ў рòти хòладна.

—

Лю́бя, ни лю́бя,
Пацалўя, наплю́я,
Къ сѐрцу прыжмѐ,
Къ чòрту пашлѐ.

Но подъ удареніемъ флексія сохраняется во 2 спряженіи:

Ляжы́ть—маўчи́ть,
А вòзьмишъ—заплàча.

4, Значительныя лексическія особенности и нѣкоторыя фонетическія и грамматическія. Въ другихъ могилевскихъ говорахъ, напр., невозможны формы:

Я паўзъ кузьню йшлà,
Вугалёкъ знайшлà.

—

Ѣвъ-ѣвъ, пакўль и *годи*.

—

Хиба що такъ.

—

Ди́дава казка даўгàа, и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ говоръ раньше имѣлъ здѣсь болѣе значительное распространеніе, чѣмъ теперь, и, вѣроятно, захватывалъ все Присожье, средній Днѣпръ и Придрутье. Но когда радимичи потеряли свою независимость, и когда образовалось сильное смоленское княжество, въ радимичскую область широкими потоками хлынулъ кривичскій говоръ и оттѣснилъ его на югъ. Въ уѣздахъ пограничныхъ съ Смоленскомъ—климовицкомъ, чериковскомъ, и даже чаусскомъ и могилевскомъ, вышеуказанные признаки наблюдаются теперь только спорадически.

Но примыкая къ другимъ южнорусскимъ говорамъ, онъ имѣетъ громадное распространеніе по черниговской, минской, виленской, гродненской и другимъ губерніямъ.

Съ другой стороны, если мы возьмемъ область полочанъ, то есть—въ могилевской губерніи—нынѣшній сѣнѣнскій уѣздъ, часть оршанскаго, могилевскаго и чаусскаго, то увидимъ тамъ слѣдующія особенности:

1, Сильнѣйшее дзеканье.

Дзѣдъ бàбу тапи́ць вядзець,
А бàба крычи́ць—ня йдзець.

—

Дзéнихъ мàнць, вòтку пъець,
Дзѣвакъ любиць, жòнку бъець.

2, Твердое *р*.

Я ў сéраду радзи́лася,
Гòрка май дòля.

—

Каша брўха завируха.

—

Чаразъ мòра катòў хвостъ, и т. п.

—

3, Постоянное присутствіе флексіи *ть* во всѣхъ глаголахъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Говоръ этотъ можно назвать чистымъ бѣлорусскимъ. На югѣ онъ соприкасается съ радимичскимъ, на востокѣ съ кривичскимъ и простирается на западъ и на сѣверъ въ минскую и витебскую губерніи.

Наконецъ, въ восточной части нашей губерніи, прилегающей къ области смоленскихъ кривичей, слѣдующія особенности:

1, Сильное дзеканье.

2, Мягкое *р*, даже съ усиленнымъ смягченіемъ, въ родѣ: крапчѣй старяйся, трюбочку пукурицъ и т. п.

3, Постоянное присутствіе флексіи *ть* въ глаголахъ.

Говоръ этотъ въ могилевской губерніи употребляется въ уѣздахъ мстиславскомъ, горецкомъ и оршанскомъ, въ большей части климовицкаго и чериковскаго и спорадически въ чаусскомъ. Онъ имѣетъ громадный раіонъ распространенія въ смоленской, калужской, тверской, псковской и витебской губерніяхъ.

Всѣ эти говоры могилевской губерніи относятся къ числу акающихъ, хотя это названіе въ отношеніи ихъ не совсѣмъ точно, такъ какъ въ полачанскомъ и кривичскомъ говорахъ безударное *о* въ извѣстныхъ случаяхъ произносится какъ *ы*:

«Ныбрали кырабельщики тывару и паѣхыли. Ѣхыли кылы таго острыва, а котокъ скокъ на вострывъ и пабѣхъ у горытъ» (сказка «Сынъ Хораборъ» въ «Бѣл. Сб.», III).

Если мы скажемъ, что каждый изъ этихъ говоровъ дѣлится на нѣсколько подговоровъ, и что доселѣ у насъ точно не установлены тѣ границы, гдѣ встрѣчаются другъ съ другомъ даже главные говоры, то важность собиранія на мѣстахъ образцовъ мѣстныхъ говоровъ выяснится сама собою.

Дѣло же записыванія—немудреное дѣло. Надо только со всею точностью слѣдовать рѣчи разсказчика и не позволять себѣ мудрствовать лукаво надъ формами и словами, невполнѣ понятными для записывателя. Этотъ совѣтъ мы даемъ въ особенности тѣмъ лицамъ, которыя записываютъ образцы говора не на родинѣ и которыя, какъ мы знаемъ по многочисленнымъ опытамъ, склонны при записяхъ уклоняться въ сторону своего роднаго языка: говорящіе съ твердымъ *р* не замѣчаютъ мягкаго *р*, дзекающіе не замѣчаютъ отсутствія дзеканья и т. п.

Что касается лицъ, отъ которыхъ надо записывать образцы говора, то это зависитъ отъ рода записываемыхъ произведеній. Сказки напр. звѣринаго эпоса (о медвѣдѣ, волкѣ, лисицѣ, собакѣ, котѣ, быкѣ и т. д.) лучше записывать отъ старухъ, такъ какъ подобныя сказки снизошли въ разрядъ дѣтскихъ. Отъ старухъ же лучше записывать толкованія сновъ, примѣты и обряды: родинные, крестинные, обиходные, религіозные, свадебные и погребальные. Пѣсни удобнѣе записывать отъ дѣвушекъ. Пословицы, загадки, сказки бытовыя и богатырскія—отъ стариковъ. Заговоры отъ знахарей (знахарки очень плохо знаютъ заговоры); духовные стихи—отъ нищихъ (майстровъ). Сказочниковъ избѣгать надо грамотныхъ и бывшихъ въ военной службѣ. Ихъ сказки отношенія къ Бѣлоруссіи не имѣютъ и во всякомъ случаѣ внушаютъ подозрѣнія.

Затѣмъ, надо слѣдить, чтобы разсказчики говорили своимъ обыденнымъ языкомъ, не стараясь говорить «по-пански».

Каждое произведеніе должно быть снабжено записью—гдѣ, отъ кого и кѣмъ оно записано. О пѣсняхъ непремѣнно надо сказать, когда онѣ поются: въ Коляды, на масляницѣ, въ гуканье весны, на Купалу, на свадьбѣ, на крестинахъ и т. д.

Хорошій опытъ такихъ записей сдѣлалъ въ селѣ Высокомъ І. П. Миткевичъ-Далецкій, пользовавшійся личными указаніями нашими и привлекшій къ этому хорошему дѣлу деревенскихъ грамотеевъ, окончившихъ курсъ въ мѣстномъ народномъ училищѣ. Этимъ записямъ мы и даемъ здѣсь мѣсто.

Село Высокое Оршанскаго уѣзда.

1, Примѣгы и повѣрья. Кыли кўраца трѣплить хвастомъ, то бўдить мятѣлица [1])

Скольки у Марцы вады, столько у Пралѣ травы

(Ѳома Ермоленокъ).

Кыли пятўхъ зыпяѣть у лишку, то бўдить атлйга, а кыли у цоть—тады будить марбсъ.

Кыли ворынъ узьлятить ны магільникъ крычучы, то будить мяртьвѣцъ у народи.

Кыли варона лятить ны пуўдьня и крычить, дыкъ бўдить тѣпла, а кыли на поўнычь, то будить сьтидёно.

Кыли ны Ўдакви (1 марта) сьнѣхъ мятѣть, дыкъ и с пуни вымитать чиста.

(Лукьянъ Шакуро).

Ны Раштво нада на куть сьмятьтё мѣсь, то рай ня будуть утикать.

У Кыляды нилизя прясьти, а то кăровы ня будуть тялйцца.

Кыли ў Кыляды што пилна нада дѣлыть, дыкъ нада на тоўстую Кыляду пыставить вѣникъ дыгары у кычарэжнику и пирядъ тымъ якъ дѣлыть, нада ны яго пыглядѣть.

Кыли жыдоўськими празьниками будить халодна, то наша будить тёплая Вяликыдьня.

На Русалный нядѣли нилизя брать кыли што найдишъ: ета русалка на бяду поткинула.

(Полик. Мартусевичъ).

Нирэйдишъ чирисъ крухъ, на лицў будить крухъ (лишай).

(Герас. Коржицкій).

Кыли ны Раштво мятѣлица идѣть, дыкъ и ўлѣтку раёў нейдн будить дѣть.

Искырья с пѣчы сыплюцца—гости будуть.

Тры сяраде мылыдиковыхъ, кажуть, нада вылася пыдрызать, капъ расьли больши.

Кыли йдѣть с поля напѣриди рыжыя карова, дыкъ пагода будить, а кыли чорныя—дыкъ дожъ; кыли рабыя—дыкъ дожъ пирамѣнами, а кыли бѣлыя—дыкъ тумань будить.

Кыли на Масьлинку пагода, дыкъ нада пашаницу сѣить, будить уруджай харошый.

Кыли гарэлку пъють ды пупирхаюцца, ета кажуть, што й налѣта такой парой будишъ цить.

Кыли у вадныиъ мѣсицы титярлѣкъ зыбалбочить, тады у другимъ мѣсицы пастухъ зыраробчить (заиграетъ въ рожокъ). Или: пастухъ выгагочить (закричитъ: го го-го).

Кыли карова тѣлна, ня трэба ѣсь акранцъ.

Кыли нимă зорыкъ на ўси тры Кыляда на неби, дыкъ грыбоў ня будить, а ягыды и арэхи будуть.

Кыли будуть зорки на пѣрвыю Кыляду, то будуть грыбы, якъ жита нылнвать; а кыли ны сярэдьнію Кыляду—то будуть, якъ жита пасьпиваить, а кыли ны пасьлѣдьнію, тады будуть, якъ авёсъ высыпаить (или: асёньськія грыбы).

Кыли што лопнить, то нѣхта сылгаў.

Кыли на Русалный нядѣли што дѣлышъ, то вовцы будуть радицца то съ пятй ныгами, то гырбатыя, то дурнэя—бо авечки ны Русалный нядѣли бѣгуюцца.

На тоўстыю Кыляду дѣуки блины пякуть, ны парохъ кладуть, сыбаку мбнють; чый блинъ упяротъ сыбака схвотить, тая скарэй замушъ зайдить.

Кыли мятлушка литаить, дыкъ кажуть: паминки сяни чые нибўть.

Кыли бутянъ ськвинить дятёнка, дыкъ будить галодный готъ, а кыли яйцо, дыкъ будить уруджай.

(Гр. Бусъ и др.).

---

[1]) Д надо читать какъ *дъз*, т̄—какъ *тьс*.

II. Толкованіе сновъ. Кыли видишъ ва сьнѣ—мынсься, дыкъ тваѐ абидьчики гаворють абъ тябѣ нихарашо́, зло мыслють ны тябѐ.
Кыли видишъ марсъ, будить пагода.
Кыли пажаръ видишъ, маросъ будить.
Кыли ва сьнѣ видишъ грибы, тёила будить.
Игрушы ясй во сьнѣ, балачки будуть, скулья.
Грошы, мѣдь—дыкъ слёзы, а кыли грошы-сярябро́, дыкъ радось.
Кыли видишъ журавовъ, дыкъ мятѐлица будить.
Кыли кыпанишъ ямки, дыкъ злосьники тваѐ накапыють ны тябѐ.
Кыли ва сьнѣ гародишъ плятѐнь, дыкъ ны тябѐ злосьники бунтують.

(Захарій Голясъ).

III. Пословицы. Ти нада краўцы?—Дальшы кракчи!
Ти нада шыпувалы?—Дальшы пышывали!
Краўцу буваить, што на 'дныиъ дни тры пѐчы хлѣба спытыить.
Дыбрахвочый усяды глядить скупому у вочы.
Мыладецъ, ды ни хызяинъ.

(Лукьянъ Шакура).

Хырашо у людёхъ, ды хрипыть у грудёхъ.
Хырашо та тамъ, идѣ насъ нима, а йдѣ мы пабудимъ, дыкъ усё пагудимъ.
Хто парася ўкравъ, у таго ў вушшу пищчить.
Якъ жаниўся—галиўся, а жаниўшися каюся.
Живи якъ братьтя, а рахуйся якъ жытъ.
Посьли насъ ня будить насъ.
Работа ни мядьвѣдь, можна заўтра пыглядѣть.
Вуши пыдыми, а скрось пальцы ни гляди.
Пусьтишъ дятѐй на воли, дыкъ самъ будишъ у ня воли.
Якѐй пень, такѐй и атурстыкъ.
Тая карова малошна, каторыю прыдали.
Аднаго пасодють, а семъ родицца, а ўсё аладѣи ня сводюцца.
Плотьникъ ня плотьникъ, а лапыть ахвотьникъ.

(Ѳома Ермоленокъ).

Хаўтуры—добрый натуры; хуть галосють, ды гарѣлки паднось.
Твоё дѣла—въ носа капъ, а ротамъ хапъ.
Твая сила г—о мясила.
Ны чужѐй шыи вала сьпёкъ бы, а ны своёй и вощыны байцца забить.
Чужыми блинами усякій свайхъ дядоў пумянуў бы.
Сколькі у дярўзи рядоў, столькі мнѣ гадоў.
Капъ ни 'дежа ды ни ѣжа—апохъ бы лёжа.
Видиў, якъ ганьчаръ гаршкй лѣпить, ды самъ ни наўчиўся.
Табѣ 'сё 'дна (все одно) што пугай на вадѣ.
Табѣ кажы якъ пню, табѣ 'сё роўна.
Табѣ такъ говорка прыстаѐть, якъ гарохъ къ сьтянѣ.
Тваѧ гаворка—якъ ваду вядѐть на гару, а вада ни йдѐть.

(Полик. Мартусевичъ).

Каму ладокъ, а кывалямъ мядокъ.
Ны дварѣ лѣтъ—кывылямъ мётъ.
Кыли ўстанить Китай, тады жысь (жизнь, жисть) кидай.
Дармо што празьникъ, а ўроку ни знаю.
Гора гаруишъ, а бяды никыда ни минуишъ.
Хади макка—будить гладка.
Я съ табой буду зѣкыть, а ў кырмани будить рупить.
Кываль куѐть, жонка пяѐть; шавѐцъ шыить, а жонка кул' углоў выить.
Збрадливаму сыбаку хуть хвостъ атсячы, а ёнъ усё пу вакнахъ лазить.
Бѣдному шыў Богъ торбу, а багатыму дьвѣ.
Хто быгать, таму й ладна, сыбака кысмать, яму й тёпла.

Што панъ, дыкъ сыбака.
Што жыть, дыкъ палка.
Цыганъ ни цыганъ, тольки тѣла зыкаптѣла.
У вялйкихъ роди удасца кур.. и злодій.
Ты знаишъ тоя кальцо, што семъ ны яйцо.

(Тим. Ермоленокъ).

Мятѣль пывиваять—пастухъ усыпиваить (восиѣваетъ).
Ды Миколы ня вывади кони на поля, а да Юрья карми ўсякыга дурня.
Вывала и варона лапти абывала, а тянѣрь и гракъ ходить такъ.
У гаду дьвѣ Миколы, два Юрьи, а ободва ......: адинъ халодный, другой галодный.
Дѣти, жыта ў клѣти, а на поли ящо боли.
Хто ў тронки гулянть, тэй сарочки ни маить.
Клади гной густа; ня будить у клѣти пуста.
Адинъ быў сыбачка брахливый, и таго воўкъ зьѣў.
На што мнѣ краўцы, кыли нима аўцы.
Чà ты худый, ти хварэў?—Нѣ, ни хварэў, а катъ хворымъ сядѣў.

(Ефрем Вудисъ).

У каго даўгій языкъ, дыкъ шырока дарога ув адинъ канецъ, а ў другой дыкъ и вузкія нима.
Гни бярёзу пакуль гнёцца, а якъ ни сагнёшъ, дыкъ самъ пависьнишъ.
Мала дають—бяри, а нидалёка шлють—ня йди.
Бисъ працы ни зьясй кылача.
У Витебську кепська, у Воршы ящо горшы, а Дуброўна ня ўсимъ роўна.
Дарога сліска, ды гыра ня ниска.

(И. Полункишкисъ).

Рыба йщитъ глыбаты, а чилавѣкъ дыбраты.
Капъ ня плѣшъ, дыкъ ба гола ни було.
Чаго ни яси, у ротъ ни няси.
Працуишъ-працуишъ, и смаку ня чуишъ.
Ни буть ни войтымъ, ни сватымъ—ни будишъ чилавѣкымъ прыклятымъ.
Козы ни статыкъ, дѣўки ня люди.
Што лопъ выпатаишъ, дыкъ пуза выкатишъ.
Улѣтку нагой копъ, а узимку рукой хопъ.
Авечка кругомъ чилавѣчка.
Добрыя жонка хату пригладаить, а худая й рукавы рыстрысаить.
Якъ дамъ табѣ пыдъ дивятыю рабрыну.
Зыдавиў бы быка, капъ былй вяроўки.
Атъ нашыга парогу валися ўсю дарогу.
Вицца ни гадицца, а тольки пихнуў, капъ ни дыхнуў.
Пруть, дыкъ якъ ня ўпруть—извъ ладоникъ.
Я шъ пупудьдà, вамъ ни руўна.
Кыли конь, дыкъ вязи, а кыли карова, то дывай мылако.
Адинъ сьвята ня зьдѣлыить.
Скольки ў моры глыбаты, стольки да неба висаты.
Да неба стольки вярсьтинныкъ, скольки ны кани шарсьтинникъ.
О, ты пъ та касиў, капъ хто касу насиў..
Што вашы бабы дѣлуютъ?—А што дѣлуютъ: таўкуть ды мелють, ядуть ды с—тъ.
Дрэнныя дѣти ни быяцца кія, а слаўныя дыкъ быацца кива.
Памнога ѣсь ни вялика чесь: ня будишъ бытать, ды будишъ пузатъ.
Али ты ладисься; усё рывно якъ сьвёкырь пялёнки мыть.
Усякій цыганъ сваихъ дятей хвалить: о, батыньку! маё билагалювики!
Хуть я малыя, а зы тябе вялйкыю хувацца ня буду.
Вогу малицца у царкву, а абѣдыть к папу.
С аннымъ пузымъ на семъ абѣдыў ни справисься.
Хуть мала, ды присадиста.

Хто зь изычкомъ, тэй и сь пирашкомъ.
Хто крадить, тэй самъ сабѣ вѣку кырычаить.
Мы тады к вамъ придимъ, якъ ны сталѣ блины увйдимъ.
Сыбака виляить хвастомъ, а амманьщикъ изыкомъ.

(Дарья Ермоленкова).

Ни ў кусьти сядѣть, ни с куста лятѣть.
Па'дномъ, па'дномъ уси памромъ.
Ны чужэй стыранѣ кланййся быранѣ.
Воха ня ўчйть, якъ хлѣпъ радйть.
На тйхыга Бохъ нынясѐть, а жостк1й самъ ныбяжыть.
Кыли ё—дыкъ ни папйть, а нима—дыкъ ни купйть.
Хто хлѣпъ носить, тэй ѣсь ня просить.
Старбга кыня гань, ды на дворъ мань, а мыладбга хвали, ды з двыра гани.
Старый воўкъ знаить толкъ.
Старый воўчышча знаить порядишча.
Ни стыявшы у пароза, ня будишъ сядѣть ны кутѣ.
Дай Божа прыдать у дварэ, а купить ны бызары.
Ласка ни кыляска: ни ўсьсядишъ, ни паѣдишъ.
Доўгъ ни равѐть, а спать ни даѐть.
Душу ўпитаў, дыкъ якъ Бохъ даў.
Вялйк1й кусачыкъ ротъ дярэть.
Чужоя сирабро колить пыдъ рабро.
Мижъ тѣсныхъ дьвярэй палца ни клади.
Пашоўшы ны тяньки, будишъ хадить тры дяньки.
Ни надѣйся Рыманъ ны чужэй кырманъ.
Густыя каша дятей ни рызгыняить.
Сонныга лабудиться, лянйвыга дашлѣсься.
Каму клыпатно, а папу пылатно.
У быгатыга чортъ дятей калышыть, а у бѣдныга зь люльки выкидаить.
Куды, воўча, бяжышъ?—Ны ўдавину кароўку.
Сыбаччый брохъ да неба ни даходить.
Усй покойники хырашы.

(Л. Рохлина).

Кароста ни папоўства, семъ гадоў одбудить, ташы ни будить.
Кишка ня зѐркыла, што ўпёръ—абы ня кѐркыла.
Пу матули уси роўны, а пы шкатули панъ.
Абъ вашыхъ малцыў здароўя гываръть саромна.
Самъ ня зьясй, а другимъ рыздасй.
А я и быранкуў з голыду падъѣў.
А дѣ Йванька?—С—а зьѣла, и ны тябѐ зубы найстрыла.

(Гр. Вусъ).

У дѣўки семъ скулъ ны баку и то ни ў знаку, а замушъ зайдить, адна сядить и тая валить.

Кыли жывѐцца, дыкь жывйся, а кыли самкнѐцца, дыкъ тольки дяржыся.

Добрыму чилавѣчку ё мѣста и у запѐчку, а блыгатѣ нима мѣста и на кутѣ.

Макъ чорный, ды салотк1й, а рѐтька бѣлыя, ды горькыя.

Кыли ёсь у кылитѣ, дыкъ содють ны кутѣ, а кыли увйдють хатуль, дыкъ пытаюцца: аткуль?

(З. Голясъ).

Дай Божа спажыть, што ў чужэй клѣти ляжыть, а ў сваѐй нихай дали пыляжыть.

Спорня ў дяжу!—Спасиба, сто рублей табѣ ў машну и жаниха (или невѣсту) ны вясну.

Пень тваю малину.

У каго Раштов, а ў насъ ня што.

Нидумѣлый дуракъ хўжы злога злόбника.

Рызвизаўся мѣхъ ни на смѣхъ. (Утѣшеніе родильницѣ).

Аднў сыбака пѣсьню ўмѣў, а ты и тую атыбраў.

Капъ ты ат вѣтру мѣтаўся ды за згарόду диржаўся.

Кыли ныработуў, ня грэхъ и аддыхнўть.

У в адинъ часъ усё лўныла. (О пожарахъ).

Семъ гόтъ у запичку сядѣла, ищё ны свадьбу зыхатѣла. (Или: пасьпѣла).

Пакуля на вувкуразьзё атмалиўся, дыкъ ны истрабъё забыўся. (Стихи нищихъ о скотинѣ и о птицѣ).

Ты вѣдынишъ пять, ды ни вѣдыишъ якъ щитать.

Выигра съ прόнгрый на 'днымъ кани ѣдить.

Мая систра ни ўдува, пыдывай сыла рубля сирыбра.

Мой швагрό ни ўдавѣцъ, пыдывай сыда чырванѣцъ. (Обѣ первоначально свадебныя).

Азъ, буки, вядй, глаголь, дабрό—баба разьбила вядрό, клёпычки у печъ, ня бўдить течъ.

Купи касў зы дваццыть капѣнкъ: ня бўдишъ касйть, бўдишъ гыласйть.

Будуть дарόги каминныя, будуть суды ниправидныя.

Бўдить то, што агόнь можна ў кырмани диржать. (Древнія предсказанія).

Маѐ сыны ўдалиси: адинъ у міры, другѐй у Сибиры, а трэтьтій на сьвѣту хόдить ды людей зводить.

Ня бы икая варόна: ни диравѐньськыя, ды гырыцкая.

Ня ѣў тры гады, ня буду ѣсь никады.

На Юрья выпускай усякыга дурня. (О скотѣ. Но можетъ быть и историческая).

Хто наѣўся кынапѐль, тэй ударуўся апъ пень. (Отказъ въ конопляхъ).

Отъ крупѐни дѣти паглупѣли, а якъ ни стала крупъ, стаў батька глупъ.

Зыгыдай кабылу, а кабыла жырыбя.

Якъ нима вады, дыкъ ни купйть, а якъ ёсь вады, дыкъ ни напйть.

Питьтё—сьмятьтё, а пысядёнка дόрыга.

Хто зъ бырадόй, таму зы вадόй.

Пашли дурука за быкамъ, а ёнъ привядѐть тёлку.

И я ищό гнилόму тялёнку атарвў хвостъ.

И ракуў ни хатй, и с—и ни мачы.

Моръ на вόшы!—Споръ на грόшы! (Взаимныя пожеланія).

А зы вашы гавόрки вамъ на шыи вярόўки.

Лапыть ни князь, абўў ды ў грась

Кыжанόва матка пляшывыя, сырэя капусты ня любить.

Ягό ў стўпу усадиўшы, у семъ туўкачόў ни пупадѐшъ.

Куды ўлѣсъ, такъ и атвѣтъ.

Капъ ви пыгбатыя, дыкъ бы ни была пыкивиратыя.

Лўччы ў лўжыну ўтапйцца, нячымъ сапливыю любйть. (Изъ пѣсни).

Ну, штўчка: ня зьѣсь ни воўкъ, ни сўчка.

Капъ счасьлиў быў, вялйкъ росъ, батьку-матку зы хахόлъ трόсъ. (Шутливое пожеланіе на крестинахъ).

Братъ нытъ сястрόю, якъ воўкъ нытъ каздю.

Сядйть ны кани и кыня пытаить.

У тябѐ сумурдаки ў нόси, трэба ихъ выгнить.

Кроў чылавѣчча ня 'вѐчча—ни прыпадѐть.

Видинъ пу вычахъ што злόдій.

Дираўшына дираўшыный и пахнить. (Деревенщина).

Ни пыдняўшы, ни кажы б....

Я самъ Марка, жына мыя Варка: лѣтымъ касйть былό жарка, а зимой марόсъ,—усклаў на восъ ды й павёсъ. (О лѣнящихся работать).

Ныўратъ, ти выйдить рэшыта бобу.

Дамъ табѣ шытикъ кыла нόхъ.

Идѣ и зόлыта дивалыся, капъ ни ўпадалыси.

Кыли бўдишъ знать ды кынца, сыстарыисься якъ аўца.

Якъ ударю, дыкь цыблы рассыплюцца.

Из Богымъ Хадоска, яйцомъ дарошка.

Цытьтя дѣти: рыжжывёмся, якъ у пустухи наймёмся, тады намъ усй винуваты будуть.

Дамъ уранку пы быранку, а ўдень пить, а ўвечыры буду кіимъ бить. (Пугаютъ дѣтей нищими).

Музыки ды круўца никали ни пашыцца бырызна ды кынца.

Хто Богу ўгодинъ, ни будить галодинъ.

Два дурни на сьвѣти: одинъ, што кони поючы свишчыть, а другёй—ни пытиравшы йишчыть.

Заўтры свистуноў будуть сушыть, терть и ў ж... перть. (Свистать въ домѣ нельзя: запустѣетъ, вѣтеръ только будетъ свистать).

Што ты, пустыня, свишчышъ: тутъ вубразы ёсь. (Тоже).

Рыступися зимля мать—пойдить пъяница гулять.

Наѣўся пупъ крупъ, зыхатѣў сала.

Зыгу... няў чю сваю пырахвію.

Плювать ны карэту, што лышадей нѣту, сыма пувязеть.

Удавйная курыца и прасла ломить.

Аччаго грыжа (ссора) стала: кыли хлѣба ни стала.

Нихай расьтеть батьку—мацпы ны патѣху, а людимъ ны зайздрысь. (Крестинное пожеланіе).

(I. П. М.-Далецкій, К. Гонакъ и др.).

IV. Скороговорки. Ча ты к намъ прышоў: зы прысьмихаўствомъ, ти за выпрысьмихуўствымъ?

Я тябе прысьмихаўствую и выпрысьмихуўствыю.

И выкруўлю и выпрымлю, зы вароты дамъ и ў вакно пыдамъ.

Пайду ў лѣсъ пы рябыю карову. (Шпока пиригынять двынанцыть разоў).

(К. Гонакъ).

V. Загадки. Два кагы адйнъ комъ масла лйжуть.

Зывалйлыся бяроска ны кажный дворъ пу сучку.

Чорныя карова пувалйла трасьнйкъ, а бѣлый быкъ пыдняў трасьнйкъ.

Семсогъ вуювала, адна матка пухувала, а дьвѣ и тяперь вайюють.

Чорну чарнушку гопъ пыдъ валюшку.

Ня гонь, ды пячеть.

Пераксьтися ды й лѣсь ны мяне.

Громъ грымавень, дожъ зыливень, выда пы калѣни, а напйцца нейди.

Мала маленька, зь лесымъ раўненька, и зь лѣсу ни видать.

10. На день зыгыняють, на ныч выпускають.

Ишоў кылы шупулйныя хатки, выскычыли шупулйныя рибятки, якъ стали мяне шупулйть, чуть ни зушупулйли.

Ни светъ-ни зыря бижйть носъ выдира.

Два гальни у боти скачуть

Ишоў дарогый, ишоў шырокій, виджу—дабро у дабрэ ходить. Я ўзяў, дыбра выврвуў и дабро дабромъ выгнуў и ўзнова дабро у дабро ўкйнуў.

Бяруть у рыгатыга, прупускають скрось пысканноя, ильють у глиняныя, а з глиняныга у кытялокъ.

Бочка стогнить, быляры мётъ пъють.

Пашоў дендра ў лендру, узяў с сабой пасѣйника; выскычыў с кундры путятьникъ, ухапиў пасѣйника; дендра ўхапиў пандру и адбыраниў пасѣйника.

Сядить дендра на пендры, крычыть на кондру: ня лѣсь, кондра, ў пендру, у пендры стаить кандра. (Обѣ—видъ условныхъ языковъ).

Узыйду на горку, аччиню камбрку; кап ня дымъ, дык бы сыбаки зьѣли.

20. А ў тёмный тямницы ткуть панны красьницы—ни вузла, ни пятьлйцы.

Идеть мядьмедь пыт зямельлю, зямлю дярёть и вонъ кладеть.

Сядить мядьмѣдь на кўпинцы у свае́й халўпинцы, трясе́цца, колотцца, аб усѣхъ клапо́тицца.

Ишла баба ло́гымъ, сустрэла Бога: «атними ат мянѐ то́я, чаго ў тябе нима̀».

Стайть рузрубиха, ў рузрубиси рызвалиха, ў рызвалиси хо̀хыла, у хо̀хыли во̀хыла, у во̀хыли бо́ўтикъ, у боўтику ты́кыла.

Прышо̀ў хто, узяў што; гани́ся за имъ, нима вѣдыма за кимъ.

Пу вадѣ йде́ть—ни плѣщицца, пы са̀лми йде́ть—ни шало̀хницца.

Лысинькій жирябо̀чикъ с-пыт павѣтьтя глядить.

Што у ха̀ти бизы дна̀?

Пять пунь, адны варо́ты.

30. Стайть чилавѣкъ и крычыть, а зь яго̀ жышка бяжыть. У сиротки зыгарѣлыся ў сярётки, а ў до̀брыга мылыцца̀ пыкатилыся с кынца̀. Рыскраснѣўся, рыспыхтѣўся якъ из лазьни, а с кынца̀ капъ-капъ.

Каро̀ва кывалёва, а быкъ гынчаро̀ў, абнялися, пувялися пра̀ма ў роў.

Сядить мядьмѣдька ны красныхъ яѐчкахъ.

По̀ўна бало̀цца кычарэжычыкъ.

Ѣхыли былга̀ры, узя̀ли маю пичу ны сани, а я крычу: аддай маю пичу.

Дрыги дрыгають, жылы ўстыва̀ють, голый дія̀вылъ дирки шука̀ить.

Чатыры чатырнички, пятыя лубўшычка, шыстая жывўшычка.

Ѣду-ѣду ны старымъ дѣду, якъ прыѣду к броду—шусь у во̀ду.

40. Прашу пакорна пумачыть у чо̀рна, вынуть—патѐрти ды й ящо упѐрти.

Мядьмѣдь стайть, а вушы плѣщуть.

Пўня шырсьтиня̀я, замки зялѣзныя.

Што збўдицца с тэй варо̀ный, кыли минѐть сёмый готъ?

Пытъ капо̀й мышы до̀хнуть.

Ишла рыбина да Кіюва, сваѐ ко̀сьти покинула.

Дупъ, дупъ, дупъ и вясъ, исяно̀вый пытпиря̀съ, а у бакў дирка, а ў задў шпилька.

Пиндрикъ вяликъ, а пиндричка нивяличка.

Плѣшъ на̀ плипъ ящо ка̀плишъ, усўнуў пу па̀ри и вынюў адинъ.

Дѐсить бра̀туў Пынкра̀туў ны пир—но̀ву гарў нѐвыть тягнуть.

50. Ишо̀ў, дьвѣ дароги нашо́ў и ў вабѣдьви пашо̀ў.

А ў на̀шыга пана пысярётъ пуза яма.

Лятѣли бѣлыя галўби, сѣли ны пирярўби.

Сининькій клубо̀чыкъ шмыкъ пудъ лубо̀чыкъ.

Ны якимъ дѐрювп дьвѣ шкуры?

Што ў лѣси, а што ў по̀ли?

Што ў доми, а што ў вадѣ?

Сядить бабуся у сямй кажўся (хъ), хто яе зачѐпить, тэй зыпла̀чить.

Батька тольки-што радиўся, а сынъ ужо на крышы.

Ляжыть лижа̀нка, пы лижа̀нцы бяжыть зьмія̀.

60. Стайть ялина, ны ялини пысканина, ны пысканини аржанина.

Адинъ идѐть, а два̀ццыть сьлядо̀ў дѣлыить.

Ишоў па по̀лю хадѐнь—ны двына̀нцыть нохъ адинъ ступѐнь.

Чатыры кыта̀нычки пабѣгли ны паля̀нычки, ухватили вутычку, пысадили ны закўтычку.

Што расьтѐть дыгары карѐньнимъ?

Сухая кабыла ўсё сѣна паѣла.

Мой братъ прукура̀тъ скрось сьтянў гро̀шы личить.

Два сыба̀ки даро̀гу лижуть.

Матка таўсгўха, дычка̀ краснуха, а сыны висильники.

Миз дуба мизь ели тиля̀ увязла.

70. Кло̀ницца, кло̀ницца—брыкъ и вытигницца.

У печы мо̀чыцца, у вадѣ сўшыцця.

Цаткйну пыраніокъ пать тёмный лясбкъ, вырысьтить кўпкымъ пыт зялёнымъ дўпкымъ.

Хто ны сябѐ грясь тягнить?

А ўсе пбля ў ладычкыхъ.

А ўсё пбля ў свѣчкыхъ.

А ўсё пбля ў мутузкахъ.

У зямлю крбшки, а зь зямлй липёшки.

Улѣтку ни ель ни сыгна, а ўзимку кардўцы систрà.

Аднб палѣна у дьвюхъ пѐчыхъ гарыть.

80. Матка вирыятка, дбчки пылизўхи, сыны лыпутуны, бàтька шарсьтѐнь.

Силихбнъ, убярйсь вонъ.

Абѣдыў, абѣдыў, а жывбтъ ня вѣдыў.

Гось—сыласьтёй, ѣсь мяса биз касьтёй, гось сытъ, мяса цэла.

Скручў, зьвярчў, за мбря пушчў.

Ты братъ иди туды, а я пойдў сюды: на пўпавый гарэ сыйдимся.

На ели сядйть, скрось клёнъ глядйть, бирозы шытаить.

Туды рохъ, сюды рохъ, баслаў Божа, лѣсь ны мянѐ.

Чиризъ миску струнка.

Ѣхуў плухъ на чорный лухъ, за имъ пара слухъ, тудй ѣхуў вѐсилъ, аттўль гылавў звѣся.

Лятѣла пава, ны камѐньня пала, каменьня пабила, мяртвыхъ узбудйла, мяртвыя ўстали, ў пйшчыки зайграли.

90. У чыстымъ поли лижàть люди забйтыя, мис тыхъ людей стайть вйтылка, а ў вйтылцы сямьй—краса; прыбѣхъ бутятьникъ, ухватйў сямьи—красу; мой милый дружокъ, карий пасѐйника, бярй суха дѐрева, дыгайй бутятьника, адбярй сямьй-красў.

Дьвѣ Гапўли, адинъ Гапбнъ.

У выднагб вупря два лычы.

Миз дьвюхъ лисицъ парсўкъ висйть.

Памёръ каптўръ, нима хаўтўръ.

Лятѣў тѣнь ны Пятрдў дѐнь, мѣить волю нудъ усими, нытъ царями, нытъ кырылями, тольки ня мѣить воли што у мбри.

Рыгазюлька пы крàсный гарэ скачить, а чортъ мыхнàтый сьмяѐцца. Ни радуйся, чортъ мыхнàтый—бўдить и табѣ ѐта.

Тры сястрй на печь лѣзуть, ды нираззу ня ўзьлѣзуть.

Адныиъ снапбмъ ёвню нысаджў, а два снапй мѐньшыхъ выстаницца.

Быў я ны пикàнцы, быў я ны лижàнцы, быў я ны пыжàры, быў я ны таргў.

Стàрыя баба на печь лѣзить, ды ня ўзьлѣзить.

Самъ мàккій, а хвостъ кылянбй.

(І. М.-Далецкій, Г. Коржицкій, И. Матюкъ, Л. Шакура, В. Берестонь, В. Мыська, Е. Смольянъ, Г. Вусъ, Н. Суботникъ и др.).

Отгадки.

1, Сани. 2, Дорога и стежки. 3, Ночь, день и люди. 4, Деревья лиственныя, хвойныя и снѣгъ. 5, Горшокъ. 6, Водка. 7, Сорочка. 8, Водяная мельница или печь въ банѣ. 9, Сердцевина. 10, Лапти. 11, Пчелы. 12, Стрѣлецъ. 13, Толкачи въ ступѣ. 14, Конь во ржи. 15, Корова, молоко, цѣдилка, кувшинъ, ротъ. 16, Свинья и поросята. 17, Дѣдъ, лѣсъ, собака, кустъ, волкъ, палка. 18, Дѣдъ, печь, кошка, каша. 19, Пчелы. 20, Пчелы. 21, Кротъ. 22, Мельница. 23, Грѣхи. 24, Хата, печь, огонь, горшокъ, вода, ложка. 25, Смерть. 26, Солнце. 27, Ветошокъ. 28, Скамейки. 29, Перчатка. 30-32, Самоваръ кипящій. 33, Ухватъ, горшокъ, печка. 34, Горшокъ на угляхъ. 35, Чашка и ложки. 36, Сковорода и колбаса. 37, Кросна, поножи, челнокъ. 38, Люлька съ ребенкомъ. 39, Ведра. 40, Дегтярка. 41, Ступа и толкачи. 42, Сѣр-

мяга и пуговицы. 43, Пойдетъ восьмой. 44, Уголья въ печуркѣ подъ золой. 45, Пенька. 46, Боченокъ. 47, Чепельникъ и чепела. 48, Блинъ. 49—50, Надѣванье брюкъ. 51, Корыто. 52, Зубы. 53, Глаза. 54, На березѣ. 55, Кленъ и ленъ. 56, Клинъ и линь. 57, Лӑкъ. 58, Огонь и дымъ. 59, Желѣзная дорога. 60, Столъ, скатерть, хлѣбъ. 61, Борона. 62, Колесо. 63, Телега, хлѣбъ, гумно. 64, Волоса на головѣ. Также: сажа. 65, Розвины (орудіе). 66, Буравъ. 67, Сани. 68, Евня, токъ, цѣпы. 69, Цѣпъ. 70, Топоръ. 71, Воскъ. 72, Рѣпа. 73, Колесо. 74, Слѣды копытъ. 75, Ржище. 76, Межи. 77, Рѣпа. 78, Конопля. 79, Ось. 80, Евня, метлы, цѣпы и токъ. 81, Дымъ. 82, Грудной младенецъ. 83, Письмо. 84, Поясъ. 85, Пряха. 86, Сорочка. 87, Почепка въ ведрѣ. 88, Пѣтухъ. 89, Цыплята. 90, Младенецъ въ люлькѣ на полѣ, волкъ. 91, Лавки и столъ. 92, Ночевки. 93, Косякъ. 94, Горшокъ. 95, Комаръ. 96, Кочерга и помело. 97, Беременность. 98, Горшокъ. 99, Печурка. 100, Щетка.

VI. Заговоры.

Атъ крывй

1, Ишду̑ Максимъ шырдкый дардгай, ишлӑ Вульлӑна кылы камня. Якъ Вульлӑна камня ни стрдныла, копъ такъ кроу̑ ни кӑнула.

(Тры рӑзы кызӑть и мѐзинымъ пӑлцымъ апчӥркывать).

Атъ круга (лишая).

Намазывая оконнымъ потомъ:

2, Крухъ, крухъ, дабры̀-динь—прыпадй за дѐнь! Крухъ, крухъ, дабры̀-вечиръ—прыпадй за вѐчиръ. Крухъ, крухъ, дабрӑ-нычъ – прыпадй зӑ нычъ. (Смотря по времени произнесенія заговора).

Нада да сднца расу̑ сыбирӑть изъ вакнӑ и мѐзиннымъ пӑлцымъ кругдмъ лишыӑ мӑзыть и кызӑть:

3, Крухъ, крухъ—лишай! пашоу̑ сьвиньнямъ мишӑй!

(П. Мартусевичъ).

VIII. Духовные стихи.

У мӑрцы мѣсицы у̑ воскрэеный день Мать Прысьвитая Бығарддица спычывӑла на Вдлгій гары̀ тры дьни, тры ночы̀, тры часы̀ Прышду̑ ды яѐ Сусь Христосъ.

— «Мать Прысьвитӑя Бығардӑица 'Ладычыца! Ти спишъ, ти зришъ, ти спрасднку вдсь ни видӑишъ»?

— Сынку мой любѐзный! Я сплю и зрю, спрасднку вд сьни видӑю: 'зяли Хрыстӑ на му̑ку, рыспӑли на кѐтры, на пѐдры, ны святы̀мъ кытардси, ны 'Дӑмывый галду̑цы, прабйли правый бачдкъ кдпiмъ, пытяклд пы 'Дӑмывый галду̑цы тры крдвы: пѐршая кроу̑ гару̑ча, другӑя кроу̑ нягрэшна трэтя кроу̑ нисмяртэлна (безгрѣшна, безбезсмертна).

— «Мать Прысьвитӑя Бығардӑица. Што вдлила ва сьнѣ, тд бу̑дить нӑ йви: здӑмся зы хрыстӑньськыю крду̑ на му̑ку!»

Мать Прысьвитӑя Бығарддица зыплӑкыла— зырыдӑла.

— Сынку мой любѐзный: сь кимъ мянѐ кидӑишъ?

— «Ни плачь, ни рыдай, Мать Прысьвитӑя Бығарддица: вд тры дьни выскрасну̑ и нӑ ныбиси у̑ступлю и тябе, мать Прысьвитӑя Бығарддица, з душдю-тѣлымъ вазьму̑, у̑ субдры ны прыстдли пылажу̑, на у̑весь бѣлый сьвѣтъ у грӑмыту у̑пишу̑. Аццы и прароки стыяли ны выдӑхъ, ны рыкӑхъ, ны святы̀хъ Ирдӑнихъ, сы сьвичӑми, сы крыжӑми, чѐсными абрызӑми, и тибѐ, Мать Прысьвитӑя Бығардӑица, 'спыминӑли и нинѐ, Су̑са Хрыстӑ Сына Бджа, у̑зьвиличӑти».

Хто Прысьвятыя Быгародицы сонъ 'спомнить, таму Бокъ грахоў увблить, атъ агняныга пыжару, атъ напасьти, атъ напрасьницы, сыхранить Бохъ и памилыить на многыя лѣта.

От кр. с. Высокаго Ст. Шавеля, 80 лѣтъ, запис. г. М.-Далецкій.

А ў лужочку, на крутинькимъ биряжочку,
Стаить цэрьква муруваныя.
А ў тэй цэрькви прыстолъ стаить
Зы прыстолымъ Божжыя Матя сядить.
Ина сядить, листы пишыть,
Силно плачыть, тяшко уздыхаить,
Тяшка ўздыхаить, узрыгыить.
Ирышла ды яа сьвента Марэя,
Сьвента Марэя пытаницца:
— «Чаго, Божжыя Мать, силна плачышъ,
Силна плачышъ, тяшка ўздыхаишъ,
— А якъ жа ш мнѣ ни плакыть, ни ўзрыпывать:
Што майго Сына жыды ўзяли,
На крышъ ручки рысьпинали,
Капъёмъ сэрца прыбивали,
Гарючу каоў рызьливали,
На сёмъ сажынь у землю пушчали.
Цярнэўинымъ прыклыдали,
Каменьнийкымъ зыкычали...
— «А йди, Божжыя Мать, къ свайму Сыну,
Вазьми ключи пякелныя,
А пусьти душы нягрэшныя.
Адну душў ни выпушчай,—
Тая душа гряшнѣй за ўсихъ:
С аццомъ, з маткый пысварылыся,
З большымъ сястрэ кроў спусьтила—
Вотъ тэй душэ рай зычынёный,
Рай зычынёный, пекса мччынёныя».
Пашла душа узрыгаючы.
Аппа-мати прыклинаючы:
Быдай проклиты аццъ—мати,
Чаму мяне малыю ня учыли,
Маё тѣла ни дьвишыли [1])

(Зап. М. Матюкъ).

VIII. Причитанія.

Причитанія матери по ребенкѣ. 1. А мой жа ты сынуличка! А мой же ты либяоюличка! А чаго ш ты, мой сынуличка, ат мяне утикаишъ? А ти я ш табѣ надаѣла?

2. А скажы ш, скажы, мой сынуличка; а кали ты ка мнѣ прыдишъ у госьтийки? А ти з васходу, а ти з захыду? Кап я знала, мой ты либядёчикъ, кали ты прыдишъ ка мнѣ, тады и я ничога и ни работыла..

3. А ты ш паедишь, мой сынуличка, у хатычку дужа тёмныю,—бизвиконныю. А тамъ жы дужа тёмна, мой сынуличка! А тутъ жы ты дужа быяўся тёмныга, а тяпѣрь жы ты идёшъ у хатычку тёмныю и бизваконныю и ни байсься..

4. Гасьтюй, гасьтюй, мой ты сынуличка! Нямнотка ш табѣ ужо у насъ гасьтювати. Прасй ш, прасй, сынуличка, свайхъ тётиникъ и дядиныкъ, кап яны тябе прыбрали...

5. Прышчай, прышчай, мой сынуличка! Прыходицца исъ табой рыстрянцца на вѣки,—мой ты сынуличка, мой либядюличка!..

6. Упруўляимъ жа мы тябѣ, маё дитятычка, проти лѣтичка, проти тёплыга! А ўси ш дѣтычки будуть оа вулицы гуляти и красычки ирвати, а майго ж жы дитятычки ня будить видати!..

7. Агарчыў жа ты мяне, маё дитятухна!.. Знать жы ты ны мяне дужа разгнѣвуўся,—што ты са мной ничога ни гавэрышъ... Знать жы ты, маё дитятухна, дужа Боху ўгодинъ, што Енъ тябѣ ат насъ атнимаить, къ Сабѣ у выслужнички...

8. Пытихўсиньку вы. муе дядички, яго вы сьнимайтя. Яго ш костычки дужа болныя...

9. Ти прасиў жа ты, мой сынуличка. свайго татуличку, какъ ёнъ табѣ запрёхъ свайго коника заѣхыть у хатычку, дужа тёмныю, бизваконныю? Замкнуть жа тябѣ, маё дитятычка, трёми замочкыми. Первый жы замочыпъ—грабовыи дошчычки; другѣй жы замочыкъ—жоўтый пясочыкъ, а трэтьтій замочыкъ—травычка муравычка...

10. А я ш к табѣ, маё дитятычка, буду хадить кажный дянёчыкъ. Я ш буду ны табѣ кукувати, тябѣ ў госьтийки к сабѣ звати... Якъ жа мнѣ забыцца ёткыга дитятычку, ёткыга любинькыга? Енъ жы висялиў жы нашу ўсю сямечку... Мой ты дитятычка! мой ты любинькій сыночыкъ...

(Запис. кр. Гонакъ).

[1]) Ср. подвижникъ.

IX. Пѣсни родинныя и крестинныя.

Ай у нядѣльку вѐльма ра̀нинька
Што ў нѐби зызьвинѣла?
— Гѐспыть Богъ идѐть и дѐлю нясѐть
Етыму дитяти.
А пыта̀нцца ў Бугурѐдицы:
— «Якўю долю дать дирѧти?
Ти грышавўю, ти дыжжавўю,
Ай ти тую виньча̀лныю?»
Бабычка сядѝть и Бога прѐсить:
— «Дай, Божа, уся̀кыю!»

—

Ай у нядѣльку вѐльма ра̀нинька
Што у неби зызьвинѣла?
— Гѐспытъ Бохъ идѐтс и долю нясѐть
Етыму дитяти...
А пыта̀нцца ў Бугурѐдицы:
— «Якую долю дать дитяти?
Ти грышавўю, ти дыжжавўю,
А ти тую виньча̀лныю?»
Кўмычка сядѝть и Бога прѐсить:
— «Дай, Божа усякыю!»

—

Ай у нядѣльку вѐльма ранинька и т. д.
Кумѐчикъ сядѝть и Бога прѐсить:
«Дай, Божа, уся̀кыю!»

———

Кап я знала—вѣдыла.
Што ты ў мянѐ ба̀бый бѐдишъ—
Пысадѝла и я тябѐ
У гарѐди ны грядѣ,
Пылива̀ла и я тябѐ
Ни вадѐю, ды сытою,
Кап сыты ни ста̀ла,
Я и ма̀ду дыста̀ла.

—

Кап я знала—вѣдыла.
Што ты ў мяне кумѐй бѝдишъ—
Пысадѝла и я тябѐ и т. д.

—

Кап я сна̀ла—вѣдыла,
Што ты ў мянѐ кўмымъ бѐдишъ—
Пысадѝла и я тябе и т. д.
Я й мѐду и дыста̀ла.

———

Кылы двыра̀ сьтѐжычка,
Кылы двыра дарѐшка,
Туды и ишла̀ бабўська,
Туды и ишла любуська.
Суструка̀ить Гѐспытъ Бохъ,
Суструка̀ить Духъ Сьвятэй.
— «Куды идѐшъ. бабўся,
Куды идѐшъ, любўся?»
— Ай на кcьтѝнки, Гѐспытъ Бохъ,
Ну муравѝнки, Духъ Сьвятэй!
— «Што ты нясѐшъ, бабуся̀,
Што ты нясѐшъ, любуся?»
— Пялёнычки, Гѐспыть Бохъ,
Пялёнычки, Духъ Сьвятэй!

—

Кылы двыра̀ сьтѐжычка,
Кылы двыра дарѐшка.
Туды и ишдў кумѐчикъ,
Туды и ишдў гулубѐчикъ.
Суструка̀ить Гѐспытъ Бохъ и у. д.
«Што ты нясѐшъ, кумочикъ,
Што ты нясѐшъ, гулубѐчикъ?
— Чирвоньчики, Гѐспытъ Бохъ,
Чирвѐньчики, Духъ Сьвятэй.

—

Кылы двыра сьтѐжынька,
Кылы двыра дарѐшка.
Туды ж ба йшла̀ кумўся,
Туда ж ба йшла̀ любуся!
Сустрика̀ить Гѐспытъ Богъ,
Сустрика̀ить Духъ Сьвятэй:
— «Куды идѐшъ, кумўся,
Куды идѐшъ, любўся?»
— Ай на кcьтѝнки Гѐспытъ Бохъ,
Ну муравѝнки, Духъ Сьвятэй.
— «Што ты нясѐшъ, кумўся,
А што нясѐшъ, любуся?»
— Нысрятычикъ, Гѐспытъ Бохъ,
Нысрятычикъ, Духъ Сьвятэй!

———

А кап я ѐта знау,
А кап я ѐт вѣдуу—
Я ж бы тябѐ ба̀бый ни узя̀у:
Ина̀ й гарэлки ня пъѐть,
Ина̀ й пѣсинъ ни пяѐть.

—

А кап я ѐта знау,
Кап я ета вѣдуу—
Я ж бы тябѐ кумѐй ни узяу:
Ина й гарэски ня пъѐть,
Ина й пѣсинъ ни пяѐть.

—

— А кап я ѐта знаў,
Кап я ѐта вѣдуу—
Я ж бы тябе кўмымъ ни узяу!
Енъ гарэлки ня пъѐть,
Ёнъ и пѣсинъ ни пяѐть.

———

А сядѣли ў бясѣди
Мужы̀ чѐсныя,
А ра̀дили яны̀ ра̀ду,
Ра̀ду дѐбрыю:

Аччагѐ а сьвѣтъ—Мысква
Зыгарэлыся?
Зыгарэлысь сьвѣтъ—Мысква
Атъ удѐвушки.
А згарэла тры цэркуўки,
Тры суборниньвыхъ;
А згарэли тры папы,
Тры духѐўниньвыхъ;
А згарэла тры дяки,
Тры наўчѐниньвыхъ.
А ни жаль жа трёхъ папѐў,
Трёхъ духѐўниньвыхъ,
А ни жаль жа трёхъ дякѐў.
Трёхъ наўчѐниньвыхъ—
А и жаль жа тры цэркуўки,
Тры субѐрниньвыхъ.

(Д. Ермоленкова).

X. Пѣсни колыбельныя, дѣтскія, игорныя, шутливыя.

Люли-люли-люли,
Прылятѣли вули;
Сѣли-пали ны варѐтыхъ
У чырвѐныхъ бѐтыхъ.
Стали яны бркувать:
Чымъ Иваньку гудувать?
Адинъ кажыть: пирашкѐмъ;
Другѐй кажыть: мылачкѐмъ,
Трэтьтій кажыть: сытѐю,
И палѐжымъ спать с сабѐю.

Люли-люли, спать-мыўчать,
Я сь (я жъ) тябе буду кылыхать
Кап табѣ булѐ смашна спать.

Иди, кѐтикъ, ни вурчи,
А Иванька сьпи—маўчи;
А ны ката вуркыта,
А ны иваньку дрымыта.

А псикъ, кѐтикъ, ны таржѐкъ!
Прынясй Иваньку пиражѐкъ,
И самъ трѐшку укуси,
И Иваньку прынясй!
А псикъ, кѐтикъ, на вулку,
Прынясй Иваньку хлѣба булку,
И самъ трѐшку укуси
И Иваньку прынясй!
Иди, кѐтикъ, на рынывъ,
Прынясй, кѐтикъ, скарынывъ,
И самъ, кѐтикъ, ни зьясй,
Асталнѐя прынясй!
Иди, кѐтя, ни вурчи,
А Иванька, зьѣў, маўчи!

Зайчикъ дрѐвы сячѐть,
Казёлъ дрѐвы нѐсить,
Кыза хату тѐпить,
Аўца муку сѣить,
Сьвинья дяжу мѣсить,
Крѐликъ мыить столикъ,
Каўки мыють лаўки,
Кошки мыють лѐшки,
Лиски мыють миски,
Блыха хату мятѐть.
Зайчикъ атьсѣкъ пальчикъ,
Казёлъ з драўмй пувалиўся,
Кыза хату спалйла,
Аўца муку рассыпыла,
Сьвинья ў дяжу ўвязла,
Крѐликъ ныщипаў столикъ,
Каўки пылымали лаўки,
Кошки пыщипали лѐшки,
Лиски пабйли миски,
Блыха вѣникъ рассыпыла.
(Каждая строка два раза).

Мужыкъ—вѐжыкъ
Прадаў ножыкъ,
Купиў мыла,
Памыў рыла.

Латки латки
Дякѐвы рыбятки
Гарѐхъ мылатили,
Цапы пулумали,
За 'вйнъ зыкидали,
Дяку ни скызали.
Дякъ зыбраниўся
И с пылать звалиўся.
Дячиха сь пѐчи—
Пабйла плѐчи,
Пятўхъ зь ямки—
Пабиў клямкй,
Курица с палицы—
Пабйла шклянйцы.

А чи-чи сарѐка,
Куды лятйшъ далёка?
Сѣла-пала ны таку
У чурвѐнымъ кылпаку.
Ня бй мяне пы баку.
Буду табѣ гѐтъ служыть,
Саху на паля насйть.
Прышѐў ў поля—сахи нима,
Прышѐў ў дворъ—жаны нима.
— А йдѣ жана?—У мякини!
Што радйла?—А Якима!

— Хто купа̀ў?—Сыба̀ка!
— Чимъ заву̀ть? —Кылбака!
— Идѣ ляжы̀ть?—Пыд ла̀укый!
— Чимъ накры̀уся?—Кыря̀укый!
— Йдѣ пыкла̀ли?—Пут куто̀мъ!
— Чимъ накры̀уся?—Лускуто̀мъ!
И припѣуцы кане́цъ,
А мнѣ ме́ду карэ̀цъ.

Питушо̀къ, питушо̀къ,
Зылатэ̀й грыбянёкъ!
Ны салѡ̀мцы спаў,
Ёнъ ра̀на уста̀ў,
Пу вадѝчку пашо̀ў,
Мыладѝчку нашо̀ў;
Мыладѝчка дыбра̀,
Яму̀ што́ники дыла,
Ёнъ и тэ̀я ни знасйў
И другѐя пупрасйў.

Мати сына радйла,
На коника садйла,
Шаўко̀выя пувады̀,
Вядй кынѝ ды вады̀.
Арэ̀хува кары̀та
По̀ўна вады̀ налйта.
Тамъ мальчики но̀ги мы̀ли,
А дѣвычки ваду̀ пйли.
А дѣвычки чаты̀ры,
Кап ихъ чёрьви стачйли,
А ма̀льчикуў пять, пять—
У зо̀лыти сыпять, сыпять.

Эпическія пѣсни Дебрскія.

(Изъ сборника Дьиновскаго [1]).

Марко кралевиќ и Арапин.

Градил Марко седомдесеть цркви,
И ми градил той свети манастыр.
Ми пособрал си-те сиромаси,
Да му чинит нему ангарія,
В рока зело куршумлія камџик,
Удрит, тълчет по главе, по очи.
Поплак пойде во града Стамбола:
«Вруќо сълнце Сълтан Паязите!
«Що с'о ови зулуми големи,
«Од оного Кралевиќа Марка;
«Градит Марко седомдесет цркви,
«И ми градит той свети манастыр;
«Ми пособрал си-те сиромаси,
«Да му чинит нему ангарія:
«В рока зело куршумлія камџик,
«Удрит, тълчет по главе, по очи».
От си выкна Сълтан Паязите:
«Ве ќе камо да се наймет юнак,
«Да го фатит Каурина Марка,
«Ќа му дада по море скелиня,
«Ќа му дада три градови тимар,
«Ќа му дада три товари азно».
Си-те ми се в зем'и опупіе.
Бог го убил црнего Арапа,
Му излезе цару на дивани:
«Вруќо сълнце Сълтан Паязите!
«Я ти фаќа Каурина Марка.
«Направи ми руво ка'уѓерско,
«Направи ми од срма петраиль,
«Направи ми крсте позлатено,
«Направи ми котленце стребрсно».
Царска рака мошне беше дълга:
Му направи руво кауѓерско,
Му направи од срма петраиль,
Му направи крсте позлатено,
Му направи котленце стребрено.
От си яфна црна Арапина,
От си яфна своя брза коня.
Право тргат во Прилепа града,
Во Прилепа на Марковы порты.
Кљукум кљукат, а на име выкат:
«Отвори ми господаре Марко!»
А пак Марко не се згоди дома.
Ми излезе Марковица млада,
Умна беше Марковица млада,
Веднуш порты млада не отвори,
Од призирка млада ми погледа,
Си го виде црнего Арапа,
Пак му велит Марковица млада:
«Ид' одтуе црни Арапине,
«Ты що сакаш с кралевиќа Марка?»
Бог го убил црнего Арапа.
Си порони сълзи по образи:—
«Господарке Марковице млада
«Защо вера наша ни я турчиш?
«Да я несу Арапина црна,
«Токо су си кауќера црна;
«Еве имать деветь годиницы,
«Как манастыр ми го поплениле.
«Я до сега в зондани сум лежал,
«Од верени я сум поцрнало,
«Дури сега мене ме пущіе.
«Пак сум чуло да ми градил Марко,
«Да ми градил седомдесет цркви,
«И да градил той свети манастырь.
«Я сум дошол до твой господара.
«Да ме кла'ет негде да се 'ранам».
Пакъ му велитъ Марковица млада:
«Неборете Арапине црни,
«Марко ми е во Скопѣ широко,
«А во Скопѣ при свети манастырь,
«Иди тамо, що сакаш, чините».

---

[1]) См. «Живая Старина», г. IX, в. 1, отд. II, 113—129. В. II. отд. II, 236—250.

Си се врати црна Арапина,
Право търгат на свети манастырь,
Ми приближи до свети манастырь.
Го доглeда едно црно ћаче
Писна ћаче кольку го глас държит:
«Господаре Кралевиће Марко!
«Нещо идет по бели друмови.
«Се задале моглы и прaови.
«Да ни ми е некоя делія?
«Да ни ми е, Богъ ме, силна войска?
«Право идетъ на свети манастырь».
Како зачу кралевиће Марко,
От си зеде своя остра сабя,
Од ягонис гола Шарца яфна,
Одоколу Марко го забиде,
Го престрети на бели друмови,
Селъам му даде Марко Кралевиће,
Селамъ му даде црнему Арапу.
Бог го убил црнего Арапа.
Си порони сълзи по образи:
«Господаре Кралевиће Марко!
«Защо вера наша ни я турчиш?
«Да я несу Арапина црна,
«Токо сум си калуђера црна.
«Еве имать девет годиниицы,
«Какъ манастырь ми го попленилe,
«Я до сега во зондан су лежал
«Дури сега мене ме пущис.
«Пакъ сум чуло да ми градиш цркви,
«Да ми градиш седомдесеть цркви
«И да градиш той свети манастырь.
«Пак я идам до твое колено,
«Да ме клаеш негде да се 'ранам».
Му извади од срма петраиль.
Му извади крсте позлатено,
Му извади котленце стребрено,
Дури тога Марко заверува.
От си слезе од коня бързего.
Трй-поти му метанія стори,
И трй-поти рока му цалива:
«Прости мене дуовниче Божьо!
«Прости мене, я що ти прегрешиф!
«Веднуш тебе я не те припознаф!»
От си яфна своя брза коня,
Отидоѣ во свети манастырь,
Ми слегоѣ од брзи-те коны
Изговори црна Арапина:
«Господаре Кралевиће Марко!
«Айде мые в црков да влеземе,
«Да влеземе въ црков у олтара,
«Я молитва тебе да ти стора».
Ми влегое въ црков у олтара,
Изговори Арапина црна:
«Господаре Кралевиће Марко!
«Наведи си глава ничкум в земи
«И завърти роцы наопаку
«Ты со роцы книга да ми държиш
«Ћа ти пея (господска) простена молитва».
Се излога Кралевиће Марко,
Си наведе глава ничкум в земи,
Си завърте роцы наопаку,
Си му даде книга да я държит.
Арапин си Арапски говорит,
А пак Марко чинит да ли пеѣт;
Бог го убил црнего Арапа!
Не му пеѣт (господска) простена молитва,
Ток извади тесны белезіи.
Си му върза роцы наопаку,
А на гуша—оной дробен синџир
Си му викна с клоцы да го біет,
Да го біет как некое куче.
Го изводи од манастыр надвор
Си го върза коню за опашка,
Го поведе по бели друмови.
Пищит Марко, како љута змія,
Марко пищит од манастыр надвор
Шарец пищит внотра во манастыр.
С' уйдисаѣ оба-два гласеви,
Пищитъ оба на далек се чует,
Ми дочуло Янкула войвода:
А пак нему му се учинало,
Дал' го Турцы манастырь плениле;
Пак си яфна своя брза коня,
Право търгат кон свети манастырь,
Кога виде, що ћа видит чудо?
Го вързала црна Арапина,
Го вързала Кралевића Марка.
Отдалеку Янкула му выкат:
«Чекай море црни Арапине!
«Коде водиш мойго побратима
«Чекай, кафпем да се обидеме
«Бар за мене боздоган однеси»
Аль му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе делио незнойна!
«Я со тебе работа си немам».
Пак му велит Янкула войвода:
«Чекай кафпем море црна гламно
«Чекай кафпем тешка боздогана».
Испофрли Янкула войвода
Испофрли с' тешки боздогана.
Бог го убил црнего Арапа!
В' роцы му го боздоган дочека,
И пак назат боздоган му врати.
Си го удри Янкула в' рамена,
От си падна од коня на земи.
Се поврати црна Арапина,
Се поврати и него го върза;
Се сториѣ дваица юнацы.

Пищит оба како љути змiи,
Пищит оба на далек се чует,
Ми дочуло Радула войвода.
Ей Радула с мустаћ' преку рамо.
А и нему му се учинало,
Даль манастырь Турцы го плениле;
Отъ си яфна своя брза коня,
Право търгат на свети манастырь
Кога виде, що ћа видит чудо!
Й вързала црна Арапина
Й вързала дваица юнацы.
Отдалеку Радула си выкат:
«Чекай, море црни Арапине,
«Коде водиш мои побратими?»
Аль му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе делио незнойна
«Я со тебе работа си немам».
Пак му велит Радула войвода:
«Чекай кафпем мори црна главно
«Чекай кафпем тешка боздогана».
Испофрли с тешка боздогана
Си го удри црнего Арапа
Си го удри в' десна узеньгiя.
Бог го убил црнего Арапа.
С узенгiя боздоган му врати,
Си му удри коня Радулова,
Си го удри меѓу два колана
И конь падна и Радула падна.
Се поврати црна Арапина,
Се поврати и него го врза.
Се сторие троица юнацы.
Пищит си-те како љути змiи,
Пищит си-те, на далек се чует,
Ми дочуло Рело шестокрило.
А и нему му се учинало,
Даль манастырь Турцы го плениле.
Пак си яфна коня крилатего,
Право търчат кон свети манастырь,
Кога виде, що ћа видит чудо!
Й вързала црна Арапина,
Й вързала троица юнацы,
Отдалеку Рело токо викат:
«Чекай, море црни Арапине!
«Коде водиш мои побратимы?»
Пак му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе, делио незнойна!
«Я со тебе работа си немам».
Пак му велит Рело шестокрило:
«Чекай, кафпем црни Арапине!
«Чекай, кафпем, тешка боздогана,
«Бар за мене боздоган однеси».
Испофрли Рело шестокрило,
Испофрли с тешка боздогана.
Бог го убил црнего Арапа!
В' роцы му го боздоган дочека,
И пак назад боздоган му врати,
Си го удри Рела шестокрила;
Падна Рело од коня на земи.
Се поврати црна Арапина,
Се поврати и него го врза,
Се сторие четыри юнацы.
Пищит си-те, како љути змiи,
Пищит си-те на далек се чует:
Ми дочуло Матуфка детенце,
А детенце—дванаест години,
А и нему му се учинало,
Даль го Турцы манастырь плениле;
От ягонис гола коня яфна,
И си зеде своя остра сабя,
Право търгать кон свети манастырь,
Кога виде, що ћа видит чудо!
И врзала црна Арапина,
Й врзала четыри юнацы,
Кой одкако юнак над юнака.
Пак си викат Матуфка детенце:
«Так ти Бога, црни Арапине!
«Коде водиш мои побратими,
«Бар и мене, тамо однеси ме».
Пак му велит црна Арапина:
«Ид' одтуе дете аџамiя!
«Как прежали твоя пуста младось;
«Дали зноеш, дали ми не зноеш?
«Ћа й носам овiе юнацы,
«Ћа й носам во града Стамбола,
«Ћа й сечам парче и по парче,
«Ћа си 'ранам чаршиски загари».
Пак му велит Матуфка детенце:
«Так ти Бога, црни Арапине!
«Почекай ме, да се обидеме:
«Коде водиш мои побратимы,
«Бар и мене тамо однеси ме».
Се поврати црна Арапина,
Со зоби го дете подплашуват,
И си фрли с' тешка боздогана.
Аль да видиш Матуфка детенце!
В роцы му го боздоган дочека,
И пакъ назад боздоган му врати,
Си го удри црнего Арапа.
Падна Арап од коня на земи.
Си дотърча Матуфка детенце,
Му пресече глава од рамена:
Си й пущи четыри юнацы.

Марко кралевиħ и Беле од Костура.

Во Собота, а спроти Неделья,
Во Солуна на 'ладна меана,
На меана на демир-капіа,
Сон соневал Кралевиħе Марко,
А од сон се мошне уплашило.
Скочил Марко на нози юначки,
Пак ѣ викат кърчмарице младе:
«Посестримо, Невено девойко!
«Нель запали свеħа и борина
«Да ела си при мене в одая
«Да ти кажа', що сон су' соневал.
«Ты си, жена, од сон ми разбираш
«Да ми кажеш, що ħа быдет сончок
«Ем да ти плата' що сум ти пил вино
«Що сум ти пил вино вересіа,
«Вересіа три годины време;
«Да ти плата', и да ти надплата'».
От' си стана кърчмарица млада,
Си запали свеħа и борина
Си отиде при Марка в одая.
Зеде Марко да ѣ прикажуват:
«Посестримо, Невено девойко!
«Как' да се згодиф во Прилепско поле,
«Како да фати еден темен облак,
«А из облак—една ситна роса,
«А из роса—еден сиви соколъ;
«А по соколъ—еребица сива,
«А по нея—пиленце шарено».
Тога му велит кърчмарица млада:
«Побратиме, Марко Кралевиħе!
«Нель ме прашаш, право ħа ти кажа.
«Тея що е, Марко, темен облак,
«Тая ми е, богме, силна войска:
«А из облак що е ситна роса,
«Тые ми се майкины ти сълзы
«А из росы що былъ сиви сокол,
«Тея ми е Беле од Костура:
«А по сокол—еребица сива,
«Тая ми е Марковица млада:
«А пиленце—твое мошко дете:
«Ти й пленил Беле од Костура».
Како зачу Марко Кралевиħе,
От си скочи на нози юначки,
Си отиде долу въ конюшница,
Си подседла коня шаренего.
Му се згоди Шарца некована,
Немаше време Шарца да подковет,
Дека ми беше време на полноħа.
Некована Шарца си го яфна,
Во полноħи Марко си излезе,
Си киниса по тесни сокацы,
Се приближи до порты Вардарски.
Од далеку Марко токо викат;
«Тако ти Бога, капиція млади!
«Отвори ми порты од бедеми
«Зере си имам голема не'олъа
«ħа си търчам по поле широко».
Одговори капиція млади:
«Так' ми Бога, делно незнойна!
«Во полноħи порты не отворам.
«Голем тембиф краль ми учинило,
«Ак' отворам порты во полноħи.
«ħа ми земет глава од рамена».
Се налъути Марко Кралевиħе
Дупна коня с' обе узеньгіи.
Си прескочи кали ем бедеми.
От си летна по поле широко,
Се обзори в Тиквешки банри,
Сълнце го блъсна на чука Плетвара,
От Плетвара Марко се опули,
(Се опули на высоки Диван),
Дане нещо Марко ħа догледат,
Да ми шетат по высоки Диван:
Нищо немат Марко да догледат,
Да ми шетат по высоки Диван.
Дури тога Марко заверува.
Дупит коня с' обе узенгіи,
Търчат Марко кольку що си может,
Право търгат на порты витицы.
На порты найде своя стара майка,
Коде кукат како кукавица.
Ѣ говорит Марко Кралевиħе:
«Добро утро моя стара майко!»
А майка му не му одгаварат.
Ток со роцы по главе се тепат.
Тога ѣ велит Марко Кралевиħе:
«Леле майко, леле стара майко!
«Кой ны сторн оваква срамота?»
Тога му велит Маркова-та майка:
«Леле сынко, Марко Кралевиħе!
«Еве имат две недельи време,
«Овде ми дойде Беле од Костура,
«Овде ми дойде той со силна войска,
«Ти я плени Марковица млада,
«Ен ти плени твое мошко дете,
«Ен ти плени седом тавли коны,
«Ен од кулы азно ти исцърпи;
«Ме остави како що ме гледаш».
Тога ѣ велит Марко Кралевиħе:
«Учи майко, сега научи ме,
«Научи ме я како да 'ода,
«Ил да 'ода со мое юна'ство?
«Ил да 'ода со моя 'итрина?»

Тога му велит Маркова—та майка.
«Лелей сынко, Кралевиће Марко!
«Со юна'ство не можеш да по'еш:
«Беле ми градил три годины кали,
«Кали му се вара и камена.
«Ты не можеш в кала да му влезеш.
«Ток да 'одиш со твоя 'итрина,
«Ете си ми, сынко, небричено,
«Малу-многу книга ми разбираш,
«Промени се в кауђерско руво.
«На глава клаи си шапка егуменска,
«Учини се църна кауђера,
«Да яфни си тая крива моска,
«Таке ак' можеш в кала да му влезеш».
Я послуша Кралевиће Марко,
Се промени в ка'уђерско руво,
На глава кладе шапка егуменска,
От си зеде од сърма петраиль,
Ем си зеде кърсте позлатено,
Ем си зеде котленце стребрено,
Се учини ка'уђера църна,
От си яфна тая крива моска,
Си киниса по бели друмови.
Оту си пойде во поле Костурско.
Туе си найде деца малечкави,
Малечкави деца си игра'е,
Им говорит ка'уђера църна:
«Добро утро, деца малечкави,
«Коде ми біет тешка дабувана?»
Му говорат деца малечкави:
«Дай Бог добро, ду'овниче Божјо!
«Ево имат три недељи време,
«Свадба чинит Беле од Костура,
«Му я пленил Марковица млада,
«Ама немат поп за да го венчат,
«Токо пойди Белета, венчай го,
«Голем пешкиш Беле ћа ти да'ет».
Право търгат црна ка'уђера
Право търгат на Белевы порты.
Отдалеку Беле го догледа,
Изговори Беле од Костура:
«Ядите, пите, гости пріятели,
«Ядите, пите, ем веселите се.
«Три недељи сум ве гощавало
«А уще три я ћа ве гощава,
«Ене ми идет поп за да ме венчат,
«Да ме венчат с 'убава невеста.
Од радости Беле од Костура
Търчаница порты си отвори,
Си отворя порты од бедеми,
Го пречека црнего ка'уђера,
Три-пoти му метанія стори,
Ем три-пoти рока му цалива.
«Добре ми дойде, Божьи дуовниче
«Добре ми дойде как' добра година!
«Да ме венчаш с' убава невеста,
«Голем пешкиш тебе ћа ти дадам».
Си го зеде црнего ка'уђера,
Си го качи на высоки диван,
Си го седна на чес'на търпенза (sic),
Си го слуга љутица ракіа,
По ракіа тея църно кафе,
А по кафе той господски ручек,
Ми ручае, що ми поручае,
Ми зедое вино да ми піет
Извадие убава невеста,
Да даруват китени сватови:
И дарува, що ѝ дарувала:
А Белета що го дарувала?
Го дарува Маркова-та сабя.
С' двана'есет ясни огледала,
С' двана'есет камна безценати:
И го дарува Маркова-та чаша,
Що ми брала двана'есет оки.
Ми зедо'е китени сватови,
Ми зедое вино да си пијет
Да ми піет с' Маркова-та чаша,
'Си-те ми се редум изреди'е;
Юнак немат чаша да я начнет,
А камо ли чаша да испіет;
Ред му дойде църнему ка'уђеру,
Една испи и друга повтори.
Ми зедое китени сватови,
Да гледает Маркова-та сабя,
'Си-те ми се редум изредие,
Юнак немат сабя да истъргент (от-
ворит).
Ред му падна църнему кауђеру,
Со два пърста сабя я истърга.
Тога рече Беле од Костура:
«Так ти Бога, ду'овниче Божьо!
«ћа те праша, право да ми кажеш.
«Ты си шетал зем'я и градови,
«Дане негде за Марка си разбралъ,
«Даль е живо, да ли е умрено?»
Тога му велит кауђера църна:
«Господаре Беле од Костура!
«Нель ме прашаш, право ћа ти кажа:
«На Велигденъ я си се погодифъ,
«Се погодифъ я во Света Гора,
«Тамо абер за Марка су разбрал,
«В'о Арабистан Марко е загубен,
«Го загубила църня Арапина».
Се зарадва Беле од Костура,
От си стана оро да си играт.
Тога му рече църна кауђера:
«Господаре Беле од Костура!
«Изин дай ми и я да поиграм,
«Да поигра' 'оро кауђерско».
Изин му даде Беле од Костура.

От'у си стана църна кауђера,
От'у си стана оро да си играт:
Не ми играт оро кауђерско,
Ток се развърте налево й надесно,
Си н'сече китени сватови.
А Белета жив го въ роцы фати,
Си го сона у поле широко,
Го однесе на две раскърс'ницы,
Му пресече нози до колена,
Му пресече роцы до лакоти,
Му извърте обе църни очи,
Го остави живо да се мочит.
Оту се врати во Белеви дворы,
Си я зеде Марковица млада.
Ем си зеде свое мошко дете,
Ем си зеде седом тавли коны,
Ем си зеде свое дробно азно
И Белево азно му исцърпи.
Оту се врати дома на дворови.

Секула Детенце и Корунъ Арамія.

Кинисала Секулица млада,
Да ми 'одит на студена вода.
Кога 'одеша, беше зарадвана,
Кога се врати, мошне ујадена.
Я догледа Секула детенце,
Е говорит Секулице млада:
«Ай ти тебе, Секулице млада:
«Кога 'одеше за студена вода,
«Ты ми беше мошне зарад'вана,
«А сега си мошне ујадена;
«Да не некой тебе се подсмеялъ?
«Иль ти сторил некоя срамота?»
Му говорит Секулица млада:
«Господаре, Секула детенце,
«Никой мене не ми се подсмеялъ,
«Ни ми сторилъ некаква срамота;
«Ток го видоф поповић Іована,
«Си 'одеше с' убава невеста,
«Я носеше у майка на гости;
«Мене ми се мошне дожалило,
«Еве иматъ три годины време,
«Од как' сме се с тебе ћердосале,
«Ты у майка неси ме однесолъ,
«Да си вида' моя стара майка,
«Да си вида' мои деветь браћа».
Тога е велит Секула детенце:
«Ай ти тебе, Секулице млада,
«Нель замеси две бели погачи
«И наточи две здравицы вино,
«И подседлай до два бързи коня,
«Промени се, как' кога си дошла,
«Ћа т' однеса у майка на гости».
От си стана Секулица млада,
Си замеси две бели погачи,
И наточи две здравицы вино,
И подседла до два бързи коня,
Се промени, како кога дошла.
Си яфнае оба бързи конья,
Кинисае юнак и невеста,
Кинисае по бели друмови,
Кинисае на гости да 'одитъ.
Одеђ ми що ми по'одеђ
Накачіе Дупничка планнина,
Ми влегое во тесна клисура.
Секула го дремка навалила,
Е говорит Секулице млада:
«Секулице, невесто 'убава!
«Нель попей ми една лепа песна,
«Кольку да е песна гласовита,
«А две тольку да е разборита,
«Зар ме мене дремка надолила,
«Да не падна од коня бр'зего».
Му говорит Секулица млада:
«Господаре, Секула детенце!
Страф ме мене я да ти попея,
«Овде (ми) шетат Корун арамія,
«Той ме мене п'рвин посакало,
«И познават мои-те гласеви,
«Да не ни сторпт некоя срамота».
Е говорит Секула детенце:
«Секулице, невесто убава!
«Дур ми стоит глава на рамена,
«Ни од кого ти да се не боиш;
«Ток попей ми една лепа песна,
«Кольку да е песна гласовита,
«А две тольку да е разборита».
От си викна Секулица млада.
От си викна песна да си пеђтъ.
Си я дочу Корун арамія.
Пак говорит Корун арамія:
«Ай ви вами, дружино веровна!
«Кой ћа се на'ет юнак над юнака,
«Да ми фатит юнак и невеста;
«Ћа му дада' мое дробно азно,
«И ћа му дада' токи од шес'ь оки,
«И ћа му дада' моя остра сабя».
Си-те ми се в зем'и опуліе.
Бог го убил теја клето Влаше!
Теја му се право в очи пулит.
«Капидане, Корун арамія;

«Дай ми мене твое дробно азно,
«Дай ми мена токи од шесь оки,
«Дай ми мене твоя остра сабя,
«Я ћа ли фаћа юнакъ и невеста».
Се му даде Корун арамія.
От си слезе теја клето Влаше,
От си слезе долу на друмови,
Се учина слепо улогаво.
Туй помина Секула детенце,
Го дарува три жълти дукати.
Изговори теја клето Влаше:
«Ай ти тебе, деліо назнойна,
«Не е чудо ты що ме дарува,
«Ме дарува три жълти дукати:
«Ток е чудо деліо незнойна,
«Да ме качиш зад тебе на коня,
«Да ме сонеш во поле широко,
«Да м' однесеш на две раскърсницы,
«Да м' оставиш туе да си питам,
«Да си пита' туе да се ранам».
Му говорит Секулица млада:
«Господаре Секула детенце!
«Во клисура добро не се чинит,
«Токо терай да си изминеме».
Не послуша Секула детенце,
Ток го фати теја клето Влаше,
Ток го фати за десна-та рока,
Си го качи зад себе на коня.
Одеђ ми що ми по 'одеђ.
Бог го убил теја клето Влаше,
Си извади свое фрушко ноже,
Му пресече гайтани од сабя.
От си скокна од коня (брзего) на земи.
И фати сабя да си вртит,
И си фати коня под невеста,
От си викна, кольку го глас държит:
«Трчай сега Корун арамія.
«Я ти фатиф коня под невеста».
Ми дофтаса Корун арамія,
Со негови тріесет дружина,
А Секула летна да си бегат.
Тога рече Секулица млада.
«Капидане Корун арамія.
«Изин дай ми, да му се подсмеі
«На оная лудо ацамія».
От си викна Секулица млада:
«Ай ти тебе, Секула детенце!
«Кога ћа ти се за мене дожалит,
«Ти да слезаш од коня брзего,
«Да погледаш коню под чултара,
«Туй ћа на'еш китка босилкова
«Я в пазува китка су носила,
«Помирисай, как мене мирисат.
А Секула не си поверува.
Токо му се нему учинало,
Даль невеста шега му се біет.
Пак си викна Секулица млада:
„Ай ти тебе, Секула детенце,
«Коги ћа ти се за мене дожалит,
«Ты ди слезеш од коня брзего,
«Да погледаш коню под гривица,
«Туй ћа на'еш китка невенова,
«Я в пазува китка су носила,
«Помирисай, как мене мирисатъ».
А Секула тога заверува,
От си слезе од коня брзего,
Си погледа коню под чултара,
Туе найде сабя зглобовита
С дванаесет ясни огледала,
С дванаесет камна бесценати.
Кога дете сабя си я найде,
От си яфна своя б'рза коня,
Оту назад дете се поврати,
Си разигра своя брза коня,
Си и'сече три'есет айдуцы,
А Коруна жив го в роцы фати
И го фати теја клето Влаше;
Си им върва роцы наопаку,
Си ѝ върза коню за опашка,
Си ѝ сона во поле широко
И однесе на две раскрсницы,
Им извърте нифни црни очи,
Им пресече роцы до лакоти,
Им пресече нози до колена
И остави туе да питает.
Да питает, живи да се мочат.
Пак им велит Секула детенце:
Нех е чудо, Корун арамія,
Во клисури превара да правиш,
Ток е чудо юнаство да кажеш,
Со юнаство невеста да отнеш.
Умна беше Секулица млада,
Им и'сече на три'есет айдуцы,
Им и'сече три'есет іозицы
И си зеде очи Корунови
Си и' зави во тенка ма'рама,
Си и' кладе в шарени дисази,
Пак пойдое у майка на гости.
Излегое девет мили браћа
И излезе нифна стара майка,
Излегое, си ѝ пречекае.
Тога велит девет мили браћа.
«Ай ти тебе, наша мила сестро,
«Що ли ти е онея детенце?
«Да ли ти е внуче од девера?
«Да ли ти е по-мало деверче»?
Одговори нифна мила сестра:
«Ай ви вами девет мили браћа,
«Нито ми е по-мало деверче,
«Нити ми е внуче од девера,

«Токо ми е мой мили юнак,
«Мили юнак Секула детенце.
Тога велит девет мили браћа:
«Ай ти тебе, наша мила сестро,
«Ћешке мые тебе да даефме,
«Да даефме Корун арамiи,
«Да имаше юнак спроти тебе».
Тоги им велит Секулица млада:
«Ай ви вами, девет мили браћа,
«Погледайте в шарени дисази,
«Ћа на'ете очи Корунови,
«Ћа на'ете триесет iозицы,
«Що и'секол Секула детенце».
Тога велят девет мили браћа:
«Ай ти тебе, наша мила сестро,
«Ты направила си овея юнаство.
«Зар си юнак и ты како нами».
Тога велит Секулица млада:
«Трайте, браћа, да ве Бог убiет,
«Да не чует Секула детенце,
«Да не чует, да не се нальутит,
«Си-те девет да не ве погубит».
Ми седнае ручек да ручает.

Роль мѣсяца при распредѣленіи работъ у Литовцевъ Поневѣжскаго уѣзда.

Почти ни одной работы не начинаетъ, литовецъ не посовѣтовавшись съ мѣсяцемъ. Въ самомъ мѣсяцѣ видитъ онъ стоящаго человѣка, появленіе котораго поясняетъ онъ слѣдующей сказкой, очень распространенной.

Вышелъ однажды (это было давно) изъ бани нагой человѣкъ, чтобы принести себѣ воды. Держа коромысла съ ведрами на плечахъ онъ спросилъ у людей, стоящихъ возлѣ рѣки:

— Отчего сегодня такъ темно?—Люди ему отвѣчали:

Какже можетъ быть темно? Развѣ не видишь, какъ ярко мѣсяцъ свѣтитъ?

— Мой задъ свѣтлѣе мѣсяца!—воскликнулъ человѣкъ, но едва онъ успѣлъ сказать эти слова, какъ вдругъ исчезъ.

Люди не могли понять, что съ нимъ случилось, оглядывались, но его нигдѣ не нашли. Только когда взглянули на мѣсяцъ, увидѣли тамъ того же человѣка нагаго съ коромыслами и ведрами на плечахъ.

Богъ, очевидно, наказалъ его такимъ образомъ, и теперь онъ долженъ будетъ стоять въ мѣсяцѣ до суднаго дня. (Винцкунене м. Іоганнишкели. 5 марта 1901).

Jšejo vieną šyki seriau iš pirties nuogas žmogus, noris sau vandens atsinešti. Łaikydamas ant pečiu-naščius su vedrais, tare i kitus žmones stovinčius paupyje:

— Kodel šendien teip tamsu?—Žmones atsake:

— Kaip-gi bus tamsu? Ar nematai kaip ménesélis gražiai šviečia?

— Mano subiné švicsesné už menesi!— atsaké žmogus, bet vos spéjo ištarti tuos žodžius kaip pranyko. Žmonés, negaliedami suprasti, kaip tai su juo galejo atsitikti, dairési bet jo niekur nematé. Tik kaip žvilgteréjo jie i menesí, išvydo jie tą pati žmogu su naščiais ir vedrais ten bestovinti.

Dievas, mat, ji tokiu budu nubaudé, ir jis turês dabar menesyje stovéti iki sudnai dienai.

Распредѣленіе работъ.

1. Свиней колоть надо въ полнолуніе или въ самомъ началѣ его, потому что тогда мясо увеличивается въ размѣрѣ; если же заколоть какое нибудь животное не въ указанное время—тогда мясо стягивается, какъ губка. (Винцкунене 11 февраля 1901).

2. Удобнѣе всего рѣзать животныхъ на лѣто въ третій день нови, потому что тогда мясо бываетъ бѣлое, какъ свѣжее, никогда не горькнетъ. (Винцк. 11 февраля 1901).

3. Горохъ сѣютъ обыкновенно во время нови, ибо тогда гораздо больше стручковъ

1. Kiaules skersti reikiy priéšpilnyje, arba pačiam pilnatyje. Ant pilnačio skersto gyvolio mèsa pučiasi; ne laike skersto susitraukia kaip nagine.

2. Jauname triją vakarą skerdžia dažniausiai ant vasaros. Mésa esanti tada visuomet balta, kaip švieži, niekuomet nerudija.

3. Žirnius séjá jauname menesyje (penkią, septynią vakarą): mezga tada daugiau.

завязывается. (Магдалена Баiорасъ дер. Валдейки Iоганишкельскаго прихода 5 декабря 1897).

4. Если свинья имѣетъ поросятъ во время нови, тогда они родятся съ клыками. Такiе поросята не могутъ хорошо сосать; чтобы они росли надо клыки вырвать. Лучше если свинья опоросивается въ послѣднюю четверть. (Магд. Баiор. 5 декабря 1901).

4. Kad kiaulė turi paršus jauname mėnasyje, tai jie gimsta su iltimis. Tokie paršai negali žisti. Reikia norint, kad jie augtą, iltis išlaužyte. Geriausiai, jeigu kiaulė atveda senugalyje.

5. Во время перемѣны мѣсячныхъ фазъ лучше всего садить огородныя сѣмена. (Магд. Баiор. 5 декабря 1897).

5. Pačiam persivertime geriausiai sodinti visokius daigus.

6. Хлѣбныя растенiя надо сѣять слѣдующимъ образомъ: если во время нови, то рано утромъ; если во время полни, то въ полдень; если въ послѣднюю четверть, то вечеромъ. Тогда всегда хлѣбъ будетъ хорошъ. (Магд. Баiор. 5 декабря 1897).

6. Visus javus reikia taikyti tokiu budu sėti: jeigu jauname, tai nuo ryto; jeigu pilnatyje, tai vidudienyje; jeigu senugalyje, tai ant vakaro. Tada visuomet javai gerai tarps.

7. Картофель надо садить во время перемѣны лунныхъ фазъ въ день погодно облачный, когда сады цвѣтутъ.

Если картофель садить во время нови, тогда корни не свиваясь въ плодъ, растутъ въ длину. (Мангд. Баiор. 5 декабря 1897).

7. Bulbes reikia sodinti persivertime rinkti dieną giedriai debesiuotą, kaip sodnai mirga.

Jauname sodintas bulbės labai i barzdas išeina.

8. Всѣ дерева надо рубить во время послѣдней четверти, тогда они сильные и червь ихъ не точитъ; только осину, березу и черную ольху во время нови. (Казимиръ Карновскiй изъ мѣст. Iоганисикели, 3 января 1901).

8. Visus medžius reikia kirsti senugalyje; stipresni, kinivarpai neėda, nekirmija. Tik apušę beržą, juodelksni jaunam menesyje.

9. Навозъ надо везти въ послѣднюю четверть; лучше огороды растутъ (Каз. Карн. 19 января 1901).

9. Mėšlą vežti reikia daržams senugalyje; geriau daržai auga.

10. Веревки и канаты надо вить въ послѣднюю четверть — тогда они крѣпче. (Каз. Карн. 3 января 1901).

10. Virves reikia vyti senugalyje, bus stipresnės.

11. Покупки надо дѣлать во время послѣдней четверти. Вещи купленныя во время нови, скоро портятся. (Бонифацiя Якубовски, мыза Подзишки, Клованскаго прихода. 1-го марта 1901).

11. Pirkti viską reikia senugalyje; jaunam pirktu daikta greičiau genda.

12. Граблямъ зубья надо вкладывать на послѣднюю четверть (изъ дерева дикой яблони)—тогда они крѣпче. (Бон. Як. 1-го марта 1901).

12. Grėbliams dantis reikia dėti senugalyje (laukinės obelės medžio), stipresni.

13. Бѣлье надо мыть на послѣднюю четверть: мытое во время нови скоро марается. (Бон. Як. 1 марта 1901).

13. Drabužius reikia plauti senugalyje: jauname plauti greičiau susitepa.

14. Въ баню надо итти во время послѣдней четверти: во время нови скоро можно получить сыпь. (Магд. Баiор. 5 декабря 1897).

14. J. pirti, geriau eiti senugalyje; jauname lengva gauti išbėrimą.

15. Скирды лучше всего начать во время послѣдней четверти складывать—тогда мыши не грызутъ. Вообще все что складывается на болѣе долгое время, надо начинать въ

15. Stirtos krauti geriausiai pradėti senugalye, Tada pelės neėda. Viską ant ilgo laiko susikrauja geriau senugalyje.

послѣднюю четверть. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

16. Зданіе надо начать строить во время послѣдней четверти, чтобы было крѣпче. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

16. Triobą reikia pradėti statyti senugalyje; bus stipresnė.

17. Гусей не надо рѣзать во время нови, потому что вся кожа будетъ переполнена развивающимися перьями. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

17. Žąsu jauname mėnesyje nereikia piauti, bus padaigsliuotos.

18. Овецъ надо стричь на послѣднюю четверть, потому что тогда шерсть бываетъ мягче и не сыплется. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

18. Avis reikia kirpti senugalyje: vilna šviesesnė, nebira ir nešiurkšti.

19. Волосы мужчины стараются стричь во время нови, чтобы скоро росли. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

19. Plaukus vyrai taiko kirpti jaunam mėnesyje, geriau auga.

20. Если днемъ виденъ мѣсяцъ, то не надо сѣять хлѣбныхъ растеній, потому что тогда много бываетъ спорней. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

20. Kad menuo dieną matosi, tai nereikia sėti javą, jié esti tada kulėti. (juodi grudai).

21. Кто начинаетъ пахать землю во время послѣдней четверти, тотъ будетъ имѣть чистое поле безъ травъ. Если нельзя во время послѣдней четверти начать нахотни, тогда надо хоть нѣсколько бороздъ сдѣлать. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897 и Бон. Як. 1 марта 1901).

21. Kas pradeda senugalyje arti, tas turi žemę čystą, be žolės. Jeigu negalima senugalyje pradėti dirbti žemę, tai reikia nors kelias vagas išvaryti.

22. Кто начинаетъ пахать во время нови, у того много будетъ травы въ полѣ и пырей размножится. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

22. Kas pradeda arti jauname mėnesyje, tam žels labai žolės ir varpis kabisis.

23. Капусту надо садить, когда около мѣсяца нѣтъ круга и когда небо немного облачное, тогда тли (лиственная вошь) не будутъ точить. (Вишцкунене 2 февраля 1901).

23. Kopustus reikia taikinti sodinti, kada apie mėnesi nėra drignes ir kada dangus truputi debesėtas, tai niekuomet sprages neės.

24. Капусту надо садить, когда лозы развиваются; если садить во время нови, то она будетъ высокая, хрупкая, если-же во время полнолунья или же во время послѣдней четверти, то тогда бываетъ низкая, толстая, крѣпкая. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

24. Rasodą reikia sėti, kaip žilvičiai sprogsta. Jauname gale sėta yra aukšta, nustilbus, greitai lužta. Pilnam, arba senugalyje tai kresna, mažesnė, stipresne.

Роль мѣсяца относительно зарожденія и развитья новыхъ тварей.

25. Если свинья имѣетъ поросятъ во время нови, тогда они родятся съ клыками. Такіе поросята не могутъ хорошо сосать; чтобы они росли надо клыки вырвать. Лучше всего если свинья опоросивается въ послѣднюю четверть. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

25. Kad kiaulė turi paršus jauname mėnesyje, tai jie gimsta su iltimis. Tokie paršai negali gerai žisti. Reikia, noriant, kad jie augtu, iltis išlaužyti. Geriausiai, jeigu, kiaulė atveda senugalyje.

26. Телята рожденные на нови, скорѣе развиваются, зубы у нихъ сильнѣе. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

26. Veršiai geriau tarpsta gimę jauname. Dantis stipresni.

27. Когда на полнолуньи случаютъ кобылицу, то рождается жребецъ; а если на послѣдней четверти, то кобылка. (Каз. Карнов. 3 января 1901).

27. Kad. jauname mėnesyje leidžia kumelę, tai gimsta kumeliukai; kad senamo— tai kumelytės.

28. Боровики растутъ обыкновенно во время нови или на послѣднюю четверть, когда иглы бываютъ. (Каз. Карнов. 19 февраля 1901).

28. Baravykai daugiasiai dygsta jauname arba pačiame senugalije, kaip rukai yra.

Роль мѣсяца въ народной медицинѣ.

29. Всякую твердую наросгь на тѣлѣ человѣческомъ надо на новолуніи [1]) обвести кругомъ косточкой мертвеца или безымяннымъ пальцемъ, тогда скоро пропадетъ. (Винцк. 2 февраля 1901).

29. Naujikauli reikia apskrieti ant delčios su nabašninko kaulu, arba pirštu bevardžiu, tai greitai išdilsta.

30. Бородавку надо помочить тоже на новолуньи [1]) водой, которая во время дождя течетъ съ воротъ, тогда исчезнетъ. (Винц. 2 февраля 1901).

30. Karpą reikia patepti teipo gi ant delčios vandeniu lašančiu per lietu nuo vartikšlio, tai išdils.

31. Можно еще исчезновить бородавку, потеревъ ея на новолуньи [1]) о камень, объ который прежде терлась свинья. (Винцк. 19 февраля 1901).

31. Galima dar išdildyti karpą patrynus ją per delčią i akmeni, kur kiaulė pirm trynėsi.

Примѣты, предсказанія погоды.

32. Когда весь борщъ выкушаютъ, не оставивъ на завтра, будетъ ясная погода. (Магдалена Баіорасъ, дер. Валдейки. Іоганишкельскаго прихода, 5 декабря 1897).

32. Kad visus barščius išsrobia, ant rytojaus nepalieka, tai bus giedra.

33. Если свищетъ въ трубѣ—быть дождю или снѣгу. (Бонифацій Якубовскій, мыза Подзишки, Клаванскаго прихода. 1 марта 1901).

33. Kamine švilpia prieš lietu arba sniegą.

34. Если послѣ дождя болота зеленѣютъ указаніе что будетъ еще дождь. (Матеушасъ Баукасъ, дер. Ситкуны, Клованскаго прихода, 9 апрѣля 1901).

34. Jeigu po lietaus balos žaliuoja, tai dar bus lietaus.

35. Если весною снѣгъ кусками остается, не растаявши на долинахъ, на берегахъ рѣкъ, люди говорятъ, что будетъ еще снѣгу. (Эльжбета Петрушайтисъ, дер. Гайляны, Іоганишкельскаго прихода, 4 апрѣля 1901).

35. Jeigu pavasari sniegas šmotais užsilieka neištirpęs slenyse, paupiais, tai žmonės sako, kad laukia dar sningant.

36. Если земля послѣ дождя зеленѣетъ, точно обтянутая плѣснью, указаніе, что будетъ еще дождь. (Магд. Баіор. 5 іюля 1891).

36. Jeigu po lietaus žemė kaip aptraukta pelėsiais, žali, tai dar bus lietaus.

37. Если вскрикнуть и лѣсъ отъ голоса очень звучитъ—быть дождю (Магд. Баіор. 5 декабря 1901).

37. Kada surikus miškas nuo balso labai skamba, tai prieš lietu.

38. Если луна не свѣтлая, не ясная, будетъ дождь или снѣгъ. (Винцкунене, мѣстечко Іоганишкеле 19 марта 1901).

38. Jeigu mėnuo nagiedrus, apsiblandęs— tai bus sniegas arba lietus.

39. Если виденъ кругъ около луны — быть снѣгу или дождю. Если близко луны

39. Jeigu drignis apie mėnesi, teipogi prieš sniegą arba lietu. Jeigu arti mėnesio,

[1]) Ant delčios правильнѣе перевести «въ послѣднюю четверть луны». (Зап. г. Балтратійтиса).

будетъ скоро снѣгъ или дождь, если далеко, будетъ еще за нѣсколько дней. (Винцкуненe, м. Іоган. 19 марта 1901).

tai bus greitai sniegas arba lietus; jeigu toli, tai dar už keliu dienu.

40. Если Рождество во время нови, будетъ дождливое лѣто. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

40. Kad jauname ménesyje kalédos, tai bus lietinga vasara.

41. Предъ вѣтромъ небо при закатѣ солнца бываетъ всегда очень красное. (Магд. Ваіор. 5 іюля 1897).

41. Prieš véją sauloleidžiai visuomet labai raudoni.

42. Передъ дождемъ солнце закатывается въ облака. (Магд. Баіор. 5 декабря 1397).

42. Prieš lietu saulé leidžiasi i debesius.

43. Когда солнечные лучи во время заката отражаются на другой сторонѣ неба, будетъ перемѣна воздуха. (Бон. Як. 1 марта 1901).

43. Kada saulei leidžiantis spinduoliai atsivèizi kitam dangaus krašte, tai bus permaina oro.

44. Когда солнце скоро восходитъ, видно даже, какъ оно поднимается вверхъ и чаще всего прячется за облако—указаніе, что будетъ дождь. (Бон. Як. 1 марта 1901).

44. Kada saulé greitai užteka, net matosi, kaip ji aukstyn kopa ir dažniausiai isimeta i debesi—tai visada prieš lietu.

45. Передъ бурею и вѣтромъ ворòны собираются въ стаи и каркаютъ. (Бон. Як. 1 марта 1901).

45. Prieš audrą ir véją varnos renkasi i burius ir krankši.

46. Если весною загремитъ въ первый разъ съ юга—будетъ теплое лѣто, если съ сѣвера холодное, если съ запада--дождливое. Каролина Пежелисъ, м. Іоганишкели 1-го (марта 1892).

46. Jeigu pavasari sugriaudžia pirmą syki nuo pietu, tai bus šilta vasara, jeigu nuo žiemtu—tai šalta; jeigu nuo vakaru—tai lietinga.

47. Въ то время, когда зимой деревья покрываются инеемъ, лѣтомъ будутъ дождь. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

47. Tame laike, kada žiemą medžiai yną traukia, tai vasarą bus lietus.

48. Если мыши свиваютъ свои гнѣзда на самыхъ верхушкахъ полевыхъ травъ, или высоко въ бабкахъ сноповъ на поляхъ, тогда будетъ слѣдующая осень дождливая, или глубокая зима. (Магд. Ваіор. 5 декабря 1897).

48. Kada pelés guštas susineša pievose žolése ant pat viršuniu, laukuose teipogi augštai tarp rugiu, arba augštai gubose, tai bus lietingas ruduo, arba gili žiema.

49. Если рябина изобилуетъ красной ягодой — слѣдующее лѣто будетъ дождливое. (Бон. Як. 1 марта 1901).

49. Prieš lietingą vasarą daug uodgu turi šermukšnis.

50. Если дикія гуси весной возвращаясь летятъ низко, тогда скоро согрѣется воздухъ, будетъ ранняя весна; если наоборотъ, они летятъ высоко, тогда—поздняя. (Бон. Як. 1 марта 1901).

50. Pavasari jeigu žąsis atlékdamos žemai skrieja, tai greitai bus šilta, bus ankstybas pavasaris; jeigu jos skrieja augstai—tai vélybas.

51. Градъ крупный обыкновенно появляется между 2 и 3 часомъ по полудни. (Магд. Баіор. 5 декабря 1897).

51. Ledai didieji iškrinta dažniausiai tarp 2 ir 3 valandos po pietu.

52. Радуга показываетъ, что еще будетъ дождь. Винцк. 10 февраля 1901).

52. Laumés juosta kad pasiroda, tai bus dar daugiau lietaus.

53. Когда осенью замерзаетъ и подъ ледяной скорлупой еще кишатъ лягушки—указаніе, что будетъ еще дождь. (Іозапасъ Жидонисъ, мыза Пузынишки, Смильговскаго прихода, 5 ноября 1902).

53. Kad rudeni užšąla, ir varlès tebéra, griovyse gyvos po ledu, tai dar bus lietaus.

Ковенск. г., мыза Пузынишки
(Почт. ст. Розалинъ).

Габр. Ив. Петкевичъ.

Народныя пѣсни, сказанія, сказки и проч.,
(записанныя въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ).

---

1. Свадебная.

Ожэнывся щыдлыкъ и думку думае,
Ожэнывся—втратывся, а жинки нэ мае...
Сивъ на колочку и въ долоны плэщэ...
А воробци въ конопляхъ: «пимо, братьтя, ещэ!»...
Пылы-жъ воны, пылы и щыдлыка вбылы..
Вороны на той чисъ коровай угнэлы:
Комаръ мисыть, муха воду носыть,
А сорока-билобока на вэсильле просыть...
А комаръ въ лисы лыстъ обывае,
Чмиль мэду додае, бо свого нэ мае...
А шпаки-галки угнулы кибалки [1]),
А чаечка зъ косэчкомъ на вэсильлечко рачкомъ...
Заросывся щыдлыкъ по самы колиньця,
Шукаючы на сыныцю доброго полиньця...

---

2. Весенняя при хороводахъ.

На сынёму озэры,
Эй, грай, морэ водяное!
На сынёму озэры... (Хоровой припѣвъ послѣ кажд. стиха, съ повтор. тогоже стиха.
Тамъ галочокъ радочокъ.
Мэжы ымы соколыкъ,
Мэжы ымы яснэнькій,
Вси галоньки розогнавъ,
Найчорнишшу соби взявъ.
Просылася галонька,
Просылася чорнэнька:
— «Пусты мэнэ, соколыку,
Пусты мэнэ, яснэнькій!»
— «Роспусть пирье; то пущу»...
— «Тогды сама нэ схочу,
Бо галоньки нэ прыймуть,—
Мни гнэздэчка нэ вовьють.
И до стадэчка нэ прыймуть»...
Въ Копытовы на коньци,
Тамъ дывочокъ таночокъ
Мэжы ымы Павлюсё,
Мэжы ымы молодый,
Вси дивоньки розогнавъ,
Найхоришшу соби взявъ.
Просылася Юхися,
Просылася молода:
— «Пусты мэнэ, Павлюсю,
Пусты мэнэ, молодый!»
— «Роспусть косу, то пущу»..
— «Тогды й сама нэ схочу,
Во дивоньки нэпрыймуть,—
Мни вэночка нэ вовьють,
Й до таночка нэ прыймуть,
Й дивонькою нэ назвуть»...

(Поется во многихъ селахъ Подлясья; поется и на свадьбахъ).

---

3. Свадебная весенняя.

Молодая молодыця кивала на мэнэ:
—«Покинь, покинь молотыты, а ходы до мэнэ»...
—«Нэ покину молотыты, нэ покину цппа,
Жы-бъ ты добра господыня-мила-бъ чоловика»...
Молодая молодыця кивала на мэнэ:
— «Прыды, прыды, вражый сыну, въ нэдилю до мэнэ...
Прыды, прыды, вражый сыну, на часъ—на годыну,
То я свого мылэнького вышлю по калыну»...
Пуйшовъ старый, бородатый калыны ламаты,
А я свого полюбчыка впустыла до хаты...
Идэ старый-бородатый зъ калыною до хаты
А я свого полюбчыка выпустыла зъ хаты...

[1]) Обручикъ деревянный на головѣ для скручиванія волосъ.

А сама дэ стояла, тамъ упала,
Упала и стала стогнаты:
— «Иды, иды, муй мылэнькій, вколупны мэду,
Бо я така нэ дужая—головки нэ звэду»...
Доставъ-же муй мылэнькій дубового сала,
Якъ прыложывъ того сала, то шкира одстала...

---

4. Весеняя,—по адресу б. солдата.

— «Якъ я ихавъ зъ Украины—
Згубывъ люльку у хвоины.
Оглянувся у долыны—
Лэжыть люлька у хвоины.
Якъ я люльку тай знайшовъ,
То до жинки нэ пуйшовъ,
А пуйшовъ я зъ чумакамы,
Зъ двома въ торбы троякамы.
Якъ я йшовъ—нэ оглядався,—
Кинувъ жинку—самъ остався».
Отъ—жежъ, жинко, хочъ ты гинь:
Вжэ нэ прыдэ гицлювъ сынъ!...
— «Ой выйду-жъ я на гостынэць,—
Чы нэ йдэ муй пыхотынэць?—
Сякій-такій мужычыщэ—
Смокчэ люльку, въ цыбукъ свыщэ...
Ой чы смокчэ, ой чы свыщэ...
Алэ мэнэ вжэ нэ зыщэ!...
Якъ одрикся ты одъ мэнэ,
То прыстану жъ до Сэмэна!»...

---

5. Свадебная.

Якъ жыввъ—нэ любыла,
Якъ умэръ—нэ тужыла
И не буду тужыты:
Нэ хтивъ добрэ жыты.
Якъ на лавцы лэжавъ,
То було троху жаль.
А якъ зъ лавки вышовъ,
Такъ и жаль одыйшовъ.
Якъ вывэлы за сэло,
То мни стало вэсэло...
Я въ саганъ [1]) зазвоныла
И морквою подкадыла
И тупнула ногою,
Зоставшыся вдовою...
Поховала на цвынтары,
Чэрэвычкомъ прыдоптала.
Чэрэвычкомъ: тупъ, тупъ,—
Лэжы, мылый, тутъ-тутъ.

[1]) Чугун. горшокъ.

6. Весенняя.

— «Чы ты нэ будэшъ, дивчынонько, тужыты,
Якъ я пуйду на Вкраину служыты?»
— «Ой не буду, козачэньку, не буду:
Ты за ворота, то я тэбэ й забуду»...
— «...Якъ ты будэшъ ораты наймаы,
То ты будэшъ, що дэнёкъ, спомынаты.
А якъ ты пуйдэшъ косыты просыты,
То ты будэшъ, що дэнёкъ, говорыты:
«Ой мыла мни та сторононька, мыла,
«Въ которуй мэнэ матюнка родыла!..
«Ой страшна мни та сторинка, страшна,
«Дэ моя долэнька лыхая згасла!»

---

7. Тоже.

Я въ сэрэду родылася,—
Горэ мое, горэ!
Нэ пуйду я за старого,—
Бородою колэ...
А пуйду я за такого,
Шо нэмае гуса:
Винъ до мэнэ заговорыть,
А я засмыюся...

---

8. Весенняя [1]) (старая).

Ярая рутонько, якъ у тэбэ вэрхи гнуцьця!
Молодая Марысю, якъ за тэбэ молодци бьюцьця!
— Нэхай бьюцьця, нэхай ладяцьця,
Тай на мэнэ нэхъ нэ надяцьця!
Бо якъ-же я зросту, зросту,
То я пуйду за старосту:
За старосту, за старшэнького—
За пысара молодэнького.
А той пысаръ богачъ, богачъ,—
Купывъ мни сукню и кабачъ [2]).
А въ кабати—конопли браты,
А въ суконьци-той погуляты....
До конопэль голова болыть
А до таньцю-ажъ душа горыть!
До конопэль той болять боки,
А до таньцю—на еднимъ пальцю!

---

[1]) Подъ именемъ «весенняя» значитъ та, которая поется въ Пасхальн. праздники.
[2]) Кабатъ—женск. или мужск. кафтанъ вродѣ жилетки.

9. Весенняя, тоже стар.

(Поютъ два хора попеременно).
— Ой, молодая молодыцэ,
Ой выйды, выйды на улыцю...
Ой выйды, выйды на улыцю,
Вывэдь дивонькамъ рэгулыцю [3])!...
— Ой нэ могу я выходыты,
Вамъ рэгулоньки выводыты,—
За кужильцёмъ тонюсенькимъ
И за дытятомъ малюсенькимъ.—
— Нэхай кужэлэць Господь родыть,
Малэ дытятко—самэ ходыть.—
— Въ мэнэ свэкорко—нэ батэнько,
Мому дытятку нэ радэнькій.—
— Ой можэ, можэ дытя спаты,
Нэхъ идэ маты погуляты.—
— Свэкоръ малого нэ колыхнэ..
Кулакомъ тильки ёго двыгнэ...
— Ой можэ дытя спаты,
Бо пуйшла маты погуляты...

---

10. Старая пѣсня, весенняя.

Ой черезъ Дунай
Хибкая кладка...
А я, молодэнька,
Пэрэйду зтыхэнька,
Всё зтыхэнька
Ступаючы,
Золоты ключи
Пэрэймаючы,
Жыбъ такъ голосно
Нэ звонылы,
Мого свэкорка
Нэ збудылы.
Бо якъ—и збудять,
То й нэ прыспаты,
А мни молодэнькуй
Нэ погуляты.
А я молодая
Гуляты радая.
А якъ стара буду,—
Гуляты нэ буду.

---

11. Свадебн.

Положу я кладку вэрбову, вэрбову,—
Часъ намъ, дивоньки, до дому, до дому.
А ты, Югасю, туть застань,— 2 и т. д.
Прыдэ Пэтрусё, ручку дасть.
Прывэзэ вэночка зъ лилій,—
То тоби, Югасю, гъ нэдилы.
Прывэзэ вэночка зъ чэбрэцю,—
Кобъ була готова до вэньцю.
Прывэзэ вэночка зъ кадыла,—
Кобъ есы здорова сходыла.
Прывэзэ вэночка зъ гороху,—
Кобъ прывэла хлопця до року...

---

12. Весенняя, веселая, хоровая.

Чэрэзъ нашэ сэлцэ
Вэзёно дэрэвцэ. Гэя, гэя—вэзёно дэрэвцэ...
(Припѣвъ).
А зъ того дэрэвця
Цэрковку будують. Гэя-гэя... и т. д.
Цэрковку будують
Й навколо малюють.
Ой вымалювалы
Тры мисяцы въ нэбы.
Тры мисяцы въ нэбы:
Тры молодци въ сэли.
Тры мисяцы ясныхъ,—
Тры молодци красныхъ.
А першый молодчыкъ—
Молодый Павлюсё.
А другій молодчыкъ—
Молодый Мыхалко.
А третій молодчыкъ—
Молодый Сэминко.
(Повтор.) Чэрэзъ нашэ сэлцэ.
Вэзено дэрэвцэ,
А зъ того дэрэвця
Цэрковку будують,
Цэрковку будують,
Навколо малюють,
Ой вымалювалы
Тры зороньки въ нэбы.
Тры зороньки въ нэбы:
Тры дивоньки въ сэли,
Тры зороньки ясныхъ—
Тры дивоньки красныхъ.
Пэршая дивонька—
Молода Юхися.
Другая дивонька—
Молода Югася.
Трэтяя дивонька
Молода Ганулька.
А Павлюсё кажэ:
— «Я Юхисю люблю,—
На жнывэчко пуйду,
Всэ жытэчко зожну,
Всэ жытэчко зожну
И въ копоньки зложу».

---

[3]) Оживленіе.

А Мыхалко кажэ:
— «Я Югасю люблю,
До цэрковки пуйду
Й Богу ся помолю».
А Сэминко кажэ:
— «Я Ганульку люблю,
До корчмоньки пуйду
Й горилоньки выпью,
Горилоньки выпью,—
Зъ ен дурня выкплю»...

---

13. Свадебная

Нэ росты, кропэ, нэ росты, зэлёный,
Коло мого города— (2 р)
Нэ ходы, старый, нэ ходы, нэвдалый,
Коло мого двора, (2 р.)
Бо я тэбэ старый, бо я тэбэ, нэвдалый
Зъ давныхъ литъ не любыла:
Я тоби до пояса гонучу повисыла,
Я твои слэдыща камэнёмъ навалыла,
Камэнёмъ навалыла й шандою [1]) обсадыла,
Я тоби за шапчыщэ шандыща натыкала;
Я тоби на сниданьне половы напарыла.
Я тэбэ самого зъ пôдвирья своёго сучкою нацьковала.
Выросты, кропэ, выросты, зэлёный,
Вышшый мого города,—
Походы, молодый, походы, хорошый,
Коло мого двора.
Во я молодого, бо я хорошого
Зъ давныхъ литъ полюбыла,
Я ёму до пояса хустоньку учэпыла,
Я ёму на сниданьне яець наварыла.
Я ёго слидоньки пэрстэнёмъ обкружыла
Й барвынкомъ обсадыла,
Я ёму за шапоньку рутоньки натыкала,
Я ёго самого зъ подвирья своёго зъ скрыпкамы проводыла.
Зъ скрыпкамы, зъ цымбаламы,
Зъ пышнымы бояраамы,
Зъ гардэю сванэчкою,
Зъ хорошэю спывачкою.

---

14. Шутливыя—свадебныя.

Стоить, стоить чиркутонька
Насэрэдъ сэлонька.
Ой—а въ тэи чиркутоньки
Було тры сыноньки,
Ой першый сыночокъ—
Молодый Гаврылко
Ой жаль чяркутоньцы. (Припѣвъ пос.
На чужій сторононьцы. каж. купл).
А другій сыночокъ—
Молодый Пэтрусё,
А трэтій сыночокъ—
Молодый Сэминко,
А Гаврылко идэ
И дивоньку вэзэ,
А Пэтрусё идэ
Й стадо коны жэнэ,
Сэминко идэ—
Въ ёго торбы трасуцьця,
Зъ ёго дывкы
Смыюцьця,
На ёму лахи сяють,
А торбы нэ пускають,
Вь ёго шипка бочня
Зъ пэрэлитьнёго [1]) клоччя.

[1]) Сорная трава.

[1]) Прошлогодняго.

---

15. Свадебная.

— «Оддай, сваню, оддай, нэбожэ,
Свою дочку-робитночку
За мого сынка, за Васылька».—
— «Нэ ддамъ, сваню, нэ ддамъ, нэбожэ,
Свэй дочки-робитночки
За твого сынка, Васылька, до т бэ.
Моя дочка-робитночка
Товчэ й мэлэ, й крупы дэрэ,
Й упалае, й усывае у мэнэ».—
— «Нэ будэ въ мэнэ ны товчы, ны молоты,
Й нэ крупъ драты, й нэ упалаты,
Й нэ усываты у мэнэ,
Оно будэ оришкамы цятатыся
Й яблычкамы вытатыся.
Якъ въ тэбэ, такъ завждый у мэнэ»...
— А бачъ, сваню, а бачъ, нэбожэ:
Моя дочка-робитночка
Товчэ й мэлэ, й крупы дэрэ,
Й упалае, й усывае у тэбэ,
И оришкамы нэ цятаецьця,
И яблычкамы нэ вытаецьця у тэбэ».—

---

17. Весенняя.

Мэла дивча сины й хату
Й засмыялася...
— «Зъ кимъ ты, доню, зъ кимъ ты, суко,
Зъ кимъ ты зузналася?»
...По—тамтой бикъ огонь горыть,
[2]) По-си-той бикъ дымно,—

[2]) На этомъ.

Тілько мого мыланького
Будыночки выдно...
Чэрэзъ тыи будыночки
Оролъ воду носыть,—
Ой тамъ маты свого сына
На вэчэру просыть.

— Ой вэчэрай, моя маты,
Колы наварыла,
А я пуйду на той коцэць,
Дэ дивчына мыла...
Дивчынонько моя мыла,
Шо ты мни вчынила?—
Клычэ маты вэчэраты—
Вэчэра нэ мыла..
Порадь мэнэ, дивчынонько,
Якъ ридняя маты:
Чы мни кажэшъ жэнытыся,
Чы на гиншу ждаты?»
— «А я тэбэ, муй яснэнькій,
Раджу й нэ пораджу:
Я зъ тобою раджу, раджу—
На другого гляджу»...
— «Бодай тэбэ, дивчынонько,
Зъ твоею порадою!
Я до тэбэ зъ щирымъ сэрцёмъ,
А ты—зъ чужымъ завадою»...

---

18. Лѣтняя, при жатвѣ.

Люлька моя пэньковая
Зъ вэчура курыла,
Якъ положывъ на полыцы,
Впала й ся побыла.
Бидна моя головонька,
Що буду робыты?
Побывъ люльку пэньковую—
Нычымъ покурыты?
Ой пуйду я на базаръ
Люлькй купуваты.
Бидна моя головонька,
Ны зъ кимъ торговаты.
Моя мыла на базары
Пшоно продавала
И своёму мылэнькому
Люльку торговала.
За люлёчку—копеёчку
За махорку—грошыкъ.
Курй, курй, муй мылэнькій,
Чорнявый, хорошый!..

---

19. Летняя изъ Панщины.

У нашого вуйта
Рабыи онучы,—
Заплакала чэлядонька,
Зъ панщыны идучы.
Въ нашого окомуна
Волосяны волокы,— [1])
Идуть людэ зъ панщыны.
Бэруцця пудъ бокы,
А въ того гицлыска
Всё рабыи хуста [2]),
Нэ едному ґосподару
Винъ поробывъ пусто.

---

20. Свадебная.

Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Полыны [3]), полыны до вишнёвого садоньку,
Выдзюбай, выдзюбай—калынову ягодку!
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Якъ гирка, такъ гирка калыновая ягодка!
Воронэ, воронэ, чорная галонька,
Якъ лыха, такъ лыха чужая матюнка!
Чужая матюнка выроньки нэ пуймэ
Й правдоньки нэ скажэ...
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Полыны, полыны до вышнёвого садоньку,
Выщыпны, выщыпны малынову ягодку!
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Солодка, солодка малынова ягодка.
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Якъ добра, такъ добра ридняя матюнка.
Воронэ, воронэ, чорная галонько,
Ридняя матюнка выроньки пуймэ,
Всю правдоньку скажэ.

---

21. Свадебная (злобная).

Въ саду, въ саду посію россаду—
А вжэ моимъ ворожэнькамъ
Той на пэрэсаду. (2)
Ужэ моя россадыця густэнько выходыть—
А вжэ моимъ ворожэнькамъ
На згибэль прыходыть. (2)
Ужэ моя россадыця въ штыры лысточки—
А вжэ моимъ ворожэнькамъ
Болять жывоточкы.
Ужэ моя россадыця въ головоньки вьеця—
А вжэ моимъ ворожэнькамъ
На згибэль кладэцця.

---

[1]) Шнурки для привяз. лаптей.
[2]) Бѣлье.
[3]) Непорев. слово,—полети?

Ужэ моя россадыця росплуженьки порэ—
А вжэ моимъ ворожэнькамъ
По-пудъ биччю колэ...
...Лягу спаты, лягу спаты—нэлюбъ коло мэнэ
Положывъ билу ручку
На сэрдэнько въ мэнэ.
А я сю билу ручку одъ сэбэ одвэрнула,
Сама соби молодая
Такъ тяшко зотхнула.
— «Чого, мыла, чого, мыла, такъ тяшко здыхаешъ?
Цы за мною, моя мыла, хлиба й солы
Нэ маешъ?»
— «Я хлибъ маю, и сіль маю—и я всё занэхаю
И за тобою, муй нэлюбэ,
Погибаты маю».

---

22. Историч., весен. (заунывная).

— «Ой, Дарко, Дарко, одчыны ворота!»
— «Чого хочэтэ, чого клычэтэ?»
— «Князя Романа, князя Романа!»
— «Нитъ ёго въ дома!» (2 р.)
— «А дэ поихавъ, а дэ поихавъ?»
— «До мнста Львова!» (2 р.)
— «По що поихавъ, по що поихавъ?
— «Дивкамъ—по хустки, хлопцямъ—по ножи!»

---

23 Лѣтняя,

У Маруси хата на помосты,
Прыихало тры козаки въ госты,
Едёнъ кажэ: «я Марусю люблю»,
Другій кажэ: «я Марусю озьму»,
Трэтій кажэ: «зъ Марусею до шлюбу стану».
— «Хто мни трой—зилья достанэ,
Той зо мною до шлюбоньку станэ».
Одозвався козакъ молодэнькій:
— «Есть у мэнэ коныкъ воронэнькій,
Есть у мэнэ тры коны на стайни.—
Я Маруси трой—зилья доставлю:
Тымъ билымъ до мора доиду,
Тымъ сывымъ Дунай пэрэплыву,
А тымъ чорнымъ трой—зильле доставлю»...
...Ой ставъ козакъ трой—зильле копаты. .
— Покинь, козачэ, трой—зильле копаты,
Поспытайся до Маруси въ сваты...
...Идэ козакъ зъ трой—зильлёмъ,
Стрнчае Марусю зъ вэсильлёмъ—
— «Ой заграйтэ, мои мылы грайци,
Нэхъ я пуйду зъ Марусею въ танци».
Въ правуй руци Марусеньку водыть,
Въ ливуй руци острый мичъ носыть.
Щэ въ козака шабля нэ звэнила,—
Вжэ зъ Маруси головка злэтила.
Ото тоби, Марусю, вэсильле,—
Нэ посылай казака по зильле:
Нэ на тое козакъ уродывся,
Жыбъ зъ ёго ляда—хто напывся

---

24. Свадебная.

Тупу, коныку, тупу!—
Прывэзлы на двиръ ступу—
Ны ступа, й ны товкачъ,
А Копытовьскій плыскачъ
И ны Туръ, ны Турыця,
А хороша молодыця.

---

25. Весенняя, (поется на два хора).

(Вѣроятно, одна изъ древнѣйшихъ).
— Кьягынько! Вигъ понагайбу!
— «Боярэ! Бувай здоровы!»
— Кьягынько! Дэ твоя дочка?
— Боярэ! На службу ддала!
— Кьягынько! Поидь по ен!
— Боярэ! Поидьтэ самы!
—Що за даръ дастэ? (2 р.).
— Мызыннэ дыте. (2 р.)
— Въ чимь тэ дытятко? (2)
— Увъ сриблы, въ злоты, ⎤
Въ ткацькуй сорочцы. ⎦ 1 р.
— Пускайтэ въ городъ. (2 р.)
— Всихъ пропустимо, ⎤
Едну длучимо, ⎦ 1 р.
— Тую длучимо, (2 р.)
— Шо въ срибли, въ злоты,
Въ ткацькуй сорочцы.

---

26. Лѣтняя, при жатвѣ.

Козачэнько по рыночку ходыть,
Свого коня за поводы водыть,
Свого пана до домоньку просыть:
— «Пускай мэнэ, муй панэ, дому».
— «Волюсь тэбэ въ гарматы вковаты
Ой нэжъ тэбэ до дому пускаты».—
— «Нэ куй мэнэ, муй панэ, въ гарматы».
Будэшъ ты, панэ, у шынкарки въ хаты,
Бо въ шынкарки мидъ, выно, горилка,—
Похожае чорнявая дивка.
То я буду мидъ-горилку пыты,

Шынкарчыну дивчыну любыты».
У нэдилю маты дочку была:—
— «Дэжъ ты, доню, свуй вэнокъ стратыла?
— «Ой пудъ гаемъ пшэничэньку жала,
Тамъ я свого вэночка стырала».
— «Дай же, Боже, нэдпли дождаты,
То я буду громаду ззываты».
— «На що, мамо, людэ колотыты—
Вжэ нэ буду я въ вылочку ходыты».

27. Весенняя и свадебная.

Ой ты, голубочку,
Сыдышъ на дубочку.
Очки твои чорны,
Бровы твои красны,
Лычэнько твое билэ.
Ой лэтила пава,
Сэрэдъ двора впала
И правдоньку казала,
Що мылая вдома робыть.
А мылая робыть:
Шые, вышывае
Билую рубашку
Своимъ тонкимъ взоромъ.
Ой лэтила пава,
Сэрэдъ двора впала
И правдоньку казала,
Що мылая вдома робыть.
А мылая робыть:—
Шыла, вышывала,
Плакала, рыдала,
Слёзы утырала
Своимъ тонкимъ взоромъ.
Ой лэтила пава,
Сэрэдъ двора впала
И правдоньку казала,
Що муй мылый
У війську робыть.
А муй мылый робыть:
Коныка выводыть (2 р.)
Й коныка сидлае
Въ похидъ выижджае.

28. Областная, надбужная.

(Поется при угощеніи).

Килышэчокъ-пацюшэчокъ
Вэлыкорадосты,
А мы ёго выпьемо—
Тiлько вэсёлосты.
Голэндэрко, стара маты,—
Нэ дай-жэ намъ клопотаты!
Кажу тоби: «сидь соби,—
Горилочки дамъ тоби»...
Якъ бачылы вражы жыды
Тылусю въ оборы,
То давалы горилочки
Гарцямы доволы.
Якъ нэ стало тэлуси въ оборы,—
— Гайда, гайда, дурный гою,
Зъ корчмы до дому..
Ой прыду я до домоньку—
Жинка й диты плачуть,
Що вжэ свэи тэлусеньки
Воны нэ зобачуть...
— «Дитки мои дробнэнькіи,
Нэ плачтэ такъ рэвно—
Якъ голэндэръ помиркуе,
То тэлусю вэрнэ».
— «Бодай тоби, господару,
Вывэрнуло очы,
Якъ голэндэръ тэлусеньки
Вэрнуты нэ схочэ»...
А я клычу: «тэлусь! тэлусь.
Й вона за мною—дыбусь, дыбусь.
А жыдовэ нагонылы
Й кулакамы бьють,
До пана вэдуть..
— «Шындэръ, мындэръ, дурный гою,
Бисъ бэры маму твою!»...
...Отъ я тому раду давъ,
Що тэлусю одобравъ.

(Голэндры—жит. колоній Нейброеръ и Нейдорфъ, Брест. ж. д. Гродн. губ., бывш. Голландцы).

29. Свадебная.

Чомъ, дубъ, нэ зэлёный—
Чы туча прыбыла?
Чомъ ты, хлопчэ, нэ вэсёлый—
Сторона нэ мыла?
— Якъ мни вэсэлиты,
Вэсёлому буты?—
Любывъ дивчыноньку,
Нэ могу забуты.
Любывъ я дивчыну,
А дивчына мэнэ,—
Самъ нэ знаю, нэ видаю.
Чы пуйдэ за мэнэ?»
— «Люблю тэбэ й пуйду за тэбэ»...
— «Туга, моя туга:
На сэрдэньку друга!»
...Дэ та крынычэнька,
Що голубъ купався?

А дэ тая дивчынонька,
Що колысь кохався?
Вжэ та крыничэнька
Травою заросла—
Вжэ та дивчынонька
Давно замужъ выйшла.
— Я тую травыцю
Косою выкошу,
Я другу дивчыноньку
Зъ людьмы перепрошу».
— Просывъ батько,
Просыла родына,—
Хиба іи пэрэпросыть
Лыхая годына!..

---

30. При крестинахъ.

Впала зъ гирки
До комирки—охъ! и т. д.
И выбыла въ боцы дырку—охъ!
Пуйды-жэжъ, муй мылэнькій,
До ксёндза Флёрка,
Нэхай-жэжъ винъ тутъ прыйдэ,
Хочъ-бы и бэзъ звонка.
Зарижъ-жэ ты, муй мылэнькій,
Курокъ дэсятёро,—
Ксёндзу—трое, бабы—двое,
А мэни—пятёро.
Зарижъ-жэ ты, муй мылэнькій
Волыка корміного,—
Ксёндзу—ноги, бабы роги,
А мэни—цилого.

---

31. Весенняя.

— Ой бувай здорова, дивчынонько моя,
Нэ забувай о мни колы ласка твоя:
Я въ дорогу одъижджаю,
На сэрдэньку тугу маю,
Що тэбэ покидаю!—
— Ой идь, муй мылэнькій
Дорога щаслыва!
Куды ты пойдэшъ,
Я тоби взычлыва,
Но нэ бався у дорозы;
Самъ ты знаешъ, що вороги
Намъ на пэрэшкоды!—
— Ой иду я, иду,
Жэну коня прутко,
Жыбъ мни заихаты
До дивчыны хутко.
До дивчыны, до своеи,
До розмовоньки тыхси,
До коханьня свого!
Ой иду я, иду,
Коня попасаю.
Чую черезъ людэ—
Дивча заручають!
Ой хочъ воны заручають,
Таки іи нэ звинчають,—
Таки моя будэ!
Ой иду я, иду
Коло еи хаты.
— «Дэнь добрый, дивчыно!
Що въ тэбэ чуваты»?
Вона стоить, нэ говорыть,
А ни словця нэ промовыть—
Знаты заручена!
А въ суботу въ вэчуръ,
У пятуй годыны
Вжэ мою дивчыну
Гинши заручылы...
Хочяй воны заручають,
Таки іи нэ звинчають—
Таки моя будэ!
Завэзлы дивчыну
Пудъ цэркву святую,
Уводять до цэркви
Дивчу молодую...
Хочяй воны іи вводять,
Таки іи нэ намовлять,—
Таки моя будэ!
Ой послалы воны
Рушнычокъ биленькій,
А на тимъ рушнычкови
Хлопэць молодэнькій....
Поставылы вбое въ пары,—
Такъ якъ-бы ся й не кохалы—
Вжэ й моя нэ будэ!
— «Чомъ-жэ ты, дивчыно,
Давпій нэ казала,
Ой якъ ты одъ мэнэ
Подароньки брала?»
— «Возьмы соби свои дары,
Занэсы ихъ гиншуй пары.
Я въ ихъ нэ ходыла
И ходыты нэ буду,
Я тэбэ, дворача,
И любыты нэ буду.
Якъ ты ихавъ бызъ садочокъ,
Бызъ зэлёный барвыночокъ,
Що я насадыла,
Що я полывала—
Моему сэрдэньку
Журбоньки надала».
— «Бодай ты, дивчыно,
Одъ сонька звяла!»
— «Хутній твое сэрцэ звянэ,
Якъ на мое лычко глянэ,—

Така сама буду,
Бо вжэ дбылы людэ!»
— «Ой одбылы людэ,—
Й щасьця тоби нэ будэ!»

---

32. Свадебная (бойкая)

Ты, дивчыно--заморокo,
Нэ йды замужъ сёго року,
Бо то тэпэръ такій рикъ—
Будэ быты чоловикъ!
Рэдьку сію, рэдьку сію,
Рэдьку полываю.
Росты, рэдько, вэлыкая,—
На зыму сховаю.
Нэ буду я рэдькы исты,
Бо то рэдька гирка,—
Нэ буду я жэнытыся,—
Будэ быты жинка.
Нэ буду я рэтькы исты.
Хиба—у Петривку.
Набэру я торбу сырувъ,
Пуйду на мандривку.
Котылыся возы зъ горы,
На долыны сталы.
Кохалыся, любылыся,
Тэпэръ пэрэсталы.
Ой такъ-жэ мы, любылыся
Якъ малыи диты,
Тэпэръ-жэ мы розыйдюмся,
Якъ хмары по свиты.

---

33. Свадебная.

— «Чоловичэ кулуватый,
Нащо жинку продаваты?»
— «Прыихалы паны зъ нэба --
На податокъ грошы трэба!»
— «Чоловичэ, що ты блудышъ?
Чоловичэ, сэбэ згубышъ!»
— «Чоловичэ бабынъ—бабывъ.
Бодай тэбэ пэрунъ забывъ!»
— «Я пэруна нэ боюся,
Подъ пэрыну сховаюся!»

---

34. Тоже.

Ой сивъ—зажурывся,
Що зъ малэю ожэнывся.
«Нэ журыся, Грыцю, мною—
Выросту я киль тобою!»
Пужды, пужды,—за тры лига -
Що то будэ за кобита!

---

35. Свадебная.

Ой, гультяю, гультяю,
Чого тэбэ спытаю?
Жэнытыся думаешъ,
А чы хату ты маешъ?
Збудуй хату зъ лободы—
До чужэи нэ ходы,
Бо чужая такая,
Якъ свэкруха лыхая!

---

36. Лѣтняя, при жатвѣ.

Ой въ вивторокъ въ вивторокъ
Панщына устала,
Ой въ вивторокъ всэнькихъ ляхивъ
До лису погнала...
Прыйшлы ляхи зъ лису, зъ бору,
Началы тужыты.
— «Ой вэрныся, панщынонько,—
Нэкому робыты!
Мы нэ вміемо косыты,
Нашы жонки—жаты,—
Ой вэрныся, панщынонько,
Нэ дай пропадаты!
Стоить лонка нэ кошона,
А на нывы—жыто.
Що день ходымъ за жэньцямы—
Нэ кому робыты!
Ужэ ячминь похылывся,
Грэчка наступыла—
А якъ була панщынонька—
Вжэ ся каша ила...
Стоять жорна въ двори дурно,—
Ныкому крутыты.
Въ полю збижжэ и картохля—
Ныкому зробыты!
Спочывае нагаенька,
Що людэ карала,
Нэ одного ся набыла
И плакаты нэ дала!
Ой плакалы людэ всюды
И Бога просылы,
Щобы тыи канчукы
Въ огни погорилы!...

---

37. Лѣтняя.

— «Ой маты, маты,—нэпорядокъ въ хаты...
Порадь мэнэ, якъ мылую караты?»
— «Возьмы, сынку, крутую нагайку,
Зчорны мылую, якъ чорную галку!»...
Звэчора свичэнька горила,

А впивночы комара звонила,
На свытаньни мылая зомлила...
Прыйшовъ мылый зъ комары до хаты.
— «Маты! маты! нэпорядокъ въ хаты,
Порадыла, якъ жинку карагы,—
Тэпэръ порадь - де ін сховаты?...
— «Возьмы, сынку, малую дытынку,
Цы нэ збудышъ свою жинку».
— «Нэхай плачэ, нэхай пэрэстанэ:
Вжэ въ матэра цыцьки нэ достанэ»!...
— «Бэры, сынку, коня вороного
Й втыкаймо одъ лышэнка своёго!»...
— «Ой, маты! маты! нэправдоньку кажешъ...
Трэба даты ажъ до пана знаты!»
Ой, панэ муй!—мусывъ я згрищыты:
Забывъ жинку,—нэ маю зъ кимъ жыты!
На мылу тыртычэньки тэшуть,
А мылого нагайкамы крэшуть...
Мылую у дилъ вставляють,
А мылому головку здыймають...
Дывытыся усэнькіи людэ:
За жинку такъ кижному будэ!...

---

38. Лѣтняя.

Я й самъ нэ видаю,
Що робыты въ жалю маю:
Зъ коханьня вмыраты гадаю!
Дивча лыстъ пысала,
На Вкраину слала
До того козака, що вирно кохала!
Козакъ, лыстъ узявшы,
Тай пэрэчытавшы,
Рэвнэнько заплакавъ, дывчыну згадавшы.
Козачэ, ты дурачэ,
Дурный розумъ маешъ,
Що на сэбэ прычыну прыймаешъ!
Прысягаю Богу, ставшы на колина,
Самъ по соби знаю, що моя прычына,
Що мае дивча сына...
— «Закладай, хлопчэ,
Коня вороного,—
Пойдюмъ до коханьня мого.»
Козакъ доижджае...
Родына збырае,
Годына козака вытае...
Зайшовъ до дивчыны—
Дивчына хворуе...
Взявъ за ручэньку й въ лычэнько цилуе.
— «Нэхъ тэбэ, козачэ,
Лыхая годына!
Одрыклася одъ мэнэ родына!
Одрикся батько, одрыклася маты.
Якъ мни, молоденькуй,
Той викъ коротаты»?...

Ой голубъ лэтае й голубка лэгае,
Ой голубка нэ знае,
Що голубъ покинуты мае!
Ой ты, голубоньку, ой ты, сывый орлэ,
Якъ я тэбэ покину,
Хто тэбэ до сэбэ прыгорнэ?...

---

39. Свадебная.

Шумилы буйны витры въ лисы
О зэлёны дубыща.
Тамъ комаръ зъ дуба впавъ,
Розбывъ голову о пныща.
Прылэтила муха зъ хаты,
Стала надъ комаромъ плакаты
— «Ой, комару, добрый господару,
Дэ тэбэ поховагы?»
— «Поховай мэнэ на крутуй гори,
Дэ дывки квытки муть браты—
Мэнэ, комара, доброго господара,—
спомынаты»...

---

40. Свадебная и весенняя.

Ой лугомъ, лугомъ трава зэлэніе.
Щось мое сэрдэнько той нэ вэсэліе.
Дай-жэ, Божэ, щобъ повэчэрило,
Щобъ мое сэрдэнько той повэсэлило.
Ой прыды, мылый, до моеи хаты,
Я тэбэ впущу, щобъ нэ чула маты,
Якъ ёго впускала,—за ручку стыскала.
А якъ выпускала—правдоньки пытала!
Ой цы маешъ жинку —то иды до дому,
А нэ маешъ жинки—останься зо мною.
— «Ой маю я жинку, щэ и дытокъ двое,
Колы не прыхильно сэрденько мое.
Кладовлюся спаты впопэрэкъ полаты,
До стыны очыма, до ен плэчыма.
«Обэрныся, мылый, я тэбэ роззую,
Я твое лычэнько симъ разъ поцэлую».
— «Ой будай ты, мыла, того нэ дождала,
Щобъ мое лычэнько симъ разъ цыловала!»
«Ой есть у тэбэ мылыхъ двацьцять штыры,
Такижъ бо я старша надъ имы усимы».
— «А дежъ ты, мыла, старшынство набрала,
Що ты надъ усимы старшэю застала?»
«Ой тамъ, на гори цэрковка стояла,
Ой тамъ жэ я, мылый, старшынства набрала.
Прысягала Богу и свѣтому Юрью
Нэ зъ порядным хлопцёмъ, но зъ тобою, дурнюі»

41. Свадебная.

Эй, зымовая—морозяная!
Нэ зморозь мэнэ, молодэнькеи,—
Ны такъ мэнэ, якъ мужа мого!...
...Зъ войны идучы, коня вэдучы,
Коня вэдучы, бринь нэсучы.
Ай, бринь моя, найяснишшая!
Ай, жоно моя, наймылишшая!
Ай, дума моя, найсмутнишшая!
Що жона мужа нэ знавыдыла,
Завэла въ вышнивъ садъ
Той повисыла...
— «Лэжы, мылэнькій,
Якъ дэнь, билэнькій,
Якъ дыль, гнылэнькій».
Прышла до дому, сила за столомъ,
И пышэ вона пэромъ,
И кажэ своимъ словомъ:
— «Ой кобъ я мила маляри свои,
Вымалювала-бъ мылого соби.
Вымалювала-бъ на ганычку—
И поглядала-бъ, якъ на пташычку.
Вымалювала-бъ въ оконычку—
И поглядала-бъ, якъ на сонычко.
Вымалювала-бъ у конци стола—
И поглядала-бъ, якъ на сокола.
Вымалювала-бъ у коморы въ стыни—
У коморы въ стыни, тамъ дэ спаты мэни.
Ой быда була, що муй мужъ такій...
Тэпэръ—гиршая: й того нэма!...
Зайшла-бъ въ вышнивъ садъ
Взяла-бъ мылого за ручку:
— «Устань, устань, мылэнькій!
Вжэ ты налыжився,
Ризныхъ пташычокъ вжэ наслухався».

---

42. Свадебная.

— «У лузи калынонька стояла, у лузы—
Тэпэръ моя головонька у тузи...
Ой у лузи калынонька стояла,—
Тэпэръ моя головонька пропала!...
Прыихавъ мій батэнько изъ Львова,
Пытаецьця пьянычэньки, чы вдома?
Потыхеньку, мій батэньку, говоры,
Ой нэ збуды пьянычэньки въ коморы.
Якъ ты тую пьянычэньку збудышъ,
То мою головоньку загубышъ.»—
— «Ой прывыкай, моя доню, прывыкай,—
То двэрыма, то оконычкомъ втыкай»...
— «Висъ одъ его, мій батэньку, утэчэ,
Злапае пьяныця за плычэ,
То винъ мною хату й сины зволочэ,
То винъ мое билэ тило посычэ,
То винъ мою русу косу попорвэ»...
— «Зъ кимъ ты, моя мыла, говорыла,
Що ты мэнэ, молодого, пробудыла?»
— «Зъ кухаркамы, мій мылэнькій, зъ кухаркамы,—
Отъ послала по водыцю коновкамы».
«Нащо-жъ тоби, моя мыла, водыця?—
Есть у мэнэ мэду й пыва пывныця.
Возьмы соби золёного—умыйся,
А солодкого—напыся».

---

43. Весенняя.

Пуйду я пудъ вэрбыцю по воду,—
Клычэ мэнэ маты до хаты,
Хочэ мэнэ за старого оддаты—
«Я за его нэ пуйду!
— «Пэрэкинуся дыкею козою,
Побыгу густэю лозою,
А за тэбэ нэ пуйду!»
— «Есть у мэнэ такіи стрилоньки,
Що выстрилять дыкіи козоньки—
Мусышъ буты моя!
Пэрэкинуся щукою—рыбою
И поплыву я быстрэю водою,
А за тэбэ не пуйду!
— «Есть у мэнэ такіи нэводоньки,
Що вылаплють вси щуки—рыбоньки.
Мусышъ буты моя!»
— «Пэрэкинуся рудэю мышкою
Й побыгу глубокою ниркою,
А за тэбэ нэ пуйду!»
«Естъ у мэнэ такіе котыки
Що вылаплють мышки изъ нирки—
Мусышъ буты моя!»
— «Пэрэкинуся зэлёнымъ барвынкомъ
И сиду—впаду въ батэнька въ саду,
А за тэбэ нэ пуйду!»
— «Есть у мэнэ такіи ножыки,
Що выщыкають барвыночки на выночки—
Будэшъ, будэшъ моя!»
— «Навары, тату, солодкого пыва,
Во вжэ я пуйду за старого дида,—
Вжэ я ёго нэ збуду!
Напэчы, мамо, пшэнычного хлиба,
Оддаешъ мэнэ за старого дида,—
Вжэ я ёго нэ збуду»!...

---

44. Лѣтняя при жатвѣ.

— «Дэ ты, хмэлю, зымовавъ,
Що й ны розвывався?
«Дэ ты, сынку, ночовавъ,
Що й ны роззувався?»
— «Ночовавъ я, моя маты,
Въ залёнуй лыщыны,
Загадавъ я загадоньки
О добрій дивчыны»...
— «Нэ добрэ, мій сыноньку,
Нэ добрэ ты робышъ:
Журылыся молодыцы,
Що ты й до ихъ ходышъ!»
— «Якъ ходывъ, моя маты,
Такъ и буду ходыты.
Було мэнэ, моя маты,
Въ симъ литъ ожэныты!»
— «А я тоби, мій сыноньку,
Тай ны бороныла.
Було соби жэнытыся,
Якъ-но й породыла!»
...— «Прыды, прыды, кавалиру,
До мэнэ въ нэдилю,
А я вышлю старэнького
Въ лысокъ по калыну».
Пушовъ старый, бородатый
Калыны ламаты.
— «Выжы, доню, дорогою
Тата выглядаты»!...
Идэ доня дорогою,
У долони плэщэ.
— «Жартуй, жартуй, мамцю моя,—
Ны йдэ тато ещэ».
Сыдыть мылый коло стола,
Курку обырае.
А якъ озьмэ за ручэньку —
Къ сэрцю прылягае.
А я ручку прыгорнула,
Въ оконэчко поглянула.
Поглянула въ оконэчко,
А вжэ старый нэдалэчко.
— «Дэжъ я тэбэ, мій мылэнькій,
Тэпэръ тай поднну?
Ой сховаю тэбэ въ лишко,
Въ билую пэрыну».
Идэ старый, бородатый
Зъ калыною до хаты.
Я прыпала гъ сырій зэмли,
Тай стала стогнаты:
«Иды, старый, бородатый,
Уколупны мэду:
Барзо тяшко на сэрдэньку—
Головки нэ звэду!»
Пушовъ старый, бородатый
Мэду колупаты,
А я свого мылэнького
Выпустыла зъ хаты...
Идэ старый, бородатый,
У долоны трэплэ...
— «Дэсь тутъ бувъ вражый сынъ—
Тильки мисцэ тэплэ?»
Ишовъ я чэрэзъ сины,
Тай нэ оглядався,—
Убабурывъ старый ципомъ
Я й ны сподывався!
Скочывъ жэ я чэрэзъ плитъ,
За воротьмы звився,—
Вылытила курка бокомъ,
Що ей навився!...
Ишовъ-жэжъ я чэрэзъ садъ,
Чэрэзъ два городы,—
Заматався въ гарбузиньне—
Наробывъ я шкоды...
Ишовъ-жэ я зъ вэчурныць
Тэмнэнькеи ночы,—
Сыдыть гуска на болоты—
Вытрыщывшы гочы.
Я на ей: «гиля! гиля!»
А вона прысила.
Кобъ нэ тая дивчынонька,
Була-бъ мэнэ здзила.
Ой кобъ нэ ты, дивчынонько,
Ой кобъ нэ ты, нэ ты,—
Нэ стоявъ бы мій коньнчокъ
Въ ось си-тимъ замэты!
Ой кобъ нэ ты, дивчынонько,
Нэ твоя головка,—
Нэ ходывъ-бы по заплитьтю,—
Нэ лякавъ-бы вовка!»

---

45. Свадебная.

— «Нащо мэнэ зачыпаешъ,
Колы соби другу маешъ?
Шукай соби до вподобы.
Котра липша — будэ тоби,—
Я нэ хочу такъ, якъ ты,
По два разомъ любыты!
Сосидонька мин казала,
Що одъ тэбэ пэрстэнь мала,
Андзи хустку даровавэсь,
Жосп вынокъ обыцявэсь,—
Я не хочу такъ, якъ ты,
По два разомъ любыты!
Ой чы любышъ, любы дужэ,
А нэ любышъ—нэ жартуй-же!
Нэ задавай сэрцю туги:

Нэ будэшъ ты—будэ другій.
А нэ другій—будэ трэтій,
А нэ трэтій, то чэтвэртый.
Ны чэтвэртый—будэ пятый,—
Любыть мэнэ що й богатый!
Я нэ хочу такъ, якъ ты,
По два разомъ любыты!»...
— «Тому будэ нэдиль килька,
На вэсилью въ брата Илька
Ты зъ Иваномъ таньцёвала,
Ему ручку обыцяла, —
И я нэ хочу такъ, якъ ты
По дви разомъ любыты!
Прыгадай соби ты Гната,
Брата Илька и Кондрата!
Ты, нэбого, дужэ знаешъ,
А про мэнэ забуваешъ,—
Отъ я знаю, що и ты
Вміешъ по шисть любыты!»
— «Хжэ тій сварцы даймо згоду.
Дай рученьку—будъмъ въ згоды.
А тэпэръ же я и ты—
Ну-мо разомъ любыты!»

Примѣчаніе. Пѣсни, съ № 1 по 45, записаны со словъ крестьянокъ села Копытова Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, въ 1895 году.

---

46. Весенняя.

Праду я, праду—
Спатоньки хочу....
Положу я головоньку
На зэлёнумъ муравоньку,—
Тутъ я соби й засну....
А свэкоръ идэ,
Якъ витёръ гудэ:
«Сонлывая, дрэмлывая,
До работы лэнывая!
Мого сына заразыла—
Постэлёньки нэ встэлыла
Й сама нэ лягла!»...
Праду я, праду—
Спатоньки хочу...
Положу я головоньку
На зэлёнумъ муравоньку,—
Тутъ я соби й засну...
А свэкруха йдэ,
Якъ витёръ гудэ:
«Сонлывая, дрэмлывая,
Нэвистка моя!
Мого сына заразыла,
Постэлёньки нэ встэлыла
И сама нэ лягла!»
Праду я, праду,—
Спатоньки хочу.
Положу я головоньку
На зэлёнумъ муравоньку,—
Тутъ я соби й засну.
Матюнка идэ,
Якъ пчилка гудэ:
«Мое дыте дорогое,
Пушло замужъ молодое:
Нэ выспалося!»
Праду я... Ватынько идэ,
Якъ пчилка гудэ:
(Тоже, что и мать).

---

47. Лѣтняя.

Казала мэни маты
Цвитъ—калыну ламаты.
Калына пагнулася,—
Дивчына зломылася...
Дэ доля подилася?...
Одозвалася доля
По тамтимъ боцы мора...
— «Будежъ мэнэ, маты,
Малэю поховаты,
— То-бысь була забула,
Що въ тэбэ дочка була.
А тэпэръ нэ забудэшъ,
Покиль жыты будэшъ!»

---

48. Лѣтняя.

Такъ ныкому, такъ ныкому,
Якъ бидному батраковы...
Гэя! гэя! якъ бидному батраковы!
(И т. д. повт. 2-го стиха).
Батракъ ходыть, заробляе,
Ажъ пить очы залывае...
Зайшовъ батракъ до хаты:
— «Дай, хадзяйко, вэчэраты!»
— «Нэ топыла, нэ варыла,—
Нэма чого вэчэраты,—
Лягай, батракъ, и такъ спаты!»
Лигъ батракъ и щэ нэ вспався,
А вжэ хадзяй нагадався:
— «Вставай, батракъ.—годы спаты:
Ужэ пора й волы гнаты!»
Вставъ батракъ, нэ одмагався,
Нэма воды—нэ вмывався.

Нэма ручныка—нэ втырався,
Нэма сорочки—нэ вболокався
Нэма колы—нэ пацёровався,
Нэма щисьця - зъ бидою зостався...

---

49. (Во время жатвы).

На прыпэчку воробій
Зробывъ соби жныво.
А на пэчи молотывъ,
Зварывъ соби пыво.
Штыры тыки хмэлю давъ,
Потимъ соби жаловавъ,
Ставъ дубныкъ збыраты,
Пывомъ частоваты.
На той бэнкитъ комари
Зъ комаркою булы
И зробылы зъ комари
Штыры пцлки солонины.
Сто ковбасивъ начынылы,
Скабы прыпэкалы,
На столы давалы,
Усихъ частувалы.
Ужэ було у впивночы,—
Сова прылэтила,
Потыхеньку, помаленьку
Тай за столомъ сила.
Воробій упывся,
На сову звалывся...
Ой казала сова
По французьки граты:
— «А грайтэжъ, мои трубачи,
Славны жъ мои пугачи!
Гуляйтэ-жъ въ дубровы,
Въ воробьёвимъ долы»...

---

50. Свадебная.

Нашыхъ прыданивъ
Тутъ нэма, тутъ нэма!
Поихалы въ лисъ
По дрыва, по дрыва!
Зачэпылы
И за пэнь, и за пэнь!
Тай стоялы
Цилый дэнь, цилый дэнь!
Зачэпылы,
За осыну! (2 раза).
Тай стоялы
Цилу зыму! (2 раза).

51. Пасхальная.

Тамъ Романъ волы пасэ,—
Дивчына воду нэсэ.
— «Цы тэбэ зачэпыты,
Цы воду розлиты?»
— «Ой, Романэ, мій панэ,
Нэ зачыпай, ты мэнэ:
Въ мэнэ маты чужая,
Щэ й до того лыхая —
Будэ быты мэнэ!»
— «Якъ будэ тэбэ быты,
То дайся вымовыты,
Що гусы налэтилы,
Мэни воду сколотылы»...
— «Ой того жъ я ожыдала,
Щобъ вода нэчыста стала!»...

---

52. Весенняя.

— «Покинь, Ясю, жинку,
Я покину диты.
И пійдэмо въ свитъ
Мышканьня глядиты!»
— «Ой буюся, Касю,
Жыбъ насъ нэ впіймалы,
Жыбъ намъ билыхъ ручокъ
Назадъ нэ звязалы!»...
— «Ой, нэ бійся, Ясю,
Нычого нэ будэ:
Орэжъ-бо мій мылый
Зъ старэнькимъ дидомъ»...
Орэ-жъ винъ орэ
Зъ старэнькимъ дидомъ,
Выглядае мылэнькеи
Зъ спорнэнькимъ обидомъ
Зайшовъ мылый пидъ оконцэ,—
Противъ ёго сонцэ
— «Выйды, выйды, мылэнькая
Противъ мэнэ сонцэ!»
Зайшовъ винъ до хаты,
Ставъ дытокъ пытаты:
«Дытки-жъ мои мылэнѣкіи,
А дэ-жъ ваша маты?»
— «А нашая маты
Пошла въ лугъ по тэляты.
Ой и щось вона промовляла,
Що й нэ наша маты!»
Ударывся мылый
У—въ полы рукамы:
— «Дытки-жъ мои мылэнькіи.
Пропавъ жэ я зъ вамы!»

Ударывся мылый
У стилъ головою:
«Головонько-жъ бидна моя,
Пропавъ я зъ тобою!»

---

53. Мѣстная крестьянская молитва.

У нэдилю ранэнько
Сонэчко входыть,—
Божая Маты
Сына за ручку водыть.
Повэла Вона Его
Зъ ютрэни на мшу,
Зъ имшы на вэчирню,
Зъ вэчирни на всюночну,
А зъ всюночны на сыне морэ.
Тамъ, на сынюмъ моры,
Камэнь лэжыть.
На тимъ камэню
Цэрковця стоить...
Въ тій цэрковци
Прыстилъ стоить,
Тамъ, на прыстолы
Сусъ Хрыстосъ лэжыть.
Голивку склонывъ,
Ручки зложывъ,
Губки стулывъ,
Очки заслонывъ.
Прыйшлы до Его
Святый Пэтрò
И святый Павэлъ
У церковую до прыстола,
Взялы Хрыста
За правую руку.
— «Нэ дывиться
На мою муку!
А пойдитэ
По всимъ свиты,
Закажитэ старыхъ
Кныгъ глядиты!
Якъ того пацёра
НН будуть забуваты,
Ныгды въ наглуй смэрты
ээ будуть погибаты:
На огни—погараты,
На води—потопаты,
На войни—умэраты,
У быди—пропадаты!»

(Прибавленіе, говорится въ видѣ молитвы).

Нэхъ Памбигъ худобочку пасэ,
Дэ вона травыцю зъидае,
Дэ водыцю спывае,
Дэ спочывочокъ мае:
Въ день подъ соньцёмъ,
А въ ночи подъ мисяцёмъ.

Восемь пѣсенъ, № 46 по 53, записаны въ деревнѣ Оссовѣ, Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, въ 1892 году.

---

54. Пѣсня о Бѣдѣ.

(На мотивъ: «Какъ у нашихъ у воротъ»).

1.
А хто Биды нэ знае,
Нэхай мэнэ спытае:
Моя хата на краю— } 2 раза и т. д.
Добрэ Биду я знаю! }

2.
Надъ Дунаемъ глубокимъ
Выросъ тэрэнъ высокій,
А изъ того-то тэрна
Выйшла Бида молода

3.
Нэ малая, нэ вэлыка—
Тра-бъ для нэи чоловика:
Ны старого, ны малого—
Козачэнька молодого.

4.
— «Дэ ты, Бидо, вродылася?
Дэ ты въ мэнэ вчэпылася?»
— «Я въ Варшавы родылася,
А въ Замисьцю хрэстылася!»

5.
Пойшла Бида до Гаврыла,—
Одъ Гаврыла носомъ рыла...
Пошла Бида до Яндруха,—
Обырвалы Биди уха...

6.
Пошла Бида до Дэныса,—
Одъ Дэныса прыйшла лыса...
Десь-ся взявъ и Тарасъ—
И той Биду за лобъ трасъ...

7.
Дэсь ся взявъ и Прокопъ—
И той Биду въ морду - гопъ!...
Дэсь-ся взявъ Гарасымъ—
Той по Биди голосывъ...

8.
Дэсь ся взявъ паламаръ—
Биди рэбра поламавъ...
Дэсь-ся взявъ золотаръ—
И той рэбра полатавъ...

9.
Пойшла Бида до кравця—
Натрапыла на шэвця...
А швэць Биду—холявою:
Сыды, Бидо, пидъ лавою!...

10.
Сила Бида на ставци,
Плэтэ соби постольци,
Сама зъ сэбэ дывуецьця,
Жэ хорошэ готуецьця...

11.
Пошла Бида въ будяки—
Погубыла ходаки...
Выйшла Бида зъ будякивъ—
Позычыла ходакивъ...

12.
Була Бида въ Вэрхивци,
Пасла симъ литъ тамъ вивци...
Пошла Бида по заплату,—
По симъ разы въ едну хату...

13.
Якъ-же Биди заплатылы?—
Симсотъ кіівъ увалылы....
Пойшла Бида хлыпаючы,—
На симъ сажны ступаючы...

14.
Пойшла Бида до двора—
Далы Биди пиврубля...
Пойшла Бида до Дулибъ—
Далы Биди цилый хлибъ...

15.
Пойшла Бида на Пидгаець,—
Далы Биди симъ кипъ яець...
Пойшла Бида до Петра
И вси яйця попэкла...

16.
Була Бида на торзи,
Прыихавшы на кози...
Продавала тай крупы,—
Куповалы и попы...

17.
Куповалы и дяки,
Куповалы жыдивки:
То за гришъ, то за штыры,
Биду чэрвы росточылы...

18.
Була Бида на шынквасу,
Продавала кисиль, квашу,—
Шэвци, кравци обступылы
Кисиль, квашу роскупылы...

19.
Пойшла Бида до арэнды.
Пустылася въ пэрэбэнды,—
Рандаръ Биду шанкомъ въ губы:
«Чого, Бидо, лупышъ зубы?»

20.
Сыдять диды на рынку,—
Вкрала Бида торбынку...
Сталы диды обозомъ,—
Знайшлы биду пидъ возомъ...

21.
Былы Биду палыцямы:
Нэ крадь торбы зъ сухарцямы!...
А одъ Львова до Кракова—
Всюды Биди еднаково!...

22.
Пойшла Бида до Варшавы,
Вкрала соби шаровары,
А козаки догонылы,
Былы Биду, волочылы...

23.
Былы Биду канчукомъ,—
Нэ заходы зъ козакомъ...
Пойшла Бида на хрэстыны—
И тамъ Биду хворостылы...

24.
Пойшла Бида на вэсилье
И тамъ Бида нэ прысыла...
Пошла Бида у танэць—
И щэ Биди нэ конэць.

25.
Кажэ Бида: «за симъ литъ
Будэ Биди новый свитъ»—...
Идуть людэ зъ хворостомъ
Сыдыть Бида пидъ мостомъ...

26.
Якъ—ся Бида зворохнула,—
Дядька зъ хворосту зопхнула...
Якъ-ся Бида розгуляла,
Всимъ колэса поламала..

27.
Дядько Биду догонывъ.
Биди рэбра поломывъ...
Дядько Биду хворостомъ—
Трасэ Бида жыватомъ...

29.
Дядько Биду ужкамы—
Трасэ Бида ножкамы...
Наихалы циганы,
Взялы Биду на саны...

29.
Завэзлы еи до Волохъ,
Промэнялы на горохъ,
А потимъ-ся жалевалы,
Назадъ Биду завэрталы...

30.
- - «Соби Биду бэритэ,
А намъ горохъ вэрнитэ! ...
Пойшла Бида до Жовквы-
Биди ножки пожовклы...

31.
Пойшла Бида до кухны—
Биди ножки попухлы...
Пойшла Бида до цэркви—
Биди ножки потэрплы...

32.
Пойшла Бида до корчмы—
Биди ножки одойшлы...
Пойшла Бида до попа—
Былы Биду, якъ снопа...

33.
Пойшла Бида до дяка—
Тамъ побылы быяка...
Пойшла Бида на пывныцю—
Влизла вона въ помыйныцю...

34.
Былы Биду въ потылыцю.
Нэ лизь, Бидо, въ помыйныцю!...
Пэрэдъ паномъ окомономъ
Былы Биду макогономъ...

35.
Пэрэдъ паномъ панычомъ
Былы Биду товкачомъ...
Пэрэдъ паномъ комысаромъ.
Шмаровалы Биду саломъ...

36.
А за нашымъ ярымъ жытомъ
Сыдыть Бида въ тыхимъ лыкоцъ...
И тамъ наша Бида вмэрла
И ноги до горы задэрла...

Эта пѣсня записана (какъ равно и послѣдующія двѣ пѣсни) въ 1901 году со словъ нѣкоего Якима, по прозванію, Бида, въ Грубешовскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи. Якимъ Бида, живущій, вѣроятно, и по-нынѣ,—своего рода мѣстный сказитель былинъ, пѣсенъ и т. п. Жаль только, что отъ него трудно записать все то, что онъ знаетъ, такъ какъ, по видимому, онъ почти юродивый. Крестьянамъ, а особенно ихъ малымъ дѣтямъ, Якимъ Бида охотно говоритъ то, что знаетъ, другимъ же—не охотно. Онъ ведетъ жизнь постоянно бродячую, ходитъ только по извѣстной округѣ. за что и прозывает я еще «Окружнымъ». Поведеніе его безупречно, но лѣность къ труду образцовая. Не желая нигдѣ и ничего работать, онъ безпрерывно ходитъ и нигдѣ не пробудетъ дольше однихъ сутокъ. Память и воображеніе у него развиты въ высокой степени.

Очень можетъ быть, что пѣсня о Бѣдѣ есть его собственное произведеніе. Въ этой пѣснѣ резсказывается о постоянныхъ неудачахъ какого-то человѣка на разныхъ мѣстахъ. Якиму 40 съ небольшимъ лѣтъ. Я лично долго бесѣдовалъ съ нимъ, но онъ какъ то хитро уклонялся сообщить мнѣ еще кое что изъ пѣсенъ. Личность, во всякомъ случаѣ, интересная.

---

55. Тара-тара.

(Скороговорка-шутка, записана отъ Якима Биды въ Люблинской губ.).

Тара-тара, та̀на—
Пойду я до пана,
Тара-тара, ту̀рбу—
Пойду я до пана на службу,
Тара-тара, ты̀ны—
Буду пасты свыны.
Тара-тара, ту̀дэнь—
Дэсь въ самый полудэнь
Тара-тара, товкъ—
Прыйшовъ до мэнэ вовкъ,
Тара-тара, тыню̀—
Взявъ въ мэнэ найстаршу свыню.
Тара-тара, тэ̀чуръ—
Отъ ужэ и вэчуръ,—
Тара-тара, ты̀ны—
Трэба гнаты свыны.
Тара-тара, тѐму—
Прыгнавъ я ихъ до дому.
Тара-тара, танъ—
Прыйшовъ до мэнэ панъ.
Тара-тара, ты̀нку—
— «Ходь до мэнэ, сынку!»
Тара тара, та̀нэ —
— «Чего хочэшъ, панэ?»
Тара-тара, тыню̀—
— «Дэсь подивъ найстаршу свыню?»
Тара-тара, та̀нэ—
— «Нэ гнивайся, панэ,
Тара-тара, тудэнь—
Бо въ самый полудэнь
Тара-тара, товкъ—
Прыйшовъ до мэнэ вовкъ.
Тара-тара, тыню—
И взявъ найстаршу свыню»...

Тара-тара, танъ—
Кажэ до мэнэ панъ:
Тара-тара, тынку
— «Чортъ твою ма, сынку!»
Тара-тара, тукъ—
Вказавъ мыни канчукъ.
Тара-тара, тырокъ—
— «Давай, сынку, тылокъ!»
Тара-тара, тёки —
Я одъ нёго—втёки..
Тара-тара, тына—
Прыйшовъ я до млына.
Тара-тара, тупы—
Мололыся крупы.
Тяра-тара, тупъ—
Набравъ я соби крупъ.
Тара-тара, тошку —
Зварывъ я соби кашку.
Тара-тара, тошки—
Нэ мавъ я ложки.
Тара-тара, тальцёмъ—
Помышавъ я пальцёмъ
Тара-тара, талэць.—
Опарывъ я палэць.
Тара-тара, тички—
Пойшовъ я до рички
Тара-тара, тальця—
Холодыты пальця.
Тара-тара, тички—
Сивъ я коло рички.
Тара-тара, талэць—
Болыть мэнэ палэць.
Тара-тара, тыньцёмъ—
Надъ самымъ гостыньцёмъ
Тара-тара, тэльныкъ—
Прыйшовъ до мэнэ мэльныкъ,
Тара-тара, талобъ—
Злапавъ мэнэ за лобъ.
Тара-тара, тынку—
— «Якій ты мудрый, сынку!
Тара-тара, тупы—
Нащо-сь забравъ крупы?»
Тара-тара, тано—
— «Защо мэнэ бьешъ, панэ?
Тара тара, тупъ —
Нэ бравъ я твоихъ крупъ!».
Тара-тара, ташку—
— «А зъ чого варышъ кашку?»
Тара-тара, тызъ—
Гопъ—мэнэ въ нызъ!...
Тара-тара, тозокъ—
Выскочывъ зъ мэнэ мозокъ...

56. «Косаръ».

(Записана отъ Якима Биды въ Люблинской губ.).

— «Доля моя нэщасная!
Якъ на свиты жыты?
Хтивъ-бымъ добрэ исты, пыты,
А ныцъ нэ робыты...
А ны—исты, а ны—пыты,
А ны—въ чимъ ходыты,
А ны—люльки, ны—тютюну—
Ны чого курыты!...
Заробыты я нэ вмію,
Просыты нэ смію.
Долэжъ моя, нэщасная—
Дэжъ я—ся подію?
Дають людэ исты й пыты,
Но кажуть робыты,
Бо якъ нэ пійдэшъ робыты,
То тя будэмъ быты!
Дають мэни хлиба въ торбу
И збанокъ бутвынья,
Пхають мэни косу въ руки.—
Ахъ нэщасьце-жъ мэни!
И зъ подвирья выпыхають!
— Йды—косы, нэ гайся:
Лонка дужа, травы купа —
Хутнэнько звывайся!
Лонка дужа, травы купа,—
Нэ мигъ зраховаты:
Двыгавъ косу, утомывся
И лигъ спочываты...
Заснувъ хвылю, зъивъ бутвыню;
Полудня нэ було.
Жывитъ буливъ отъ бутвыньня,
Бо бутвыньне вздуло.
Сусидъ косывъ, мэнэ збудывъ:
— «Встань! иды косыты.
Бо якъ прыдэ сподаръ зъ дому,
То тя будэ быты».
И вжэ ставъ, нэ лягавъ,
Сусида ся слухавъ,
Чисто на косу спырався
И напэрстокъ вюхавъ.
И то мало травы скосывъ,—
Тры разы полуднявъ.
Давъ осподаръ вэчэраты,
А горилки нэ давъ:
Чы винъ самъ знавъ, чы хто сказавъ,
Чы нэ було за що?
Чы то зъ мэнэ такій косаръ,
Чы коса лядаща?
Нэвмивъ сэ заострыты,

А нэ поклэпаты—
Жывить буливъ одъ бутвыньня —
Нэ мигъ—емъ махаты!

57.

— «Ой продай, тату, коня,
Продай вороного,—
Ожэны, ожэны
Сына молодого!»
— «Ой нащо я маю
Коня продаваты?
Пышуть чорнымъ по билому:
У рэкруты взяты!»
— «Ой нэхай бэруть—
Я ихъ нэ боюся
Кинь вороный, самъ молодый,
То я выслужуся!»
...— «А въ полю жытэчко
Мэтлою заквитло.
Ой дэсь мого мылэнького
На войни забыто!
Забыто, забыто,
Втагнёно въ жыто,
Чэрвоною китайкою
Очэньки накрыто»...

58.

(Пѣсни во время жатвы).

Ой дарова чэлядонька, дарова!
Абы наша головонька здорова.
До коньця, чэлядонька, до коньця—
Пуйдэмо до дому за соньця!
Пуйдэмо до дому, пуйдэмо,—
Тильки тую нывоньку дужнэмо!

59.

Котывся жытній вынокъ, котывся,
Постатныци на голову просывся—
—«Возьмы мэнэ, постатныцэ, на головку,
Занэсь мэнэ въ паньскую стодолку!
Нэ мнито я въ стодолци полэжу—
У Спасивку на вывоньку побыжу!»

60.

Котывся жытній вынокъ по полю,
Просывся господара въ стодолу:
— «Прыймы мэнэ, господару, въ стодолу,
Вжэ я навалявся по полю,
Вжэ на мэнэ буйны витры віялы,
Вжэ на мэнэ дробны дощи капалы,
Вжэ на мэнэ дрибный дощыкъ изыйшовъ
Ой покиль я до стодилки увуйшовъ.
Нэ довго я въ стодолы полэжу,
У Спасивку на нывоньку побыжу!»

61.

Зажурылася, засмутылася
Бидна удовонька,
Що нэ скошона и нэ згрэблёна
Зэлёна дубровонька!...
...Косари косять! Косари косять:
Дуброва полягае..
Бидна удова, чорноброваая,
На тое поглядае...

62.

Ой доля, моя доля!
Ой чомъ ты нэ такая,
Якъ люцькая, тужая!
Людэ роблять—нэ роблять,
А хорошэнько ходять!
А я роблю, зароблю,
А нычого нэ маю!

63.

Наша ныва вродлыва—
Сто кипъ жыта уродыла!
Нажелы тоби, тату, сто кипъ—
Молодому прыставоньцы едёнъ снипъ!
Винъ того до домоньку поволикъ
Своему коню вороному на обрикъ..

64.

Ой тамъ у полю крынычэнька,—
Выдно дно!
Ой дэсь мого мылэнького
Нэ выдно!
Выкопала крынычэньку
Въ едёнъ дэнь!
Выглядала мылэнького
Бывъ тыдэнь!

Восемь пѣсенъ, № 57 по № 64, записаны въ селѣ Ганнѣ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., въ 1902 году.

Тутъ же можетъ быть записано еще нѣсколько десятковъ разныхъ народныхъ пѣсенъ.

65. Пѣсня про калакутскую свадьбу.

Шутка-сатира на мѣстныхъ крестьянъ, упорствующихъ въ вѣрѣ—«калакутовъ». Составлена нѣкіимъ Васькомъ Ткачомъ около 10-ти лѣтъ тому назадъ и нынѣ ставшая народную пѣснею въ Сѣдлецкой губернія. Поется такъ, какъ извѣстные «Грэчаныки».

1.
Ось я бувъ едного разу
Въ гостяхъ у старосты
И тамъ слухавъ, якъ спивалы
Дывну письню госты.

2.
Хоръ послѣ каждаго куплета.
Ой слухайтэ, добры людэ,
Що то мае буты?
Отъ повсталы мэжы намы
Якись калакуты!

3.
Добрэ уха я наставывъ,
Що спивалы—пэрэйнявъ,
А потимъ, помысливъ трохи
И ту письню запысавъ.

4.
Послухайтэ-жъ тую письню,
Тутэшніи людэ:
Въ юй нэ думка и нэ байка,
Тильки правда будэ:

5.
«Ой у Клыма—калакута
Вула дивка здрила,
И до дивки хлопця взяты
Вжэ пора прыспила...

6.
Тай прыспила вжэ пора
Зятя пошукаты,
Но нэ хтивъ нашъ Клымъ у цэркви
Дочци шлюбу браты...

7.
Калакуты—баламуты
То така полова:
Занэхалы свою виру
Й быгуть до Кракова!..

8.
До Кракова нэбы идуть
Молодыхъ винчаты:
Поблукають тры дни въ лисы
Й стануть таньцюваты!?.

9.
Нэдалэко одъ сэла,
Въ лисы, щэ й за бродомъ,
Тамъ стояла една хата
Зъ калакуцькимъ родомъ...

10.
Бувъ въ тій хаты хлопэць дыкій,
Що й цэрквы боявся,
Нэ гля кого нэ потрибный,
А гля Клыма здався!?.

11.
Ой и здався винъ гля Клыма,
Здався чэрэзъ тое,
Щобъ послаты до Кракова
На шлюбъ дурнювъ двое!..

12.
Отъ въ Вивторокъ сэрэдъ ночы,
Въ хаты, коло броду,
Тамъ зробылы калакуты
Вэсильную згоду...

13.
Була згода ихъ такая,
Якеи й нэ чуты:
Тры дни въ лисы постояты,
А потимъ вэрнуты.

14.
Бо Кракова стиль нэ выдно,
Щэ й грошы бракуе...
А у лисы коло дуба
Якійсь ксёндзъ шлюбуе!?.

15.
Ой то ксёндзъ, святый старушко,
Зъ «Кшакова» самого!
Трэба тильки знаты даты
До Мошка рабого...

16.
Мошко ксёндза сэрэдъ ночы
Зводэ коло дуба...
И нэ трэба такъ далеко
Ихаты за шлюбомъ.

17.
Якъ сказала, такъ зробыла
Рада калакуцька.
Ой и выйшло-жъ зъ того всёго
Смыховыско люцьке!..

18.
Впригъ кобылу Клымъ слыпую
До старого воза
И поихавъ винъ до лиса,
Нэбы панъ въ повозахъ...

19.
Молодыи, якъ дви хвыги,
Силы ззаду въ возы,
А спэрэду сивъ самъ Клымъ,
Взявшы въ руку лозу...

20.
—«Вьё! вьё! вьё!.. стара-сывэнька,
Хутнэнько звывайся!
Бо далэко щэ до дуба:
Бэжы—нэ вглядайся!..»

21.
Ихавъ Клымъ, якъ горщиръ,
Цилый дэнь дви мылы
И запхавъ въ лисъ нарэшты,
Що жыды купылы...

22.
Тай, заихавшы смэркомъ,
Ставъ винъ коло дуба...
Ой ты, Клымэ, дурный Клымэ,
Тутъ твоя загуба:

23.
Нэ було щсь въ лисы ксёндза,
Ны рабого Мошка!?.
Молодымъ вжэ страшно стало
И Клымовы—трошка...

24.
Ой чэкалы калакуты,
Чэкалы нэ мало...
Тэмна ничка наступыла,—
Зувсимъ страшно стало!..

25.
—«А-гу!!!.. Мошку, одозвыся!..
Взявъ-жэжъ въ мэнэ грошы...
Ксёнжулюню!.. Молодэнькихъ
Звинчаты я «прошэ»!..»

26.
Ныцъ нэ чуты въ чорнумъ лисы...
Сэрэдъ ночы тыхо.
Втыкай Клымэ-калакутэ,—
Гиршэ будэ лыхо!..

27.
Уже було у впивночы,—
Сова прылэтила,
Закрычила, загукала
Тай на дубы сила...

28.
Отъ вси трое калакуты
Зраву осовилы!
И якъ мышы, зъ пэрэстраху
Подъ дубомъ сыдилы...

29.
Гэй, дурныи калакуты,
Чого-жъ витэ ждэт.?..
Ждитэ, ждитэ!.. Заразъ вбижки
До дому попрэтэ!..

30.
А тымчасомъ нэдалэко
Дэсь вовки завылы!..
Молодыи зъ Клымомъ разомъ
Зовсимъ потрухнилы!

31.
—«Тату! тату!.. утыкаймо!..»
Просять молодыи.
Й поховалыся въ вововы,
Якъ диты малыи...

32.
Якъ почула вовчый голосъ
Клымова слыпуха,—
Забрыкала, затраслася,
Наставывшы уха!..

33.
Ухопывся Клымъ за ужвы—
Слыпа одорвала
И на мисьцю коло дуба
Гупки всё скакала...

34.
Сивъ и батько зъ дытьмы разомъ
Въ возы, якъ попало,—
Зачэпылыся за корчъ—
Пэнькомъ вись зламало!..

35.
А за висью лэйцы трислы—
Слыпа роспроглася
И вовкамъ тымъ на вэчэру
Вбижки понэслася!

36.
Ой втыкала та конына,
Хутко утыкала:
За мынюту просто въ зубы
Тромъ вовкамъ попала!..

37.
Жують вовки старэ мисо,
Зъ голоду смакують
И по вовчый, якъ уміють,
Клымовы дякують:

38.
—«Дякуемо тоби, Клымэ,
За слыпу кобылу.
Бо поправывъ ты намъ добрэ
Нашу вовчу сылу!..»

39.
Нэма чого довшъ чэкаты,
Нэма чого ждаты:
Ны кобылы, а ны воза—
Тра сякъ-такъ втыкаты...

40.
—«Бодай тэбэ, рабый Мошку,
Судна ничъ вдушила!
А щобъ тэбэ, волоцюго,
Люцька крывда вбыла!

41.
Чого-жъ клэнэшъ, дурный Клымэ?
Чого тишышъ биса?
Чуешь? хмара наступае,—
Втыкай далій зъ лиса!

42.
Ой втыкалы калакуты
Корчямы й болотомъ,
Погубылы шапки, шматьтэ,
Щэ й чоботы потомъ...

43.
Скрывавылы, быгучы тамъ,
Всэньки разомъ трое:
Дивка—носа, хлопець—губы,
Клымъ—ухо едное...

44.
А було вже пэрэдъ свитомъ,
Хмара подступыла,
Гуло въ нэбы... Й блыскавыця
По лисы свытыла...

45.
Й якъ зорвалась страшна бура—
Земля застогнала,
А на нэбы скризь навколо
Блыскавыця стала...

46.
Якъ зачалы пэруны
Бэзъ устанку быты,
А за имы шура бура
Дэрэва̀ ломыты,—

47.
Годы було вжэ втыкаты—
Ноги всимъ помлилы...
Клымъ зъ дочкою и хлопчына
Бэзъ памяты силы...

48.
«Тра-та-тахъ!!!» и гопнувъ пэрунъ
Въ дэрво надъ дурнымы...
Отъ и сталы калакуты
Нэмымы й слыпымы!..

49.
Откотывся Клымъ въ калюжу...
Молодыи змлийлы,
И бэзъ духу, лэдь жывыи,
До часу цяпилы...

50.
Поцяпилы, покиль сонцэ
На нэбы заграло..
А потимъ всё краёмъ лиса
До дому втыкалы...

51.
Отъ на нэбы вжэ высоко
Сонцэ свитыть, грае,—
Выдно людюмъ, якъ зъ Кракова
Дурный Клымъ втыкае...

52.
—«Дывысь! дывысь! кумэ Грыцю,
Що то... хмъ... такое?..
Ны то людэ, ны то свыны
Быгуть зъ лиса трое?»

53.
—«Э, нэбожэ, кумэ Иванэ,
Цыть!.. Горилка будэ...
То вэртаюцьця зъ Кракова
Нашы свiйськи людэ...»

54.
—«Хе! хе! хе!..»—«А, буймэ, трэба
До часу мовчиты,—
Мо—и вдасьця въ того Клыма
Горло помочыты!..»

55.
Ой, горилко ты пэкэльна!
Чого ты нэ вкрыешъ?
Исы правду, а за ею
Крывду скризь всё сiешъ!..

56.
Отъ въ Нэдилю, по надъ вэчуръ
Якесь дыво стало,—
Бо въ туй хаты що за бродомъ
Вэсильле заграло!!??...

57.
—«Ты-ли-ли-лю!.. Вумъ! бумъ! бумъ!»
Скрыпка зъ бубномъ выють,—
Сыдять людэ за столамы
И килышки мыють...

58.
Шкода було всэнькимъ людюмъ
Вэсильле ганьбыты,
Покиль було всимъ занадто
Що исты и пыты...

59.
А за тыждэнь по вэсильлю
Всимъ було видомо,
Якъ втыкавъ Клымъ зъ молодымы
Зъ Кракова до дому.»

60.
Отъ така въ насъ, добры людэ,
Зъ тымъ всимъ установа...
Спытай «Клыма»: «дэ ты издывъ?»
Скажэ: «до Кракова!»

Народныя сказанія: былины, баллады, анекдоты, шутки и проч.

1) На тамтимъ свиты.

... Бувъ соби такій чоловикъ и мивъ винъ сына. Такъ, якъ винъ умэравъ, то казавъ: «щобъ ты, сынку, дарывъ всякаго бидного и ныкому нэ одказувавъ, бо то грихъ».—Умэръ батько; зостався сынъ на ёго мисьцю. Отъ прышовъ до ёго якійсь дидъ и просыть даты пообидаты. Но той дидъ вжэ килька разы бувъ у ёго. Пообидалы. И просыть дидъ того сына до сэбэ въ гостыну: «прыды до мэнэ, любый, въ госты,—щось я тоби тамъ покажу».

Сынъ кажэ: «я нэ видаю, дэ до васъ иты». А дидъ ёму на тое: — «До тэбэ прыбыжыть сывый кинь, и ты на ёго всядь, то винъ тэбэ завэзэ ажъ до мэнэ».

Отъ чэрэзъ килька дни прыбыгае до ёго сывый кинь. Сивъ винъ на того коня и поихавъ. Идэ винъ, иде—и самъ нэ знае, якъ и куды. Тильки бачыть винъ на дорозы, що чоловикъ якійсь трымае на голови плитъ и зъ тымъ плотомъ ходыть...

Поихавъ далій. Знову бачыть, що два хлопцы бьюцьця грудамы въ слупки. Спытавъ, для чого воны бьюцьця, алэжъ нэ вчувъ одъ ихъ одвиту.

Зновучки далій идэ той сынъ. Бачыть, що по вэлыкуй, густій трави ходыть стадо овэчокъ. Исть воно траву, а не повніе: сухе кажнэ звирятко, якъ конопля... А нэвдаль по чыстому полю по пысочку, ходыть друге стадо овэць. Тыи овэчки ныцъ нэ идять, а такію повныи, якъ кормухй... Що бы сэ то значыло, хотивъ поспытаты, оно нэ выдно було жадныхъ пастухивъ.

Отъ завивъ ёго той кинь ажъ до раю и до пэкла. Ставъ винъ на границы, мэжы раёмъ и пэкломъ. И выходыть до ёго зъ раю той самый дидъ. Выходыть и просыть того сына до сэбэ на обидъ. По тимъ обиды ставъ той дидъ водыты ёго по всихъ двэрахъ. Тильки въ одныи двэры нэ пускае...

Допиро той сынъ пытае дида:—«що то такое, що я бачывъ: отъ чоловикъ трымае на соби плитъ»? А дидъ ёму одказуе:—«То такій, що винъ, якъ жывивъ, то грышывъ бэзъ пэрэлыки и казавъ. «на тамтимъ свиты нэхъ мэю душэю хочъ плитъ подопруть,—отъ винъ и мэ вично носыты на соби плота»...

Зновъ пытаецьця сынъ:—«Що жъ тощо два хлопцы бьюцьця ? — «А то тыи, що зъ батька й матэра кепковалы и часомъ ихъ былы. Отъ и муть воны вично бытыся».—«А що жъ то таке худыи и тлустыи овэчки, що по трави и по пысковы пасуцьця»? Дидъ одказуе:—«Худыи—то пажэрны людэ, тыи, що имъ на зэмли всёго було мало. Отъ допиро нэхай вично жэруть—а усэ будуть худыи... А тлустыи—то щаслывыи правэдныки: Имъ тэпэръ исты ныцъ нэ трэба»...

И ставъ таки зновъ просыты той сынъ дида, щобъ винъ упустывъ ёго въ тыи двэры, що булы запэртыи. Дидъ подумавъ, подумавъ и нарышти одчынывъ тыи двэры и впустывъ его. А тамъ було пэкло. Тамъ зобачывъ сынъ одразу свого батька.—«Ой дидулю, дидулю! Вызвольтэ стиль мого тата. Но той дидъ кажэ:—«Ни, нэ можна, муй любый! Якъ я ходывъ по свиты, то винъ мни тильки давъ тры стыпирья цыбули... На, озьмы тыхъ тры стыпирья и подай тамъ батьковы. Якъ вытягнэшъ ёго стыпирьёмъ, то я ёго вызволю». Упустывъ сынъ батьковы тое стыпирье,—батько злапався за ёго рукамы. Тягнэ стыпирьёмъ сынъ батька, алэжъ забувъ на той чисъ (sic) пацёра мовыты.. Ужебъ тильки злапаты батька за руки—но стыпирье тутъ порвалося,—и упавъ гришный батько знову на дно въ пэклы...

Стоявъ коло сыновэи хаты ялэць, а тому розказовы конэць.

2. Хлибъ съ мэдомъ.

Килька литъ тому назадъ бувъ соби такій господаръ и мивъ винъ сына. Якъ винъ умэравъ, то казавъ сыновы:

— «Ижъ хлибъ зъ мэдомъ; щобъ у тэбэ однуть сокира була новая; чоботы—новыи; похвалёного нэ давай ныкому, оно нэхъ тоби дають; а полэ лысàми обкладай, якъ доорэшъ».

Тилько що батько умэръ, сынъ купывъ мэду и сгавъ исты хлибъ зъ тымъ мэдомъ. Чоботы—абы замуравъ, то нэ обэтрэ и нэ обчыстыть, а заразъ купуе новыи. Сокиру—абы поржавила—новую купуе. Похвалён го ныкому ны дае, а полэ, якъ доорэ, то купуе лисъ и лысамы обкладае.

И отъ довився винъ до того за одёнъ рикъ, що й хлиба вжэ не стало. И думае соби: «Божэ муй! що я пораджу зъ собою? Хиба пойду—повишуся!» Но тычасомъ идэ и пытаецьця свого дядька: «Що я почну робыты? Вжэ моя хазяйка пропадэ!» А дядько кажэ:» що таке? Мо-я тоби пораджу».—«Такъ и такъ.. якъ батько умэравъ, то казавъ тэе и сее сповняты—отъ я усэ такъ и сповнявъ, якъ батько казавъ».—«Гэ! гэ!» кажэ дядько.—«Якъ ты поробышъ въ полю одъ раня до полудня—то потимъ мэшъ исты хлибъ, якъ зъ мэдомъ. Чоботы замажэшъ,—то обэтры и обчысть—и будуть новый. Сокира выщэрбыцьця, або поржавіе,—то занэсы до коваля—и будэ новая. Полэ якъ доорэшъ, то коло дороги обгоры—и будэ воно, якъ лисъ зъ краю. До роботы иды навпэршъ одо всихъ, то уси тоби муть даваты похвалёного, а ны ты—имъ... Отъ що тоби казавъ нэбощыкъ батько».

Допиро тильки догадався сынъ, якій то хлибъ зъ мэдомъ и уся батьково наука. Послухавъ дядька и за килька литъ ставъ першымъ богачомъ.

---

3. Розбійныкъ видъ яблынёю.

... Отъ якъ то колысь діялося на свиты. Бувъ соби якійсь чоловикъ, а жинка ёго була пры надіи. Поихавъ винъ въ дорогу далэкую и гэтъ въ чужій сторони въихавъ въ такую глыну, що ныякъ ёго кинь нэ мигъ зтамтиль воза вытягчы. Дэсь ввявся и прышовъ тогды до ёго кульгàвый чоловикъ. И говорыть винъ тому чоловиковы: «Подаруй мэни тое що ты нэ видаешъ вдома, то я тоби вытягну воза зъ глыны».

Той чоловикъ подумавъ соби: «що я нэ видаю? я всэ знаю, що въ мэнэ е вдома»... А ёму того и на вми нэ було, що ёго жинка мае родыты сына. А потимъ винъ и кажэ кульгавому! «добрэ,—дарую тоби тое, що я вдома нэ знаю». Отъ и подаровавъ кульгавому, нэхотячы и нэзнаючы, свого сына. А кульгавый запысавъ его сына у сэбэ.

Прыихавъ той чоловикъ до дому зъ далэкеи дороги. Якъ побачывъ, що жинка породыла сына, то допиръ тильки догадався, щò винъ подаровавъ и кому,—свого риднёго зына нэчыстому!.. И винъ въ таку тугу удався, що нэ радъ бувъ и жыты на свиты.

Черезъ пять литъ оддавъ того сына въ школы. Той сынъ учывся въ школахъ до двацьцяты литъ и вывчывся за ксёндза. Килька разъ прыиждживъ винъ до батька въ госты, покиль щэ учывся въ школахъ. Тилько якъ прыидэ до батька, то батько ныцъ до ёго нэ одзываецьця. Едного разу пытаецьця винъ у батька: —«Чого витэ, тату, такіи смутныи и ныцъ до мэнэ нэ говорытэ?»

А батько и одказуе ёму: «Такъ и такъ зо мною сталося... Я тэбэ, сынку, подаровавъ нэчыстому, якъ—ио тэбе маты порадыла. Винъ—той и запысавъ тэбэ въ пэклы у свои запысы».

Алэжъ кажэ той сынъ:—«Нэ журитдся, тату! Я тыи запысы достану отъ ёго, якъ мэнэ отъ хутко высвятять за ксёндза»...

Нэбавомъ и посвятылы того сына за духовного. И якъ ёго высвятылы, то винъ взявъ свячонэи воды, кропыло и крыжа и пошовъ ажъ до пекла одбыраты своихъ запысувъ. Идэ винъ, покиль можна було, дорогою, а потимъ прышовъ въ такій гус-

тый лисъ, що й звирову трудно пролизты. Пэрэжэгнавъ крыжомъ пэрэдъ собою, святэнэю водою покропывъ и лэхко пошовъ по лисы.

Идэ, бачыть—стоить въ лисы хата. Вступывъ до хаты, а въ хаты сыдыть тильки одна баба. И просыцьця винъ въ тэп бабы на ничь. А баба кажэ:—«Нэ могу я тэбэ прыйняты, бо въ мэнэ сынъ розбійныкъ: винъ тэбэ зарижэ».—«Ни, бабуню: Богъ помылуе усихъ насъ.. Выкидай за пиччу дрова, то я тамъ лягу, а ты мэнэ дровамы прыкрыешъ»... Такъ и сталося.

Прыходыть сынъ розбійныкъ и кажэ матэры:—«Фэ! фэ!... присна душа тутъ есть якаясь». Якъ ставъ по всій хаты ходыты и все роскидаты,—роскидавъ и дрова за пиччу. Дывыцьця—а тымъ тильки одны чоботы лэжать и въ ихъ ноги—тильки, покиль духовна особа нэ свячона... Взявъ и накидавъ знова дрова за пиччу. Потимъ повэчэравъ и лигъ спаты.

Вставъ въ рано разбійныкъ и дывыцьця, щò въ ёго хаты ксёндзъ сыдыть. Допиро ставъ той розбійныкъ пытаты того ксёндза:—«Куды панъ-отэць такъ идэ, що нэ обыйшовъ нашэи хаты?»—«До пэкла»—одказуе ксёндзъ—и розказавъ ему усэ съ порядку, якъ воно сталося. И отъ скильсь узялося сумлэньне у розбійныка: прыганувъ винъ соби свои грыхи, и кажэ:—Жэбъ панъ отэць булы такъ ласкавы, зобачылы—кильки у пэклы моихъ грыхивъ записано».—«Добрэ,—побачу».

Идэ ксёндзъ далій и доходыть до самого пэкла. Якъ побачылы ёго чорты, такъ и позачыняли вси брамы у пэклы. Ставъ ксёндзъ коло пэршэи брамы, пхнувъ крыжомъ, покропывъ свячонэю водою—и вси брамы поодчынялыся. Зайшовъ въ самэ пэкло. А тамъ висыть на ланьцюховы найстаршый чортъ, Анцыхрыстъ.

Якъ ставъ той ксёндзъ ёго кропыты свячонэю водою, ажъ ланьцюхъ затрыщивъ—такъ вывся и вэрэщивъ Анцыхрыстъ.—«Давай мои запысы!»—«Въ мэнэ нэма!»—кажэ Анцыхрыстъ. Допиро почивъ кропыты ксёндзъ другого нэчыстого Люцыпэра. И той кажэ такъ само: «въ мэнэ нэма'»—«А хто-жъ зъ васъ, проклятыхъ, мае мои запысы?»—Кульгавый! Кульгавый!»—обадва разомъ кажуть найстаршы чорты.

Дэсь знывидкильсь выскочывъ и Кульгавый.—«На, бэры твои запысы—тильки нэ кропы хочь мэнэ!» И кинувъ ёму запыску. А ксёндзъ, взявшы запысы свои, щэ пытае: «А кому зъ васъ належыть той розбійныкъ?»—«Мэни»—кажэ Кульгавый—«грыху въ ёго бильшэ, якъ волисъ на голови!» Отъ ксёндзъ хтивъ ужэ и Кульгавого покропыты, но той одскочывъ и кажэ: «бэры соби и розбійныка, а нэ кропы!» Ставъ выходыты ксёндзъ зъ пэкла, а мэншыи чорты знову позачыняли вси брамы: хтилы духовного тутъ умучыты. Еднакъ ксёндзъ знову пхнувъ крыжомъ въ пэршу браму и цилымъ выйшовъ зъ пэкла.

Идучы назадъ зъ пэкла, вступывъ ксендзъ до розбійныка.—«А що, доставъ панъ-отэць свои запысы?»—«Доставъ».—«А побачывъ, кильки тамъ у мэнэ грыхивъ?»—«За розбій и крадижъ маешъ три вики въ пэклы горіты!... Сповыдайся, то вызволю тэбэ одъ Кульгавого».—«То высповыдайтэ мэнэ, панъ-отэць»,—и розбійныкъ упавъ ёму въ ноги.—«Возьмы»—кажэ ксёндзъ—«тый кій, що позабывавъ есь чужы людэ и иды въ лисъ,—шукай тамъ того кія, що имъ—есь забывъ свого брата».—Той взявъ тый кін и вынисъ ихъ въ лисъ. Шукавъ, шукавъ того кія, що забывъ брата, и знайшовъ. А той кій бувъ яблынёвый. Взявъ ксёндзъ того кія и вткнувъ ёго въ землю и кажэ розбійныковы: Вклякны—му тэбэ сповыдаты». Высповыдавшы, потимъ кажэ: «Клячы коло того кія. Якъ той кій прыймэцьця, то я прыйду и тогды тэбэ прычащу».

Пошовъ ксёндзъ до дому, а розбійныкъ, уклякнувшы, зоставея коло кія. Чэрэзъ килька литъ вжэ той ксёндзъ и забувся, що винъ высповыдавъ розбійныка, а нэ прычастывъ. Алэжъ такъ попало тому ксёндзовы знову ихаты чэрэзъ той лисъ. И такъ ёму въ лисы запахтилы яблыка, що винъ тутъ застановывся на хвылю. А ихавъ той ксёндзъ зъ святымъ прычисьтёмъ до слабого. Застановывся, увуйшовъ трохи далій въ лисъ и бачыть пэрэдъ собою вэлыку густу яблыню. На юй яблыка, якъ зоры на нэбы горять—такъ густо ихъ и таки уси хорошы. Глянувъ пидъ яблыню,—а тамъ клячыть на колинахъ старэнькій, сывэнькій дидъ. Навбыколо обрисъ винъ травою, зильлёмъ и квытками. Отъ допиро ксёндзъ прыганувъ соби того розбійныка. Ныць винъ нэ одзывався до духовного, тильки руки зложывъ нà-крыжъ на грудёхъ, якъ пэрэдъ прычисъ-

тёмъ. Прыганувъ соби ксёндзъ усэ давнійшэ, доставъ святу Дару и допиро прычастывъ того розбійныка. Потимъ поблагословывъ ёго крыжомъ, а розбійныкъ розсыпався порохомъ...

---

4. Ворожбытка Хмэлыха.

(Быль).

Вона такая ворожбытка, що на малыи диты плачъ накидае. А якъ зхочэ, то можэ той плачъ и одойняты. Якъ накинэ плачъ на малое, то будэ воно плакаты день и ничъ, покиль до еи нэ прынэсуть. Якъ ужэ нэсуть до еи, то бэруть зъ собою пивкварты горилки и прыкуску. Якъ бачыть Хмэлыха вэлыкого запола у бабы, то вжэ одразу вылазыть зъ-за пэчы и пытаецьця:—«А чого витэ, дытки, прышлы?».

— «Ой, бабульку,—такъ и такъ намъ зробылося. Вчора,—вжэ сонэчко було надъ заходомъ,—нашэ маленькэ щось почало вэрэщиты; ще й до сеи поры вэрэщыть. Можэбъ витэ радоньку ёму яку далы?»

— «Ой, дытынко,—дамъ, заразъ дамъ».

Бэрэ тую дытыну, дмухае на голову, плюе чэрэзъ плэчо назадъ, лыжэ языкомъ лоба у малого и кажэ:--«Ой, муя дытынко! Якій лобъ солоный,—булобъ умэрло, якъ-бы булы задавнылы»...

Зара тая кобита—пивкварты горилки на стилъ и прыкуску. Выпылы горилку, здзилы прыкуску и щэ тая кобита дае Хмэлысы въ руку нышкомъ пиврубля. Допиро Хмэлыха кажэ кобиты: – «Можэ въ вашумъ сэли есть такіи хлопцы, що до війська пуйдуть сеи осэны, то скажитэ имъ, нэхъ прыходять до мэнэ: я ихъ вызволю зъ війська».

Прыходыть кобита до дому. Дытя въ дорозы змучылося й заснуло: нэ плачэ ужэ!—«О, то добра ворожбытка! Пуйду скажу хлопцямъ, нэхъ идуть». Сказала едному хлопцёвы. Той-жэ и пушовъ до тэи Хмэлыхи. Зайшовъ винъ до еи, а вона кажэ:— «Чого ты, дытятко, прыйшовъ?»—«Ай, бабульку,—такъ и такъ... Я чувъ, що витэ зъ війська ратуетэ».— «А такъ, моя дытынонько... Вжэ я килькохъ одратовала... усёму я даю радоньку... А що ты прынисъ для мэнэ?» Хлопэць выймае и дае Хмэлысы рублыка, пры тимъ щэ-зъ килька фунты сала, що взявъ нэпытаючыся зъ бодни у матэры.

Зара взяла Хмэлыха свячоного настильныка, оддэрла одъ ёго кусочокъ и за мэнюту пошыла ёму торбочку.

— «Щобысь носывъ на соби тую торбынку завждый. Прыдэшъ узавтра—дамъ тоби щэ зилья гля тэи мыщынки».

Потимъ пошептала надъ хлопцёмъ трохи, поплювала, дала напытыся воды зъ свынячэи калюжы и кажэ:—«Гляды, прыходь щэ завтра!» Щэ сонцэ нэ заходыло, а вжэ хлопэць знову пуйшовъ до ворожбытки. На сёй разъ прынисъ бабы кварту горилки. Зновучки стала надъ хлопцёмъ Хмэлыха шэптаты. Шэптала и плювала занадто довго. Потимъ дала хлопцёвы кіёчка зъ осового дэрэва на тры канты обризаного, пэрэвязаного едвабнымъ шнурочкомъ. Дала щэ ризного зилья и килька камэньцивъ. «На, усэ тое въ торбочку засвяжы и носы зъ собою на грудёхъ. Нэ бійся—нэ возьмуть до війська»!

Прыйшовъ хлопэць до дому. «А дэ ты бувъ, — хиба у партянэи богини»?— «Авжэжъ». Хлопэць до остатнёго дня надіявся на ворожбытку. Ставъ тягчы лёсы и акуратъ потрапывъ до війська. Прышовъ до дому на будьтэ здоровы, зобачывъ Хмэлыху и плюнувъ ій въ очы... А Хмэлыха ворожбыткою для того зосталася.

---

5. Мазуривъ сынъ.

Дэсь бувъ соби такій мазуръ, що мивъ вэльмы мудрого сына. Обадва воны булы католйки. Сынъ за вэлыкимъ розумомъ щэ нэ разу нэ бувъ у костэлы. Отъ едного

разу сынъ пытаецица у батька,—якій то костэлъ? Ватько кажэ, що высокій и чубатий. На другу нэдилю сынъ кажэ:—«я тэпэръ пуйду до костэла».—«Но, то йды»—кажэ мазуръ—«А чы видаешъ, сынку, дэ дорога до костэла?—«Не, нэ знаю»—Но тэ иды—я тоби покажу». Выйшлы за сэло. Показавъ ёму дорогу, и пошовъ ёго сынъ до костэла. Идэ, идэ и зайшовъ ажъ до витряного млына.—«Отожъ и костэлъ ма буты», подумавъ мудрый сынъ. Ставъ винъ коло млына, дывыцьця и слухае. А тамъ въ млыни стукотыть, ляскотыть и гудэ. Мудрый сынъ постоявъ, постоявъ коло млына, щось соби помужутивъ и пойшовъ до дому. Прыходыть, и пытае ёго батько:—Бачивъ костэлъ»—«Бачывъ».—«Но що жъ ты та чувъ»?—«А чувъ, якъ старый божыско кажэ: гу-гу-гу-гу!... А вси святыи: ля-та-та! ля-та-та!... ля-та-та!...

---

6. Гонты.

Идэ мужыкъ зъ лиса и вэзэ гонты. Протывъ ёго идэ панъ и пытае:—Чловеку зъ кондъ ты»? А ему мужыкъ кажэ:—«Водай,—тажъ вэзу гонты»!—«Але зъ кондъ ты?— «Тажъ гонты»!! Разсэрдывся панъ: — «Ты хлопъ глупи»! А мужыкъ на тое: «Тажъ мы обое вкупы»... (Вмѣстѣ).

---

7. Цыганъ-косаръ.

Едёнъ господаръ найнивъ робитныка косыты за два золотыхъ. А той наёмныкъ бувъ цыганъ. Косыть цыганъ, косыть, а всё поглядае до дому: чы господыня нэ нэсэ полуднаты. Вжэ сонцэ добрэ съ полудня скотылося, ажъ идэ нарэшты хозяйка съ полуднёмъ. Кличэ вона цыгана до мыски. Цыганъ прыбигъ, наився, и щэ трохи всталося того полудня. Хозяйка була скупая и кажэ цыгановы: — «То вжэ, дядьку, разомъ и повэчэрайте». Цыганъ здзивъ рэшту полудня и повэчэравъ. Хозяйка пошла до дому, а цыганъ лигъ спаты. Ввэчоры пытаецьця чоловикъ цыгана: «Що ты по полудню скосывъ»? А цыганъ одказуе: «Щожъ по вэчэры роблять? — спять. Я пополуднявъ и повэчеравъ разомъ, а затымъ лигъ спаты.

---

8. Камэнь и лыка.

Було соби два браты,—одёнъ богатый, а другій убогій. Такъ одъ того богатого до убогого ходыла доля одгороваты поля. Отъ убогій разъ зробывъ на еи засядку и злапавъ еи въ ночи. Злапавъ и пытае:—«Що ты за една»? А вона кажэ:—«Я твого брата доля, прышла ораты ёму поля».— «А де-жъ моя доля»?—пытаецьця той бидный.—«А вона»—кажэ—«тамъ мэжы панамы въ карты грае».—«А заведы-жъ мэнэ, дэ вона е». Заводыть. А вона, правда, що въ карты грае.. — «Хмъ»... — кажэ бидный—«а чомъ ты нэ идэшъ такъ мэни поля «ораты, якъ у мого брата орэцьця»? Его доля одказуе:—«Хурмануй, то й я тоби буду допомогаты»!...

Допиро убогій продавъ свое хадзяйство и купывъ соби коныска сякого-такого и якого-лэнь воза. Посадывъ свою долю въ визъ и пунхавъ. Идэ, идэ, — бачыть, що попэрэду ёго панъ шисьцёма киньмы жэнэцьця.

Отъ тому пановы стало за-встыдъ, що за имъ скризь идэ мужыкъ быля якимъ повозомъ и ныякъ ззаду одъ ёго нэ одчэпыцьця. Той панъ розсэрдывся, злизъ зо свэи брыки и вкотывъ мужыковы камыня на визъ, щобъ винъ вольній ихавъ. А доля кажэ убогому:—«Маешъ камэня, —тэпэръ идь въ лисъ и надэры дубовыхъ лыкъ — зъ того збогатіешъ». Такъ и здробывъ убогій, а потимъ поихавъ на ярмарокъ продаваты того камэня и ты лыка. Въ дорозы камэнь ставъ срибломъ, а лыка—сыровцёмъ.

Бувъ на тимъ ярмарци и той самый панъ. Бачыть винъ, що мужыкъ продае срибло и сыровэць, то прышовъ тое куповаты. Торгуе, торгуе,—нэ можы купыты, а

той убогій кажэ: — «Дай панэ, мени свою брычку зъ киньмы, то я тоби отдамъ усэ, що маю на возовы». Добрэ, — згодылыся. Отъ той чоловикъ зо свэю долэю сивъ на брычку и поихавъ. Вжэ бильшъ ёго панъ нэ бачывъ.

Той панъ прывизъ срибло и сыровэць до сэбэ до дому. Вдома давай пэрэдъ жинкою хвалытыся тымъ, що мае кусыщэ срибла и сыровэць. — «Покажыжъ мни» — кажэ жинка — пани. А панъ кажэ: — «ютро я тоби покажу». На другій дэнь прыходять до шпыхира панъ зъ панею. А тамъ лэжать — камэнь и лыка.

---

9. Максымъ зъ Малорыты.

(Шутка).

Йдэ чоловикъ чэрэзъ мистэчко. По йиэню зваты ёго Клымъ. Идэ другій назустричь, знаёмый Максымъ зъ Малорыты. — Якъ ся маешъ, Максымъ зъ Малорыты! Дай-но покурыты, то будюмъ говорыты»! — «А, якъ ся маетъ Клымэ! Дай щэ єдного, то насъ тры мэ»! — «Гэ! Дурный ты гдэю! Поговорымо й двое». — Силы, — покурылы, що милы — поговорылы. И пойшлы: до дому — Клымъ, до Малорыты Максымъ.

---

10. Дурный Иванъ.

(Золотая рыбка).

... «А й въ насъ знають казку о дурнимъ Иваньковы, тильки що нэ зъ кныги вона, а чувъ я еи одъ риднеи бабули. А моій бябули розсказовала тую казку щэ еи бабуля...

Було въ батька, а якого — то нэ видомо, — тры сыны, двое розумныхъ, якъ каждый зъ насъ, а трэтій дурный Иванко. Едного разу двое розумныхъ бративъ поихалы на килька дёнъ на ярморокъ. Дурному-жъ казалы: — «Ты будь вдома и слухайся, що тоби скажуть — тое й робы. За добрый порядокъ вдома купымо тоби чэрвоного каптана». Отъ и поихалы воны на ярморокъ.

Зара молодая братыха кажэ Иванковы: — «пуйды но ты, прынэсы воды!» Той и пуйшовъ по воду. А дурному, знаетэ, завждый счисьтє! Пуйшовъ, зачэрпнувъ воды и злапавъ золотую рыбку. Чомъ вона дурному досталася — того ныхто нэ ростолкуе. Отъ стала тая рыбка просыты дурня: — «Одпусты мэнэ, Иванку, назадъ! Я тоби потимъ стануся въ велыкій прыгоды». А винъ гукнувъ на еи: — «А въ якій ты мни станешся прыгоды?» — «А въ якій ты хочъ?» Дурэнь трохи помыслывъ, зганувъ, що видрамы тешко воду носыты и кажэ: — «Я хочу, щобъ видра самы йшлы до дому». Рыбка кажэ: — «Якъ чого схочъ, то такъ завждый кажы: «зъ рыбчынэи гризьбы, зъ мэи присьбы нэхъ будэ такъ!» Дурный такъ сказавъ, и видра самы пуйшлы до дому.

Допиръ Иванко шляпнувъ золотую рыбку назадъ въ воду: ма-буть повирывъ, що вона всё зможэ. — «Плывай соби на здоровье» — кажэ — «о-но гляды жэ сповняй, що я схочу!» — «Будь пэвный!» одказала ёму рыбка вже зъ воды, высунувшы голову.

На другій дэнь выражають дурня хатьни бабы въ лисъ по дрова.

— «О-но хучій прывозь!» кажуть. Добрэ. Ивашко взявъ санки, поодчэплювавъ одъ ихъ голобли, уткнувъ дэсь сэкиру и гикнувъ: — «Зъ мои призьбы, зъ рыбчинэи гризбы — идьтэ санки самэньки!» Сивъ самъ, якъ попало и вдухъ — въ лисы! А тамъ зновучки той самый прыказъ оддавъ: ёму и дрова нарубалыся самыи и наклалыся такжежъ, и санки поихалы до дому самыи, якъ и впэршъ. Алэжъ Иванковы треба було назадъ зъ дровамы ихаты чэрэзъ мастэчко, дэ було мнього люды на рынку. Дурному, видомо, всюды дорога. Такъ Иванко ны кирувавъ свэи хвиры ны вправо, ны вливо — гэть гнався на прощки! А гля того дуже шматъ люды покалычивъ, якъ то въ товпи. Вси въ мисты дывовалыся, що то за прыцудэсны санки, що самыи безъ коня

идуть, дрова и якогось парубка вэзуть! Хтилы злапаты, застановыты, но Иванко зныкъ съ хвирою, якъ слывя.

На другій потимъ злучаю дэнь прышлы зъ того миста людэ до Иванка. Знайшлы ёго хату, заходять туды. Упузналы, що то той самый. А дурэнь на пэчи сыдыть и смиецьця. Пытаюцьця ёго, чы то ты той, що людэ давывъ хвирою дровъ? А винъ каже:—«не!»—А воны на ёго сталы—всякъ. Иванко розозлывся.—«Зъ моеи призьбы, зъ рыбчынэи гризьбы—гоны ихъ коцюба зъ хаты!..» Якъ стала коцюба тыхъ люды лупыты—быты,—геть уси воны и повтыкалы зъ хаты, хто двэрыма, хто окнамы.

Пуйшлы тыи мисьцьки людэ назадъ до миста и тамъ напысалы на Иванка жалобу до самого Цара. «Що такій—отъ тутька находыцьця чоловикъ, що ныхто до ёго нэ можэ прыступыты, бо винъ усяки чуда знае». Царъ отпысавъ: «Накупитэ мышокъ цукеркивъ, то до ёго прыступытэ и домэ нэ его прывозитэ». Воны накупылы и занэслы дурнёвы. Дурэнь взявъ цукерки и дався говорыты. «Идь до Цара» кажуть». Я безъ пэчы нэ поиду ныкуды!» Що зъ дурнёмъ робыты? Напысалы знову до Цара, чы можна Иванковы до ёго ихать на пэчи. Царъ одпысавъ, що можня. Иванко, жуючы цукерки, зновъ гукнувъ той самый прыказъ, що ему рыбка казала и поихавъ на пэчи до Цара. А за Иванкомъ йшла тьма народу. Вси людэ по дорозы выходылы и дывовалыся.—«Що то за чоловикъ, що на пэчи идэ?»—«А то дурный Иванко»—кажуть тыи, що вже его бачылы.

Заихавъ Иванко до Цара. Царъ выйшовъ до его на ганокъ. «А добрэ, що ты прыихавъ»—каже «иды-но зо мною до покоивъ»—«Нэ, я самъ бэзъ пэчы нэ пойду!» Царъ гукнувъ на дурня, налякавъ его,—а дурэнь свое таки:—«Я на пэчи въиду до тэбэ! А ны хочъ, то отъ якъ—бачъ, заразъ утыку!» Отъ и Царъ нэ живъ що порадыты зъ дурнёмъ! Хтячы, чы не, поодчынявъ Царъ усе двэры въ сэбэ—и дурэнь въихавъ зъ пичу до царськихъ покоивъ. Добра тамъ була для Иванка гостына, хочъ винъ и нэ злазывъ зъ пэчы! Ему усэ подавалы на пичъ, а найбильшъ царськихъ цукеркивъ. Кильки винъ тамъ ихъ пэрэивъ, то на тэи и рахубы нэ було!—Царова дочка була зъ имы разомъ. Щось вона сподобала того Иванка. Сподобала и кажэ батьковы: Ожэны мэнэ зъ Иванкомъ». А Царъ за тое вэльмы на еи розгнивався Вона и вскочыла до Иванка на пичъ. И ныхто вжэ не мигъ еи зтамтиль здойняты. Нэ ма чого робыты,—мусывъ ихъ Царъ пошлюбоваты. Якъ побралыся воны обое, то пичъ Иванкова дэсь знықла...

Допиро сказавъ Царъ зробыты вэлыку бочку, и якъ еи зробылы, то самъ Царъ упхнувъ туды въ бочку Иванка зъ дочкою. Потимъ сказавъ: Возьмитэ ихъ зъ бочкою и киньтэ въ морэ». Бочку взялы, заднылы и пустылы въ морэ.

Три рокы блукалы по моры въ бочцы Иванко зъ жинкою. Потимъ прыбылыся до бэрэга. Тутъ Иванко знову сказавъ такъ, якъ рыбка навчыла: «Бочка розсыпся!» Бочка пукла,—и воны обои выйшлы на зэмлю, дэ нэ було ныякихъ люды, тильки гожэ було, якъ у раи. Знову Иванко гукнувъ:—«Стався пукій!» И пукій одразу поставывся, щэ хорошшый, якъ у Цара. Нэ було тамъ тилько жадныхъ прыслугачивъ. Въ тимъ пукоёвы и сталы жыты Иванко зъ жинкою, царевкею дочкою. Звиры и птахи носылы имъ исты й пыты, а пчолы робылы имъ зъ мэду цукерки...

Я тамъ бувъ, мидъ и вына пывъ, цукерки ивъ и зъ Иваномъ говорывъ. Тильки якъ пхнувъ винъ мэнэ, то я зарывъ зэмлю носомъ и ударывся головою въ ялэць,—отъ тій казцы конэць...

---

11. Лисъ и полэ.

Хочэты знаты, для чого то часомъ бувае такъ на зэмли, що зъ того боку сэла—лисъ, а зъ си-того—полэ? Такъ и въ насъ: тутъ вэлыкій лисъ, а тутъ шырокое полэ. А сталося воно такъ отъ для чого.

Бувъ колысь, вэльмы давно, дэсы на свиты хлопэць-сырота. Нэ було въ ёго ны батька, ны матэра. Такъ винъ пуйшовъ далій въ свитъ за службою. Ходывъ, ходывъ, тильки ныгдэ нэ найшовъ добрэи службы. Прыходыть назадъ до свого сэла и вступае

до ридьнёго дядька до хаты. Тамъ и каже дядьковы:—«Прыймитэ мэнэ на службу». Дядько кажэ: - «Колы мэни нэ трэба слуги». Той хлопэць знову кажэ:—«Прыймитэ, будьтэ ласкавы, - буду вамъ служыты цилый рикъ за тры грошы».—«Но то добрэ— служы». Прэслужывъ той сырота у дядьки цилый рикъ, взявъ за службу тры грошы и знову пуйшовъ далій въ свитъ. Такъ само поблукався якій часъ по чужыхъ людёхъ, службы нэ знайшовъ и впять вэрнувся до дядька. На сёй разъ дядько прыйнявъ его до сэбэ на службу за симъ грошы въ рикъ.

Прослужывшы дядьковы два роки и взявшы одъ його за тое дэсять грошы, хлопэць знову пуйшовъ въ дорогу. Идэ, идэ и прыйшовъ винъ надъ ривъ. Ставъ тамъ надъ ровомъ и кажэ самъ до сэбэ: —«Якъ я вирно служывъ, то моя дэсятка сплывэ на вэрхъ воды». Сказавъ такъ и кинувъ свою дэсятку въ воду, а вона и вправды сплыла! Взявъ хлопэць зъ воды свои правдывыи грошы и пушовъ далій. Ишовъ, ишовъ и зайшовъ до якогось миста на ярмарокъ. А тамъ прывизъ чоловикъ такъ само бидный, котыка продаваты. Ставъ той хлопэць пытаты його: «цы то вашъ котыкъ?»— «Муй».—«Продайтэ мни его».—«Купы».—«Що хочэтэ?»—«Дэсятку».—«Ну, то натэ вамъ грошы». Добрэ, сторговалыся обое.

Взявъ хлопэць того котыка и знову пуйшовъ трэтій разъ до дядька просытыся на службу. А дядько кажэ —«Тэбэ едного то озьму на службу, а зъ котомъ нэ хочу. Винъ мэни всэ сало и молоко попсьцъ».—«Не дядьку,—я його му самъ кормыты, а вашого исты винъ нэ мэ». Якъ мэшъ дармо рикъ служыты то прыйму до сэбэ васъ обыдва»—«Но, то добрэ: я му вамъ дармо служыты».

Зостався хлопэць у дядька на трэтій рикъ въ службы. Алэжъ идэ той дядько разъ на ярмарокъ. Наклавъ повну хвиру усилякого добра и пытаецьця въ хлопця нэбы-то на смихъ:—«А можэ и ты що подасы на ярмарокъ продаваты? А хлопэць одказуе:—«Ну, то возьмитэ мого котычка и продайтэ за що-лэнь». Той дядько взявъ котыка и поехавъ на ярмарокъ. Тамъ у миста чуе винъ, що въ другумъ царствы такъ прымудрого Салимона обляглы мыши, що нэ можня рады даты. Слуги його стоять коло шпыхиривъ зъ митламы и то нэ могутъ одогнаты.

«Або-жъ нэма тамъ котивъ?»—пытаецьця дядько.—«А хиба, що нэма»—отказують ёму Заразъ той дядько догадався, що тамъ у прымудрого Салимона можня добрый гришъ взяты за того котыка Продавъ дядько на ярмарци свои пожитки, воза одославъ до дому зъ знаемымы людьмы, а самъ попавъ зъ котомъ до прымудрого Салимона.

Якъ винъ туды заихавъ, нэвидомо, хиба що кораблёмъ, тилько що за килька дёнъ зобачывъ винъ самого прымудрого Салимона.—«Чы правда»—пытае у його дядько— «що у васъ е мныго мышы?»—«О! мныго, мныго»—каже Салимонъ«.—Якъ одратуешъ мэнэ одъ тыхъ звиряткивъ, то дамъ тобы пувбочалокъ злота».—«Дядько и и пуказуе ёму того котыка»—О-той звирыкъ выратуе васъ одъ усихъ мышы—«каже дядько».— А ну-но покажы, якъ винъ мэ ратоваты?» Зайшлы до шпыхирывъ, а тамъ повно мышы, якъ литомъ мухъ! И высоко на полыцяхъ и ныско на подлозы и на стинахъ... И нэ бояцьця никого!.. Якъ пустывъ дядько котыка у шпыхиръ, якъ ставъ той котыкъ мышы душиты, то гэтъ мало що жывыхъ и зосталося. А затымъ рэшта мышы зныкла и бильшъ ихъ нэ було выдно...

Доставъ дядько за котыка барылочко злота одъ Салимона, прыйшовъ до свого царства и въ дорозы думае: —«Цы я ёму (хлопцёвы) оддамъ тое злото цы ни?» Якъ подумае що нэ оддамъ, то зара станэ той дядько нэмымъ и глухымъ, а для того богатымъ, бо пры ёму злото. Якъ подумае, що оддамъ—зновъ станэ говорыты, тильки чуецьця вэльмы бидным, бо тра злото оддаты...

Нарэшты намыслывся на тимъ, що тра злото хлопцёвы оддаты. Прывизъ тыи грошi на чужій фурманцы до дому и каже хлопцевы: - «Иды тамъ на возовы лэжыть барылко злота за твого котыка... Якъ я маю нэмиты за твои грошi, то лишъ бэры ихъ соби». Той хлопэць пуйшовъ до воза, взявъ тое барылко зъ грышмы и пуйшовъ на сэло до стэльмаха. Зайшовъ и просыть його:—«Зробитэ мни возыка». Той стэльмахъ пытаецьця:—«на що?» Хлопэць по порядку и разсказавъ усэ. Мовъ, тяжке барылко,—нэ могу його поднэсты. а мушу на возыкова возыты. Зробывъ стэльмахъ во-

зыка, доставъ за тое чэрвинця, вкотывъ барылко на возыкъ, добрэ ёго приладывъ и повизъ хлопэць тое злото въ дорогу...

Вэзэ винъ тыи грошы по дорозы и самъ соби нэ знае, дэ и нащо винъ нхъ вэзэ. Алэжъ на зустрйтъ ёму вызуть людэ мышокъ того пахущого, що то въ кадяльныцю ксёндзы кидають. Хлопэць кажэ:—«Продайтэ мни тоэ, що витэ вэзэтэ». Тыи одказають:—«Но, то купы». Хлопэць одразу и оддавъ имъ цилэ барылко злота за тое пахущэе. Знову людэ пытаюцьця:—«Дэжъ тобы тое ссыпаты?» А винъ кажэ:—«одэ, пудъ корчомъ ссыптэ». Тыи взялы и ссыпалы ёму его добро пудъ корчомъ. Допиро той хлопэць выкрэсавъ огню и запалывъ тое пахущэе усэ одразу. Воно покиль горило и досягало ажъ до нэба, то хлопэць тымъ часомъ заснувъ коло огню. И гэть на усёй свитъ пуйшовъ такій запахъ, що вси людэ дывовалыся. Спыть хлопэць коло того огню килька годынъ, ажъ-та слухае, що хтось ёму въ голови драпае. Винъ прочкнувся и дывычьця—а то—ганёлъ...

Отъ дупиръ ганёлъ кажэ ёму:—«Идимо на тэ мисцэ, дэ була твоя батьковщина». Пуйшлы воны въ тое самое сэло, дэ хлопэць родывся и служивъ у дядька. На тймъ мисьцю, дэ була его батьковщына, росла тилько една кропыва: ныщъ нэ зосталося. Зайшлы. Зара ганёлъ взявъ свого кія и пэрэхрэстывъ его батьковщыну - отъ того зробывся на тймъ мисьцю вэлыкій пукій, якого людэ щэ ныколы нэ бачылы.—«Що то такое?»—дывовалыся людэ: «бувъ тутъ чыстый пляцъ, а допиро отъ яке дыво!» А ганёлъ имъ каже:—«То надгорода сыроти за тое що винъ вирно служивъ и правдыво жывивъ на свиты».

Того кія ганёлъ зоставывъ хлопцёвы.—«На тоби его»—кажэ—«що тилько зхочъ—усэ тимъ кіемъ зробышъ». Почулы о тймъ кіёвы и хлопцевы уси людэ и паны и стали до сыроты зыходытыся. Навпэршъ прышовъ панъ, що въ его мнйго було поля, а нэ було лиса. Винъ хотивъ щобы и лисъ бувъ и щобъ полэ було. Сырота хлопецъ пуйшовъ до пана, махнувъ тамъ по одёнъ бикъ кіемъ—и зробывся густый лисъ!.. Потймъ прыйшлы до ёго людэ зъ вэлыкихъ лысйвъ сталы просыты, щобы у ихъ було бильшъ поля. И тамъ хлопэць махнувъ килька разъ кіемъ и стало зъ того боку полэ а зъ того—лись.

Потимъ хлопецъ пуйшовъ скризь свитомъ, шобъ помогаты людюмъ, въ чимъ трэба. И дэ тильки бачывъ, що мало лиса, заразъ тамъ махавъ кіемъ въ едну сторону—и становылося навпилъ поля и лиса. А дэ бачывъ що мало поля, робывъ такъ, що бувъ лисъ, було и полэ.

И тэпэръ той хлопэць-сырота щэ ходыть по свиты въ далэкихъ сторонахъ. А ёго пукій стоить такъ, що ёго ныкому нэ выдно.

12. Попивъ слуга.

(Шутка).

Якъ я служывъ у попа, то я рубавъ разъ дрова. Якъ ударыла мэнэ драга въ колино, то я покинувъ полино и ляживъ тры роки на обыдва боки. Ныхто мни исты нэ дававъ. Тйльки разъ прылытивъ комаръ и принэсъ мни молока добрый збанъ. Потомь прылытила муха и прынэсла хлиба пувъ укруха. Якъ мэ прылытила гуса, якъ злапала мэнэ за волоса, то потягнула мэнэ ажъ пидъ нэбэса. А тамъ пидъ нэбэсамы стоить цэркувка, палюхамы побыта, солонынок покрыта. А въ тій цэркувцы трое светычокъ. Пэршэ светычко: Савки Валавки,—що скакавъ чоловикъ зъ жинкою киля лавки. Друге светычко: Дэныса,—що чоловикъ зъ жинкою розыйшлыся. Трэте: Магагона що пуйшла вода зъ пэрэгона и затопила попивъ лугъ.

Дивчынонька чорноброва поихала въ лисъ по дрова чорнымъ воломъ, рабымъ быкомъ,—привязала хвиру лыкомъ.

Сыдыть баба на прыпычку, варыть кашу зъ молокомъ. Сама сэбэ разсэрдыла—трахъ въ колино кулакомъ!

Ой пуйду я въ гай зэлёный, вырубаю кій дубовый, буду мужа вчыты-быты, кобъ нэ ходывъ до корчмы пыты. Была мужа, была—вчыла, до бэрозы прычыпыла, дала ему борщу исты, зъ цыбулькою-татаркою, жэбъ стоявъ симъ дёнъ пудъ лавкою. Стоявъ винъ пудъ лавкою, покиль зарисъ муравкою.

Василій Останчукъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Sarat Chandra Das. Journey to Lhasa and Central Tibet. Edited by the Hon. W. W. Rockchill. London 1902. Стр. X+285. Рисунки и карты. Изданіе Royal Geographical Society.

Въ послѣднее время интересъ къ изученію Тибета особенно усилился, съ одной, чисто географической стороны, такъ какъ Тибетъ еще далеко не достаточно изслѣдованъ, и карты его еще не удовлетворительны, а съ другой, онъ возбуждаетъ вниманіе какъ вѣрный хранитель индійской будійской мудрости и искусства.

Какъ извѣстно, Хласа послѣ Гюка и Габэ остается закрытой для европейскихъ путешественниковъ, не смотря на всѣ попытки русскихъ, англичанъ и другихъ проникнуть въ столицу Далай-Ламы. Не удалось это даже Рокчиллю, несмотря на его превосходное знаніе Тибета и тибетскаго языка. Тѣмъ драгоцѣннѣе являлись свѣдѣнія о Хласѣ и центральномъ Тибетѣ путешественниковъ-азіатовъ съ европейской подготовкою. Среди нихъ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ Саратъ-Чандра-Дасу, бенгальцу, на службѣ англо-индійскаго правительства. Родился онъ въ 1849 году и принадлежитъ къ кастѣ войдыя—врачей. Образованіе получилъ въ Калькуттѣ. Первое свое путешествіе въ Тибетъ онъ совершилъ въ 1879 году и оставался около шести мѣсяцевъ Даши—Лумбо. Въ 1881 г. онъ отправился вторично въ Тибетъ, посѣтивъ на этотъ разъ и Хласу, и пробылъ въ Тибетѣ до конца 1882 года. Описанія этихъ путешествій, хотя и напечатанныя, до 1890 г. считались вполнѣ секретными. Теперь они, очевидно съ нѣкоторыми пропусками, изданы лучшимъ знатокомъ современнаго Тибета Рокчилля [1]), съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ примѣчаній.

Разсказъ очень живой и интересный и вводитъ очень хорошо въ тибетскую жизнь, оттѣняя на каждомъ шагу недовѣріе тибетцевъ къ чужестранцамъ. Эти этнографическія замѣтки, впрочемъ, не систематическія, такъ какъ авторъ не преслѣдовалъ спеціально этнографическихъ цѣлей въ своемъ путешествіи. Цѣли эти были съ одной стороны, главнымъ образомъ, развѣдочныя, съ другой—литературнаго характера, многочисленныя работы Саратъ-Чандра-Даса по тибетско-буддійской литературѣ, помѣщенныя въ различныхъ индійскихъ изданіяхъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ удачно онъ собиралъ научный матеріалъ.

---

[1]) Изъ многочисленныхъ и чрезвычайно цѣнныхъ его сочиненій здѣсь слѣдуетъ указать особенно на слѣдующія:

The Land of the Lamas. London. 1189.

Tibet. A geographical, Ethnographical und Historical Sketch, derived from chinese sources. J. R. A. S. n. s. XXIII. 1—133. 185—291 (1891).

Diary of a Journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892. Washington. (Smithsonian Institution) 1894.

Notes on the Ethnology of Tibet. Smithsonian Institution Reports. 1893 Washington. 1895.

Если несмотря на всѣ эти обстоятельства, испытываешь нѣкоторое разочарованіе, читая книгу Саратъ-Чандра-Даса, то вина лежитъ не на немъ, а на томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время всякій путешественникъ въ Тибетѣ, если ему, затѣмъ, приходится печатать свои путевыя впечатлѣнія и наблюденія. Дѣло въ томъ, что онъ долженъ съ большой осторожностью взвѣсить предварительно, какія свѣдѣнія онъ можетъ печатать и какія нѣтъ, чтобы не рисковать подвести тѣхъ туземцевъ, которые оказали ему болѣе просвѣщенное содѣйствіе и были менѣе скупы на сообщенія. Свѣдѣнія о томъ, что говорится относительно Тибета, могутъ иногда попасть на мѣсто и особенно часто въ совершенно искаженномъ видѣ. Намъ извѣстны случаи, когда содѣйствіе путешественнику искупалось впослѣдствіи туземцемъ дорогою цѣною.

Эта осторожность сказалась въ весьма сильной мѣрѣ и на описаніяхъ Саратъ-Чандра-Даса и дѣлаетъ ихъ иногда чрезмѣрно краткими. Мы не выносимъ изъ книги цѣльнаго впечатлѣнія ни относительно быта жителей, ни относительно духовенства, играющаго такую большую роль въ жизни Тибета. Если понятно первое, ибо автору сравнительно мало приходилось имѣть дѣло со свѣтскими людьми, то относительно второго приходится жалѣть, что авторъ не счелъ нужнымъ подѣлиться тѣми свѣдѣніями, которыя у него, несомнѣнно, были.

Первое путешествіе въ Тибетъ, совершенное европейцемъ, относится къ XIV вѣку; Тибетъ посѣтилъ въ первой половинѣ этого столѣтія францисканецъ Одерикъ, идя изъ Китая. Слѣдующій за нимъ европеецъ былъ въ Тибетѣ лишь три столѣтія спустя. Это былъ іезуитъ Антоніо Андрадъ, его путь шелъ черезъ Индію. Далѣе, въ Тибетъ проникли опять католическіе миссіонеры Грюберъ и Дорвилль. Дорвилль умеръ во время путешествія, но Грюберъ сообщилъ нѣкоторыя данныя о Тибетѣ извѣстному ученому Кирхеру, который, по его указаніямъ, помѣстилъ первое изображеніе дворца Далай-Ламы на горѣ Потала въ Хласѣ въ своемъ трудѣ China illustrata. Изображеніе это, какъ мы можемъ теперь убѣдиться при сравненіи съ фотографіями, чрезвычайно близко къ оригиналу.

Въ началѣ слѣдующаго, XVIII столѣтія мы находимъ въ Тибетѣ опять двухъ іезуитовъ Дезидеера и Сфрейра. Отъ перваго сохранилось въ рукописи описаніе, которое будетъ издано Hakluyt Society. Въ тоже время въ Хласѣ уже жили капуцины, проникнувъ сюда изъ Пекина.

Въ 1723—1726 г. совершилъ путешествіе изъ Индіи въ Хласу, а оттуда въ Пекинъ, голландецъ Самуилъ фанъ ден-Путте.

Около 1760 г. капуцины были изгнаны изъ Хласы, гдѣ произошли около того времени крупные безпорядки, и съ тѣхъ поръ только два европейца посѣтили столицу Тибета—англичанинъ Маннингъ, въ концѣ 1811 года, и французскіе миссіонеры Гюкъ и Габэ (1844—1846).

Съ того времени въ Хласѣ были только тибетскіе пандиты и наши буряты и калмыки, изъ послѣднихъ одинъ База-бакши-хамбо составилъ описаніе своего путешествія, переведенное и изданное проф. Позднѣевымъ (Спб., 1897).

Матеріаловъ по географіи и этнографіи Тибета накопилось много, но всѣ они крайне разбросаны [1]). Сводка ихъ крайне желательна, надо надѣяться, что она будетъ сдѣлана въ Россіи, гдѣ особенно въ послѣднее время такъ сильно возросъ научный интересъ къ великой буддійской странѣ, въ монастыряхъ которой хранится столько драгоцѣннѣйшихъ остатковъ глубокой старины религіозной, и въ горныхъ долинахъ и нагорьяхъ которой жили старые отцы и обычаи, остатки глубокой старины.

Сергѣй Ольденбургъ.

---

[1]) Хорошая сводка путешествій въ Тибетъ въ превосходномъ изданіи Clements R. Markham. Narrativ of the Mission of J. Boyle to Tibet and of the Journey of Th. Manning to Lhasa. 2 Ed. London. 1879.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, томъ XVIII. Наученъ Отдѣлъ. София, 1901, стр. 818+190, съ 3 таблицами.

Наиболѣе цѣнныя работы болгарскихъ ученыхъ, появившіяся въ послѣднемъ томѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, падаютъ на долю археологіи доисторической (Г. Бончевъ, «Мегалитическіе памятники въ Сакаръ-Планина»), классической (Г. Кацаровъ, «Замѣтки объ античномъ Пловдивѣ». В. Добрусскій, эпиграфическіе памятники и т. д.) и средне-вѣковой болгарской (В. Добрусскій—Печати болгарскихъ царей XII—XIV вв.); исторіи старой и новой (Г. Баласчевъ. «Нови извѣстия за черковното вѣдомство на Видинската и Софийската епархия прѣзъ прьвитѣ години на тѣхното завладяване отъ турцитѣ», Е. Спространовъ.—«Матерьялы для исторіи Рыльскаго монастыря»), исторіи права (Г. Данаиловъ, «Единъ паметникъ на старото бльгарско право»), наконецъ, исторіи литературы (А. И. Соболевскій—«О епископѣ Константинѣ», М. Сперанскій—тексты апокрифическихъ завѣтовъ 12-ти патріарховъ, Д. Мариновъ - «іеромонахъ Іосифъ Брадатый»).

Среди работъ по исторіи болгарскаго языка и діалектологіи, на первомъ мѣстѣ стоитъ статья Л. Милетича «Членътъ въ българския и въ руския езикъ» (стр. 1—67), хорошо уже извѣстная по нѣсколькимъ рецензіямъ русскихъ славистовъ. Работа Милетича вызвала цѣлую работу проф. М. Г. Халанскаго «О членѣ въ русскомъ языкѣ». (Извѣстія отд. русск. яз. слов. Акад. Наукъ, т. VI, кн. 3, стр. 127—169). Какъ извѣстно, болгарскій филологъ пришелъ къ выводу объ оригинальномъ, чисто-славянскомъ образованіи члена, въ возникновеніи котораго не могло имѣть мѣсто вліяніе иныхъ языковъ. Что же касается стараго мнѣнія Ф. Миклошича объ этимологическомъ происхожденіи члена въ болгарскомъ и русскомъ языкахъ, какъ остаткѣ сложнаго склоненія существительныхъ вмѣстѣ съ постпозитивнымъ мѣстоименіемъ тъ, и сравнительно позднемъ возникновеніи вообще членныхъ формъ въ разныхъ европейскихъ языкахъ, то Л. Милетичъ признаетъ эту теорію и въ согласіи болгаръ и русскихъ въ постпозиціи одинаковаго члена мѣстоименія видитъ слѣдствіе близкаго сосѣдства обоихъ народовъ въ пору доисторическую. До сихъ поръ связь русскаго и болгарскаго члена какъ-то не замѣчалась, и многіе ученые готовы были видѣть въ болгарскомъ членѣ ѳракійскій элементъ, одинаково повліявшій и на языкъ румынскій. Но въ румынскомъ языкѣ существуетъ еще препозитивный неопредѣленный по значенію членъ, свойственный многимъ романскимъ языкамъ, и это только и смущало предшественниковъ Милетича говорить о вліяніи румынскаго языка на болгарскій. Думать же о заимствованіи румынъ у славянъ постпозиціи опредѣленнаго члена, намъ представляется, все таки невозможно, потому что нѣсколько мелкихъ правилъ объ употребленіи румынскаго члена говоритъ только объ одинаковыхъ условіяхъ возникновенія этой нормы рѣчи и у румынъ и у болгаръ. Прежде всего румынскій членъ [masc. lŭ (lu, lo), le, lui, plur. i (li), lorŭ, fem. a, ei (liei) plur. le, lorŭ] приставленъ былъ къ существительнымъ въ то время, когда они еще не потеряли финальнаго *u* и когда группа ea ua не перешло еще въ простое ua: omŭ-lu, безъ члена om; lucrătoriu-lŭ, безъ члена lucrător; звательный падежъ: omu-le, nume-le и т. д. Отмѣтимъ еще, что имена личныя никогда не принимаютъ члена: Ioan, Vasile, Gheorge; но фамиліи имѣютъ его: Iancu, Radu, Brăteanu и т. д. Въ родит. и дательномъ при всѣхъ собственныхъ именахъ ставится членъ передъ именемъ: lui Gheorghe, lui Radu, a li Dince, ei Tamar, ei Sara, а въ старыхъ текстахъ находимъ такой же словопорядокъ и при именахъ нарицательныхъ: а ей креданц ноастре—(общій принадлежный падежъ), въ то время какъ обычное употребленіе таково: omu-lui, nume-lui, părinte-lui. Въ румынской ученой литературѣ существуетъ нѣсколько мнѣній относительно происхожденія члена (Cipariu, Hâjdĕu, Lambrior, Ar. Deasusianu, Nadejde), и всѣ они сходятся въ вопросѣ о ѳракодакійскомъ происхожденіи его, что мы и должны въ концѣ концовъ принять. По языку мы находимъ большую работу Б. Цонева «Уводъ въ историята на българския езикъ» (стр. 357—425), гдѣ авторъ даетъ общую характеристику болгарскихъ говоровъ. Въ началѣ статьи г. Цоневъ ставитъ вопросы: 1) каковъ былъ болгарскій языкъ въ періодъ отдѣленія его отъ родственныхъ ему языковъ, 2) какъ онъ мѣнялся и развивался въ самостоятельной своей жизни, и 3) каковъ современный языкъ, какъ результатъ всякаго

рода измѣненій. До сихъ поръ вышла только часть обширной работы Цонева по болгарской діалектологіи. Раздѣленіе болгарскихъ говоровъ съ точки зрѣнія разнаго произношенія ѣ, по мнѣнію автора, служитъ доказательствомъ единства болгарскаго языка со всѣми спорными говорами. Изъ его выводовъ приведемъ слѣдующіе: старо-болгарское ѣ—ȁ преизносится какъ е въ западномъ, ȁ—въ среднемъ и а-е въ восточномъ. Вторая группа наблюденій основана на исторіи звуковъ tj-dj; оказывается, что обще-болгарское нарѣчіе даетъ шт—жд, сѣверо-западное—ч—дж и юго-западное—к—г. На стр. 407—409 г. Цоневъ приводитъ очень интересный списокъ словъ въ сѣверо-западномъ нарѣчіи съ ч, замѣняющемъ щ₂ и дж вм. жд₂.

Д. Мирчевъ напечаталъ нѣсколько замѣчаній о кукушко-воденскомъ говорѣ, замѣчательномъ тѣмъ, что онъ представляетъ нѣкоторыя особенности, свойственныя исключительно нарѣчіямъ западнымъ (стр. 426—470).

С. Младеновъ помѣстилъ статью «къ вопросу о языкѣ и національности населенія Новаго Села въ видинскомъ округѣ (стр. 471—506). Къ статьѣ приложены записи двухъ сказокъ и небольшой словарь. Собранный авторомъ матерьялъ вмѣстѣ съ многочисленными печатными свѣдѣніями даетъ выводъ, что въ основѣ этого говора лежитъ сѣверо-западное нарѣчіе наравнѣ съ говоромъ, который распространенъ въ Берковско-бѣлоградскомъ округѣ, при этомъ въ говорѣ Новаго Села немало особенностей македонскихъ. Что же касается словаря, то значительная доля словъ падаетъ на долю сербскаго и румынскаго языковъ.

П. Панайотовъ продолжаетъ сообщать свои наблюденія надъ сливенскимъ говоромъ (стр. 507—523), и его статья служитъ прибавленіемъ къ тому, что раньше было помѣщено въ XVII томѣ Министерскаго Сборника.

Статья К. Спространова о говорѣ города Охрида является продолженіемъ его прежнихъ статей по тому же вопросу.

Статьями по этнографіи разсматриваемый томъ сборника не богатъ. Въ замѣткахъ къ сказкамъ, изданнымъ Шапкаревымъ въ «Сборникѣ отъ български народни умотворения», кн. VIII—IX проф. Пражск. ун. Ю. Поливка подыскиваетъ наиболѣе важныя параллели и комментаріи къ болгарскимъ сказкамъ изъ извѣстныхъ собраній: W. Clouston, Popular Tales and Fiction, E. Cosquin, Contes populaires de Lorraine и давно появившихся. «Kleine Schriften» R. Köhler'a, нѣкоторыхъ версій изъ «Архива» Ягича и Národopisný Sborník česko-slovanský. Намъ казалось бы, что славянскія сказки давно пора сводить къ типамъ классическихъ сказаній вродѣ Мелюзины, Дафны, Язона, Тезея, Гесперидъ, Андромеды, Данаи и т. д., что такъ удачно сдѣлалъ для румынскихъ сказокъ G. Saineanu. «Basmele române in comparatiunea cu legendele antice clasice». Buc. 1895.

Въ статьѣ А. Стоилова «молба за дъждь» (стр. 641—652) находимъ разрѣшеніе интереснаго вопроса: гдѣ и когда атрибуты Перуна были перенесены на Илью, который въ юго-восточной славянской поэзіи является повелителемъ надъ дождемъ. Авторъ знакомитъ читателя съ двумя обрядами, практикуемыми во время бездождія: болг. пеперудо. сербск. додола, хорв. poporuša рум. papaluga (болѣе правильно — peperugă; другія названія promaie и mătăhală, греч. περπερία, περπερίνα и т. д.

Второй обычай носитъ названіе Германъ, Германго, который, какъ думаетъ авторъ нѣсколько напоминаетъ русскихъ Ярилу, Кострому и Марену и не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ Янусомъ, какъ предполагалъ покойный П. Славейковъ.

Сообщ. *А. И. Яцимирскій.*

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Перепечатавъ въ предыдущемъ (II) выпускѣ (въ Смѣси) изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1902 (Сент. и Окт.) нѣсколько статеекъ объ общинномъ землевладѣніи, написанныхъ по поводу совѣщаній разныхъ уѣздныхъ коммисій о нуждахъ сельской промышленности, обращаемъ на нихъ вниманіе многоуважаемыхъ, близко стоящихъ къ народу, читателей и сотрудниковъ Живой Старины. Усердно просимъ ихъ сообщать намъ свои наблюденія объ общинѣ, ея порядкахъ и строѣ, передавать, возможно точно, понятія и мнѣнія крестьянъ о выгодахъ или невыгодахъ общиннаго землевладѣнія и о томъ, въ чемъ эти выгоды или невыгоды заключаются, желаетъ ли наконецъ большинство крестьянъ извѣстной мѣстности упраздненія общины или ея сохраненія, или желаетъ лишь нѣкоторыхъ перемѣнъ, улучшеній, и въ чемъ онѣ, по ихъ мнѣнію, должны состоять. Общинный строй и укладъ жизни, будучи старою и почти отличительною особенностью великорусской отрасли русскаго народа, представляетъ очень важное этнографическое явленіе. Посвященная этнографіи Россіи, Живая Старина долгомъ считаетъ просить всѣхъ своихъ сотрудниковъ разныхъ великорусскихъ губерній и уѣздовъ не оставить ее безъ отвѣтовъ, разъясненій и всякаго рода подробностей, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій. Онѣ особенно важны въ данный моментъ, когда такое крупное и старое явленіе народной жизни подвергается самымъ противуположнымъ обсужденіямъ и толкамъ, когда вопросъ объ общинномъ землевладѣніи разбирается почти во всѣхъ углахъ великорусской области. Этнографамъ-наблюдателямъ представляется теперь много удобствъ для лучшаго опознанія разныхъ сторонъ и особенностей нашихъ общинныхъ порядковъ, различныхъ ихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, видоизмѣненій.

Полученные нами два отвѣта явятся въ I вып. 1903 г.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Глашатаи добрыхъ началъ въ сельской средѣ.

Что современная западно-русская деревня далеко не такова, какою она была хотя бы и за 50 лѣтъ назадъ, о томъ не можетъ быть и рѣчи: ея подъемъ путемъ школьнаго и иного образованія, расширившіяся сношенія съ культурными центрами, наконецъ, отхожее движеніе въ матеріальныхъ цѣляхъ или въ силу обязательствъ, какъ, напримѣръ, исполненіе воинской повинности, привлекли въ деревню то̀, что даже гадательно не предвидѣли не только дѣды. но и отцы настоящихъ насельниковъ ея. Кто лично зналъ прежнюю, скажемъ, дореформенную западно-русскую деревню, знаетъ ее и теперь, тотъ не откажется засвидѣтельствовать, что по ней прошли наслоенія, или скрасившія ея давній видъ до неузнаваемости, или же видоизмѣнившія ея внутренній и внѣшній обликъ, въ которомъ видится подобіе, аналогичное подобію внука и сына съ дѣдомъ и отцомъ. Что̀ именно изъ этихъ наслоеній придало деревнѣ положительные и отрицательные додатки, или что̀, тѣмъ болѣе, оказалось не желаннымъ прилипомъ къ ней—не входитъ въ содержаніе настоящей замѣтки: первыя очевидны, а вторыя . . . между прочимъ, вызываютъ мѣстный протестъ. Вѣдь далеко не тайна такія проявленія, какъ упадокъ семейнаго патріархата, родственные раздоры, неуваженіе къ чужой собственности, легкомысленное отношеніе къ стороннему положенію, введеніе въ обиходъ несвойственныхъ, ненужныхъ предметовъ роскоши, тщеславная погоня за мнимымъ лучшимъ и т. под. Опять же мы не беремъ на себя задачи разсматривать этотъ протестъ, какъ онъ выражается въ приговорахъ мировыхъ и волостныхъ судовъ, въ рѣшеніяхъ семейственной и сосѣдской практики; мы позволимъ себѣ остановиться на не новомъ, правда, христіански-человѣчномъ протестѣ избранниковъ среды противъ того, съ чѣмъ не мирится среда, но съ чѣмъ она не въ состояніи бороться. И надо сказать, что выдающійся голосъ такихъ избранниковъ не остается «гласомъ вопіющаго въ пустыни» и, если онъ не отрѣшаетъ окончательно отъ неумѣстныхъ прилиповъ, такъ неминуемо отрезвляетъ тѣхъ, противъ кого направленъ, подшатывая проявленіе отрицательныхъ сторонъ мѣстной жизни.

Такимъ именно избранникомъ протестующей среды извѣстенъ въ довольно широкой окружицѣ крестьянинъ Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда, села Лаврышёва, Николай Морозикъ, здравствующій и по сей день. Средняго роста, лѣтъ подъ 50, съ едва зачинающеюся сѣдиною темно-русыхъ волосъ, съ добродушнымъ, нѣсколько задумчивымъ лицомъ, со степенною манерностью, такъ пріятно гармонирующею съ его общимъ органическимъ складомъ, Н. М. легко можетъ быть отличенъ даже въ многолюдной толпѣ, хотя онъ и не рвется къ показности, а скорѣе сторонится отъ нея. Земледѣлецъ по преемству, трудолюбивый по мѣрѣ силъ, трезвенникъ съ дѣтскихъ дней, онъ владѣетъ весьма благоустроеннымъ крестьянскимъ хозяйствомъ и въ окрестности

извѣстенъ за человѣка, имѣющаго выше, чѣмъ средній достатокъ Изъ послѣдняго Н. М. считаетъ возможнымъ удѣлять тѣмъ изъ нуждающихся, кто впалъ во временную, но дѣйствительную нужду, и въ томъ случаѣ, какъ человѣкъ умный, не броситъ вспоможенія зря. Зная это, изматавшіеся пропойцы, разоренные сутяжники и т. под. голяки по личной винѣ не прибѣгаютъ къ нему за помощью. Строго религіозный, съ православно-русскимъ проявленіемъ набожности, Н. М. паломничаетъ не въ предѣлахъ только родного уѣзда, но и въ сосѣднихъ даже смежныхъ губерній, избирая для этого дни храмовыхъ или иныхъ нарочитыхъ праздниковъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, при чемъ, съ теченіемъ времени, подобные праздники въ окрестности стали считаться какъ-будто неполными, если почему-либо къ нимъ не подоспѣваетъ Н. М. Однако, его паломничество не носитъ и тѣни паломничества героевъ «Бродячей Руси»: оно не длится даже недѣлями, а ограничивается лишь днемъ храмового праздника, и куда бы ни направился въ такомъ случаѣ Н. М. онъ не прерываетъ любовной привязанности къ родной деревнѣ, своему дому и хозяйственнымъ дѣламъ. Послѣдній, помимо удовлетворенія религіознымъ потребностямъ, ищетъ въ паломничествѣ запаса впечатлѣній и матеріала для своей, народной апостолической дѣятельности. Быть можетъ, во время размѣреннаго движенія паломника, какъ и вообще между дѣломъ, и слагаются тѣ волнующія мѣстное общество рѣчи, которыя Н. М. произноситъ сколько по личнымъ порывамъ, столько, въ особенности, по усердной просьбѣ всегда готовыхъ слушателей, потому что гдѣ бы ни остановился Н. М. тамъ скоро столпляется не кружокъ только знакомыхъ, а жаждущихъ послушать всегда новое, дѣльное слово своего излюбленнаго наставника.

Благодаря удачливой возможности, мы приводимъ ниже два образчика рѣчей Н. М. на двѣ различныя темы. Какъ увидитъ читатель, рѣчи нашего крестьянскаго дѣятеля, прежде всего, имѣютъ обличительный характеръ, а затѣмъ, какъ рѣчи деревенскаго самоучки, не отличаются литературною выправкою, довольно обильно пересыпаны сверхъ того, мѣстными провинціализмами, т. е. словами и реченіями говора уѣзда и губерніи. Между тѣмъ, рѣчи Н. М. старательно записываются окрестными грамотѣями, улавливаются памятью слушателей, при чемъ отдѣльныя мѣста рѣчей сдѣлались модными въ средѣ и окружности, точно народная мудрость, выражаемая въ притчахъ, пословицахъ и поговоркахъ. Какое же дѣйствіе производятъ популярныя рѣчи и слова Н. М.?

Прежде всего необходимо отмѣтить, что Н. М. говоритъ вполнѣ искренно, безъ предвзятыхъ намѣреній оскорбить кого-нибудь лично, говоритъ убѣжденно, какъ человѣкъ опыта, какъ отецъ, кротко наставляющій дѣтей. Темами и предметами рѣчей служатъ ненормальныя уклоненія въ мѣстной средѣ и родномъ быту, и это путемъ звучнаго слова выводится наружу своимъ человѣкомъ, очевидно, не по злому побужденію, а по вдохновенному движенію доброй души наставника. Существенно и то, что и самая форма рѣчей Н. М. всегда стихотворная, столь излюбленная русскимъ народомъ, выливается безостановочно и звучнымъ стихосложеніемъ, такъ какъ Н. М. одинъ изъ тѣхъ «рѣчистиковъ», у которыхъ, «что слово, то и стихъ».

Въ то же время слушатели рѣчей Н. М.—люди невзыскательные, и имъ не приходится разбираться въ недочетахъ стихосложенія. Достаточно того, что рѣчь вполнѣ понятна, отъ обыкновенныхъ рѣчей отличается выдающеюся стройностью, отъ сердца исходитъ и въ сердце же западаетъ.

Будучи человѣкомъ грамотнымъ, Н. М. предварительно записываетъ свои рѣчи, особенно большія по содержанію, и произноситъ ихъ при помощи тетрадки къ которой, однако, прибѣгаетъ относительно рѣдко; большинство же рѣчей имъ произносится экспромтомъ, наизусть. Первая изъ ихъ рѣчей списана изъ сборника стихотвореній Н. М. а вторая позаимствована отъ одного изъ тѣхъ грамотѣевъ, которые, какъ стенографы, записываютъ устныя рѣчи любимаго «рѣчистика».

I.

«Рифма» о куреніи и нюханіи табаку [1]).

Здѣсь будетъ предложенъ вопросъ
По дѣлу трубокъ и папиросъ
И на этотъ же самый предметъ
Будетъ данъ настоящій отвѣтъ.
Да, теперь по городамъ и по деревнямъ
Идутъ такіе вопросы и распросы:
«Отчего всѣ поголовно курятъ трубки и папиросы,
А у остальныхъ табака полны носы?
Такъ что иного носъ
Много на своемъ вѣку табаки понесъ!»...
Теперь табаконюханіе и табакокуреніе
Вошло въ обыкновеніе,
Такъ что иные чуть-ли не голы и босы,
А однако курятъ крѣпко папиросы».
Да, куреніе соблазнъ опасный;
Но курцы считаютъ его за обычай прекрасный.
Иной самъ бацька говбрить: «на, мой сынокъ,
Пусти одинъ дымокъ, покоштуй [2]), што за мядокъ!»
Ну, тымъ часомъ сынокъ люлькою забавляется,
Да мало-по-малу и курить пріучается,
Такъ-что еще бываетъ и невеликій хлопáкъ [3]),
А уже въ карманѣ носитъ спички и табакъ.
Ну, и выростаетъ такой молодецъ,
Что много отдаетъ денегъ на тютюнецъ!...
Сколько иной тратитъ на покупку этого яду!
Лучше-бъ за тѣ деньги выпилъ квасу и лимонаду!...
Да многіе врачи утверждаютъ,
Что курящіе на много лѣтъ себѣ жизнь уменьшаютъ
А опытными учителями наблюдается,
Что у курящихъ учениковъ скоро умъ и память притупляется,
А у некурящихъ умъ и память скорѣй развивается.
Къ доброму дѣлу душа устремляется.
Да и я говорю всему народу,
Что чрезъ сію страсть онъ портитъ свою природу:
Народъ сталъ слабый, хилый, блѣдный,
Позеленѣлъ, что твой пятакъ мѣдный.
Иной, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже изнемогаетъ,
Потому что такъ курить привыкаетъ,
Что не можетъ безъ тютюна жить—
И ротъ его, и языкъ надо нагорчить.
Табакъ и до сердца такъ крѣпко пристаетъ,
Что инший [4]) и ночью курить встаетъ:
И середъ ночи запалитъ лучину или газу [5]),
Да и смбктить [6]) гетую заразу,
И еще такъ буде крѣпко зубами лекотать,
Что ажъ на дварѣ буде чувать;
Иной такъ курить безъ конца—
Вотъ что значитъ привычка до тютюнца!
Иншая жинка дае выговоръ;
«Ишевъ-ба собѣ курить на дворъ,

А то ты уже тютюномъ смярдить
И господарства [7]) свово не глядить.
Ты собѣ такую работу прибралъ,
Что своей люлькой только кишени [8]) порвалъ».
Да, правда, что съ курцомъ большія хлопоты:
Сколько въ году онъ тратитъ времени и работы!
Подъ иншій часъ копну-ба сѣна накосилъ,
Покуль торбу тютюну поскурилъ;
Но курецъ къ тютюну такую мае охоту,
Что закуривать покидае и работу,
Такъ что идеть-ли за плугомъ или за покосомъ,
А люльки всегда мае торчать подъ носомъ!
Давнѣй старые люди при работѣ молитву говорили,
А потому, что меньше курили;
Теперь же колй [9]) онъ буде молитву творить,
Коли ему надо безпрестанно люльку курить?
Давнѣй въ работѣ былъ бо̀льшій успѣхъ,
А теперь горить подъ носомъ огонь—чистый смѣхъ!—
Що рта дымъ, якъ изъ ко̀мина [10]) валйть,
А курецъ цыбукомъ [11]), якъ рулемъ, то въ той бокъ, то въ другой вертйть!...
Кажуть жа, якіе батьки, такіе и сы̀ны —
У всѣхъ иде изо рта дымъ, якъ изъ машины;
Гдѣ хлопцевъ сберется съ десята,
То ужъ дыму буде полна хата,
И при томъ каждый думаетъ курецъ,
Что онъ лучше другихъ молодецъ...
Иншихъ курцовъ жонки страхъ не любють,
Что ихъ мужики въ цыбуки вѣчно трубють;
А покуль онъ огонь сяче—
И слюнка изо рта тяче!..
Охъ, какая это безобраза—
Настоящая зараза!
Вотъ что значить привычка сердечна:
Курцу тютюнъ смачнѣй, якъ яечня! [12]).
Такъ-что, покушавъ яечни, тютюномъ закусить:
Пища была вкусная—курецъ смакъ потушить.
Ахъ, дорогой собратъ! оставь этотъ непотребный ядъ:
Отвыкнешь курить—и самъ будешь радъ!
Курецъ скаже: «ой, какъ отвыкнуть трудно:
Якъ ни нокуришь, такъ робится нудно!..» [13]).
Извѣстно, если всѣ вонтробы [14]) наполнены отравою,
То и трудно разойтись съ такою расправою...
У курца и нюханца никогда карманъ не пустуеть,
Такъ что одинъ другого и въ церкви табакомъ частуеть;
Вышедши изъ церкви, возлѣ церковной ограды,
Наши молокососы и закурить рады.
Трудно узнать: христіане-ли это, или татары?
Но ожидають ихъ неизбѣжныя кары,
За то, что они не почитають мѣсто святости,
И смакують губами горесть вмѣсто сладости!..
Посмотрите на евреевъ, когда они въ школу идуть:
Они ничего подобнаго въ карманъ не кладуть;
Каждый изъ нихъ, идучи на молитву, всѣ прихоти отбросить,
А нашъ братъ идетъ въ церковь—и одинъ у другого курить проситъ...

За каждую утраченную на непотребу монету
Придется въ свое время подпасть строгому отвѣту!..
У современныхъ людей—курцовъ и пьяницъ [15]) карманы пусты,
Но зато корчмарь и лавочникъ довольно тлусты [16])
(Потому что ихъ «присутствіи» [17]) народомъ густы).
По праздникамъ лавки и кабаки всегда набиты,
А храмы Божіи многими совсѣмъ забыты:
Въ праздникъ иншій хозяинъ закурить трубку, пойдеть на торжокъ,
Думае собѣ: буде тамъ чарка водки и пирожокъ.
У многихъ гулякъ съ осени, что день, то пиво и пирожокъ,
А подъ весну—хлѣба нѣтъ—свищи въ кулачекъ
(Вотъ тебѣ и праздничный торжокъ!)
Найдется ли кто съ праздничныхъ дней на будни торги перенести,
Чтобы въ православномъ народѣ темное пятно свести?
Въ храмахъ Господнихъ некому поставить свѣчи за двѣ копейки,
А въ корчмахъ виномъ да спиртомъ обливаются еврейскія скамейки...
Да, пора одуматься и время осмотрѣться:
Скоро наша жизнь съ лица земли сотрется;
Грядетъ часъ и время приходитъ—
Каждый со своими страстями отсюда уходитъ:
И, если здѣсь жилъ безпечно,
Такъ тамъ будетъ страдать вѣчно;
Какое положилъ тутъ основаніе,
Такое создашь себѣ и зданіе...
Да, здѣсь заслуга, а тамъ уже плата;
Тутъ только сѣни, а тамъ—и хата!..
Здѣсь очень просто все сказано
И для примѣра много чего показано
Поэтому слушайте-вникайте
И, что́ возможно, исполняйте;
Хотя въ праздникъ до обѣдни оставьте пить и курить:
Все равно—и такъ можно жить!
Потомъ жалѣть будете много,
Что не слушали ни людей, ни Бога!..
Я вамъ чистую правду представилъ,
Хотя много въ смѣшномъ видѣ составилъ:
Поэтому извините за обличеніе—
Все это сказано вамъ въ поученіе... [18])

(«Рифма», какъ назвалъ приведенную рѣчь самъ Н. М., самолично списана В. Н. Тюльпановымъ 19 іюля 1898 г., автору замѣтки любезно вручена 19 мая 1901 г. въ м. Молодечнѣ, Виленской губ.).

II.

«Стихъ» о семейныхъ и сосѣдскихъ неладахъ [19]).

Иныи люди кажуть: «што ето за лихо—
Нiйдѣ нѣтъ тиха?!» [20])
Андруша кажеть: «што ето за хвороба:
Въ одного кровь идеть зъ носа,
А въ другомъ зъ лоба?!»
Типерь такiй свѣтъ повставъ,

Што одинъ другого до смерти
Кабъ приспѣвъ, дакъ-ба захвоставъ... [21])
Гиперь между народомъ
Нѣтъ милости й пощады:
Всѣ, какъ говðритца,
«Чужой бидѣ рады»...
Одинъ плача, други скача—
Вотъ какая задача!
А на што намъ у чужихъ людей пытать,
Ныли наши и своѐ умѣють мормытать [22])
Ище такъ крѣпко, што до охоты
Могўть и другихъ скликать.
Хуть буде луччи сваритца,
Но тутъ можно и побитца:
А типерь битца и сваритца—
Ни вяликая штука:
Такъ одинъ въ другого и пыняють [23]),
Якъ ни-быть изъ лўка.
Ето, кажа, «якъ у насъ,
Такъ и въ васъ, а всюды кислы квасъ,
Тольки ня кисла капуста:»
Злосна Хвистна, капризна Юста [24]).
Ни сладили языками —
Што день, бьютца кулаками
То въ плечи, то въ груди,
Ажъ смяютца уси люди,
А ето имъ ни пиршинà—[25])
Обѣдви гнутца, якъ былинà.
Съ тихомъ ни напраде починка: [26])
Сваритца за мужемъ—сваритца й дявчинка.
Сваритца Питрунэля, сваритца Анэля [27]),
Одна другій языкомъ меля,
Ни одна ни мовчить—
Кажная кричитъ.
Одна слово скажа,
А другая фигу [28]) покажа,
Да еще такъ спритно [29]) подъ носъ,
Што ажъ синякъ узросъ.
Ну, ето такая штука,
Што ни вяликая наука:
Батька маткѣ, а мать батьку фигу даетъ,
Такъ сынъ съ дочкой ни одну продаетъ.
Ето такая немудрая школа,
Што трудно обойти ее на-окðло!..
Теперь такихъ понаростало молодцовъ—
Такъ и гляди, штобъ не сдѣлали концовъ:
Тамъ стоять съ камнемъ, а тутъ съ кирпичомъ—
И мы отъ нихъ ни втячёмъ;
А тамъ, глядишь, стоять съ ножомъ
На караули, все ровно, якъ съ мечомъ.
Одинъ разъ Змитруку [30])
Одбили правую руку;
Въ други разъ Марку
Дали по окарку; [31])
А въ трети разъ Сумону [30а])

Дали по польскому закону;
Четвертый разъ Гришка
Почестовали изъ-тишка;
Пятый разъ Микиту 30б) поймали—
Чуть на той свѣтъ ни загнали;
Шестой разъ и Сыдару 30в)
Наклали, якъ господару;
Седьмой разъ постарались и для Янка, 30г)
Бо зросъ лобъ, якъ копанка, 32)
А восьмой разъ такъ дали Кондрату,
Што насилу унесли яго въ хату;
Девятый разъ попался Апанасъ—
И етакъ дѣлается во всѣхъ насъ,—
Десятымъ счетомъ получилъ Лукашъ
Въ плечи такъ ловко ботомъ,
Што ночевалъ подъ плотомъ; 33)
Разбили за одиннадцатымъ числомъ
Рыболовцу голову весломъ,
А за двѣнадцатымъ разомъ
Получилъ свое и Пахомъ...
Значитъ всѣмъ досталось вволю—
Всякій получилъ свою долю!—
Кто-либо говоритъ: «только тихо съ женскимъ поломъ!»
Али, небось, шумятъ и жёнки, якъ вода подъ коломъ... 34)
Мужчины сварутца-дярутся,
А потомъ и за умъ бярутца:
Выпьютъ по чарцы-другой
Станутъ опять на ладъ свой—
Тымъ часомъ, якъ подопьютъ,
Такъ ни одного енова прибьютъ—
Никого рука не промахнетъ,
И ничаго добри-таки пхнетъ,
Бо пьяны на все отважны—
Кто знаитъ изъ насъ кàжны:
Чего трезвый человѣкъ страшитца,
То можетъ съ пьянымъ случитца.
Гнусно ето!.. мы зашли въ другіе разборы;
Намъ треба разбирать и бабскіе споры.
Тутъ Катерина съ Грѝшкомъ
Сварутца тѝшомъ,
А тамъ Матѣй за Агату 35)
Кричитъ на всю хату:
«Моя, кажи, Агата
Робитъ и за Кондрата».
А Кондратъ говоритъ: «нѣ!
Въ томъ лучши за мою Ганулю,
Што выполола за день цыбулю..»
Даже старуха—Прузына 36)
Дражитъ быть осина:
Со злости горшки и миски бьетъ,
Што попадетъ, тоя и рветъ...
Почти каждая хата
Враждой-сварками занята;
Рѣдко годъ вмѣстѣ живутъ два брата,
Бо у одного добрая Юста

Любить поварить тлусто,
А у другого Агата—
Языкъ, якъ лопата;
Тамъ у нашей Анэли
Языкъ добри мелитъ;
Тутъ тихая Павлина
Со злости красна, якъ калина;
Да и сама-жъ каже Маруся:
«Што день, то бьюся»;
А то ёсь такая Марцеля—[37])
Не пройдетъ тихо ни обѣдъ, ни вячеря!..
Лучше жить со львомъ, со змѣею,
Чѣмъ со сварливой и злой женою!.. [38])

(«Стихъ» списанъ съ устной передачи слушателей рѣчей Н. М., по порученію автора заметки, 20 апр. 1902 г., въ дер. Вербицахъ, Нечневичской вол., Минской губ., Новогрудскаго уѣзда, б. воспит. Молодечненской учит. семинаріи, Мих. Семенов. Жарскимъ).

Поступивъ въ общественное, такъ сказать, пользованіе, рѣчи Н. М. нѣсколько видоизмѣняются, по крайней мѣрѣ, онѣ, понятыя по существу, передаются со значительнымъ прилипомъ словъ и реченій мѣстнаго деревенскаго говора, что̀ такъ наглядно изъ сопоставленія двухъ рѣчей одного и того же «рѣчистика». Какъ очевидно, «Стихъ» простъ и бѣденъ, не удовлетворяетъ, повидимому, ожиданіямъ. Не то на мѣстѣ: почти любое двустишіе тамъ имѣетъ свою ходячесть, прибавляется въ разговорной рѣчи, какъ пословичный или приточный примѣръ съ прибавленіемъ развѣ оговорки—«якъ каже Микола Морозикъ» [39]).

Выше сомнѣнія рѣчи Н. М., такъ доброохотно выслушиваемыя его многочисленными почитателями и такъ старательно улавливаемыя крѣпкою памятью слушателей, отрезвляютъ среду и, тѣснѣйшимъ образомъ—тѣхъ, у кого «на душѣ грѣшокъ», кто узнаетъ себя въ обличеніи. Въ «до-монопольное» время Н. М. ратовалъ противъ корчемныхъ и кабацкихъ опекуновъ и тѣмъ наживалъ въ нихъ непримиримыхъ враговъ; теперь онъ ратуетъ противъ другихъ анормальностей мѣстной жизни и, вѣроятно, дѣло не обходится безъ недовольства заинтересованныхъ лицъ. Но, какъ тогда онъ достигалъ благихъ результатовъ, точно такъ же онъ достигнетъ соотвѣтственныхъ и отъ своихъ рѣчей на современныя темы [40]).

Побольше бы въ сельскую жизнь такихъ честныхъ, трезвыхъ умственно, безкорыстныхъ Николаевъ Морозиковъ!

Н. Я. Н.

30 января
1903 года.

Выноски и примѣчанія.

1) Такое названіе дано рѣчи самимъ Н. М., который въ остальныхъ рѣчахъ придаетъ имъ безразличныя наименованія то «рифмы», то «стиха».

2) Отъ сущ. коштъ гл. коштовать—отвѣдывать, пробовать (о пищѣ и питьѣ);—стоить (при оцѣнкѣ предмета, при оцѣнкѣ матеріальныхъ тратъ на него).

3) Видоизмѣненіе слова «хлопецъ»—молодой, даже юный парень,—очевидно, допущенное ради риѳмы.

4) Иншій—мѣстоимен.—иной.

5) Газа, зы - сущ. по ж. р,—названіе керосина.

6) Смактѝть и смактàвать—глаг.,—отъ сущ.—смакъ,—смаковать (при пищѣ и питьѣ), сосать (конфекты, леденцы, сахаръ).

7) Господарство—сущ.,—хозяйство; власть и распорядки хозяина.

8) Кишень—сущ. м. р.,—карманъ.

9) Коли—нар.— когда и союзъ—если. Въ слѣдующей строчкѣ слово употреблено въ послѣднемъ значеніи.

10) Коминъ—сущ.,—печная труба и тѣснѣйшимъ образомъ— часть ея, возвышающаяся надъ крышею.

11) Цыбукъ—сущ.,—чубукъ.

12) Яечня—сущ.,—яичница, какъ извѣстно, наиболѣе почетное, лакомое блюдо на крестьянскомъ столѣ.

13) Нудно—нар.,—тошно, дурно; тошнитъ, позываетъ на рвоту.

14) Вонтрòбы и вонтробки—сущ. во мн. ч.,—внутренности человѣка и животныхъ, безразлично—грудныя и брюшныя.

15) Здѣсь рѣчь Н. М. выходитъ за предѣлы темы. Мы оставляемъ «рифму» въ томъ видѣ, въ какомъ она поступила въ наше распоряженіе.

16) Тлустый (чаще—тлусный отъ сущ.—тлусъ),—жирный, полнотѣлый.

17) Ироническое названіе кабацкихъ и лавочныхъ притоновъ.

18) Почти всѣ болѣе длинныя рѣчи Н. М., точно рѣчи раешниковъ, заканчиваются соотвѣтственнымъ обращеніемъ къ слушателямъ.

19) Неустойчивость транскрипціи въ сей рѣчи можетъ быть объяснена шаткостью грамотея, списавшаго ее по устнымъ передачамъ слушателей и желавшаго совмѣстить два требованія—фонетическое и летературное.

20) Нигдѣ нѣтъ мира, спокойной жизни.

21) Буквально такъ: «если бы (когда бы) имѣлъ возможность, такъ засѣкъ бы». Хвостàть—глаг.,—стегать прутьями, плетью;—въ переносномъ значеніи—изводить со свѣта, изживать.

22) Мормотать—глаг.,—бормотать, ворчать (въ недовольствѣ), браниться, хотя послѣднее понятіе выражается словомъ «сваритца».

23) Пынять—глаг.,—(отъ пнуть) швырять, бросать.

24) Искаженныя въ житейскомъ употребленіи женскія имена—Акилина и Іустинія.

25) Пиршинà—сущ.—первинка.

26) Початокъ (онъ же—«простень»)—сущ.,—большое веретено, на которое навивается пряжа съ меньшихъ веретенъ—«ручáекъ».

27) Имена женщинъ р.—кат. исповѣданія.

28) Фѝга и финтòсъ—сущ.—кукишъ.

29) Спритно—нар.,—спѣшно, скоро (отъ сущ.—прыть).

30) Христіанскія имена въ будничномъ житейскомъ употребленіи: Димитрію, а) Семену и Симону, б) Никитѣ, в) Исидору, г) Ивану и проч.

31) Окарокъ—сущ.,—затылокъ.

32) Слишкомъ мѣстное слово—названіе кочки луговой и болотной.

33) Плотъ—сущ.,—изгородь всѣхъ типовъ.

34) Подъ мельничнымъ колесомъ.

35) Агата—имя Агафіи; Ганна—Анна.

36) Прузына—имя Евфросиніи.

37) Марцеля—имя женщины р.-катол. исповѣданія. Сопоставленіе именъ католическихъ съ православными не можетъ показаться удивительнымъ, если вспомнить, что въ Минской губ., какъ и во всемъ западномъ краѣ, есть много семей со смѣшанными вѣроисповѣдниками,—что, прежде всего, происходитъ отъ смѣшанныхъ браковъ.

38) Намъ передавали, что Н. М., любитель церковности и начетчикъ, весьма рѣдко прибѣгаетъ къ Священному тексту изъ опасенія профанировать его, что такъ возможно на устахъ тѣхъ, кои изъ слушателей воспроизводятъ потомъ его рѣчи.

39) Кому извѣстна духовная жажда захолустья (а въ Минской губ. оно покачто широко), тотъ придастъ сему надлежащую оцѣнку, тѣмъ болѣе, что Морозиковскія рѣчи—не наборъ только словъ.

40) По житейскимъ обстоятельствамъ авторъ замѣтки не имѣетъ болѣе возможности слѣдить за дѣятельностью Н. М., не можетъ воспользоваться и его рѣчами, хотя бы и для личнаго интереса; но въ то же время всякое сообщеніе по сему дѣлу авторъ замѣтки встрѣтитъ съ признательностью.

ШЕСТОЙ КОНКУРСЪ

ДЛЯ СОИСКАНІЯ

преміи имени князя А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА.

На основаніи §§ 11 и 13 Положенія о преміяхъ имени Кн. А. И. Васильчикова, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что для шестого конкурса на премію Кн. А. И. Васильчикова въ 1500 р. предлагается на срокъ 27-го Октября 1906 г. нижеслѣдующая тема:

Судьбы общиннаго землевладѣнія со времени отмѣны крѣпостнаго права.

Предлагая эту тему для соисканія преміи князя А. И. Васильчикова, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ руководится убѣжденіемъ, что формы крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія имѣютъ громадное вліяніе на бытъ и благосостояніе крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на развитіе кредита и тѣхъ кооперативныхъ учрежденій, заботиться о преуспѣяніи которыхъ составляетъ задачу Отдѣленія.

Нижеизложенными условіями отъ соискателей требуется не изслѣдованіе вопроса о происхожденіи русской сельской общины и о первоначальныхъ судьбахъ ея, не изученіе всѣхъ видовъ общиннаго владѣнія и пользованія землей, а лишь выясненіе обнаружившихся за послѣднія четыре десятилѣтія его выгодъ и невыгодъ для общинниковъ и для государства.

Сообразно съ этимъ будущій трудъ на тему долженъ заключать въ себѣ:

1. Обзоръ высказанныхъ до реформы 1861 года мнѣній за и противъ земельной общины съ точки зрѣнія выгодности ея для крестьянскаго и государственнаго благосостоянія, а также — выясненіе, какъ былъ поставленъ и рѣшенъ вопросъ объ общинѣ въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ и въ Положеніи 19 февраля 1861 года.

2. Изслѣдованіе: а) существеннѣйшихъ измѣненій въ законодательствѣ объ общинѣ и вліянія на нее этихъ измѣненій; б) степени жизненности общины, въ сравненіи съ другими формами землевладѣнія, при неблагопріятныхъ условіяхъ, особенно въ годы неурожаевъ и иныхъ общественныхъ бѣдствій и в) вліянія развитія желѣзнодорожной сѣти, крупной обрабатывающей промышленности и отхожихъ промысловъ на земельную общину въ мѣстностяхъ: черноземныхъ и нечерноземныхъ, рѣдко и густонаселенныхъ.

3. Выясненіе вліянія Положенія о выкупѣ и особенно размѣра выкупныхъ платежей и прочихъ повинностей на общину.

4. Отвѣтъ на вопросъ: находятся ли въ неразрывной связи съ общинной формой землевладѣнія круговая порука въ исправной уплатѣ окладныхъ сборовъ и отбываніи повинностей, а также стѣсненія въ свободѣ передвиженія?

5. Выясненіе: а) выгодъ и неудобствъ общиннаго землевладѣнія въ настоящемъ его видѣ, въ сравненіи съ подворно-наслѣдственнымъ и хуторскимъ при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, б) средствъ къ устраненію неудобствъ, а также в) условій, при которыхъ общинное землевладѣніе можетъ приносить наибольшую пользу и общинникамъ, и всему государству.

Примѣчаніе. Желательно, чтобы выводы и заключенія по вопросамъ, поименованнымъ въ § 5, были сдѣланы на основаніи мѣстнаго изслѣдованія нѣсколькихъ земельныхъ общинъ, преимущественно въ густонаселенныхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ черноземной и нечерноземной Россіи.

6. Отвѣтъ на вопросъ: совмѣстимы ли желательные успѣхи сельскаго хозяйства съ существованіемъ земельной общины? Можетъ ли Россія при господствѣ общинной формы землевладѣнія соперничать въ прогрессѣ благосостоянія съ другими культурными государствами?

7. Отвѣтъ на вопросъ: возможенъ ли, и при какихъ условіяхъ, переходъ отъ общиннаго землепользованія, въ нынѣшнемъ его видѣ, къ кооперативному земледѣлію?

Сочиненія на вышеозначенную тему для соисканія преміи въ 1,500 р. должны быть представлены въ С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ *не позже 1-го мая 1906 г.* Рукописи обозначаются особымъ девизомъ; имя же автора и его мѣстожительство должны быть сообщены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, имѣющемъ одинаковый съ рукописью девизъ. Рукописное сочиненіе, удостоенное преміи, будетъ напечатано на средства Отдѣленія.

Оглавленіе 48 выпусковъ «Живой Старины» за двѣнадцать лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стр.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стр.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

О т

Критик

1. О
Г
с

И

Сообщ. П. А.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Стр.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Стр.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Объявленія.

Стр.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Стр.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стр.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

